

ЭМОНД

ISSN 0131 — 6656

МАРКИЗ ДЕ САД ■ ФЛОРВИЛЬ И КУРВАЛЬ

ДЕСМОНД БЭГЛИ ■ КАПКАН СВОБОДЫ

10'94

М. А. ВРУБЕЛЬ. Девочка на фоне персидского ковра. 1886 г.

М. А. ВРУБЕЛЬ. Царевна Волхова. 1898 г.

(Читайте стр. 14)

А. Я. ГОЛОВИН. Эскиз декорации к опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов».

10'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 25.07.94.
Подписано к печати 15.08.94.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага «Газетная». Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 167 500 экз. Заказ № 1623.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Рег. №166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

10 (1580) ОКТЯБРЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

62

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. ПОЭТ И МЕЦЕНАТ
Рассказ

94

МАРКИЗ ДЕ САД. ФЛОРВИЛЬ И КУРВАЛЬ
Повесть

176

ДЕСМОНД БЭГЛИ. КАПКАН СВОБОДЫ
Детектив

Поэзия

84

АПОЛЛОН МАЙКОВ

146

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА. РОЗОВЫЕ СТИХИ

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ. ПОДАТЬ И СБОРЩИКИ

73

КТО КУДА — Я В «ГЕРМЕС»!

135

ФОТОВЕРНИСАЖ ДМИТРИЯ БОРКО

154

КРИСТОФ ГЕРМАН МАНШТЕЙН. ВОКРУГ ТРОНА

266

БОРИС КАМОВ. ПОХИЩЕНИЕ ЖИЗНИ

Наука

55

АЗС: СТЕПЕНЬ РИСКА

Беседа с доктором технических наук БОРИСОМ ДУБОВСКИМ

88

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА. ХОД КРОВИ

На нашей
обложке:
Л. С. БАКСТ.
Эскиз костюма
Жар-птицы
к балету
«Жар-птица»
1913 г.
(Читайте стр. 14.)

Культура, музыка, искусство

14

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

50

ВИКТОР РОЗОВ: «НАЙДИТЕ КЛЮЧИК»

76

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА. «ГАРМОНИИ СТИХА
БОЖЕСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ»

132

ТАТЬЯНА БУЛАНОВА: «И ГРУСТЬ, И СЛЕЗЫ»

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

11•94

3

■ **ВАСИЛИЙ РУДАКОВ.** «НЕПОБЕДИМЫЙ»

После двадцатидневного утомительного пути по весенней распутице, 5 мая, Суворов прибыл на своей тележке в родное село Кончанское.

Скучно и крайне однообразно потекла здесь жизнь опального фельдмаршала. Вставал он в два часа ночи и, окатившись холодной водой, отправлялся на сельскую колокольню звонить; служил в церкви заутреню и обедню; в продолжение которых исправлял обязанности пономаря и дьячка; пел на клиросе, читал Апостола и непременно громким голосом подавал священнику кадило.

■ **РОБИН КУК.** «СФИНКС»

Настоящей сенсацией стал выход в свет романа американского профессора медицины Робина Кука «Сфинкс». В течение многих лет он оставался неоспоримым бестселлером в США, фильм, снятый по его мотивам, обошел экраны всего мира. Роман явился результатом длительного интереса Робина Кука к египтологии и тщательного изучения всего, что связано с историей Древнего Египта.

■ **ДОРОТИ КАРУЗО.** «ЭНРИКО КАРУЗО. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ»

Книга эта была закончена в феврале 1944 года. Она представляет собой не только описание жизни и творчества Энрико Карузо, но в первую очередь — историю любви, которую подарила судьба великому певцу в последние три года его жизни. Публика создавала тайну из всего, что связано с Карузо. На самом же деле он был просто человеком, имевшим нежное и любящее сердце.

АНОНС

ПОДАТЬ ШЕГОЛД

ВЛАДИМИР
НИКОЛАЕВ

В мировой практике есть три варианта законного «отъема» денег у налогоплательщика. Выкачать максимум; способствовать развитию бизнеса; озаботиться социальной защитой людей. На Западе «работают» одновременно и первый, и второй, и третий...

А у нас?

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ

Налоговая инспекция существует сравнительно недавно — с 1 июня 1990 года. Уже есть жертвы; в Москве бесследно исчезла женщина — налоговый инспектор. Убит ее коллега... Инспекторов подстерегают около подъездов, избивают. Профессия становится опасной. Не случайно в марте 1992 года создана и налоговая полиция. Среди ее основных

задач — охрана помещений налоговых инспекций, безопасность их сотрудников. В полиции работают в основном бывшие офицеры армии, КГБ, МВД, но штат полицейских пока на порядок меньше, чем инспекторов.

— Наши сотрудники слышат угрозы постоянно, — сказала мне Марина Кузнецова — ветеран, несмотря на молодость, налоговой инспекции одного из московских округов.

— А вам приходилось?

— Не знаю, считать ли это угрозой... Недавно проверяла торговое предприятие и нашла недоплату в двести миллионов рублей. Услышав цифру, директор воскликнул: «Да я за сотню миллионов двадцать человек уложу!»

— Что он имел в виду?

— Уточнять я не стала...

— Но по крайней мере долг вернули?

— Нет, взыскать деньги будет крайне сложно.

Почему сложно? К этому мы еще вернемся.

НЕ ВЫСОВЫВАЙСЯ!

Профессия сборщика податей — одна из древнейших. Помните булгаковского Левия Матвея, бросившего деньги на дорогу? После разговора с Иешуа они стали ему, видите ли, ненавистны...

Но без налогов государство существовать не может (на что, к примеру, содержать армию?). С появлением государственности на Руси появились и налоги. Знаете, что такое мытарь? Это вовсе не несчастный человек, который всю жизнь мытарствует, а просто сборщик податей. Мытом называлась плата за провоз товаров. Ее взимали на заставах у городов и крупных селений, на больших дорогах

и водных путях. Право обложения мытом принадлежало государству, но иногда передавалось на откуп частным лицам, духовенству.

Сбор торговой пошлины прекратился после ликвидации внутренних таможен. В дореволюционной России налоговая система находилась в ведении Министерства финансов. В советской России она рухнула. Более семидесяти лет налоговая инспекция отсутствовала (исключая период нэпа, когда работали фининспектора).

Что мы знали о налогах при социализме? С личными было все более или менее понятно. По месту работы с нас автоматически удерживали 12 процентов заработка плюс шесть — с бездетных. С высокооплачиваемых брали больше 12 процентов, но их можно не учитывать в силу малочисленности.

А кого интересовало, сколько налогов платит государству предприятие? Какая разница, лишь бы зарплату давали... Мы не задумывались, что наше личное благосостояние должно зависеть от прибыли предприятия (так, как во всем цивилизованном мире), которая в огромной степени зависит от системы налогообложения.

Впрочем, и система-то была формальной. Вышестоящие органы забирали деньги — столько, сколько сочтут нужным, — а потом милостиво подкидывали в определенный «сверху» фонд зарплаты, на соцкультбыт, жилье и так далее. Львиная доля средств шла на дотации убыточным заводам, фабрикам, совхозам. Поэтому и лучшие, и убыточные предприятия жили почти одинаково.

Формирование государственно-го и местных бюджетов — а тут по отчетам всегда и все было в ажуре — частных лиц не интересовало, ибо не связывалось с зарплатой. А вот финансовая политика

государства в отношении граждан была ясна каждому — поддерживать «средний» заработок по отраслям. Много не дадут, но и с голоду не помрешь. Все прекрасно знали: работать слишком хорошо нельзя — срежут расценки, повысят нормы (планы повышения производительности труда «выполнялись» обычно именно таким образом). Лучше не очень стараться — начальник как-нибудь натянет до среднего, припишет.

Попытки «внедрения» хозрасчета должны были провалиться уже в силу отсутствия Закона о налогообложении. Да и какой там хозрасчет, если все по-прежнему оставалось в лапах министерств и ведомств. Исключение составляли немногочисленные артели золотоискателей и бригады строителей-«шабашников». Государство терпело их, потому что они работали в таких условиях, на которые государственный работник не согласится. И то старались прищипнуть хвост, если самостоятельные коллективы, по мнению чиновников, зарабатывали чересчур много. Вспомните, как создавалось «общественное мнение» об артели Вадима Туманова! Зачем это делалось? Только мелкие подрядчики не представляли угрозы для устоев системы. Когда же они набирали силу, приобретали размах...

НОВЫЕ «УКЛОНИСТЫ»

Начальник московской налоговой инспекции Дмитрий Черник — доктор экономических наук, бывший начальник главного финансового управления исполкома Моссовета.

— Любое дело трудно начинать с нуля, — рассказывает он, — а наше в особенности. Когда в 1989 году принимался Закон об

основах налогообложения, специалистов в этой области практически не было. Закон принимали в спешке: парламент должен был срочно сверстать бюджет на следующий год с учетом экономических перемен. Кроме того, союзные депутаты все еще находились в состоянии некоторой эйфории: им казалось, будто они могут решать все вопросы. Закон утверждали непрофессионалы, а к мнению финансистов, имеющих хоть какое-то представление о налогах, не всегда прислушивались. Вот поэтому буквально через месяц начались постоянные изменения в налоговой системе. Государство меняло «правила игры» почти каждый квартал, обычно ужесточая систему. Например, если в 1993 году ставка налога с прибыли составляла 32 процента, то в марте нынешнего года поднялась до 38. Втрое повышены налог на имущество, введены новые местные налоги. Субъекты Федерации получили право увеличивать до 25 процентов налог на прибыль в дополнение к 13-процентному федеральному. А Москва в смысле налогов вышла на самый высокий мировой уровень. Естественно, к такому подталкивал дефицит бюджета. Но, по моему, повышение налогов ведет к увеличению поступлений в бюджет до определенной степени, а затем доходы начинают падать — за счет сужения налоговой базы. Наука еще не может прогнозировать последствия увеличения налогов... Но даже не высокие ставки, а именно налоговая нестабильность страшит наших предпринимателей, заставляет многих зарубежных бизнесменов воздерживаться от вложений капиталов в России. Как планировать работу? Откроешь дело, а ставки вдруг снова изменятся, причем, как бывало, задним числом. Нестабильность —

порок, отнюдь не способствующий развитию бизнеса. С другой стороны, ее вряд ли было возможно избежать. В период экономических реформ, проводимых в крайне неблагоприятных условиях кризиса, инфляции, реформы налоговые следуют за экономикой. Учимся на ходу...

— Сейчас у нас, — продолжает Дмитрий Черник, — три с половиной тысячи инспекторов, мы неплохо оснащены компьютерами. С помещениями прежние трудности — сами видели, в каких условиях работаем. Большинство специалистов с высшим образованием. Есть свой учебный центр. Кстати, когда мы начали готовить инспекторов через этот центр, некоторые полуправильные организации пытались «внедрить» туда своих людей. Иногда, нужно признать, это им удавалось...

Нагрузка на одного инспектора в Москве в шесть раз больше, чем в среднем по России, в 12 раз — чем в США. За 84 тысячи рублей в месяц... А ведь они дают большие поступления в бюджет. Только в прошлом году мы выявили 233 миллиарда рублей, скрытых от налогов.

— Кто обычно их скрывает?

— Года два-три назад — кооперативы. Но сейчас «лена» сошла, происходит «цивилизация» кооперативов. Зато начинают осваивать методы уклонения от налогов госпредприятия. По нашим оценкам, от обложения скрывает 8—10 процентов доходов.

Помимо фискальной работы, — говорит Черник, — мы, хотя и являемся исполнительным органом, занимаемся прогнозированием, анализом, вносим предложения в правительство. Ряд наших предложений принят. Например, снижен беспрецедентно высокий налог на добавленную стоимость — нигде в мире такого не

было! Мы также доказали, что органы власти не должны давать льготы отдельным предприятиям — ведь это прямоком ведет к коррупции. Льготы могут идти только по отраслям — допустим, если нужно поддержать жилищное строительство, то льготы давать всем: государственным организациям, кооперативам, малым предприятиям и так далее. Но основная масса наших предложений осела в Верховном Совете навсегда, а может быть, даже не рассматривалась...

С ПОЗИЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

С самого начала обозначилось противостояние предприятий и налоговых служб. Казалось бы, что спорить: заработал — отдай положенный налог, как бы высок он ни был. Ведь налоговые инспектора и полицейские — лишь исполнители закона. Однако в жизни все сложнее.

Президент акционерного общества (по понятным причинам имя свое просил не называть), которое занимается строительством, наукой, торговлей, рассказывал: налоговая инспекция потребовала доплатить полтора миллиарда налогов, хотя у него весь оборот гораздо ниже (здесь я излагаю версию президента, но суть не в этом).

Руководитель другой — проектной — организации показал толстую пачку переписки по аналогичному поводу. С него потребовали несколько миллионов якобы скрытых от налогов денег. Он уплатил благодаря заказчикам, но еще пытается добиться справедливости.

Считает, что произвол чиновников как был, так и остался.

Инструкции, которые издает налоговая служба, часто противоречат закону, и поди с этим разберись.

Президент АО высказался еще доступнее: в налоговом деле существует презумпция виновности — докажи, что ты не виноват.

Ни в коем случае не пытаюсь быть экспертом в подобных делах. Просто хочу обратить внимание на то, что в образе инспектора предприниматель видит врага. Обоим бизнесменам я задал одинаковый вопрос: а почему не подадите в арбитражный суд? И оба, незнакомые друг с другом, ответили слово в слово: умные люди объяснили — не ходи в суд, дороже обойдется. Выиграешь дело — налоговая инспекция тебе это припомнит. Возможностей-то много. За два года принято более двухсот (!) актов по вопросам налогообложения. В основном это изменения действующих норм. Да будь руководитель, бухгалтер семи пядей во лбу, как уследить за таким бурным потоком инструкций?! Кроме того, нет системы информации о новых документах, негде получить разъяснение, консультацию — как хочешь, так и крутись.

В связи с вышеизложенным одна забавная история. Знакомый бизнесмен пожаловался мне: налоговая полиция арестовала его счет, и сотрудники фирмы сидят без зарплаты. А в конце разговора о зверствах налоговых органов попросил свести его с руководителем одной организации (не важно какой): хочу, мол, купить землю и готов немедленно выложить... миллион долларов. Комментарии нужны?

ЧЕРНЫЙ НАЛ

У начальника налоговой инспекции Северо-Западного округа Москвы Николая Майзуса я спро-

сил: не является ли нынешняя налоговая система грабежом предпринимателей?

— Не сказал бы,— ответил он.— Другое дело, она громоздка. 45 видов налогов, из них половина — местные. На каждый налог свой закон — о налоге на прибыль, НДС, акцизы и так далее. В законах масса нестыковок. Например, по закону освобождается от налога квартплата. А в Кодексе о жилье вообще нет такого понятия — квартплата. На каждый из 45 видов налогов надо завести лицевой счет — это же колоссальная работа! А в каких условиях трудятся инспектора? На одного — 180 предприятий, не считая личных деклараций. В тесных комнатухах — по одной на три-четыре инспектора — весь день теснятся бухгалтеры с отчетами. Очереди дикие. Больше половины времени уходит на прием и проверку балансовых отчетов. Остальное — на проверку финансовых дел на самих предприятиях. 8—10 проверок в год, по 2—3 недели на каждую. Одна проверка дает примерно 100 миллионов дополнительного дохода в бюджет, нет предприятия, где отчетность была бы в полном порядке. Пятая часть недоплат — из-за незнания постоянно меняющихся законов и инструкций. Плюс к тому, все учатся «уходить» от налогов. Жалуются, будто налоги высоки, поэтому ничего не остается на развитие производства. Но в прошлом году почти все предприятия почти всю прибыль проели. Не понимают простого: если сегодня ничего не вкладывать в развитие производства, завтра все развалится.

По данным департамента налоговой инспекции России, за один квартал текущего года выявлено 10 тысяч налоговых правонарушений и преступлений. В бюджет доначислено 639 миллиардов руб-

лей. Возбуждено 195 уголовных дел... Динамика роста превышает прошлогоднюю.

Всех скрытых сумм вернуть не удалось. Обратимся к началу этого материала. Почему инспектор Марина Кузнецова не уверена, что удастся взыскать двести миллионов с проверенного ею предприятия? Да потому, что у него, как водится, десяток счетов в разных банках. На «официальном», предъявляемом инспекции, — ноль. Что взять-то? Сплошь и рядом на какой-то одной квартире регистрировалось множество предприятий — кстати, в полном соответствии с Законом о предприятии. Несколько лет понадобилось, чтобы понять нелепость ситуации и обязать предприятия регистрировать счета в налоговой инспекции.

Не знаю, испугает ли эта мера «подпольщиков». По оценкам председателя Союза промышленников и предпринимателей Аркадия Вольского, на долю нелегальной экономики, не дающей в бюджет ни рубля, приходится до тридцати процентов валового внутреннего продукта. Это так называемый «черный нал», то есть неучтенные наличные деньги. По мнению экспертов, оборот таких денег в России составляет 60 триллионов рублей.

Даже ФБР озаботилось этой проблемой. Его директор Л. Фри обнародовал в прессе свое представление о ней: «Представляется, что наиболее частым видом уголовной деятельности, дающей высокую прибыль в России, являются банковский обман и другие виды мошенничества, в которых участвуют коррумпированные бизнесмены и правительственные чиновники. В настоящее время ФБР начало несколько целевых расследований российско-американских предприятий, которые занимались

отмыванием «грязных» денег через американские банковские институты. Эти сложные схемы связаны с многосторонними международными транзакциями и во многих случаях на последнем этапе отправляются обратно в Россию в форме наличности».

35 российских банкиров убиты в прошлом году. Г-н Фри считает это очевидным следствием стремления организованной преступности подчинить себе финансовую систему России. Звучит жутковато, но что невозможно в нашей реальности? Конечно, не хотелось бы лишний раз «нагнетать обстановку», да страусиная позиция ничем не лучше. Всегда лучше знать, чем не знать.

«В ЦЕЛОМ — ЗАКОННО»

В споре производителей и «сборщиков податей» много малопонятного. Первые жалуются на непосильное бремя налогов. Вторые объясняют, что нельзя смешивать разные вещи: например, платежи в фонды медицинского страхования, занятости, пенсионный — это не налоги, а отчисления. Но, позвольте, какая разница бизнесмену, по какой статье отдавать деньги? Правда, эти расходы входят в себестоимость продукции, но до каких же пределов ее можно поднимать? Растут цены — падает сбыт, снижается прибыль.

Во внебюджетные фонды поступает почти половина обязательных платежей. Но как они расходуются, не знает даже Минфин. Предполагается, что частично оседают в коммерческих банках. Вопрос: могут ли фонды заниматься коммерческой деятельностью, и если могут, то почему она является тайной для плательщиков?

Впрочем, и вся система налогообложения остается для нас

тайной за семью печатями уже в силу того, что невозможно разобрататься во всех ее хитросплетениях. Даже специалистам. Вот, впервые в судебной практике рассматривался иск АО «Артер» к департаменту налоговой полиции России. Оно почитало необоснованным обвинение в умышленном сокрытии налогов. Коллегия Высшего арбитражного суда постановила: полицейские акты проверки являются в целом законными. Кто-нибудь может объяснить, что с юридической точки зрения обозначает выражение «в целом»? Или это — опять вспоминается Булгаков — «осетрина второй свежести»?

Свою «лепту» в налоговую неразбериху вносят и местные власти. Еще в 1992 году Вологодский горсовет ввел местный налог на перепродажу автомобилей — 10 процентов от суммы сделки. Но АО «Север-Лада» не перекупщик, а подразделение «АвтоВАЗа», которое занимается *первичной* продажей машин. Поэтому, как разъяснило руководство завода, налог платить не должно. А полтора года спустя городская налоговая инспекция «нашла» в АО 150 миллионов скрытого налога на перепродажу. Тогда это равнялось двухмесячному доходу фирмы. Опущу дальнейшие подробности, скажу одно — «Север-Лада» разорилась. Весной 1994 года новая демократическая администрация города проверяла, какие налоги были установлены бывшим горсоветом, и... утвердила прежнюю ставку налога на перепродажу автомобилей.

Самое интересное, что поборы со сделок противоречат Закону «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». В нем сказано, что налоги берутся с *прибыли*. Предположим, я купил машину за 5 миллионов, продал за 6.

Прибыль — 1 миллион, с нее и налог. А вологодские власти требуют с шести миллионов!

Но еще интереснее то, что вологодские администраторы действовали в полном соответствии с Конституцией, которая дает местным властям право вводить свои налоги. А Конституция — *Основной Закон*...

Наряду с новыми правилами продолжают действовать старые. Горожане-то не знают, что такое «самообложение», а на селе это еще знакомо. Некоторые местные власти до сих пор предлагают крестьянам обложить налогом... самих себя. Ссылаются при этом на действующее постановление ЦИК и Совнаркома от 11 сентября 1937 года! И, представьте, вплоть до недавнего времени ухитрялись собирать по несколько рублей со двора!

Стремление любыми способами пополнить бюджет прямым образом отражается на наших карманах. Предприятия разоряются, людям месяцами не выплачивают зарплату... Безработица и очереди на биржах труда растут. (Кстати, теперь банкроты в бюджет совсем ничего не принесут.)

Отражается оно и на нашем здоровье, работоспособности. Как вы думаете, почему все меньше людей отдыхает на курортах? Правильно, беспредельно дороги путевки. А дороги они, потому что правительство приравняло профсоюзные здравницы по уровню налогов к... промышленным предприятиям. Треть себестоимости путевки приходится на налоги.

И еще несколько цифр. В 1989 году по профсоюзным путевкам отдохнули 11,5 миллиона человек, в 1991-м — 4,5 миллиона, 1993-м — 1,7 миллиона. Кривая идет к нулю... Скоро не с кого будет взимать деньги в бюджет.

Здесь напрашивается сравне-

ние, покоряющее, возможно, демократическую общественность, ибо связана с человеком, памятник которому убран с Лубянской площади в Москве. Но давайте будем отделять зерна от плевел... Главный чекист и одновременно нарком путей сообщения за несколько месяцев сделал транспортную отрасль рентабельной, **снизив** тарифы на перевозки. Рост доходов пошел от **массовости** — больше людей стало ездить, возить грузы.

Несколько слов о личных доходах и налогах. Могу поздравить холостяков — налог на отсутствие детей отменен. Остался один подоходный, его по-прежнему автоматически вычитает бухгалтерия — 12 процентов. Однако если годовой доход превысил 5 миллионов рублей, вы обязаны подать в налоговую инспекцию декларацию с перечислением всех полученных сумм и заплатить еще 20 процентов. Заработали свыше 10 миллионов — 30 процентов*. Почему надо платить налог дважды, ведь при получении денег он уже вычтен? Таким образом власти стараются несколько выровнять «ножницы» доходов у разных групп населения.

Система более громоздкая, чем на Западе, но там — вековые налоговые традиции. Предприятие ничего не удерживает с человека, он сам раз в год подает сведения о своих заработках. Представьте себе такое у нас! Вы готовы честно признаться во всех доходах?

Декларации должны представляться до 1 апреля. В январе — феврале в инспекцию приходят единицы, большинство откладывает визит на крайний срок. Мол, успеется... За невовремя сданную декларацию положен штраф в размере 10 процентов дохода, но,

пока инспекция либеральничает, принимает декларации и в мае, надо учитывать психологию населения. Да что там говорить, если сам начальник московской инспекции отчитался в конце марта... Кроме того, у нас не выработалась привычка скрупулезно учитывать, записывать полученные суммы — где, когда, сколько. Откровенно говоря, я и сам не знаю, сколько заработал в прошлом году, сколько получил в этом. Что ж, придется, видимо, заводить специальный гроссбух...

РАЗБРОД В «ВЕРХАХ»

Встречаясь с женщинами — директорами предприятий легкой и пищевой промышленности, — премьер-министр Виктор Черномырдин пообещал снижение налогов к концу года.

Буквально в те же дни министр труда Геннадий Меликьян сообщил о готовящемся Указе Президента «О регулировании средств, направляемых на потребление». Смысл его вот в чем.

Если средняя зарплата на вашем предприятии выше 240 тысяч рублей, то оно подвергнется дополнительному налогообложению. А если темпы роста затрат на оплату труда превысят 70 процентов от темпа роста цен, то, кроме дополнительных налогов, будет задействована система штрафов.

Правда, те, кто интенсивно наращивает объемы производства, получают финансовые льготы. Скажите, пожалуйста, сколько предприятий у нас что-то наращивают? Спад бы приостановить... И чем помогут будущие льготы? Это все равно, что бросить в воду не умеющего плавать человека, пообещав: «Если выплывешь — дам спасательный круг».

* Цифры даны на август 1994 года.

Нам уже несколько лет внушают: «Все зависит от тебя. Трудись лучше — заработаешь больше, будешь жить хорошо». А по проекту Указа — черта с два. Правительство опять хочет установить мне потолок, полагая таким образом поправить бюджет. Получится ли? Такой Указ подтолкнет предприятия на поиск новых форм сокрытия доходов, «припрятывания» налогов.

По мнению депутата Госдумы, бывшего министра финансов Бориса Федорова, ограничение зарплаты не поможет в борьбе с инфляцией, зато болезненно скажется на эффективных предприятиях, особенно коммерческих, где доходы выше.

Ладно, пусть экономисты спорят (пока я пишу эти строки, еще неизвестно, какие предложения Минтруда войдут в президентский Указ). Но вот что меня, как налогоплательщика, раздражает. В каком правительстве возможно такое, чтобы премьер обещал одно, а его подчиненные нечто иное? Или это — по басне Крылова? Готов, если так уж необходимо, терпеть некоторые экономические трудности, но разброд «в верхах» вызывает недоумение. Почти каждый день оттуда идет противоречивая информация.

Постановление правительства № 490 повергло банкиров в очередной стресс. Пункт 13 (!) постановления гласит: прибыль банков от продажи государственных ценных бумаг тоже должна облагаться налогами. В среде банкиров — небольшая паника. Если прибыль от государственных краткосрочных облигаций обложат налогом, их никто не купит (что, кстати, подорвет правительственную же программу пополнения бюджета — предполагалось продать облигаций на 10 триллионов рублей). Но проблема еще и в том, что

облигаций уже продано на сотни миллиардов. Если налогом их обложат задним числом, как у нас принято, банки не получат планируемой прибыли и не смогут выплатить вкладчикам обещанные дивиденды. Народ будет в очередной раз обманут.

То, что нельзя доверять многим новоявленным акционерным обществам, «независимым» компаниям (вроде печально известного «Техпрогресса», одурачившего вкладчиков), мы усвоили. Теперь нельзя доверять и государству? Хотя оно стремится стать цивилизованным — замашки-то прежние... Нет, все-таки в социалистическом государстве было по крайней мере единодушие в разного рода постановлениях, «указилках».

Начальник управления ценных бумаг Центрального банка Андрей Козлов сообщил, что идут консультации с Минфином об отмене злополучного пункта № 13, ибо он противоречит Закону «О налогообложении юридических и физических лиц». Да неужели нельзя сразу, прежде чем терзать нервы налогоплательщикам, свериться с законами, заранее проконсультироваться? Ведь от вас же все обернется...

Власти вообще стараются держать нас в постоянном нервном напряжении. Так, в прошлом году правительство обсуждало идею введения 10-процентного налога на доходы граждан по банковским вкладам. Она не прошла благодаря твердой позиции тогдашнего министра финансов Бориса Федорова. Но министры приходят и уходят... Откуда взяться уверенности, что завтрашние руководители не реанимируют похороненную было идею? Радиостанция «Эхо Москвы» сообщила, будто налог все-таки введут — правда, 5-процентный. Минфин и Центробанк

опровергли информацию, но переписка по поводу нового налога между двумя уважаемыми ведомствами велась. Зачем? Как обычно, нас держат в неведении.

Впрочем, нельзя сказать, будто правительство о нас вовсе не заботится. Закон «О государственном бюджете на 1994 год» защищает от бизнесменов, из ближнего зарубежья. Если они везут нам иностранный товар, пусть платят акцизный сбор и НДС, как и все. Но! Платят на российской таможне, не успев продать и носового платка. Еще одно налоговое изобретение. Приток товаров уменьшится — только и всего. Не каждый способен платить до получения прибыли. Соответственно уменьшатся поступления в казну.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВАРИАНТ

Президент поручил правительству внести в Федеральное Собрание законопроект о снижении основных налогов предприятий на 10—12 процентов. Это будет означать увеличение расходной части бюджета на 28 триллионов рублей. Откуда их взять?

Вице-премьер Александр Шохин сообщил на пресс-конференции, что снижение налогов возможно при условии, если недостача будет компенсирована. Чем? В частности, возможным кредитом в 4 миллиарда долларов. Но, во-первых, кредиты придется возвращать — за счет налогоплательщиков. Во-вторых, а вдруг не дадут? И почему мое благосостояние должно зависеть от зарубежного дяди?

На встрече с журналистами руководитель группы экспертов Президента профессор Александр Лившиц назвал и другие источники компенсации — налог на недвижимость, более полный сбор по-

доходного налога с людей, особенно богатых. Проще говоря, надо выявлять всех, уклоняющихся от платы.

На вопрос, справятся ли с такой задачей налоговые органы, Лившиц ответил уклончиво:

— Посмотрим...

У меня тоже немало сомнений. В прошлом году в Москве подали декларации о доходах около сорока тысяч человек. По оценкам специалистов, в налоговые инспекции обязано было явиться по крайней мере вдвое больше.

С трудом верится, что добровольно пойдут в инспекцию богатые люди — «челноки», «теневики», уличные торговцы, умельцы, обивающие двери и врезающие замки. Или две женщины, что клеят обои в моей квартире...

Советский человек и прежде проявлял чудеса изобретательности и героизма в надувательстве родного предприятия, государства. А мы пока еще советские.

Так какой же у нас вариант налоговой политики? Четвертый, непредсказуемый. Игра без правил...

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

XXXVIII

Рядом с Нестеровым следует упомянуть о Сергее Коровине. Этот крайне неплодовитый художник известен по своей несимпатичной картине деревенских нравов — «Мирская Сходка», тогда как гораздо большего внимания заслуживают его картины религиозно-бытового характера, в которых он имеет что-то общее с Нестеровым. Но, в сущности, С. Коровин написал всего только одну такую картину — акварель (да и вообще картин его наберется с трудом полдесятка); все же остальное только этюды и наброски к ней. Тема самая нестеровская. Далекая проселочная дорога, жалкие кустарники, серое небо. По дороге идет на богомолье суровый, жесткий старик, весь ушедший в мучительное обсуждение возникших в его душе вопросов, молодая, болезненная женщина с блуждающим, экзотичным взором и старуха мать с добрым, измученным жизнью лицом. В этюдах к этой акварели есть также несколько очень интересных психологических документов религиозной жизни простого русского народа; среди них в особенности интересен тип какого-то мужика, могучего, властного, умного и энергичного, очевидно, раздавленного сознанием своей тяжкой-тяжкой вины.

В прежних пейзажах Аполлинария Васнецова также есть нечто близкое к Нестерову — какая-то, иногда очаровательно раз-

Окончание. Начало в №№ 1—9.

ИЯ миси

М. А. ВРУБЕЛЬ.
Царевна-Лебедь.
Деталь.

решенная, гармония. Первобытной, таинственной свежестью дышат его далекие тайги, тонущие в щемяще грустном вечернем зареве или в сырых, холодных фантастических туманах. Далекие полчища сосновых лесов, широкие, могучие, холодные сибирские реки, плавно протекающие между ними, тяжелые очертания Уральских гор объаты широким эпическим духом. Аполлинарий Васнецов подобно скандинавам, с которыми он имеет много общего, разрешил очень трудную задачу, дав такие панорамические виды «живописных» местностей и не впад при этом в «каламистость», в слащавый трафарет. Ему единственно удалось Кавказ, а между тем сколько русских художников писали его, начиная от Виллевальде, Лагорио, кончая Киселевым. Все они превращали эту дивную, мрачную и грандиозную природу в какое-то розово-лиловое, кондитерское Сорренто. Даже фотограф Верещагин не сумел обойти этот камень преткновения. Кавказ Аполлинария Васнецова единственно приближается к Кавказу Лермонтова — чудовищно-огромный, давящий, широкий, страшный, безумно красивый в своем серо-зеленом, однообразном колорите. Краска и техника А. Васнецова вполне способствуют цельности впечатления от его картины: несколько грубые, здоровые краски, очень упрощенный, но типичный рисунок, жесткая, простая живопись. Лишь иногда, и то за самое последнее время, стал он впадать в приторность, имеящую нечто общее с главным недостатком его старшего брата.

Очень любопытны его воссоздания старой Москвы. А. Васнецов уже много лет как живет в Москве, прямо против самого

Кремля, и этот единственный в мире, невероятный, совершенно сказочный вид пленил его, заставил его забыть юношеские впечатления Сибири и направил его усилия на то, чтобы возродить то изумительное великолепие, от которого Кремль остался прелестным, но одиноким обломком. Его виды старой Москвы, являющиеся в научном отношении очень верными иллюстрациями, драгоценны и в чисто художественном отношении. В них он, подобно своему брату, сумел разгадать коренную русскую, окончательно в наше время исчезающую красоту, вычурную, странную прелесть целой безвозвратно погибшей культуры. Особенно удачна его «Деревянная Москва» — это тесное скопище самых разнородных, фантастических построек, периодически выгоравших каждые 5 лет и снова с каким-то безумным упорством созидавшихся в том самом порядке и с теми же декоративными, но отнюдь не практическими ухищрениями. Точно сказка выглядит этот дикий город, служивший такой чудной оправой грандиозным кремлевским памятникам. Жаль только, что увлечение археологией заставляет А. Васнецова так комкать композицию с целью воспроизвести как можно больше всякой всячины; жаль также, что как раз в этих вещах технические его недостатки особенно заметны: краски слишком «аппетитны», рисунок сбит и не характерен, живопись дряблая.

Среди других «неореалистов» особенного внимания заслуживают М. В. Якунчикова и А. П. Остроумова, художники Ционглинский, Светославский, Переплетчиков, Архипов. М. В. Якунчикова-Вебер — удивительно симпатичная художественная личность. Она одна из тех, весьма немногих женщин, которые сумели вложить всю прелесть женственности в свое искусство, неудовимый нежный и поэтический аромат, не впадая притом ни в дилетантизм, ни в приторность. М. В. Якунчикова большую часть своей жизни провела за границей, но каждое лето она возвращается в Россию и каждый раз с прежней, неувядаемой силой поражает ее своеобразная тонкая прелесть родной природы.

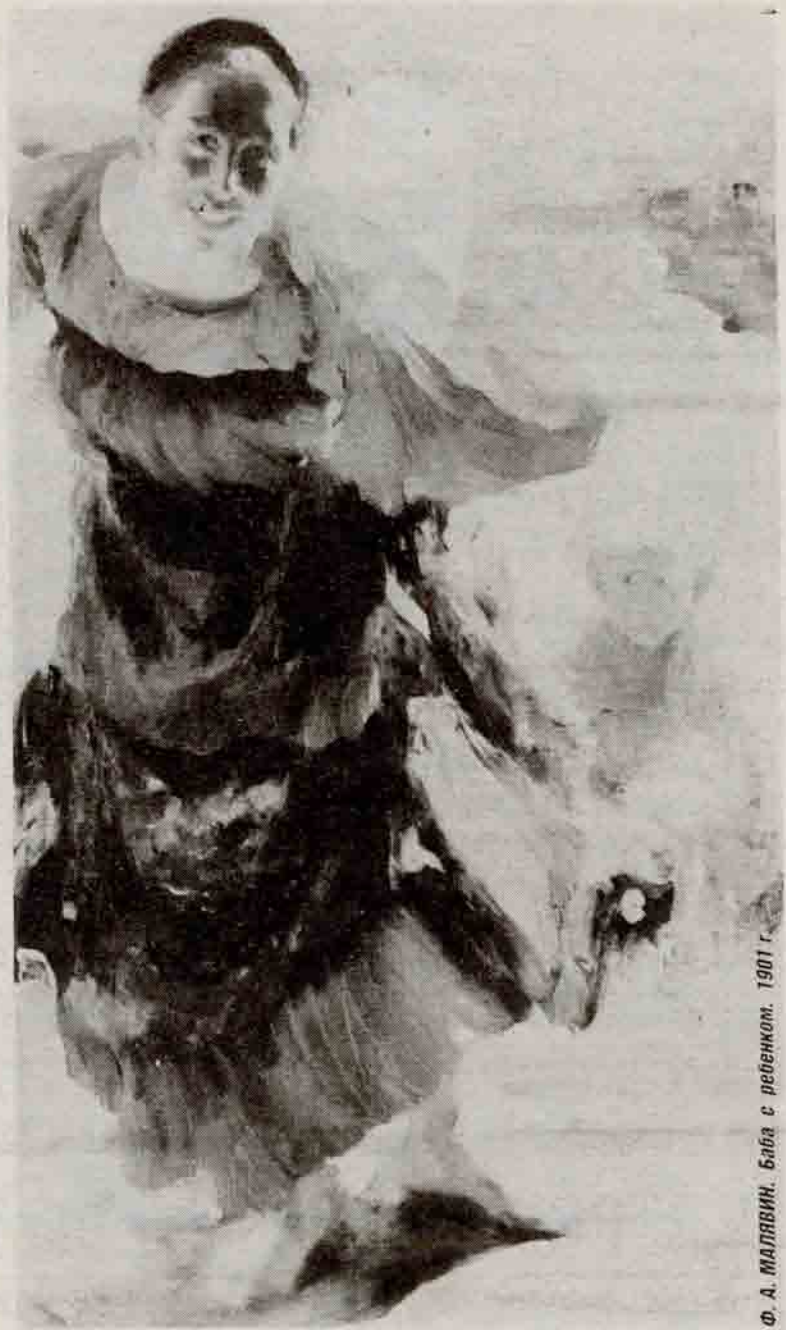
Излюбленные темы г-жи Якунчиковой — разные уголки старинных российских разоренных и милых усадеб: вид с балкона, украшенного толстыми колоннами, на далекие плоские луга, над которыми догорает холодная северная заря; пузатое крылечко с двойной белой лестницей, тоскливое зало, уставленное одетую в летние чехлы мебелью; своеобразно прелестный вид с верхушки старинной колокольни, из-за тяжелых, больших колоколов, на милый деревенский пейзаж; кусочек забытого сада, кусочек роши, кусочек кладбища с мрачным, но опять-таки почему-то милым деревянным крестом на первом плане. Во всех этих вещах чувствуется чуткий, тонкий поэт, слегка болезненный, дорожающий всем тем, что крошится, исчезает, гибнет, всем милым прошлым и проходящим. М. В. Якунчикова в то же время большой поэт детства. Одно, впрочем, связано с другим. Кто любит, кто понимает прошлое, тот обыкновенно любит и понимает свое детство, всю прелесть своего прошлого — очень редкая и драгоценная черта. Как мила ее затея изобразить в картине очаровательнейшую народную игрушку: модель Трои-

це-Сергиевой лавры в виде фантастического миниатюрного городка (эта картинка составляет первое звено целой длинной серии, задуманной художницей); как хороша еще ее собственная (в сотрудничестве с Е. Д. Поленовой исполненная) модель-игрушка крошечной, очаровательно уютной и поэтичной Берендеевки!

М. В. Якунчикова не только большой поэт, но и большой мастер. С этой стороны она до сих пор недостаточно оценена, а между тем мало найдется среди современных художников — и не только у нас, но и на Западе, — кто владел бы такой свежей, благородной палитрой, таким широким, бодрым мастерством. Чрезвычайно замечательны также все попытки М. В. Якунчиковой стилизовать свою работу, оградить ее от случайностей росчерка, от мишурного блеска, от лишних и потому безвкусных подробностей. С этой целью она одно время прибегала к выжиганию на дереве, и ей удалось превратить этот опошленный, в сущности, безотраднейший способ в прекрасное орудие для своих высокохудожественных намерений. Еще лучше удалось ей достичь той же цели: упростить и тем синтезировать свою технику в цветном офорте, в одном из самых трудных и сложных способов репродукции, приобретаем, однако ж, в ее мастерских руках необычайную свежесть, непосредственность и прелесть.

Теми же задачами занята и другая художница — А. П. Остроумова, также очень тонкий поэт и большой мастер своего дела. И она, подобно Якунчиковой, отреклась от всех обыденных художественных способов и, движимая прямо странным по своей определенности призванием, взялась за цветную гравюру на дереве, в которой в наше время выдвинулись только два мастера — Лепэр и Ривьер и которая больше столетия была в полном забвении, главным образом по причине огромных трудностей, связанных с этой техникой. И Якунчикова, и Остроумова взялись за эти способы не из пустого оригинальничанья, но по свободному душевному влечению, движимые желанием давать в своих работах лишь строго обдуманное, неумолимо очищенное от случайностей, а потому и более полное, ясное и гармоничное целое. Незатейливые, тихие, но изумительные по мастерству, по правдивости эффектов и по своему благородному стилю, пейзажи обеих художниц должны в истории русской гравюры занять место рядом с великолепными портретами Чемесова, Скородумова и Уткина, а также со скромными, но милыми литографиями Галактионова, Мартынова и Александра Брюллова.

О Ционглинском, в сущности, следовало бы упомянуть в одной главе с Куинджи, но мы этого не сделали, так как Ционглинский значительно позже, нежели Куинджи, явился у нас насадителем импрессионизма, пропагандистом новых световых и красочных учений, возникших на Западе. Ционглинский — странная фигура. Трудно найти человека, у которого действия и слова были бы в таком несоответствии. На словах — гений, озаренный вдохновением, заражающий всех неподдельным огнем своего воодушевления, неистовый, пламенный жрец Аполлона; в творчестве — скорее, неудачник, лишь изредка создающий что-либо цельное и приятное. Еще лучшее, что он сделал, — этюды, зачастую

Ф. А. МАЛЯВИН. Баба с ребенком. 1901 г.

С. В. МАЛЮТИН. Портрет старого кооператора (Г. Н. Золотова).

поражающие свежестью своих красок, своей насыщенностью светом. Ционглинский не сыграл видной роли в русском искусстве, но вся его очень симпатичная и ревностная деятельность (он на редкость превосходный художественный педагог) отводит ему очень почетное, хотя и скромное, место среди русских современных художников.

Если Ционглинскому мешает занять видное место в современном искусстве его неумелость, то, напротив того, Архипову вредит его чрезмерная ловкость, вечно совращающая его в сторону щегольства и шикарства. В своих произведениях Архипов обнаружил влечение к самым скромным и тихим сюжетам. Воскресный солнечный день, бабы, калякающие на паперти, ямщик, с пением возвращающийся в светлую летнюю ночь по ровной, пустынной местности; раннее белое утро, молодая женщина, вышедшая к балкону освежиться в утреннем воздухе; уютный старичок келейник, бросающий корм птицам, — какие все это премилые, задумчивые, поэтичные темы! Между тем исполнение этих картин в таком несоответствии с их внутренним содержанием, что от поэтического намерения автора остается весьма немного. Все эти тихие, спокойные, трогательные по своей «провинциальности» сценки исполнены с той же бравадой, с тем же шиком, с которым Невиль или Иосиф Брандт рисуют патристические баталии и парады. Впрочем, это мастерство, это шикарство — коренные черты Архипова, ему не отделаться от них: он «шикарит» по природе, а не в погоне за дешевым эффектом. «Успокоиться», «остепениться» вряд ли он может. Лучше было бы поэту, если б он содержательную сторону своих картин искал в таких областях, которые ближе подходят к характеру его технического, фатально неизменного дарования.

В полном соответствии находились когда-то техника и содержание у Светославского. За последнее время этот истинный художник почему-то стал сбиваться с толку и кидаться на совершенно неподходящие для него сюжеты; в то же время он забросил совершенно заботы об исполнении, стал писать грубо, небрежно, необдуманно. Но первое время, в начале 90-х годов, он был одним из лучших товарищей Левитана, притом совершенно самобытным художником, отмежевавшим себе обособленную и весьма интересную область. Светославский — поэт провинции, грязных, серых, но милых, а в чисто красочном отношении, бесспорно, прекрасных уголков. Задворки с тающим голубым снегом и греющимися в весеннем солнце желтыми коровами, глухая улица, тонущая в сизых сумерках, город, занесенный снегом, вид из-за живописно развалившихся навесов на старинную пестро раскрашенную церковь и т. п. темы были исполнены им с замечательной простотой, с замечательной искренностью и правдивостью. Нельзя сказать, чтоб Светославский был тонким колористом и большим виртуозом живописи, но краски его энергичны, ярки, верны, техника вполне подходящая к темам — простая, трезвая.

Все у него в этих картинах дышит хорошим чисто провинциальным здоровьем, все исполнено несколько грубоватого, но вполне художественного настроения.

Все до сих пор перечисленные художники-реалисты — и даже вечно странствующий, то по Испании, то по Востоку, Ционглинский — по всему духу своего творчества вполне русские художники. Вполне русскими художниками можно назвать и всех остальных неореалистов: сосредоточенного, нудного Бакшеева, поэтического, но чрезмерно специализировавшегося на «Веснах» Переплетчикова, слишком пестрого Мешкова, скромных, но очень искренних и милых пейзажистов — наследников Левитана: Виноградова, Аладжалова, Мамонтова, Петровичева, Жуковского, Кузнецова. Все они не только пишут русскую природу, русскую жизнь, но и понимают их, влюблены в них, все тронуты ими. Это небольшие, но очень симпатичные, здоровые, славные художники, создания которых будут так же цениться со временем, как бесчисленные и милые «маленькие голландцы». Несравненно более заражена Западом и несравненно менее проникновенно относится к своему родному группа художников, объединившаяся еще в бытность свою в мастерской Куинджи и среди которой особенно выделяются Пурвит, Рушиц, Вальтер, Латри и Богаевский. Все это еще молодые, очень живые, очень впечатлительные и талантливые люди, отлично знающие свое дело, пишущие чрезвычайно эффектные картины. Но этих художников, хотя мотивы их картин и заимствованы из русской природы, с натяжкой можно назвать русскими, так как русского духа в них мало. Неприятно поражают их сильная зависимость от Парижа и Мюнхена и та виртуозная, несколько шаблонная ловкость, с которой они изготовляют свои очень колоритные, очень правдивые, но не особенно глубокие этюды. Впрочем, составлять об этой группе художников окончательное мнение еще рано (в особенности рано это делать относительно Рушица), так как они, бесспорно, все еще далеко не установились, а, наоборот, очень ревностно и с усердием продолжают искать себя.

Совершенным космополитом является Браз. Когда появились его первые этюды на выставке работ учеников Академии в 1895 г., то никто не хотел верить, что это произведения русского юноши, ученика Репина. Превосходные этюды эти были исполнены с полным мастерством и совсем так, как пишут и рисуют в Мюнхене или в Голландии, откуда Браз тогда только что вернулся. Тот же штрих, те же легкие, вкусные краски. С тех пор Браз не переменялся; он, правда, ушел вперед, сделался тверже и сосредоточеннее в рисунке, ярче в колорите, большим виртуозом в живописи, но он не подвинулся ни на йоту в смысле интенсивности своего творчества, он все такой же хороший, элегантный, красивый техник, питающийся художественными данными, добываемыми на Западе, и с большим остроумием пользующийся теми «советами», которые доносятся из произведений старой живописи. Деятельность Браза заслуживает, впрочем, полного сочувствия, так как это художник, серьезно преданный своему делу, с неутомимым усердием добывающийся совершенства. Существует целая очень обширная и очень почтенная область живописи, в которой он мог бы у нас, подобно Больдини

и Гандару в Париже или Сардженту в Англии, быть неоспоримым царем. Мы говорим о заброшенной, почему-то глубоко презираемой в наше время «светской» или «великосветской» живописи, давшей, однако же, в свое время, когда «свет» и художники были в более тесном единении, немало превосходных мастеров. Трудно найти что-либо более подходящее для «украшения» стен изящных, со вкусом меблированных комнат, нежели бразовские картины и портреты. Каждое из его произведений является отличным куском живописи, приготовленным с изумительным знанием художественной гастрономии. Если картины Бразы и не затрагивают души и сердца зрителя, то, во всяком случае, они нежно ласкают глаз, доставляют не особенно глубокое, но настоящее удовольствие. Особенно Браз мог бы выдвигаться на портретах, если бы те самые, кто рождены быть его заказчиками — все наше блестящее, нарядное высшее общество, — не отвыкли настолько от всякого вкуса, что предпочитали ему таких «художников», как Богданов-Бельский, Александровский, Штемберг и т. п.

Не вполне русским представляется и Малявин, несмотря на то, что он всегда черпает свои сюжеты из русского народного быта. Чисто русское в нем лишь то великолепно-бесцеремонное ухарство, с которым он относится к своему делу, та несколько циничная небрежность и непродуманность, с которой он щеголяет перед публикой своим колоссальным дарованием. Однако все это внешние черты, не влияющие на самый характер его живописи. По внутреннему характеру живописи он стоит гораздо ближе к Бенару и к Цорну, нежели к Серову и Репину. Вероятно, эта зависимость от Запада и упрочила его успех на международных выставках. Итальянцы и французы любовались этим переложением на грубый и шумный, варварский лад тонких и элегантных симфоний современных европейских колористов. В этом кроется для них острая прелесть, близкая, вероятно, к тому очарованию, которое должны были испытывать пресыщенные римляне при виде варваров, развратившихся высшей культурой.

Судьба Малявина совершенно фантастическая. Этот русский Бенар, запугавший своими чрезмерно звучными фанфарами профессоров Академии и петербургскую публику, когда-то ходил в рясе, был послушником на Афоне. Какая огромная сила должна была быть в этом человеке, чтоб уверовать в свое дарование, прийти за тридевять земель, уже взрослым человеком учиться делу, имеющему мало общего с монашеством, какая сила, чтоб не употребить свой талант на иконописание, хотя бы в духе Васнецова, но окончательно бросить *le froc aux orties* и бодро, смело, дерзко пойти по стопам своего учителя — автора «Бурлаков» и «Не ждали». Еще большую силу обнаружил он в том, что, сделав в этом направлении несколько прекрасных опытов, он резко повернул в сторону, страстно увлекся новыми веяниями, вдруг распрощался с косным реализмом и всецело отдался чисто живописным задачам.

Малявин находится еще в самом начале своей деятельности, и потому говорить о нем слишком рано. Можно, однако, предположить, что этого геркулеса живописи ожидает в будущем нема-

до славных подвигов. Теперь, после того, что он покинул сбивавшую его с толку Академию, где юный художник, невольно реагируя против отсталых требований, возносился слишком далеко, дерзал слишком много, теперь, после того, что он вкусил высших почестей на Западе, окончательно уверовал в себя и, вполне обеспеченный, может бросить всякие посторонние заботы, теперь только от Малявина и можно ожидать настоящих, задушевных слов, вполне искренней, вполне самостоятельной деятельности. В данную минуту он удалился в тишину деревенской жизни, и следует думать, что там, в покое, он (если только не погрязнет в свойственной русским художникам чудовищной лени) сумеет сосредоточиться, найти себя и сбросить тот несколько пестрый и крикливый наряд, в котором он до сих пор «эпатировал» нашу наивную толпу. Тогда только предстанет пред нами настоящий Малявин, и, вероятно, этот настоящий Малявин станет одним из самых драгоценных современных художников. Разумеется, впрочем, что и все, сделанное им до сих пор, если и поражает неприятно своей залихватскостью, своим *je m'en fiche* измом, все же, в чисто живописном отношении, принадлежит к самому превосходному, что сделано за последнее время. Таких красивых сочетаний красок, такой бравурности в технике, такой великолепной простоты и смелости не найти на всем протяжении истории русской живописи. Даже те портреты Репина, которые в свое время восхищали поклонников смелостью и непосредственностью своего мастерства и оскорбляли до слез недоброжелателей, покажутся рядом с «Бабами» Малявина на первый взгляд робкими, чуть ли не ученическими работами. Лишь приглядываясь, отдаешь все же (покамест) предпочтение серьезности, вескости учителя перед блестящим, но легкомысленным фейерверком ученика. Скандал, произошедший по поводу появления малявинских «Баб», вопиющая несправедливость профессоров, отдавших предпочтение перед этой брызжущей талантом, великолепной вещью тоскливому изделю одного из эпигонов Вл. Маковского, недоумение публики и художников еще раз доказали, как мало у нас самых элементарных понятий о живописи и об искусстве. К чести Репина говорит то, что он, почти единственный из признанных авторитетов, одобрил Малявина, и это несмотря на то, что прекрасно отдавал себе отчет, что картину Малявина следует считать самым ярким и дерзким протестом против того искусства, представителем которого Репин был всю свою жизнь.

XI

Те же причины, которые придали реализму совершенно новый оттенок: развитие индивидуализма и преобладание мистического начала красоты, — породили и в Европе, и у нас возрождение декоративного искусства, бывшего около 100 лет в совершенном загоне. В сущности, так называемая «художественная промышленность» и так называемое «чистое искусство» — сестры-близнецы одной матери — красоты, до того похожие друг на друга, что и отличить одну от другой иногда очень трудно, до того

близкие, что и разграничить сферу одной от сферы другой невозможно. Но мрачный XIX век, дошедший рядом софистических, мертвых умозаключений до отрицания красоты, до превращений священного искусства в какое-то жалкое орудие своих близоруких целей, расторгнул эти связи, превратил одну из этих сестер в какую-то служанку и совершенно изгнал другую. Теперь наступила давно желанная реакция. Красота вернулась всесильной владычицей и коснулась своим волшебным жезлом всей жизни. И снова вся жизнь в целом засветилась, снова люди получили возможность жить в красоте, долголетнее мрачное коснение в безобразии как будто пришло к концу. Как на Западе, так и у нас те же художники, которые задавались самыми возвышенными и поэтичными задачами, взялись теперь и за то, что в продолжение всего XIX века считалось «низким родом» или пустой забавой. Они устремились на украшение самой жизни, они задалась целью вложить свою душу, свою личность, иначе говоря, ту таинственную Аполлонову искру, которая составляет суть и соль всякого художника, не только в картины и в статуи, но и во всю жизнь, во все окружающее.

24
Разумеется, и здесь не обошлось без недоразумений. Слишком огромная пропасть образовалась за весь век между творцами-художниками и публикой. Последняя до того погрязла в мешанское робкое приличие, в жалкую рутину и нелепый утилитаризм, что не может по-должному оценить тех, кто для нее работает, кто жаждет поделиться с ней своими находками, святая святых своей души — вдохновением. У нас это отрицательное отношение публики, естественно, получило несколько смешной и, как водится, грубый характер. С чисто провинциальной откровенностью русская публика окрестила все движение «декадентством», заметила лишь слабые стороны и не смогла подняться на должную высоту, чтоб справедливо оценить то прекрасное, что было в существе дела. Это отразилось, в свою очередь, на деятельности художников. Благодаря отсутствию поддержки, встречая со стороны публики вечный отпор и протест, творчество их получило несколько эксцентричный, беспокойный характер. Доля упадочности, доля болезненности, без сомнения, находится в современном художественном творчестве, но оно является лишь отражением грандиозного упадка, грандиозного огрубления всего общества.

Среди тех, которые занялись возрождением красоты в жизни, на первом месте и по времени, и по заслугам стоит В. Васнецов. Васнецов дорог для людей нашего поколения не своими сказочными картинами, тем менее своей религиозной живописью. Он, правда, подал ими сигнал новому движению, и в этом его большое значение, но он не сказал в них живых и вечных слов. Дорог для нас В. Васнецов тем, что он первый из художников снова обратился к украшению жизни, тем именно, за что некоторые его винили в 80-х годах, утверждая, что он «разменивает свой талант». Васнецов заслуживает наше полное сочувствие именно за то, что он «разменялся», что из замкнутой касты передвижнических живописцев он вышел в самую жизнь и поло-

Л. С. БАКСТ. Эскиз костюма бейлида к балету «Нарцисс», 1911 г.

жил свой талант, свои богатые душевные и умственные силы на воссоздание красоты жизни. При этом Васнецов, безумно влюбленный в русское прошлое, верный поклонник «Москвы», окончательно порвал с Западом и пожелал вернуться к первоисточникам, убежденный в том, что русскому нужна только русская красота, что только окруженный этими формами красоты русский человек может себя чувствовать хорошо.

Главная заслуга Васнецова в том, что он уничтожил ужасные предрассудки, сковывавшие мнение нашего общества, и в частности наших художников, относительно древнерусского декоративного искусства. Он подорвал покровительственное, порожденное Академией отношение к «варварскому русскому стилю». Только с тех пор, как Васнецов дал свои спокойные, прекрасные образчики, стало ясно, как далеки были от истинно русской красоты сухие академические пародии, а также вся превозносимая Стасовым абракадабра «петушиного стиля», изобретенного Гартманом и Ропетом и развитого до последних пределов безобразия их слабосильными подражателями вроде Богомолова, Шервуда и Парланда. Чудовищная пестрота, нарочитая тяжеловесность и нелепость их произведений ничего не имеют общего с высоким, благородно-спокойным, монументальным, а подчас уютным и затейливым творчеством тех древнерусских людей, которые создали мощные стены Кремля, дивные соборы Ярославля и Владимира и такую массу всевозможных, поразительных по мысли и изяществу, предметов.

26 Виктор Васнецов угадал их вкусы, вник в их понимание прекрасного и сумел дать всевозможные образчики совершенно в духе этих старорусских людей. Среди подобных его произведений не столько хороша всевозможная мебель, зачастую неудобная и неудачная в конструктивном отношении (хотя и в ней есть много достоинств), сколько его разные декоративные наброски, его узоры во Владимирском соборе, больше же всего, пожалуй, постановка «Снегурочки» (исполненная для С. И. Мамонтова), дышащая непосредственной простотой и свежестью народного эпоса и прекрасная по своей народно-русской фантастике. Только человек, беззаветно влюбленный в родную старину, глубоко понимающий ее особенную, своеобразную прелесть, мог снова открыть закон древнерусской красоты, отбросив в сторону все затей и коверканья поверхностных националистов и легкомысленных представителей академического эклектизма.

Главная прелесть декоративных работ Васнецова — в их красочном эффекте. Он сам так непосредственно и просто увлекался чисто русскими сочетаниями и оттенками сочных, полных и непременно спокойных красок, в которых исполнены старорусские декоративные работы, что в своих произведениях он, человек конца XIX века, совершенно естественно, без малейшей натяжки сумел передать эти сочетания и оттенки, излюбленные людьми, жившими за 200 лет назад и имевшими так мало общего с нашей культурой. В этой «несовременности», впрочем, и недостаток Васнецова. Он имеет слишком мало связей с современной Россией. Он весь — Москва, он весь — Византия. Его начинания почтенны и прекрасны, они открыли на многое глаза молодым

художникам, но сами по себе вряд ли могут они преобразовать и украсить нашу, уже в слишком значительной степени «озападнившуюся» жизнь.

Все остальные художники, пошедшие по той же дороге, как Васнецов, появились так сразу и одновременно, что трудно установить преемственность их друг от друга. Пожалуй, и бесполезно искать эту преемственность, так как здесь не было *моды*, подражания, но одно общее увлечение, один общий восторг, всеобщее пробуждение и искание: одновременно, заодно, дружно и ровно. Единственно Васнецов да еще Суриков стоят как-то обособленными вначале, другие все шли после них, но не в хвосте за ними, увлекаясь вполне самостоятельно тем же, чем увлекались они, вызванные к деятельности теми же причинами, которые действовали и на образование этих художников.

Здесь на первом и самом почетном месте стоит безвременно погибшая Елена Поленова, не только как творец, но и как вдохновительница, как устроительница, вечно пребывавшая в хлопотах, вечно искавшая новых людей, новых сил, неотступного движения вперед. Сама Е. Поленова была глубоко художественной натурой, всю свою жизнь старавшаяся проникнуть в самые тайны собственной души, надеясь найти там разгадку основ искусства. В этом искании она прошла все стадии творчества, начав с реализма и перейдя затем к истории и к отысканию древних, но все еще живучих форм. Благодаря этому изучению она поняла суть и прелесть русской красоты, но отделалась затем и от этого последнего налета археологического педантизма и принялась наконец за выражение собственных идеалов. Долгое время старалась она усвоить себе чисто русское, держащееся еще в народе понимание красоты, но когда она почувствовала, что достаточно прониклась им, то отложила и эту, последнюю указку и совершенно отдалась свободному творчеству. При этом главным вдохновением ее фантазии были народная сказка и милая родная природа.

Все эти искания не имели ничего общего с обычными дамскими увлечениями, а носили серьезный, основательный характер и поэтому дали вполне положительные результаты. Благодаря стараниям Поленовой был основан в Петербурге майоличный класс при Обществе поощрения художеств, в Абрамцеве у Мамонтова устроилась великолепная столярная мастерская, поставляющая теперь свою любопытную и своеобразную мебель (отчасти исполненную по рисункам Поленовой) на всю Россию, там же был учрежден гончарный завод, изделия которого имеют теперь повсеместный успех; наконец, ее же стараниями при содействии М. Ф. Якунчиковой и даровитой г-жи Давыдовой устроена мастерская женских рукоделий, занимающаяся преимущественно вышивками. Для этих вышивок Поленова сделала целый ряд рисунков, в которых как раз ярче всего сказался ее редкий и изумительный декоративный дар.

Сама художница рассказала, что эти рисунки являлись ей обыкновенно во сне. Действительно, по своей своеобразной, странной, прекрасной пестроте и своей успокаивающей гармонии они очень напоминают египетские, безумные, радо-

стные, раскидистые, гибкие, то яркие, то тусклые калейдоскопы, которые громоздятся и рассыпаются в сладостной истоме горячки. Поленова скончалась от болезни мозга, и эта болезненность с полной очевидностью отразилась в ее последних произведениях, в особенности в этих ковровых композициях. Надо, впрочем, прибавить, что эти создания Поленовой не производят впечатления отвратительного бреда, но исполнены удивительной гармонии, которая намеками и полусловами толкует о чем-то сладком и приятном, чего не в силах выразить яркие или определенные живописные формы.

Для нас, уже прошедших фазис увлечения отечественной археологией, желающих иметь для новой жизни новые формы, в особенности интересен этот последний период развития Поленовой, когда она, побуждаемая отчасти западным индивидуалистским течением, принялась за отыскание скрытого в душе откровения, которое художник призван поведать миру и которое в определенной видимой форме говорит о неопределенных, скорее, сверхчувственных ощущениях. Однако не только это останется от Поленовой. Не говоря уже о ее прежних, очень искренних и простодушных, вполне реальных картинах жизни («Прачка», «Шарманщик», «Детская», «Иконописная мастерская», всевозможные уголки Москвы, разные пейзажи), в которых лишь изредка пробивалась некоторая ее неумелость, Поленова заслужила себе вечную благодарность русского общества тем, что она первая из русских художников обратила внимание на самую художественную область в жизни — на детский мир, на его странную, глубоко поэтическую фантастику. Она, нежный, чуткий и истинно добрый человек, проникла в этот замкнутый, столь у нас заброшенный детский мир, угадала его своеобразную эстетику, вся заразилась пленительным «безумием» детской фантазии. Ряд ее иллюстраций к детским сказкам если и страдает иногда слабым рисунком, то все же производит очаровательное впечатление, благодаря совершенно особым краскам, наивному и искреннему замыслу, благодаря глубокому пониманию детского мирозерцания. Все это отводит ее иллюстрациям почетное место в истории всеобщего искусства — рядом с созданиями Швинда, Л. Рихтера или Крэна. Такие странички, как «Волк и Лиса», как «Война грибов», «Масленица», «Коза у ворот», и многие другие так своеобразны по краскам, полны такой непосредственности, такой свежести и наивности, что, глядя на них, невольно восстают в памяти годы собственного детства, какие-то милые видения, полные музыкальной прелести. Вспоминается также удивительное ясновидение детства, когда все мироздание представлялось чем-то родным, близким и в то же время таинственным и священным. Вспоминается, словом, то чудное время, когда всякий из нас был истинным и глубоким поэтом.

Рядом с Поленовой заслуживают быть упомянуты К. Коровин и Головин. О Коровине мы уже говорили, как о художнике, обладающем необычайным колористическим даром. Этот дар он проявил в своих этюдах с природы, удивительно верно и тонко передающих своеобразную прелесть северной природы. Но, по-

жалуй, еще ярче сказалось это дарование в его декоративных работах. Здесь он является творцом своеобразных, очаровательных созвучий, блестящим симфонистом и в то же время чутким и тонким поэтом. Его рисунки для майолик, для мебели, для отделки стен, для театральных декораций, его устройство кустарного отдела на Всемирной Парижской выставке в виде сказочной и уютно-затейливой «Берендеевки» обличают в нем изящную, чуть-чуть забавную фантазию, всегда полную неожиданностей, очень непосредственную. К сожалению, трудно найти человека, менее усидчивого и положительного, нежели Коровин. Его создания бесчисленны. С истинно гениальной быстротой и виртуозностью производит он один эскиз за другим, его изобретательность прямо неисчерпаема, но трудно найти среди его вещей что-либо, проработанное до конца. Внешние обстоятельства немало способствовали развитию в Коровине этой чисто импровизаторской деятельности. Своими панно для Парижской выставки он доказал, что способен сосредоточиться, создать нечто цельное, веское, обдуманное, но до сих пор только этот один раз Коровину была дана возможность вполне серьезно отдаться своему творчеству. Коровин нужен слишком многим. Его разрывают на части и не дают успокоиться, сосредоточиться. Целые годы проходят у него иногда в безумно спешной работе. В частности, разумеется, прекрасно, что этот мастер взялся за реформу театральной постановки, дошедшей до последних пределов рутины, и создал в этом роде целый ряд превосходных и высокохудожественных образцов. Прекрасно вообще, что и он «разменялся», снизошел до всевозможной мелочи, превратился в столяра, гончара, обойщика. Не хорошо только, что у него так мало помощников, что он должен один справляться с массой вещей, которые в былые, более утонченные времена распределялись между десятками и сотнями художников. Неудивительно поэтому, что от вечной спешки создания Коровина страдают иногда каким-то «случайным» и поверхностным характером.

То же самое можно сказать и про Головина. Головин создал еще меньше положительного, высокого, нежели Коровин. В публике его почти не знают и считают за дилетанта. Однако одни его декорации к операм «Ледяной дом» и «Псковитянка» указывают на то, какой это настоящий, Божьей милостью, художник, какой это тонкий поэт и громадный мастер. Лишь у Сурикова можно найти такую ясность исторического взгляда, такое чуткое понимание прошлого, какое обнаружилось в этих созданиях Головина. Вся пестрая, варварски-яркая, азиатски-роскошная, курьезная и в то же время мрачная, страшная русская жизнь Аннинской эпохи встает здесь как живая. Это тем более удивительно, что до сих пор это время было забыто, загнано. У нас принято с интересом относиться к допетровскому времени, но к XVIII веку почти все чувствуют какое-то презрение и считают его скучным, потому что неродным. А между тем, быть может, нет ничего более своеобразно-очаровательного, нежели это время, особенно период, близкий к Петру, когда старорусское так чудно смешивалось с чужеземным, когда создавалась такая невероятная, прямо фантастичная по своей странности жизнь. Голо-

вин угадал это время, воскресил его в своих декорациях, и посредственная опера г. Корещенка получила благодаря такой изумительной иллюстрации необычайную художественную прелесть. Декорация Вечевой площади в «Псковитянке» с ее огромными, темными куполами, вырисовывающимися на страшном, холодном небе, декорация «Въезда Ивана Грозного» с ее серой и светлой, праздничной гаммой являются прямо откровениями в театральном деле. Декорация приобретает одинаковое с музыкой значение, дополняет ее, дружно служит с нею одной цели.

Эти декорации, эти эфемерные, на один год созданные, произведения единственно говорят о настоящем значении Головина. Все его остальное творчество является, скорее, какими-то пробами пера, из которых, правда, выносишь убеждение в большом таланте автора, но которые сами по себе не являются зрелыми, готовыми художественными созданиями. Его картины, напоминающие своим нежным лиризмом некоторые картины Васнецова и Нестерова, не лишены прелести, но гораздо большего интереса заслуживают его орнаментальные работы, из которых некоторые, позднейшие, вполне самостоятельны, другие по своему характеру подходят к последнему фазису творчества Поленовой. Чарующие по краскам, странные по формам растения вздымаются,гибаются, сплетаются в роскошные венки, хороводы царственных лебедей тянутся длинными рядами, красивые сказочные птицы и звери выются и кружатся в приятной и спокойной фантазмагории. В последних, однородных произведениях Поленовой всегда чувствуется болезненная нота, и в то же время в ее прекрасных кошмарах есть какая-то мысль, какое-то настроение. У Головина все это одна только легкая, ласкающая глаз игра. Слабее других более сложные композиции Головина (например, для майолик гостиницы «Метрополь»), в которых он увеличивает до грандиозных размеров довольно легкомысленные иллюстрационные наброски. В них нет выдержки, а потому нет и стиля. Они красивы по краскам, но бедны и поверхностны по формам. Впрочем, Головину еще менее, нежели Коровину, дана была до сих пор возможность высказаться вполне. Поэтому, безусловно, преждевременно составлять какое-либо окончательное мнение об этом высокодаровитом молодом художнике.

Самый любопытный из всех новейших художников-декораторов, бесспорно, Малютин. Самый любопытный уже потому, что он самый русский, вполне русский, более русский даже, нежели Васнецов и Коровин, не говоря уже о Головине, в значительной мере приближающемся к интернационалистам, о которых речь впереди. Любопытен Малютин, но именно только любопытен, только занят, до настоящего же художественного совершенства ему бесконечно далеко. Малютин — странное порождение русской культуры, такое же странное, если и бесконечно менее значительное, как церковь Василия Блаженного, как некоторые безумные страницы Достоевского, некоторые картины Ге или музыка Мусоргского. В Малютине какое-то странное, дикое, причудливое, но и очаровательное скопище самого разношерстного, пестрого, невозможного. Малютин — большой непосредственный поэт, почти гениальный фантаст, но все искусство его

растерзано, недоделано, сбито, все творение его состоит из каких-то помарочек, каких-то затей, не доведенных даже до настоящего начала, каких-то проб чего-то не то прекрасного, не то только забавного.

Одно, впрочем, безусловно, прекрасно в Малютине — это его краски. Гамма, которою он распоряжается, не очень затейлива и сведена к десятку простейших тонов, но из этой гаммы Малютину удается вызывать очаровательные восточносказочные аккорды. Но не одни краски хороши в Малютине. Если внимательнее разобраться, то придется изумиться необычайной, чисто детской фантазии этого человека. Малютин много иллюстрирует детские сказки, и здесь только вполне проявляется его талант. Детская сказка, настоящая сказка должна быть, во-первых, проста, и проста до последней степени — это главное условие ее прелести. В сказке не должно быть ни единой лишней детали, но зато каждое слово должно быть разительно. Хорошие сказочники — писатели и художники — это знали; вернее, они потому и были хороши, что обладали даром этой простоты и разительности. Рисунки Буте де Монвель, Кальдекота, Швинда, Л. Рихтера, старинные готические миниатюры и некоторые дубки — вот лучшие образчики в «сказочном роде». Средства самые простые, но, безусловно, врезающиеся в фантазию, дающие ей простор и жизнь. Истинно сказочные картинки создаются из своего рода иероглифов, объединяющих целую массу понятий; но только те иероглифы хороши, которые обладают чудесной силой вызывать эти понятия. Этой азбуке научиться никакими методами нельзя. Ее или знаешь, или не знаешь от природы. Эта азбука мистическая, не поддающаяся никаким правилам, неуловимая и прямо скрытая для непосвященного глаза. Нужно быть большим поэтом и большим ребенком, чтобы познать ее и владеть ею. Во всей истории искусства поэтому найдешь не более двух десятков художников, обладавших действительно этой дивной способностью. Малютин, бесспорно, один из этих немногих. Он также не нуждается в нагромождениях, в толпе статистов, в грандиозных декорациях. Две зеленые елочки, синее небо и белое поле достаточны, чтобы вызвать иллюзию о ясном зимнем дне; несколько пестрых пятен вместо деревьев и черная земля дают чудное осеннее настроение; пестро раскрашенная комната в три окна является царской гридницей, пять пар мужиков за столом производят впечатление огромного пира, какие-то домики, серебряная река вызывают представление о чудесном сказочном, богатом и могущественном городе. В чем дело? Где секрет? На то никто не сумеет ответить. Одно бесспорно, что в жалких, на первый взгляд убогих набросках Малютина действительно есть это тайное, всесильное, чудесное обаяние.

Однако художественное ли это впечатление, получаемое от сказок Малютина? Не выразишь ли такое же впечатление от Степки-Растрепки, произведения дилетанта-самоучки, или же от лубочных картинок, созданных грубыми и темными мужиками? Однако начать с того, что в «Степке-Растрепке» и даже в «талантливых» дубках ведь не играет роли сюжет, глупейший, вздорный сюжет; ведь трогают в них именно сами картины,

образы, линии, отчасти даже краски. Произведения Ге или Верещагина почти немы без сложных комментариев, из этих произведений с трудом вычитываешь их содержание. Их живописные достоинства крайне незначительны не только в смысле красоты красок, пятна или пластической формы, но и в качестве картин с рассказом, долженствующих вызывать тот или другой психический эффект. Во всяком случае, сила непосредственного, так сказать, образного впечатления в них бесконечно мала сравнительно с грандиозными намерениями авторов. Глядя на эти произведения, получается томительное чувство: хотел бы увидеть, да не увидишь. Наоборот, Степка-Растрепка — *toute proportion gardée* — безусловно гениальное произведение, и в доказательство можно сослаться на то, что оно, единственное из бесчисленных детских иллюстраций, врезывается навсегда в память, оно, единственное, не перестает быть занимательным и курьезным. Очень примитивно нарисован филистер, отправляющийся в зеленом сюртуке на охоту, но ведь превратился же этот филистер в вечный неиссякаемо-комичный тип; очень грубо нарисован папенька, укоризненно вопрошающий своего сына: «Ob der Philipp hoeute still, wohl bei Tische sitzen will?» — но другого «папеньку» себе и вообразить нельзя; очень уродливы цари, царевичи, царевны, странные пейзажи и здания на лубках, а между тем они остаются в памяти, мало-помалу очищаются в собственной фантазии от грубости и безобразия и превращаются в настоящие, вполне убедительные образы! Как же можно говорить о том, что здесь мы не имеем дела с художественным произведением.

32

Малютинские сказки обладают этим важнейшим свойством художественных произведений: они заставляют верить вымыслу. Правда, они несовершенны, они прямо убоги по форме, и это большой недостаток, но этот недостаток не уничтожает их главного и вполне художественного достоинства. Ведь не одна красота формы, но и убедительность формы составляют содержание истинно художественного произведения. Одни только высокохудожественные, классические произведения совмещают в себе эти оба начала. У Малютина этого слияния нет. Он убедителен и совсем не красив, и это тем более досадно, что Малютин, наверное, мог бы в себе развить и рисунок, и технику. Но, видно, в самой основе нашей культуры есть какой-то порок, из-за которого могут у нас являться такие курьезы, как Мусоргский и Малютин, решающиеся презирать главное в искусстве — форму. От некоторой ли личной недоразвитости или же, быть может, забитости Малютина (он много лет боролся с нуждой), но все его творение остается недосказанным, каким-то намеком, но зато намеком на нечто такое, что должно принадлежать к самому для нас драгоценному. И этим намеком мы дорожим уже наравне с самыми яркими и совершенными произведениями.

То же самое придется сказать и о всей декоративной деятельности Малютина. И здесь он проявил редкую самобытность. В сравнении с ним даже орнаментальные работы Васнецова и талантливейшие опыты Поленовой в старорусском роде покажутся не вполне свободными, не вполне русскими. При этом

замечательно, что Малютин никогда не подлаживался под старорусское искусство. Малютин просто сам старорусский художник, каким-то чудом попавший в конец XIX века. Весь его образ, изворот мысли — тот самый, какой был свойственен зодчим Покровского и Дьяковского соборов, тем фантазерам, которые расписывали притчами царские терема, или тем резчикам, которые создали волшебные царские врата в Толчкеве. Малютин такой же, как и они все, не знающий удержу фантаст, сказочник, не заботящийся о строгих линиях, о величественных пропорциях, о ясно выраженном целом. Он весь отдается своим прихотям. С припадочной нервностью ищет он выразить в формах пестрый, неизъяснимый хаос своей души. Самое курьезное, что создано им в этом роде, — это рисунки дворца и полной обстановки для любимца своих грез — для Аттилы, царя гуннов, которого почему-то Малютин себе представляет каким-то древнерусским витязем. Безумная, но очаровательная по своей детской наивности затея! Во всех этих рисунках мебели, комнат, убранства, нарядов чувствуется настоящий поэт, уживающийся странными и загадочными формами, ведающий таинственную природу вещей, относящийся ко всему, как к живому, к милому. Однако во всем этом слишком мало ладу и складу (гораздо меньше, нежели у гениальных творцов Василия Блаженного и у древних декораторов); все это, к сожалению, опять-таки только вступление, предисловие — недосказанное и даже недодуманное. Во всех подобных рисунках Малютина столько же уродливого, сколько и прекрасного, эта мебель так же неудобна, как остроумна, эти проекты так же дики, произвольны и неприложимы, как просты и интересны. Весь Малютин — несуразный, косноязычный, но бесспорно истинный художник.

ХИ

Прежде чем перейти к остальным художникам последнего фазиса русской живописи, нам необходимо выяснить наше отношение к вопросу о национализме в искусстве, так как если всех до сих пор разобранных художников действительно можно считать вполне русскими художниками, то, наоборот, остальные, за исключением разве только одного Сомова, не имеют в себе ничего типично русского, а являются вполне космополитами. Для многих космополитизм в искусстве и до сих пор, по недоразумению, кажется пороком, большим, не извиняемым пороком.

В особенности ратовал за национализм Стасов. Несмотря на свою принадлежность к лагерю либералов-западников, в вопросе пластического искусства Стасов вполне совпал со славянофилами и даже во многом ушел дальше их. В живописи, впрочем, требования народности, предъявленные Стасовым, были самого простого свойства. Он бывал вполне доволен, если только ему подносили русских мужиков, баб, салоппниц, попов, городских. До того, как это было исполнено, ему было мало дела, и потому милостью его пользовались даже такие мастера, которые были русскими только по сюжетам (напр., Гун, Якоби). Он требовал лишь копию с русской действительности, освещенную особым,

Л. С. БАКСТ. УЖИН. 1902 г.

М. А. ВРУБЕЛЬ.
Портрет Т. С. Люботович
в роли Кармен. 1890-е гг.

М. А. ВРУБЕЛЬ.
Портрет З. А. Штукенберг.
1882 г.

М. А. ВРУБЕЛЬ.
Испания.

нужным взглядом художника на свой предмет. Потому-то его не особенно обрадовало, когда Васнецов принялся за своих витязей и царевен, так как это «русское» ему казалось уже не столь «нужным».

Совсем иначе и гораздо деспотичнее относился Стасов к тем художественным отраслям, которые по самой своей сути совершенно чужды литературности, идее общественности — к архитектуре и к декоративному искусству (а также к музыке). Здесь он переходил на чисто националистическую точку зрения и подобно тому, как он сам одевался в пресловутую русскую рубаху, так точно он требовал, чтоб дома строились непременно с коньками, а мебель была увешена полотенцами. В музыке он был доволен только тогда, когда слышались такты из трепака или «эй, ухнем». Стасов успел даже безмерно надоеть этим вечным требованием русского шаблона, и «стасовский» жанр, заполнивший нашу архитектуру и нашу музыку, в конце концов приелся до тошноты.

Стасовское требование от художников работ в «русском стиле» есть, в сущности, глубокое варварство. Оно обличает полное непонимание как задач истинного искусства, так и психологии художественного творчества. В своем роде и это есть академизм, и даже, быть может, горший, а по результатам, наверное, более печальный, нежели академизм, основанный на признании классических канонов. Но как многое другое, так и эта стадия, пережитая русским искусством, принесла свою пользу, хотя бы в том, что только с тех пор, как эти требования стали достоянием истории, явилась возможность уяснить себе самую идею о национальном в искусстве и то значение, которое эта идея должна иметь при оценке художественных произведений.

36 Не подлежит спору, что русский не должен стараться быть французом или немцем, корчить из себя француза или немца. Если он будет прислушиваться к тому, что в нем говорит его порода, его кровь, он, наверное, скажет нечто более яркое, сильное и новое, нежели, если он будет повторять зады того, что говорят чужие, хотя бы искушение было очень сильно. С другой стороны, однако, крайне опасно корчить из себя национального художника. Между тем в России при некотором шовинизме, проявившемся за последние 20, 30 лет, такое «корчанье» стало прямо фатальным, так как в силу исторических условий жизненная связь между художником и народом в большинстве случаев бывала порванной. Зачастую для вполне искреннего человека, родившегося и воспитавшегося в России, чисто русские формы кажутся несравненно более чужими, нежели западные, на которых по крайней мере он вырос, которые он впитал в себя с самого детства. Хорошо сибирякам Васнецову и Сурикову или истому москвичу Малютину, влюбленным в русское и потому познавшим его, творить, следуя своему вдохновению, прекрасное и в то же время вполне народно-русское; но требовать того же от всех русских художников, из которых многие ничего «русского», кроме разве только тоновских церквей, не видели, по меньшей мере нелепо. К тому же избитая пословица о «товарищах на вкус» ни к кому так не применима, как к художникам. Некото-

рые из них прямо чувствуют какое-то непоборимое, чуть ли не физиологическое отвращение к русским формам, однако из этого еще вовсе не следует, что они не обладают тонким художественным чутьем, что они не в состоянии создать что-либо своеобразно прекрасное.

Действительно, значение тех художников, у которых сохранилась таинственная связь с народной эстетикой, огромно. Эти избранники отыскивают самый язык искусства, делают искусство народным, общим достоянием, дают своему народу возможность ярче выразить свое отношение к красоте. Имея все это в виду, мы именно и приветствовали в нашем введении чисто русские начинания московской школы, драгоценнейшие опыты Васнецова, Коровина, Поленовой, Головина, Малютина. Однако «петербургский» период не прошел даром для русской культуры, а, напротив того, наложил неизгладимую печать на всю нашу жизнь. Мы, и не одни только образованные классы, настолько в данное время заражены западным духом, что мы настолько отучились от своего, или, вернее, западное и чисто русское настолько переплелось и смешалось, что, с одной стороны, сомнительно, чтобы эти московские начинания могли иметь общерусское значение, с другой же стороны, не подлежит спору, что полного внимания заслуживают и те художники, которые не ищут непременно спасения в чисто русском, а, выражая вполне искренно свои идеалы, являются при этом настоящими космополитами.

Обратившись к прошлому искусства, мы, положим, отдадим предпочтение тем коренным художествам, которые выросли из самого сердца народного, из его верований и эстетического вкуса. Искусство Египта, Ассирии, Греции, Китая, арабов, браминской Индии, французская готика — вот самые прекрасные и сильно выраженные, самые громкие и торжественные слова из всех слов, сказанных человечеством. Однако, потому что эти слова так громки и торжественны, неужели следует игнорировать искусство эпох эклектизма и космополитизма, каковым было искусство Рима, Италии времен Возрождения, Японии, Персии, все современное искусство. Кто решится теперь презирать волшебную «чепуху» Пальмиры потому только, что существует гениально мудрый и чистый Парфенон, тонкое изящество Лувра или грандиозное величие Версаля потому только, что существует готический Парфенон — Notre-Dame? В попытках же националистов мы слишком часто встречаем худшее, что только может быть в искусстве, — натугу. Эта натуга, нудный трудный вымысел делают то, что Виоле-ле-Дюковский Пьерфонд никогда не сравнится в чисто художественном смысле с легкой произвольной и вдохновенной игрой форм барочных мастеров.

Свобода — вот первое условие художественного творчества, дающее вообще художественную окраску творчеству. Национальный характер есть уже придаток, сообщающий, правда, грандиозный ореол некоторым произведениям, но придаток, без которого можно обойтись и скорее даже должно обойтись, когда он не вложен самой природой в руку художника. Мы особенно

приветствуем появление таких художников, как Васнецов и Малютин, потому что они находят своеобразный народный язык для искусства, но многочисленные их подражатели не только не велики, но даже прямо неприятны, именно потому что они ломаются, потому что они стараются угнаться за неуловимым. Тем, кому важно видеть русское искусство искренним, сильным, вдохновенным, следует всеми силами бороться за то, чтоб наконец сбросить иго национализма, появившееся еще в 70-х годах и выросшее затем до чего-то невыносимого, кошмарного и отвратительного; в частности, отдавая все должное величию Васнецова, следует всеми силами бороться против его удушливой, византийской проповеди.

38 Полного сочувствия заслуживают те художники, которые, идя своей дорогой, оставаясь вполне самостоятельными, при этом более похожи на западных мастеров и, по-видимому, не имеют в себе ничего типично русского. К тому же нужно помнить, что «русский дух» лежит не только в тех или других (напр., васнецовских) формах, но гораздо глубже, во всем иногда неуловимом, неопределенном мирозерцании художника. Вот почему мы имеем право настаивать на том, что Иванов был истинно русским художником, несмотря на то, что он одевал своих действующих лиц в римские тоги и другие «католические» костюмы и ничего общего не имел со старорусскими иконописцами; вот также почему мы не решаемся сказать, что русского нет ничего в тех художниках, о которых нам остается сказать, несмотря на то, что и круг их сюжетов, и все формы, которыми они пользуются, скорее западного происхождения.

Это свое вступление мы не считаем лишним, так как нам кажется, что будущие дороги русского искусства вряд ли лежат в том направлении, которое наметили москвичи с Васнецовым во главе. С исторической необходимостью эти дороги поведут нас все ближе и ближе к слиянию с общезападной школой. При этом мы не должны беспокоиться, что утратим свою самобытность. Оттого, что французы в наше время не мыслят так, как мыслили готические художники, англичане не придерживаются непременно своего Tudor-style, итальянцы — ренессансных форм, а немцы — романских, они все же не менее национальны, не менее самобытны. Так точно и русское слово в искусстве, которое все еще «за нами», не должно быть непременно сказано в «ставовском», «васнецовском», «московском», тем менее «византийском» роде, но просто должно быть произнесено внятно, искренне и от души. *Русский дух* будет в него вложен фатально, сам собой. Поэтому-то мы должны с особенным вниманием отнестись к тем из молодых художников, которые являются скорее представителями петербургской, вернее, современно-русской, нежели московской, вернее, старорусской культуры. В данную минуту они еще одиноки и не признаны официально, но будущность за ними и за теми, кто им последует на этом свободном пути.

XII

Из художников этой последней группы наибольшие толки

вызвал Врубель. Врубель для большинства людей, даже очень внимательно следящих за русской живописью, остается до сих пор загадкой. Отчасти это, впрочем, зависит от того, что он до последнего времени крайне редко и далеко не полно являлся на выставках, но, с другой стороны, и то немногое, что удавалось публике видеть из работ художника, скорее смущало, нежели радовало ее. О Врубеле существуют два совершенно противоположных мнения. Одни считают его за бездарность, за шарлатана, прячущего свое неуменье за всякими вывертами. Другие, напротив того, превозносят его как гения, которому все доступно и который, как полагается гению, любит эксцентричность и мистификацию буржуа. Безусловно, неправы те, кто считает этого высокодаровитого художника за шарлатана. Человек, обладающий таким огромным мастерством, такой удивительной рукой, написавшей такие дивные по своей сжатой, эмалевой живописи, образа в Кирилловском монастыре, рядом с которым васнецовские фрески кажутся поверхностными иллюстрациями, — такой прекрасный и разносторонний техник ни в каком случае не может считаться шарлатаном, прячущимся за вывертами. Однако действительно Врубель не свободен от вывертов, но не следует искать причину их в его неумении, а именно в том, что Врубель не гений и что он, как большинство современных, в особенности русских, художников, не знает границ своего таланта, не знает круга своих способностей и вечно возносится якобы в высшие, в сущности, только чуждые ему сферы. Врубель вечно «гениальничает» и только досадливо вредит этим своему чудному дарованию.

В сущности, и его смущает grand art; только для умного, образованного, чуткого Врубеля grand art не представляется уже в избитой, наивной академической редакции. Его смущает вся история живописи, великие «фрескисты» прошлого, ему хотелось бы быть таким же великим живописцем. Казалось бы, очень похвальное, но, в сущности, крайне опасное и крайне вредное для искусства честолюбие, погубившее уже немало народа. Нечто подобное такому же желанию, во что бы то ни стало быть великим и значительным, ведь сбилось с толку даже такого колосса, как Репин.

Тем не менее и несмотря на то, что и Врубель массу лет своей жизни потратил на театральные декорации и тому подобные эфемерные вещи, можно набрать немало его работ, дающих нам понятие о том, какой это крупный и прекрасный талант. Его фантастические разводы по стенам киевского Владимирского собора — плавные и музыкальные, как сновидения, сплетающиеся дивными линиями, переливающиеся чарующими красочными сочетаниями — пожалуй, наиболее свободное и художественное явление во всем этом памятнике современного русского искусства и, без сомнения, оставляют позади себя прекрасные, но все же не чуждые археологии и компиляции узоры Васнецова. Некоторые декоративные панно Врубеля действуют своими удивительно подобранными мертвенно-серыми или золотисто-коричневыми тонами, как музыка. Некоторые его картины поражают своей стилистической каллиграфией, своей маэстрией, своей

благородной и спокойной гаммой, ничего общего не имеющей с шикарным «росчерком», сладкими красками художников старшего поколения или с паточным изяществом какого-нибудь Мюна. Хамелеонство, отзывчивость, податливость Врубеля безграничны. Человек, сумевший несравненно ближе, нежели Васнецов (и раньше Васнецова), подойти к строгим византийцам в своих кирилловских фресках и с таким же совершенством, так же свободно и непринужденно подражающий лучшим современным западным художникам, не просто ловкий триюкер, но нечто большее, во всяком случае, странное и выдающееся явление, встречающееся только в старческие эпохи, когда накопится слишком много скрещивающихся идеалов и идет великая, трудная работа сводки самого пестрого в одно целое.

Разумеется, все это если и говорит о значительности таланта Врубеля, то все же не рисует его цельным и сильным художником. Впрочем, Врубель сам не виновен в том, что он сбит, что его искусство затуманено и недоговорено. Виновато в том все наше общество, ограниченный интерес его к искусству и внедрившиеся нелепые взгляды на живопись. Никто не отметил в свое время такого поразительного явления, как Кирилловские фрески Врубеля, никто не оценил по достоинству его Владимирских узоров (многие приписывают их прямо Васнецову), а панно его для Нижегородской выставки, правда, в достаточной мере чудаческие, но все же в высшей степени талантливые и декоративные, вызвали лишь всеобщее негодование и бесконечное глумление. Завязтые передвижники, разумеется, и слышать ничего не хотели о таком разнuzданном и сумасшедшем «декаденте», представители академического искусства тем менее; даже справедливей, чуткий ко всему новому Третьяков не решился приобрести что-либо из врубелевских вещей для своего музея. Многие годы Врубель был всеобщим посмешищем, и лишь крошечная кучка лиц относилась к нему серьезно и любовалась его громадным живописным талантом. Естественно, однако, что эти немногие, реагируя против всеобщего негодования, перехватывали в этом восторге через край, восторгались во Врубеле решительно всем — и хорошим, и дурным, тем самым потакая его эксцентричности. Это фальшивое положение отозвалось даже на технике Врубеля, заставило его перейти от прежней спокойной манеры к диким экстравагантностям, к мозаичной работе, если и сообщаящей его вещам большую яркость, то все же несомненно вредящей им в смысле поэзии и настроения.

За последнее время во Врубеле происходит несомненный перелом: Его «Утро», его «Суд Париса», его «Сатир», «Сирень» и «Ночное» указывают на совершающееся в нем успокоение и в связи с этим на большую сосредоточенность мастера. В то же время он становится все более и более самостоятельным. «Кирилловские фрески» в конце концов не что иное, как изумительно ловкий и тонкий пастиччио византийских фресок, вроде подражаний ван-Бееера старонидерландским мастерам; его панно с легендой Фауста, к сожалению, слишком отдают немецкой, слишком по-мюнхенски надушены, настолько даже, что при взгляде на них трудно не вспомнить ужасной памяти Лицен-

Мейера; Микула Селянинович Врубеля неприятен своим вовсе не русским ухарством, своим отсутствием всякой сказочности. Совсем другое его последние вещи. В особенности его удивительно смело задуманная «Сирень», действительно точно передающая сладострастный, опьяняющий запах этих волшебных весенних цветов; его «Ночное», имеющее в себе так много первобытно-загадочного, так чудно передающее эффект зловеще догорающей багряной зари на далеких степных дугах, и, наконец, его «Сатир» — совершенно новое, вполне самостоятельное толкование древнегреческого мифического мира. Чувствуется, что Врубелю нужно только глубже уйти в себя, нужно еще более сосредоточиться, нужно сковать свою технику, серьезно прислушаться к своей фантазии, окончательно успокоиться и отказаться от эпатирования, чтоб из него вышел превосходный большой живописец и поэт. Удастся ли ему сделать эти шаги, покажет будущее, и только в будущем можно будет вполне оценить этого мастера, который до сих пор если и принадлежит к самым отрадным явлениям современной русской школы, то все же далеко не представляет заключенного целого, вполне высказавшегося и выяснившегося художника.

XIII

Еще менее выяснившимся представляется Бакст. Он начал с нелепых анекдотов в духе Владимира Маковского, увлекся затем Фортуну и несколько лет подряд блистал на акварельных выставках своими жеманными головками, перешел затем к более серьезным задачам и в своем «Въезде Авелана» пытался с большой затратой энергии тягаться с Менцелем, после того ударился в подражание шотландцам и современным французам, надавал в этом роде несколько хороших пейзажей и портретов и вдруг за последнее время обратился к «старикам», к серьезному культу форм великих мастеров прошлого. Какое метание, какой извилистый далекий путь! Все это делалось вполне искренно, убежденно, с горячим увлечением, но несколько бестолково и непоследовательно. У Бакста — золотые руки, удивительная техническая способность, много вкуса, пламенный энтузиазм к искусству, но он не знает, что ему делать. Бакст лихорадочно мечется и раскидывается, а между тем годы уходят и положительно становится досадно, что он не желает смириться, не желает понять круга своих весьма выдающихся способностей.

На таких художниках, как Бакст и отчасти как Врубель, в особенности пагубно сказывается современное положение искусства и художественной критики. В былое время «золотые руки» Бакста нашли бы применение. Он не стыдился бы посвящать себя тому, к чему он, в сущности, призван. Бакст был бы декоратором, ювелиром, быть может, миниатюристом — мелким, но интересным и истинным художником. Его не смущало бы желание тягаться с Менцелем и Микеланджело. В те времена, когда понятия о ремесле и искусстве смешивались, когда мебельщик или купец чувствовали себя одной семьей с величайшими гениями и поэтами, развитие такого художника, как Бакст,

М. А. ВРУБЕЛЬ. Боль. 1899 г.

А. А. ГОЛОВИН. Маркиза.

М. А. ВРУБЕЛЬ. Исламская танцовщица в красном.

наверное, пошло бы своим нормальным путем, его не смущало бы произвольное академическое разделение на высокое и низкое искусство, на чистое художество и художественное ремесло. Теперь главная способность Бакста, его изумительное декоративное дарование, пропадает зря, благодаря тому, что и он сам слишком высоко относится к нему, слишком мало работает в этом роде, да что и внешние обстоятельства не дают ему возможности, кроме разве только в случайных и мелких вещах, обнаруживать эту свою замечательную способность.

В наши дни только, после долгого загона, снова возродилось, но покамест лишь в узком кружке художников, поклонение красоте линии, так сказать, художественной каллиграфии в лучшем смысле этого слова. Целый век художники любовались и восхищались всеми стилями прошлого, с удивительным упорством старались их воспроизводить, но при этом главное внимание обращалось только на общий шаблон, на общие типы, и лишь кое-кто из очень чутких и тонких натур шел дальше, открывал, приглядываясь, что прелесть прошлого искусства, особенно декоративного, — в штрихах, в мазках, в самой лепке, в технике, в составных частях, из которых создается художественное произведение. Школа-академия, наоборот, святотатственно учила ужасному делу: «облагораживанию», «очищению» старинных форм от варварства. Дисциплинированным на римских акантах и гипсах ученикам предписывалось так же «чисто», так же строго воспроизводить готические, ренессансные и «рококошные» формы. Получалась тоска, жидкое снятое молоко, лишенное всякой жизненной силы. Реакция проявилась в том, что была наложена анафема вообще на всякую технику и всякую каллиграфию. В свое время это гонение было не без пользы, так как этим самым наносился удар худшему врагу искусства — академизму. Теперь же, когда главный враг свержен, пора позаботиться о том, чтоб отделаться от грубости и варварства, и заговорить языком, более подходящим к культуре XX века, нежели тот язык, на котором говорят Малютин и отчасти все москвичи. Бакст мог бы наравне с Сомовым, наравне с Кондером, Ю. Децом и другими поэтами чистых форм оказать огромную услугу в этом деле отыскания нового совершенства форм — принадлежат же его виньетки, его декорации, его композиции костюмов и всевозможных предметов к самому замечательному, тонкому и драгоценному, что было создано до сих пор в этом роде.

Гораздо скорее нашел свою дорогу Лансере. Этот еще совсем молодой художник уже вполне мастер в той области, которую он себе избрал. Глядя на развитие Лансере, можно вполне удостовериться, что он иллюстратор, что он «книжный» художник по призванию. Масло не дается ему совсем. В его очень характерных, удивительно типично схваченных акварельных пейзажах все же неприятно поражает техническое несовершенство. Зато в штрихе, в украшении книг, в просто и ясно «иллюминированных» миниатюрах он неподражаемый виртуоз, и не только виртуоз, но задушевный, тихий поэт. Уже первый опубликованный его опыт в этом роде: иллюстрации к Бретонским сказкам г-жи

Балабановой обнаружили в нем тонкого, чуткого художника. Лансере, живший в момент исполнения этих рисунков в Бретани и увлекавшийся этой грандиозно-сумрачной легендарной страной, сумел вложить в некоторые свои рисунки столько непосредственной фантастичности, в другие — столько тихой уютной поэзии, что благодаря этим иллюстрациям неудачная книга г-жи Балабановой получила большой художественный интерес. С тех пор Лансере неотступно подвигался вперед. Некоторая робость его штриха исчезла, его рисунок стал сильным и вполне характерным, его концепция упростилась до типической ясности.

Особенного упоминания заслуживают его декоративные работы, также почти исключительно посвященные украшению книг. В эпоху торжествующего позитивизма и утилитаризма исчез прекрасный многовековой обычай — украшать книгу. «Книга должна служить для ума и для практических целей, а не для удовольствия глаз», — говорили в то время, и очень быстро в связи с таким мнением типографское искусство пало до последней степени безвкусицы. Украшения допускались только для так называемых «роскошных» изданий, предназначенных красоваться на столах буржуазных гостиных рядом с Крумбюгелевской лампой и фигурками от Кнопа. Для этих изданий гнушались работать серьезные художники, да серьезные художники вообще гнушались заниматься такими «пустяками». Даже художественные журналы издавались в изумительно уродливом виде. «Миру Искусства» наряду со многими другими заслугами принадлежит огромная заслуга поднятия у нас типографского дела, возвращения книге ее стародавней прерогативы быть, что касается внешнего вида, взлелеянной, обработанной руками настоящих художников, с сердечным увлечением отдавших этому прекрасному делу. В ряду этих последних художников Лансере занимает рядом с Бакстом и Сомовым одно из первых мест. Его виньетки, заставки, концовки, ex-libris, заглавные буквы, шрифты, будучи вполне самостоятельными, могут по своему высокому изяществу, по своей грации и остроумию равняться с работами лучших мастеров — и не одного только XIX века. «Русского» в них искать нечего. Корни искусства Лансере не в московских старопечатных книгах, но в дивно иллюстрированных хрониках Фруассара, в венецианских изданиях XVI века, отчасти и в современных английских книгах. Но это отнюдь не лишает его работы их высокохудожественного значения, так как Лансере двигают глубокие, сердечные симпатические связи с западом, а не пустое, поверхностное подражание.

XLIV

Сомова мы причислили к художникам-западникам, но это верно только в известном смысле, а именно в том, что в нем нет ничего старорусского, московско-русского. Однако ж «русское» в конце XIX века не может исчерпываться Москвой XVII века, и потому Сомов, не походя ни в чем ни на Васнецова, ни на Малютина, тем не менее может и должен считаться вполне русским художником. Сомов имеет близких к себе художников

на Западе. Несомненно, мюнхенцы Гейне и Диц, англичане Бердслей и Кондер, бельгийцы Минне и Дудле — все родственные между собой художники — имеют много общего с Сомовым. Но как и они все независимы друг от друга, так точно и Сомов рядом с ними вполне самобытное явление, сходство же его с теми мастерами объясняется тем, что в образовании как Сомова, так и этих художников лежали те же культурные условия. Если бы не бояться недоразумений, то именно всех этих художников следовало бы назвать истинными декадентами, не в том, разумеется, смысле, что их искусство означает упадок художественного мастерства, но в том, что они в своем, до последних пределов уточненном и болезненно-чутком, горячечно-прекрасном и загадочном творчестве полнее других отражают самый дух своего изнеженного, душевно-растерзанного, истеричного времени. Они такие же декаденты, какими были архаистические эллинистские скульпторы времен Римской империи, какими были Лонгус, По, Гофман, какими были Сандро и Филиппино Липпи, Ватто и Фрагонар. Их болезненность того же высокого качества, того же божественного начала, как болезненность некоторых экзотиков, пожалуй, даже и пророков. В их странной смеси уродливого и прекрасного, удивительного совершенства и странной немощи обнаруживается трагедия человеческой души, достигшей высшей точки своего развития, рвущейся уйти в другие загадочные миры и все же привязанной к житейской прозе, к скучной действительности.

46

Многим, наверное, покажется странным, что, говоря о «Дачах», о «Прогулках», о дамах в кринолинах, об «Островах любви» и прочих произведениях Сомова, по-прежнему представляющихся большинству смехотворными глупостями, мы так далеко хватаем, призываем на помощь сравнения с Лонгусом и Сандро и говорим о трагедии человеческой души. Но дело не в «дачах» и «кринолинах», не в темах, а в самом свойстве сомовского таланта, в той прелести, в той странности и загадочности, в той щемящей меланхолии, которой исполнены все его произведения и даже самые пустынные, самые вздорные. Связь Бердслея с «декадентами» Ренессанса, пожалуй, еще понятна. Его мистические темы, не то религиозный, не то богохульственный характер его рисунков имеют слишком очевидное родство с Венерами Сандро, с болезненными религиозными кошмарами Липпи. Связь сомовских «дач» и «кринолинов» с гениальными произведениями великих «классических» декадентов менее понятна, но тем не менее она существует, почти неопределимая, неуловимо тонкая и все же близкая.

Сомов редко изображает современность. Лишь в нескольких портретах, удивительно сильных и характерных, лишь в своих серьезных, точных и тонких пейзажных этюдах прибегает он к копированию природы, действительности. Все остальные его произведения изображают или совершенно фантастические явления, или давно прошедшие времена. И тем не менее нет художника более современного, нежели Сомов. Все его произведения насквозь проникнуты духом нашего времени: безумной любовью к жизни, огромным, до последних тонкостей доходящим

гутированием ее прелестей и в то же время каким-то грустным скептицизмом, глубочайшей меланхолией от «недоверия» к жизни. Его дамы в кринолинах, его «скурильные» господа в клетчатых панталонах, его маркизы, его феи не только милы и очаровательно комичны, но и исполнены щемящей грусти. Сомов и верит, и не верит, скорее *не верит*, что все это еще живо, что все это не сметено в великую сорную яму. Прошлое, встающее как живое перед ним, все же безнадежно мертво, навеки схоронено. Поэтому если ему и мила, нежно, сердечно мила жизненная возня всех этих людишек, их страсти, их увлечения, которые он так понимает и разделяет, то все же одновременно все это ему и смешно, потому что ненужно, сметено, пропало зря. Глубоко трагическое положение души, возможное только в эпохи старческой дряхлости, близости к смерти, в эпохи отчаяния.

Искусство Сомова ничего не имеет в себе литературного и плохо поддается философскому анализу. Сомов, во-первых, настоящий живописец, настоящий рисовальщик, истинный поэт форм, а не рассудочный мыслитель. Его искусство диаметрально противоположно искусству какого-нибудь Ропса или Клингера. Понятия, мысли, выраженные в его произведениях, — не продукты выдумки, а потому едва ли определимы словами. Сомов, бесспорно, мистик, но не мистик мысли, а мистик форм — важнейшее качество в живописце. Самые простые сюжеты, наивнейшие сценки из эпохи «Бедной Лизы» и «Графа Нулина» получают в его изображении какой-то странный фантастический характер. В неподдельной ломанности, в искреннем жеманстве Сомова, заставляющих так убежденно гоготать грубую и пошлую толпу, скрыта неувядаемая острота. Сомов большой рисовальщик. Он мастер линий, он маг линий. Его пресловутый *дурной рисунок* — в сущности изумительный рисунок, так как он один без всяких литературных комментариев, одними своими линиями вызывает с безусловной силой тончайшие настроения, целый мир особых ощущений. Уже в его непосредственных рисунках с натуры такая тонкость, такой аромат, что эти сероватые этюды можно причислить к самым удивительным классическим произведениям. Но полностью проявляется сомовское дарование в его свободных, фантастических вещах и в особенности в его декоративных работах, оставляющих, по своей непосредственности, легкости, грации, тончайшей игре форм и какой-то неизъяснимой поэзии, далеко позади себя все, что было за последнее время у нас сделано в этом роде.

Сомов не может считаться великим художником. Его искусство, подобно поэзии Гофмана или По, слишком специального оттенка. Оно не захватывает широкого круга идей, не дает мощных укрепляющих и поднимающих дух образов. Рядом с безусловно великими произведениями живописи оно покажется, пожалуй, мелким, во всяком случае, болезненным, слишком изнеженно тонким. И в русской живописи были за 100 лет грандиозные силачи, рядом с которыми Сомов покажется хилым ребенком. Однако в этом как раз большой вопрос: кто ближе к пифическому жертвеннику, к Аполлонову откровению? Те ли мощные, но грубоватые здоровяки, не сумевшие ни высказаться,

ни вырваться на свободу, ни воспитать себя, ни отразить в своем искусстве что-либо высшего, божественного порядка, или же этот «хилый ребенок», являющийся настоящим поэтом, настоящим визионером, настоящим художником. Огромное преимущество Сомова перед другими художниками то, что он цельный, что он весь и целиком отдался погоне за чарующими видениями, пренебрегая миром, пренебрегая суетной славой. Он предпочитает быть всеобщим посмешищем, нежели на шаг отступить от своей дороги, на шаг уступить требованиям общества. Сомов, подобно Гофману и Бердслею, представляет крайнюю точку развития индивидуализма, и тем самым он насквозь художник, его искусство — настоящий, драгоценнейший алмаз, быть может, и не особенно крупный, но чистой воды.

В начале XX века историей русской живописи иначе не кончить, как Сомовым, ибо за ним последнее слово: он покамест за эти 10 лет — самое яркое, отрадное и типичное явление в нашей живописи. Но по своему основному свойству искусство Сомова — искусство индивидуалиста — не может породить школы, не может создать направления. Вообще все искусство нашего времени лишено направления. Оно очень ярко, сильно, полно горячего энтузиазма, но, будучи вполне последовательно в своей основной идее, оно разрознено, раздроблено на отдельные личности. Быть может, это нам только так кажется, быть может, будущий историк на расстоянии увидит общие характерные черты, обрисует общую физиономию, но покамест этого сделать нельзя, и всякая неудачная попытка была бы вредной, так как создала бы теорию, программу там, где по самому существу ее не должно быть. Вероятно, впрочем, что будущее не за индивидуализмом. Наверное, за дверью стоит реакция. После периода свободы, после периода разброда наступит новая форма синтеза, хотя бы и одинаково отдаленная от тех двух родов художественного синтеза, которые царили до сих пор в русском искусстве: от академизма и общественного направления. Историческая необходимость, историческая последовательность требуют, чтобы на смену тонкому эпикурейству нашего времени, крайней изощренности человеческой личности, изнеженности, болезненности и одиночеству снова наступил период поглощения человеческой личности во имя общественной пользы или же высшей религиозной идеи. Нам остается только пожелать, чтоб в годы, которые осталось жить искусству нашего поколения, оно высказалось как можно ярче и громче. Тогда только можно ожидать, что и реакция, что и следующий, вероятно, противоположный фазис искусства будут отличаться силой и яркостью. В искусстве ничего нет хуже слабости и вялости, безразличия и связанной с ним тоски. Между тем один из самых серьезных упреков, который можно сделать русскому искусству до сих пор, — это именно упрек в вялости и в безразличии.

Впрочем, грех, разумеется, не в одних художниках; он зиждется на глубочайших основаниях, на отношении всего русского общества к искусству. Между тем вряд ли можно ожидать какого-либо улучшения в этом роде, пока будет длиться наша дремота, которая, в свою очередь, зависит от всех своеобразных усло-

вий русской культуры. Лишь с постепенным изменением этих условий можно ожидать и истинного пробуждения нашей художественной жизни, того грандиозного «русского ренессанса», о котором мечтали и мечтают лучшие русские люди. До сих пор русская духовная жизнь озарялась, правда, ослепительно яркими, иногда грозными, иногда дивно-прекрасными зарницами, обещавшими радостный и светлый день, но мы теперь, во всяком случае, переживаем не этот день, а тяжелый, сумрачный период ожиданий, сомнений и даже отчаяния. Такая душная и давящая атмосфера не может способствовать художественному расцвету, и надо только удивляться, что, несмотря на это положение вещей, все же и теперь замечается какой-то намек на наш расцвет в будущем, какое-то тайное предчувствие, что мы еще скажем заложенное в нас великое слово.

С.-Петербург. Весна 1899 г.— Весна 1902 г.

ПРЕДОПРЕДБЛЕНИЕ

Л. С. БАКСТ.
Заставка для журнала
«Мир искусства». 1901 г.

50

Драматургу Виктору Розову за восемьдесят лет, в его жизни было все: голодное детство, тяжелое фронтовое ранение — угроза ампутации ноги, долгое безденежье безработицы, бытовые проблемы (23 года прожил в бывшей келье Зачатьевского монастыря).

Но была и есть радость творчества, друзья, близкие, знакомства с интереснейшими творческими личностями: Кнебель, Бабановой, Сац, Арбузовым, Ионеско, Шагалом, братьями Адельгейм.

Да разве всех перечислить?

О себе Розов говорит:

«Я счастливый человек.

Я родился в воскресенье.

Мне повезло

уже с самого начала —

родиться в праздник».

— Виктор Сергеевич, вы признанный драматург, не пропускаете ни одной премьеры в театрах Москвы, хорошо знаете и студийную театральную жизнь. Как вы считаете, опасения, что театр умирает, сегодня уже не своевременны, или они все же остаются?

— Было бы неверно утверждать, что наш театр умер. Он все еще богат великолепными актерами. И я бы даже назвал несколько блестящих премьер, которые прошли в последнем сезоне. Так, Гончаров в Театре имени Маяковского возродил эфросовскую постановку «Наполеона I». Реставрация этого спектакля явилась приятной неожиданностью для меня. Когда-то он с огромным успехом шел на Бронной... И я опять с наслаждением смотрел игру Ольги Яковлевой, Николая Волкова, да и весь актерский ансамбль был на высоте.

ВИКТОР РОЗОВ:

«Найдите ключик...»

А в Театре Вахтангова прошли «Без вины виноватые». Тоже заметный спектакль. Правда, Островский решен несколько вольно, я бы сказал, что это скорее импровизация на тему Островского. Но к тексту отнеслись очень бережно, изящно переведя его в некое театрализованное представление, что, кстати, позволяет сделать и сама пьеса, поскольку все действие происходит в актерской среде. И трогательная, во многом сентиментальная, в хорошем смысле этого слова, пьеса превращается в праздничный театральный спектакль.

Вообще к Островскому обратились многие театры, и зритель благодарно принимает словно бы второе его рождение. Мне удалось посмотреть многие из этих спектаклей. Последний — «Бедная невеста» в постановке Геннадия Печникова на малой сцене Центрального Молодежного Академическо-

го театра (когда-то он назывался Центральным детским, но, увы, времена меняются). Славный спектакль — и играют по Островскому, и поставлен тоже по Островскому.

В Малом — «Не было ни гроша, да вдруг алтын» с Самойловым в роли Крутицкого... И все так великолепно, великолепно...

Но, конечно же, в Москве идут, и с успехом, спектакли и других авторов. В общем, есть что посмотреть в столице. Вот видите, как много я перечислил удач театрального сезона. А это значит, что театр продолжает жить... И напрасно говорят, что культура погибла. Нет, она все еще держится. Иногда из последних сил.

— *Почему так происходит?*

— Видимо, причина в бездуховности и безыдейности самого государства. Помните, у Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже

нас возвышающий обман». Ведь когда есть идея, пусть идея недостижимая, даже фантастическая, как, например, долго нам внушаемая идея построения коммунистического общества, то все равно она двигает общество вперед. И, как показало время, не всегда заводит в тупик. А вот теперь государству так неинтересно общество, что ему даже лень «бросить в массы призыв к дерзанию». Бессмысленное государство. Иногда мне даже кажется, что у нас возникло «государство брюха».

А спасение я вижу только в вечном — в культуре. Мысль, конечно, не оригинальная, зато верная. Ибо культура — ценность, не измеряемая ни златом, ни мечом. А мы так увязли в материальном... Думаю, основная причина в этом. И еще назову одну причину: составилось поколение, основавшее «Современник», Театр на Таганке. То поколение, которое явилось как бы продолжением лучших традиций русского театра. Ведь ни точки преемственности тянулись от конца прошлого века — от Южина, Ермоловой к началу нынешнего... Но, очевидно, с десятилетиями они подгнили. И вот еще барахтается поколение шестидесятников, еще пытается держаться на плаву, но, к сожалению, слишком много прошло времени, и возраст неумолимо делает свое дело. Люди стареют, уходят... Кроме того, и это самое страшное, с возрастом исчерпываются творческие резервы.

Новое же поколение судорожно и весьма энергично бросилось создавать студии. Сколько же их возникло еще пять лет назад! Много, очень много. Но если после Октябрьской революции студии в большинстве своем превратились в прекрасные крупные театры, то студии сегодняшнего дня — бесперспективны. У них

нет будущего. Хотя и случаются неплохие спектакли. Например, смотрел у Олега Табакова «Бумбараш». Спектакль очень веселый, энергичный, темпераментный... Но... На уровне студийности. То же самое могу сказать и о телевизионном спектакле Марка Розовского — просто хорошая художественная самодеятельность. В свое время понравился «Гамлет» на Юго-Западе, но сейчас театр подзавял. Спектакли Виктюка, как я обычно говорю, «не мои», все динамично, все обновлено (во всех смыслах), но вот духовности я не увидел.

Теперь я пришел к выводу, что театр без современной, лидирующей пьесы (не исключая, разумеется, Шекспира, Шиллера, Островского, Чехова) — театр без головы.

Я прожил долгую театральную жизнь. Часто вспоминаю нехитрые пьесы Погодина — на его премьерах шумела вся театральная Москва. И, заметьте, при наличии Камерного, Малого, Художественного театров с «великими стариками», с камерным репертуаром. А только появилась современная пьеса, скажем, Арбузова, Погодина — и это оказалось для Москвы событием. Потому как жизненность театру всегда придавала только современная пьеса. Да, собственно, так было и раньше. Современный писатель Островский сделал театр. Так же как и современный писатель Чехов сделал театр. Я считаю, что именно современные пьесы сделали «Современник», «Таганку»... Жаль, что на сегодняшний день нет звонких, попадающих в десятку пьес, даже колокольного праздничного звона не слышно.

Так я думаю. И это объясняется естественными причинами. Наш театр был долго отлучен от иностранных пьес. По цензурным со-

ображениям запрещали многих авторов, теперь же ставят всех кряду. Но не классическую драматургию, а авторов прошлых десятилетий, уже не модных, устаревших, не вызывающих интереса...

— На ваш взгляд, почему нет крепких, интересных современных пьес? И куда «подевались» молодые драматурги?

— Я не могу вам ответить. Это для меня самого загадка...

— Виктор Сергеевич, один мудрец сказал: «В этом мире есть только две бесконечные вещи — сострадание мастера и глупость ученика». Видимо, вы тоже испытываете сострадание к современному театральному процессу?

— Конечно, обидно, что нет новых, ярких имен. А так хочется, чтобы пьесы молодых авторов шли в театрах... Недавно мне позвонил один мой ученик (хотя я уже год как не преподаю в Литературном институте) и сказал, что две его пьесы напечатали, сейчас готовятся напечатать еще одну. Я их прочел. Славные пьесы. Но, видите ли, чтобы открыть драматурга, нужен ключик. Например, считаю Вампилова последним крупнейшим советским драматургом, к сожалению, до сих пор не открытым. Корни Вампилова кроются не в Островском, не в Чехове, не в Арбузове. Его корни — в Гоголе. Ибо они с чертовщинкой. И, думаю, его время еще придет.

— В своей жизни вы встречались со многими деятелями искусства, многие были вашими друзьями. О ком вспоминаете чаще?

— Да, собственно, о всех своих друзьях. Арбузове, Штейне... Мы были очень дружны и читали друг другу свои пьесы. Как же были беспощадны в оценках! Как критиковали! Как спорили! В творчестве мы ставили для себя условие —

писать на уровне классиков. Ну, конечно же, нам было далеко до классиков, но требования друг к другу предъявляли высокие. Как наивна молодость!..

— Виктор Сергеевич, я слышала о необычных обстоятельствах вашего первого знакомства с Натальей Сац. Как и когда вы познакомились?

— Первая встреча с Натальей Сац произошла осенью 1943 года. Наша концертная бригада объезжала лагерь, где мы выступали перед заключенными. После концерта в Переборах, что под Рыбинском, за кулисы пришла заключенная Наталья Сац и спросила: «Кто все это сделал? Кто написал сценарий?» Узнав, что автором являюсь я, она обратилась ко мне со словами: «Когда меня освободят и дадут театр, я обязательно приглашу вас к себе работать».

Вскоре я забыл об этой короткой встрече. Шел 1945 год — не лучшее время в моей жизни. Я остался без работы, без денег. И вдруг получаю из Алма-Аты письмо с приглашением на работу в театр Натальи Сац. Она не забыла о нашей встрече и выполнила свое обещание.

Я уехал в Алма-Ату и, несмотря на все житейские трудности, был просто счастлив. Работа в театре Сац оказалась хорошей школой для меня: приходилось делать все — собирать концертные бригады, выступать в качестве актера, чтеца, режиссера, конферансье и одновременно писать пьесы и концертные сценарии.

— О вас часто говорят, что вы пишете на морально-этические темы. Сейчас книжные прилавки завалены литературой, в которой эта тема не присутствует. Как вы считаете, какое влияние может оказать подобная литература на молодежь, на нас всех?..

— Разумеется, плохое. Когда смотрю на все это, становится обидно, как быстро мы теряем духовность. Но не мое дело указывать... Сейчас идет сумятица, в том числе и в кругу интеллигенции. Люди теряются, не могут найти ориентиры. Без хорошей, духовной литературы обществу будет трудно выйти из кризиса. Стало быть, писатели — художники слова — должны думать об ответственности, особенно в такой сложный для страны период.

— Когда-то Олег Табаков написал, что актеры должны поставить вам в складчину памятник при жизни, имея в виду прекрасные актерские работы в ваших пьесах...

— Я никогда не писал специально для определенных актеров. Но доволен, что многие признанные сейчас мастера нашей сцены дебютировали в моих пьесах и это принесло им успех. Олег Ефремов, Геннадий Печников, еще много других актеров, режиссеров...

— Ваш любимый литературный герой?

— Близкий мне тип по мышлению — Иван Карамазов. Сложный, мучающийся, мучающийся человек. Как хорошо я понимаю эти мучения! Но духовно — самый родной и близкий Алексей Карамазов.

А еще люблю такой странный персонаж — кавалера де Грие. Кавалер де Грие любил даму полусвета, любил, несмотря на все, что она вытворяла... Я давно читал эту книгу, но на меня она произвела потрясающее впечатление. Любовь и должна быть такой...

— Виктор Сергеевич, что вас более всего тревожит сейчас?

— Не тревожит, я просто убит распадом государства на маленькие территории. Ничего хорошего из этого, мне кажется, не выйдет. Все это я переживаю как личную

драму. Когда-то я ездил в республики на свои премьеры или же просто так, в гости к друзьям... Везде было хорошо, весело, дружно... То, что творится сейчас... льется кровь, гибнут люди, дети... Я ведь живой человек и не могу не сочувствовать, не сострадать. Вот у меня дома тепло, светло, уютно, много книг, и, слушая радио, телевизор, я прихожу в ужас — людей лишают крова, родной земли, жизни... Во имя чего? Десятилетиями нам вдалбливали: потерпите, вот-вот наступит коммунизм. Сейчас еще более нелепо звучит: потерпите, скоро придет капитализм американского типа. Опять нам указывают несбыточный путь, который не приведет никуда. Впрочем, думаю, приведет — к несчастью. Это меня ужасно мучает.

— А лично вы видите какой-нибудь выход?

— Кровавого выхода даже не хочу предполагать, а мирного — не вижу. Конечно, путем долгих мучений что-то, может, получится. К сожалению, мы заблудились... «Бес нас водит, видно, и кружит по сторонам».

Мне уже очень много лет, и я вряд ли могу надеяться на лучшее. А как хочется, чтобы мои дети, в крайнем случае внучка, увидели хорошее будущее. Увы, надежды на ближайшие пятнадцать лет нет. Но жить все-таки надо. И живем. Худо ли, бедно... Несмотря на все плохое, что происходит в стране да и с нами, время сейчас интересное, интересное неожиданными поворотами.

— Что бы вы пожелали читателям «Смены»?

— Придите в восторг души от жизни. Найдите золотой ключик — от истины.

**Беседу вел
ЛЮБОВЬ БОЛДИНА.**

АЗС

СТЕПЕНЬ

РУСКА

После тяжелого третьего ранения в 1944 году Бориса Дубовского демобилизовали. К Игорю Васильевичу Курчатову он — молодой физик, выпускник Харьковского политехнического института — пришел на костылях.

Вместе с Курчатовым пускал первый ядерный реактор в Москве; был научным руководителем первой в мире Обнинской атомной электростанции. Лауреат Государственных премий, заслу-

женный изобретатель России, профессор.

Сейчас Борису Григорьевичу 76 лет. Но от дел он не отошел: после выхода на пенсию, года четыре назад, стал экспертом по экологии Верховного Совета СССР (а потом и РСФСР). Теперь — эксперт Государственной Думы. Крупнейший в СНГ специалист по ядерной безопасности — правда, по известным причинам малознакомый широкой публике...

— Борис Григорьевич, в любом разговоре о проблемах ядерной безопасности неизбежно возникает тема Чернобыля. Это понятно: взрыв 26 апреля вызвал во всем мире такое потрясение, которое не забудется никогда. Но о причинах аварии столько сказано и написано, что, может быть, тема «закрыта»? Тем более и саму станцию собираются закрывать...

— Глубочайшее заблуждение. Несмотря на то, что признали некоторые конструктивные недоработки реактора РМБК, основную вину свалили на обслуживающий персонал станции, несправедливо посадили в тюрьму «стрелочников» — и на том успокоились. Вроде бы меры приняты, выводы сделаны. Да если безопасность ядерной энергетики зависит от персонала — такую энергетику надо немедленно закрывать.

— Какова, на ваш взгляд, главная причина взрыва?

— Она очень проста. В помещении графитовой кладки реактора есть отверстие для выброса пара из реакторной системы. Поясню, для чего. Когда выходит из строя технологический канал с ядерным топливом, вода попадает на графит, разогретый до 700 градусов. Мгновенно образуется пар, причем давление его велико. И беда в том, что конструкторы под руководством академика Доллежала запроектировали слишком маленькое отверстие для выброса пара. Вот и рвануло...* Я не осуждаю конструкторов: в любом новом деле могут быть ошибки. Страшно, когда ошибки ничему не учат...

Задолго до Чернобыля Господь Бог посылал предупреждения об опасности. В 1975 году произошла авария на первом блоке Ленин-

градской АЭС, в 1982 году — на втором блоке Чернобыльской. Причины те же самые: малые отверстия для сброса давления пара. Стоило всего лишь расширить их на всех реакторах — и никакого Чернобыля не было бы. Но, вместо того чтобы пригласить специалистов и проанализировать аварии, руководители атомной промышленности и науки предпочли заткнуть всем уши и рот, засекретить происшедшее. Я в то время был заместителем председателя секции ядерной безопасности министерства — даже от нас скрыли! Так, дошли какие-то слухи — «одна баба сказала». А в подробности не посвятили, к материалам не допустили.

Хуже того, даже Чернобыль-86 не подтолкнул к немедленным действиям. Расширять отверстия в кладке начали только после аварии в Ленинграде в 1992 году!

— Но так ли уж «чисты» были работники Чернобыльской АЭС? Как известно, они начали эксперимент на реакторе, причем в неудачно выбранный момент.

— А вам известно, что в технологическом регламенте не было запрета на эксперименты при стационарном режиме работы реактора? А раз нет запрета — значит, можно. Так получается? Но составителей неграмотной нормативно-технической документации к ответственности не привлекали, об этом и речи не было.

Так что никаких инструкций персонал не нарушил. Главная вина эксплуатационников в том, что по уровню интеллектуального развития, понимания процессов нейтронной реакторной физики они не превосходили коллективы главных конструкторов, научных руководителей атомных институтов...

* Это частное мнение специалиста. (Ред.)

Но те мелкие ошибки, которые они допустили, не могли повлиять на развитие реакции и вызвать взрыв такого масштаба. Взрыв вызвало нажатие кнопки аварийной защиты.

— ?!

— Вот такой чудовищный парадокс... Тут надо снова вернуться назад. В 1976 году меня послали на пуск второго блока Ленинградской АЭС. Акт о пуске я тогда подписал. Но сомнения по поводу безопасности оставались. Поэтому на совещании у первого заместителя министра говорил: активная зона очень высокая, защита работает медленно, поэтому нужно усилить нижнюю часть реактора, то есть предусмотреть там стержни-поглотители. На что академик Александров хмыкнул и сказал: «Дубовский слямзил мою идею. Я всегда опасался неуправляемой цепной реакции по радиусу, а он правильно сообразил, что она может быть и по высоте». Идею поддержали. И взрыва могло не быть, если б чернобыльцы за четыре секунды до нажатия аварийной кнопки ввели бы в опасную зону нижние стержни-поглотители!

— Что ж, они этого не знали?

— На атомных станциях работают в основном энергетики, в физике они разбираются хуже и всех нюансов знать не могут. А в технологическом регламенте не было ни слова о потенциальной опасности в нижней части реактора.

Но это еще не все. Грубейшая ошибка проектантов: нижние стержни не были подключены к системе аварийной защиты! Вот почему нажатие кнопки если и не вызвало взрыв, то уже ничего предотвратить не могло...

— Но теперь-то мы знаем всю правду о Чернобыле?

— Нет. Народ обманывали с самого начала. Первый официаль-

ный документ о причинах аварии, подписанный руководством Института имени Курчатова, был опубликован в усеченном виде: кто-то выкинул раздел, касающийся конструктивных недостатков реактора. Правительственная комиссия под руководством Щербины также отметила непригодность реактора. И этот момент засекретили. Народ инстинктивно почувствовал лживость официальной информации и восстал против атомной энергетики вообще. С точки зрения многих руководителей, именно народный протест стал причиной остановки развития атомной энергетики, закрытия других АЭС. Нет, к этому привела неправда. Люди чувствовали: их в чем-то обманывают. А раз обманывают — дело нечисто. Скажи правду — может, реакция была бы другой...

Вся страна знает об уголовном деле директора и главного инженера АЭС. Но знает ли кто-нибудь, что Прокуратура СССР вела следствие по поводу ответственности за технические и конструкторские ошибки? Туда поступили и мои заключения о причинах аварии, которые я готовил для комиссии Верховного Совета СССР. Не раз приглашали меня в эту организацию... И что же? Следствие прекращено.

Да и как можно узнать **всю** правду о Чернобыле, о состоянии атомной энергетики вообще, если даже тот взрыв не побудил научные институты и Минатом провести серьезный анализ проблемы? Были, конечно, «сборные команды» — так называемые межведомственные комиссии. Это когда собираются люди из десятка разных организаций, часто имеющих весьма отдаленное отношение к ядерной физике. Одни говорят одно, другие — другое, и потом под видом так называемого кон-

сенсуса печатается «общее мнение». Какая правда? Восемь лет молчит Минатом, молчит Российская Академия наук — никто ни разу не высказался прямо о причинах аварии. Совсем недавно, в прошлом году, трое ученых высказали в вестнике РАН старую точку зрения: во всем виноват персонал АЭС. Это же бессовестно! Вранье обошлось стране в 2 триллиона рублей убытка — в «старых» деньгах.

— *Но, быть может, есть альтернатива?*

— Какая? Экологически чистые станции могут работать только на газе. Но его хватит ненадолго. «Ветряки», гелиостанции? Дело далекого будущего. Угольные и сланцевые ведут к вырождению, дебилизации народа. Недаром на КАТЭКЕ перестали строить новые ГРЭС: люди там задыхаются.

— *А гидростанции?*

— Где их строить? В европейской части почти все крупные реки загублены. Сибири тоже нанесен немалый ущерб. Да и не потянет наша страна в обозримом будущем новые гигантские стройки. Малые же ГЭС проблемы отнюдь не решают. Так что приходится руководствоваться житейской мудростью: из двух зол выбирай меньшее.

— *Стали ли наши АЭС безопасными после уроков Чернобыля?*

— В какой-то мере. Увеличилась скорость срабатывания аварийной защиты. Сделали, наконец, то, что я предлагал еще в 1976 году: ввели в нижнюю часть реактора стержни-поглотители. Но проблема не в этом. Она — в системе. Сейчас нет руководителей курчатовского профиля. Я говорю не об уровне таланта, а об «атомной стратегии».

Когда в 1946 году в Челябинске

запускали первый промышленный реактор, Курчатов послал туда научными руководителями Василия Степановича Фурсова, физика-теоретика, и меня, физика-экспериментатора. Наш «тандем» проработал там пять лет.

Так же было в Томске, Красноярске. И никаких аварий не случилось! Мы лично, своей «шкурой» отвечали за безопасность эксплуатации. Курчатовский принцип прост: каждый физик независимо от специализации обязан иметь опыт работы на реакторе. Этот принцип давно забыт. Например, в Научно-исследовательском и конструкторском институте энерготехники — а это организация главного конструктора Чернобыльской АЭС — среди руководителей никогда не было физика-экспериментатора, работавшего на АЭС. Они присутствовали в комиссиях, на симпозиумах, ездили в командировки, и только. Более того, сейчас в администрациях всех НИИ, в Минатоме служат физики-расчетчики, никогда не бывшие экспериментаторами. Трудно понять, почему в России главным ответственным за ядерную безопасность в течение многих лет был академик-теплофизик?.. Однажды я поинтересовался в двух ведущих институтах: сколько проектантов прошли практику на АЭС за годы, минувшие после Чернобыля? Там удивились: а зачем это нужно? Конечно, везде есть талантливые люди, но я говорю не о них — о системе.

— *Первые промышленные реакторы были построены в Челябинске, Томске, Красноярске... Говорят, первый блин комом. Неужели за сорок лет там не было происшествий? Или их засекретили?*

— Ничего серьезного не случилось. Правда, были неполадки, которые никакого влияния на

окружающую среду не оказали. Почему реакторы были столь надежны? На них под руководством Курчатова была отработана технология, обеспечивающая безопасность эксплуатации, досконально изучена система управления, отлично подготовлен персонал. А вы знаете, как пускали первую в мире Обнинскую АЭС? Вспоминаю любопытный эпизод. В один из первых дней работы в Обнинске я с товарищем зашел в рабочую столовую. За соседним столом расположилась группа мужчин в грязноватых робах: «Знаешь, кто они?» — спросил товарищ. «Монтажники, наверное», — ответил я. «Нет, все они — министры», — шепнул он мне на ухо. Да, министры лично сдавали госкомиссии свои объекты. Пока не сдадут, их просто не выпускали со станции. Вы можете представить себе современного министра, собственноручно «вкалывающего» на стройке?

— Ну, все-таки строили-то не министры?

— Атомная промышленность находилась в ведении Берии — этим все сказано...

— Борис Григорьевич, какой опыт мы приобрели, а какой, возможно, потеряли в смысле безопасности «мирного атома»?

— Когда-то существовала система взаимоконтроля с самой первой стадии — с проекта. Ее успешно развалили в семидесятых годах. Тогдшний главный инспектор по ядерной безопасности Козлов (кстати, не специалист в нейтронной физике) заявил на секции ядерной безопасности министерства: «Что ж это получается? Дубовский из Обнинска контролирует проекты курчатовского института, а курчатовец Дикарев контролирует обнинцев? Пусть каждый занимается своим инсти-

тутом». Я говорил Козлову: «Это нереально, как я могу проверять собственное начальство?» Он мне ответил: «Я уже принял решение». Так разговаривали в министерствах и ведомствах... То «решение» открыло дорогу к Чернобылю.

Стиль взаимоотношений Курчатова с людьми был совершенно иным: он призывал подчиненных спорить, не соглашаться, даже проверять его. Впрочем, я как-то попал в неловкую ситуацию из-за моей оговорки. Какой бес повернул язык не в ту сторону? Дело было так. В 1952 году я под руководством Курчатова готовил эксперимент. Сам он куда-то уезжал и перед отъездом сказал на совещании: «Увеличение концентрации плутония может не дать выигрыша в реактивности и даже снизит ее». Сказал — и уехал. Присутствовавшие при этом академики Флеров, Зельдович и другие решили, будто Курчатов на сей раз ошибается. А я провел эксперимент, показавший, что он абсолютно прав. Теперь представьте ситуацию. Большая комната, полно людей. Входит Курчатов. Я спешу его порадовать и громко заявляю: «Игорь Васильевич, вы однажды оказались правы!» В комнате мертвая тишина. Ответ Курчатова я, пожалуй, цитировать не буду... Несколько дней был подчеркнуто сух со мной, но отношения быстро уладились.

Вернемся к проблеме безопасности. За время существования атомных станций их раз шесть «перебрасывали» из одного ведомства в другое. Переброски эти нанесли страшный вред. Постоянно рвались налаженные связи, менялись начальники, министры. Об одном из них хочу сказать особо. Ефим Павлович Славский был талантливейшим инженером, я его искренне уважал. Но он возглав-

лял Минсредмаш в течение 29 лет! На мой взгляд, это патология. Ведь министерство было полуимперией. А министр со стажем в треть века не просто министр. Он — вождь отрасли. А раз есть вождь — все остальные бессловесные винтики...

— Сейчас разрабатывается Закон об использовании атомной энергии. Возможно, к моменту выхода в свет этого номера журнала он будет принят, и разговор вроде бы запоздает. Но интересен сам процесс разработки, борьба мнений, аргументация. Насколько я знаю, вы участвовали в этом процессе.

— Да, борьба ведется нелегкая... Мне, как эксперту, предложили дать замечания и предложения по проекту. Я сразу обратил внимание: в проекте предусмотрена ответственность за безопасность только эксплуатирующей организации, то есть атомной станции. Но это же нелепость! Нет, я не против, чтобы персонал АЭС отвечал за нарушения технологического регламента, общих правил безопасности. Это справедливо. Но за аварии, связанные, например, с некачественными проектами, он отвечать не может. В данном случае налицо халатное деяние (под этим термином подразумеваются и ошибки, и бездеятельность, и плохой анализ прошлых аварий) главного конструктора. По моему настоянию в проект внесен пункт о солидарной ответственности головных координирующих научных, проектных, контролирующих организаций — словом, всех, кто так или иначе связан с работой на АЭС.

Но поправка прошла пока в усеченном виде. Я-то предлагал ввести персональную ответственность руководителей соответствующих институтов, ведомств,

составителей нормативно-технической документации, научных руководителей проекта и эксплуатации, генеральных конструкторов. (Кстати, последние до Чернобыля были просто «главными». Повысили в должности? Самое время...) Авторы проекта, депутаты воспротивились.

— Отчего же?

— Мне трудно судить за недостатком полной информации. Не исключаю давления мощных ядерных структур. Безадресная ответственность удобней. А некоторым разработчикам законов, возможно, не хочется портить отношения. Идет борьба вокруг проекта Закона, и я уже устал спорить по простым вопросам. Вот еще конкретный пример.

Основным пунктом любого закона по атомной тематике является обеспечение безопасности обслуживающего персонала и населения, окружающей среды. А как быть с безопасностью самого ядерного комплекса или реактора? Когда случился Чернобыль, первая моя мысль: диверсия! Тогда я написал письмо начальнику главка о том, что надо предусмотреть меры против диверсий. Согласно субординации, показал письмо руководству своего института. Мне запретили отсылать письмо. Я все-таки переправил его через секретаря горкома, но дальнейшая судьба послания мне неизвестна. Вспомнил об этом потому, что при обсуждении проекта Закона предлагал включить пункт о мерах по безопасности реакторов. Мое предложение отвергается. Почему? Не знаю...

— Насколько эффективна существующая система контроля за ядерной безопасностью?

— У нее серьезный изъян: нет квалифицированной независимой экспертизы на всех этапах разра-

НОРД-АВТО

Продажа
и установка

охранных и противоугонных систем

на любые марки
автомобилей

замков ®

MUL-T-LOCK

и дополнительного
электрооборудования

Графский пер. 9
тел. 287-08-79

ботки и реализации проектов. «Бесплатные» же ведомственные заключения без участия практиков, физиков-экспериментаторов обернулись астрономическими потерями, трагедией Чернобыля. Располагай чернобыльцы грамотными инструкциями — и беды не случилось бы, несмотря на несовершенство реактора. Конечно, независимым экспертам надо платить, а в случае аварии отдавать под суд. (Между прочим, ведомственные эксперты, принимавшие четвертый блок, должны были понести часть ответственности, они тоже виновники. Но их даже в суд не вызывали...) Необходимо провести, с участием независимых экспертов, исследования всех тяжелых аварий в атомной промышленности и поставить наконец точный диагноз.

Итак, если суммировать, что нам необходимо? Адресная ответственность. Независимая экспертиза на всех ступенях. Повышение квалификации руководящих кадров: каждый ведущий физик-расчетчик в обязательном порядке должен пройти хотя бы полугодичную стажировку непосредственно на реакторе. Без этого дальнейшее развитие атомной энергетики опасно для России.

— И последнее, Борис Григорьевич: стали ли атомная наука, промышленность открытыми для критики, обсуждения?

— Действительно, многим кажется, будто атомные проблемы стали «открытыми». На самом деле это чистейшая липа. Открытость существует для тех, кто подкакивает. Возрази, покритикуй — от тебя быстро избавятся. Охрана «чести мундира», в примитивном истолковании, увы, остается...

**Беседу вел
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ.**

О пять они кладут асфальт в лужи. Перегородили пол-улицы, тарахтят машинами, раскатывают укладчиками, а через год здесь снова будут рытвины. Так было всегда и так будет — этого, кажется, уже никогда не исправить... Неужели мы и в самом деле обречены? Тридцатипятилетний нищенствующий литератор, некогда весьма известный, а теперь всеми позабытый, сидел у окна, курил папиросу и пятый час подряд созерцал суетившихся рабочих.

В сущности, поэту не было никакого дела до этого асфальта и рытвин. Машины он не имел, из дома выходил редко и, кроме поэзии, ничем не занимался. Когда-то это занятие давало ему достаточно денег, чтобы содержать семью, но потом не стало хватать не только на цветы, но и на пиво. От поэта ушла жена, и единственной утехой в его жизни осталась соседка по лестничной клетке — дебелая продавщица из булочной Тамара с ее вечными опасениями по поводу ложной беременности.

Однако никакие жизненные потрясения не заставили бы поэта пойти на службу или унизиться до случайных заработков. Он был настоящим поэтом и лучше бы умер с голоду, чем изменил своей лире.

В тот день ему не писалось. В былые времена, когда поэту не писалось — а вдохновение приходило к нему не каждый день и даже не каждую неделю, — он встречался с друзьями в Доме литераторов, с тщательным скрываемым удовольствием ходил на писательские собрания и бузил, пил водку, принимал, а чаще рубил новых кандидатов в члены Союза писателей, участвовал в выездных днях поэзии в Пензе или Костроме, но теперь все это кануло в небытие. Друзья его торговали сосисками и томатным соусом или отбыли за кордон. Он равно презирал и тех, и других, но страдал от одиночества, и еще больше, чем безденежье, поэта томила скука. Неужто и этот день уйдет в никуда, а завтра все повторится — серое, нехотя начинающееся утро, папироса натошак, мерзкий кофе и приступ геморроя? Несколько раз он подходил к Тамариной двери, но ответом ему была тишина. Тамара на работе и поест принесет только вечером. Хоть бы позвонил кто-нибудь...

И вдруг, точно услышав его мольбу, прозвенел телефонный звонок. Длинный, частый, междугородный.

**АЛЕКСЕЙ
ВАРЛАМОВ**

ПОЭТ И

Рисунок
**АЛЕКСЕЯ
ОСТРОМЕНЦКОГО**

Поэт сорвал трубку и ледяным голосом, словно его оторвали от служения музам, произнес:

— Слушаю.

— С Хабаровском говорите,— равнодушно сказала телефонистка, игнорируя его лицедейство.

«Алло, Хабаровск»,— едва не сострил поэт, но за семь тысяч километров срывающийся нежный голосочек проворковал:

— Компания «Охотское море». Соединяю вас с Алексеем Петровичем Романовским.

— Подите к черту! — Поэт свирепо швырнул трубку, досадуя, что зря обнадежился.

Через минуту телефон зазвонил снова.

— Ты что же это? — спросил сытый мужской голос.— Друзей своих не помнишь?

— Лешка,— проговорил поэт неуверенно.— Лешка, ты?

— Узнал,— засмеялся глава компании.— А я уж думал, ты так зазнался, что и говорить со мной не захочешь.

Бог ты мой, Лешка Романовский! Толстый, краснощекий бутуз, откормленный на дармовой красной рыбе, икре и кедровых орехах, добродушный увалень, тупой, прости Господи, как сибирский валенок. А нынче и он коммерсант? С ума они все, что ли, походили!

— Я завтра прилетаю в Москву.

— Ну так заезжай. Да не забудь привезти рыбки и аралевой.

Интересно, думал поэт, бродя по своей комнатухе из угла в угол (мебели у него почти не было) и предвкушая хорошую выпивку, кто бы поверил сегодня, что в исторический год Московской Олимпиады этот самый Романовский в обносках явился в Москву из своего Хабаровского края, из поселка Аян на берегу Охотского моря, одному богу ведомо, как поступил в университет и пять лет в нем проучился. Его выгоняли, над ним ржали студенты и преподаватели, он говорил «ложил», путал ударения, старался казаться умным и употреблял слова, которых не понимал. Над ним издевались едко, жестоко, изощренно, как умеют издеваться интеллектуалы над безграмотностью, над тем, что он не читал «Игру в бисер», не знал, кто такие Мандельштам и Бродский. Ему говорили — твое место не здесь, ты неуч, рвань, вали назад в тайгу, к медведям, а он все равно учился, сдавал

МЕЦЕНАТ

экзамены по многу раз, доводя своей тупостью и настырностью до иступления самых бывалых преподавателей.

А однажды с ним сыграли и вовсе мерзкую шутку. Большой пивеса и прикольник режиссер студенческого театра Лука Скопцев на глазах у всего курса дал ему импортный презерватив в блестящей упаковке и сказал, что это жвачка. Романовский расцвел от неслыханной щедрости, а еще более от того, что сам Лука до него снизошел, сунул презерватив в рот, и все годы его сопровождала слава, от которой он не мог отделаться.

Поэт, впрочем, в этой травле не участвовал. Он хоть и не понимал, зачем Романовскому романо-германская филология и иностранные языки, но всегда был на стороне униженных и оскорбленных, и несчастный изгой это чувствовал. Поэт ловил на себе порою его благодарный взгляд, они говорили иногда о рыбалке — на втором месте после муз у поэта стояла рыбная ловля, — и однажды Романовский позвал его с собою на Дальний Восток. Он так косноязычно, и оттого особенно красочно, описывал тамошние места, что поэт, понимая: такое бывает раз в жизни, — согласился.

Пять часов они летели на вертолете над тайгой, над Шантарскими островами и Охотским морем на речку Лаңтарь. Вода в речке была темной от спин лососей, они жадно хватали любую блесну, отчаянно сопротивлялись и делали свечки, когда их вытаскивали. За один вечер поэт поймал столько рыбы, сколько не ловил за всю свою предыдущую жизнь.

Однако это было страшно давно, и теперь даже не верилось, что он летел куда-то на вертолете и стоял на берегу неведомого моря, он только чувствовал странное возбуждение, и ощущение, что что-то произойдет, не давало ему покоя.

Водка под рыбу шла исключительно. Поэт быстро захмелел и впервые за полтора года почувствовал себя человеком.

— Ну, Леха, — сказал он, когда первая пустая бутылка валялась под столом, — доложь мне, как ты дошел до жизни такой.

— Сначала занялся чартером на Цейлон.

Этот представительный, уверенный в себе и хорошо одетый мужчина не имел ничего общего с тем заезжим дохом, каким помнил Романовского хозяин дома.

— Ну-ну, — закивал поэт, подливая водочки и закусывая ее икрой, — чай там хороший, как же, знаю.

— Чай-то хороший, — усмехнулся Романовский. — Но шутка вся в том, что, когда туда летишь, надо обязательно делать промежуточную посадку в Пакистане. Ты даже не представляешь, какие из-за этого трудности. Ну что делать? Я полетел в Исламабад, добился встречи с премьер-министром и получил исключительное право летать над Пакистаном без посадки.

— Да ну? С самой Беназир Бхутто говорил? — изумился поэт, имевший слабость к женщинам-политикам.

— Как с тобой.

— Да, брат, это тебе не сосисками торговать. Ну, а теперь куда летаешь?

— Практически никуда. Чартер — это только для накопления

капитала. Дело неперспективное. Я теперь строю дорогу от Якутска до Аяна.

Поэт снова выпил, отведал вяленой медвежатины. Он чувствовал себя до некоторой степени обязанным проявить вежливость и интерес к делам «кормильца», хотел спросить что-нибудь умное, например, про финансирование, дабы обнаружить свою осведомленность в дорожном строительстве, но вместо этого обркнул:

— Слушай, а асфальт у вас в лужи ложат?

— Нет, в лужи не кладут, — спокойно ответил Романовский, — да Бог с ней, с дорогой. Ты мне лучше о себе расскажи. Я что-то в последнее время редко о тебе слышу. Ты пишешь?

— Пишу, — вяло проговорил поэт и честно признался: — Но мало. Настроения нету.

— Что так?

— Видишь ли, Алексей Петрович, литература нынче превратилась в нечто похожее на ловлю бабочек.

— Но ведь ты же сам говорил когда-то, что тебе было бы легче не дышать, чем бросить писать стихи.

— Ай, да мало ли кто и что говорил? — досадливо поморщился поэт. — Давай лучше выпьем.

— Давай, — согласился Романовский, — только мне кажется, что у тебя что-то не в порядке.

— Все у меня в порядке, — поэт мрачно опрокинул рюмку, — кроме того, что в этом вонючем городе я никому не нужен. Мне всегда казалось, что это совершенно не важно, но теперь, представь себе, я страдаю. Конечно, можно утешиться тем, что пройдет лет десять и все образуется, но, во-первых, я в это мало верю, а во-вторых, все равно раньше подохну. Да ну все к черту!!! Что ты не пьешь?

Поэт был задет за живое и жалел, что позволил втянуть себя в этот idiotский, заведомо бесполезный разговор. Но Романовский слушал его с живейшим участием.

— Подожди, — сказал он, останавливая снова потянувшегося к бутылке поэта. — Пока ты еще не очень пьян, послушай меня. Я знаю, что вам сейчас трудно. Но у меня есть деньги, и я хотел бы предложить вам свою помощь.

— Кому это вам?

— Ну вам, которые...

Романовский замаялся, на мгновение снова стал похож на прежнего заикающегося, косноязычного олуха, и поэт пришел ему на помощь.

— Мастерам художественного слова?

— Ну да.

Поэт все-таки себе налил и выпил, закусил малосольным гольцом и, разглядывая вторую пустую бутылку аралевой, безо всякой цели спросил:

— И много у тебя денег?

Гость назвал сумму, от которой хозяин начал стремительно, будто с горы на санках катился, трезветь.

— Ты шутишь!

— Ни в коем случае, — сказал Романовский. — Я специально

к тебе приехал. Для меня это не очень большая сумма.

— Стало быть, ты решил сделаться меценатом, чем-то вроде Саввы Морозова? — пробормотал поэт.

— Не совсем, — ответил бизнесмен деловито и начал излагать свою программу. — Я бы хотел создать частный фонд содействия культуре. Давай найдем талантливых ребят, которые бросили писать и занимаются черт знает чем, дадим им денег, и пусть делают свое дело. Поэт пишет стихи, писатель — романы, художник — картины, режиссер ставит спектакли.

— Н-да, — усмехнулся поэт после некоторого молчания. — Вижу, пять лет в университете не прошли для тебя даром.

— Не без твоей помощи. Поэтому я и пришел сюда, чтобы предложить тебе этот фонд возглавить.

— Что значит возглавить?

— Ты должен подобрать пансионеров фонда. Человек пятьдесят, максимум сто, чтобы наша деятельность была эффективна. И чем скорее ты это сделаешь, тем будет лучше.

— Слушай, Леша. — Поэт мучительно пытался избавиться от ощущения, что это похоже на бред или дикий розыгрыш. — Зачем тебе это надо? Строишь свою дорогу и строишь славы захотелось? — Вопрос его повис в воздухе. — Ты ведь деловой человек, насколько я понимаю. Что с этого поймешь? Клянусь, не будет никакой выгоды.

— Я знаю, — усмехнулся Романовский.

— А может быть, в качестве благодарности ты хочешь, чтобы в твою честь писались оды или романы о стройке века — Аяно-Якутской магистрали?

— Нет.

— Или хочешь кого-нибудь пропихнуть? Тогда знай, что в бытность мою членом приемной комиссии в Союзе я нажил сотни три врагов, но ни одна бездарность мимо меня не пропыхнула.

— Это только твое дело, — перебил его Романовский. — Даю слово, что никоим образом не стану вмешиваться в твою деятельность.

Чудеса, думал поэт, разглядывая коммерсанта, некогда жевавшего под смех всего курса презерватив перед лекцией по эстетике, а теперь ворочающего миллиардами и строящего тысячекилометровую дорогу через горы. Может, я действительно не знаю своего народа, а это и есть новый тип россиянина — благородный, порядочный, заботящийся не о брюхе, а о духе, но в отличие от нас, ротозеев, деловой и рассчетливый. Ведь в конце концов куда еще можно вкладывать деньги как не в культуру? Не дал тебе Бог таланта, так помоги тем, кому дал.

Однако надо было выяснить все окончательно, прежде чем принять это предложение, и, выпив новую порцию аралевой, закусив на сей раз нежнейшим кусочком копченого сижка, поэт перешел в атаку.

— Слушай, Алексей Петрович, а ты, часом, не патриот? — произнес он, скрестив на груди руки. — Если это так, то должен сразу предупредить тебя. Я очень люблю свою страну и люблю патристическую идею. Но... не люблю патриотов. В свое время

выпил с ними много водки, но это общение привело меня к мысли, что Россию надо спасать от патриотов. Более того, — разошелся поэт, снова себе наливая и теперь уже ничем не закусывая, — я свято верю в то, что ни один из них не увидит, как говаривал чеховский маляр Редька, Царства Небесного. Ну, и ты по-прежнему готов доверить мне свои миллионы?

— Да, — пожал плечами Романовский. — В том, что ты будешь со всеми лаяться, я никогда не сомневался. А болтунов, кем бы они ни были, и сам терпеть не могу.

— Я и с тобой буду лаяться, — мрачно заявил поэт. — Всю эту вашу нынешнюю пену, все эти банки, менялки, палатки, весь этот продажный фарисейский дух — все ненавижу.

— Очень хорошо. Что еще? Выкладывай, не стесняйся.

«Журнал, — подумал поэт лихорадочно. — сначала независимый поэтический журнал. Отличная бумага, оформление, стихи, переплюну Салимона с его дешевкой. Гонорары такие, чтоб ничем другим не надо было заниматься. Бесплатная рассылка в провинциальные библиотеки. Потом книги, стипендии, турниры поэтов, ассоциация. К черту всю эту мышиную возню в Союзе. В основе всего — талант, и больше ничего. Никакой бесовщины, никакой чернухи и порнухи. Талант и здоровый вкус. Ах, какое счастье, что во все времена находились безумцы вроде Романовского».

Глава компании сидел перед ним, устремив на поэта простодушный, доверчивый взгляд, и поэт с нежностью подумал, что, наверное, такой же взгляд у него был, когда он говорил с Беназир Бхутто, и та, растрогавшись, уступила ему, и такой же взгляд был у него десятью годами раньше, когда ему всучили этот несчастный презерватив, а кругом стояли сытые хари, начитавшиеся Ахматовой и Пастернака, и ржали. Что ж, теперь ему нечего стыдиться этого презерватива: где теперь он и где те, кто его высмеивал? Во всяком случае, охальник Лука, с которым поэт иногда выпивал, влачил самое жалкое существование в коммунальной квартире и не чаял, как оттуда выбраться, похоронив все свои честолюбивые мечты о собственном театре.

— Ну, — сказал Романовский, — значит, по рукам? Ты извини, но я, честно говоря, очень хочу спать. У нас там уже утро.

— Конечно, — смутился поэт, — ложись на мой диван. А я пойду к соседке переночую. Белья вот, правда, чистого...

— Не стоит, я лучше в гостиницу.

— На чем? — усмехнулся поэт. — Автобусы давно не ходят. А такси в этой дыре ты никогда не поймаешь.

— Моя машина ждет.

— Какая машина? — удивился поэт простодушно.

— Обыкновенная, — пожал плечами Романовский, — у меня тут представительство, шофер.

— И он все это время сидит под окном и ждет тебя?

— Ну да.

И тут с поэтом что-то случилось. То ли бес попутал, то ли чересчур разыгралось воображение, то ли просто перебрал, но он так явственно представил несчастного шофера, терпеливо поджидающего, пока хозяин изволят выпивать, что ему сделалось

жутко не по себе. Поэт вдруг подумал, что всегда ненавидел сытость, ненавидел сильных мира сего, вся эта барская жизнь с ее неизменными атрибутами страшно раздражала его. Да ведь они же, мелькнуло в воспаленном, хмельном мозгу поэта, приручить нас хотят, подачку кинуть, чтобы мы благодарность к ним чувствовали, шоферов в личных лакеев превратили. Покупают, пока мы нищие. Нет уж, черта с два я твои миллионы возьму. Это еще хуже, чем сосисками торговать.

Он собрался уже указать Романовскому на дверь, молча, без каких-либо объяснений, но подумал, что тот его не поймет. Решит, что пьян, обидится или, чего доброго, найдет кого-нибудь другого, кто эти деньги возьмет. Нет, его надо отвадить раз и навсегда, и в голове у поэта мелькнула жестокая мысль, тотчас же принявшая форму готовой идеи.

— Слушай, Леха, — сказал он и покровительственно похлопал Романовского по плечу, — фонды, журналы, издание книг — это все хорошо. Мы сделаем. Но у меня сейчас есть один знакомый, которому срочно нужны деньги. Можешь помочь?

— Разумеется. Если человек заслуживает...

— Он заслуживает, заслуживает, — пробормотал поэт, — знаешь, ты посиди, а я его сейчас вызову.

— Может быть, все-таки завтра? Или ты как-нибудь сам?

— Нет, завтра не надо, — сказал поэт строго, — хорошее дело нельзя откладывать. А мне он не поверит.

К телефону долго не подходили. Наконец сердитый, сонный голос промычал:

— Але.

— Луку будьте добры.

В трубке истерически взвизгнули, раздался яростный стук в дверь, и поэт услышал испуганный голос:

— Ты что, сдурел?

— Приезжай срочно. Дело есть. И бутылка, да не одна.

— Иди к черту, — разъяренно произнес Лука.

— Приезжай, не пожалеешь.

— Да как я приеду-то?

— Я сейчас за тобой авто пришлю.

Поэт повесил трубку и спустился вниз, где тотчас же опознал нужную машину.

— Слушай, шеф, — разбудил он сладко посапывающего, гаденького и вряд ли сильно тяготившегося своим положением шофера, — чтоб одна нога здесь, другая — там. Вот адрес — хозяин велел.

Водитель что-то проворчал насчет перегороженной улицы, но покорно завел двигатель, и поэт удовлетворенно подумал: на цепь себя посадить немудрено — как вот только слезть с нее потом.

Романовский наблюдал за всеми его лихорадочными перемещениями с растерянностью и недоумением.

— А помнишь, Алешка, первый курс, картошку? — спросил поэт, разливая остатки третьей бутылки.

— Помню.

— А как сессию сдавали?

- Да.
- А Луку помнишь?
- Это худенький такой, кудрявый?
- Ну да, дамский угодник.
- Помню. — Голос Романовского вздрогнул, а в глазах что-то помутилось.

— А знаешь, Леша, — продолжал поэт, — года два назад, когда Союз еще что-то мог, мне предложили поехать в Японию. Подписали контракт, ждали визу, а потом на шикарном банкете стали говорить тосты за японо-российскую дружбу. А я возьми да и ляпни: «А острова все-таки наши!»

— Ну и что?

— Да ничего, — пожал плечами поэт. — Естественно, я ни в какую Японию после этого не поехал, и вот теперь думаю, зачем это сказал? Что, мне нужны острова, где я никогда не был и не буду? Или за державу обидно? Черта с два. Я полагаю, что японцы даже лучше бы с этими островами управились. Страсть к эффектам меня погубила. Понимаешь?

— Не очень.

— То-то и есть, — вздохнул поэт. — Кажется, звонят. Пойди открой, а то я перебрал немного.

— Простите, — услышал он голос Луки, — я, наверное...

— Лука, дружище, — крикнул поэт, — заходи. Это же Лешка Романовский. Не узнаешь, что ли? Ну раздевайся, садись, вас друг другу представлять не надо, наливайте, закусывайте, а я сейчас.

Поэт сунул ноги в тапочки и выскользнул на лестничную клетку. Позвонил в соседнюю квартиру.

— Тома, открой. Это я.

— Я сплю, — отозвался за дверью сердитый, низкий женский голос.

— Открой, Томочка, очень нужно.

Дверь приоткрылась.

— Ты с ума сошел, — проворчала продавщица. — Вот приспит среди ночи. Ну заходи.

— Тома, не сердись, но я не за этим пришел.

— Выпить у меня нету, — ответила женщина, сразу поскучнев.

— Да ну, — махнул рукой поэт, — этого добра у меня сегодня хватает. Ты мне дай, пожалуйста, презерватив.

— Что-о?!

— Томочка, он мне очень нужен. Ну хочешь, на колени встану?

— Пошел вон, мерзавец. — Тамара хлопнула дверью перед его носом.

— Тома, если не дашь презерватив, я устрою скандал на весь подъезд.

— Как у тебя совести хватает, — вскрикнула Тома.

— Маленькая моя, — ласково попросил поэт, — ну будь умницей. Если бы у тебя не было презерватива и он бы тебе потребовался, я бы дал, не задумываясь.

За дверью послышалось рыдание.

- Тома, перестань реветь. Ты знаешь, я этого не терплю.
- Кобель проклятый, — прорыдала Тамара, и в открывшуюся дверь на руку поэта лег маленький пакетик.
- А импортного нету?
- Ублюдок!
- Спасибо, родная моя, — проговорил поэт прочувствованно и вернулся в квартиру.

Лука и Романовский сидели в разных концах комнаты и напряженно молчали. Эта напряженность висела в воздухе, смешавшись с табачным дымом.

— Ну что приуныли, братцы? — весело произнес поэт. — Наполним бокалы и выпьем за встречу. Да, кстати, Лука, я забыл тебе сказать, что этой ночью Алексей Петрович и я основали фонд помощи нуждающимся деятелям культуры. С этой минуты ты наш пансионер. Поздравляю тебя. Что бы ты хотел получить от фонда?

— Ничего мне не надо, — нервно ответил Лука.

— Не лги, — оборвал его поэт. — Ты живешь в кошмарных условиях, сходишь с ума от соседей, ушел с любимой работы. Дирекция фонда готова тотчас же предоставить тебе необходимую сумму для покупки квартиры. Это правда, Алексей Петрович? — повернулся он к Романовскому, в упор глядя на багрового коммерсанта.

— Правда, — сказал Романовский.

Взгляд Луки был туманен, горяч и метался по квартире, как солнечный зайчик.

«Боже мой, что я делаю, — подумал поэт. — Что я делаю? Зачем?»

Но остановиться уже не мог.

— Ты получишь деньги безвозмездно, — произнес он. — Только прежде выполни одну формальность. Ты должен пожевать вот это. — И протянул презерватив.

Лука побелел, но поэт на него и не смотрел — с Лукой все было понятно, и даже не очень важно, как он поведет себя дальше. Поэта интересовала реакция мецената. И он увидел ее. В больших, круглых глазах Романовского вдруг промелькнуло дикое, хищное удовлетворение: он весь подался вперед, но вдруг почувствовал на себе взгляд поэта и вскочил.

Несколько секунд все трое молчали. Романовский подошел к вешалке и надел плащ.

— Ну и дурак же ты, — сказал он поэту и хлопнул дверью.

— То, что ты сделал, — произнес дрожащий Лука, — еще более гадко.

— Брось, — ответил поэт устало, — он этого хотел и он имел на это право. Прошлое должно быть отомщено. А у нас с тобой осталось еще две бутылки, и мы станем читать стихи и пить. Нам есть за что сегодня выпить, брат Лука. Сегодня я спас честь русской поэзии. Наливай. Только подожди меня одну минуту.

Поэт вышел на лестничную клетку и позвонил в соседнюю дверь.

— Тома, — сказал он деловито. — Возьми, пожалуйста, презерватив обратно. Он не понадобился. И не плачь. Все равно, кроме тебя, у меня никого нет.

КТО КУДА- Я В "ГЕРМЕС"

Концерн «Гермес», уже известный нашим читателям, организовал новую структуру — одноименный сберегательный банк. Неужели появился конкурент государственному Сбербанку, отделения которого мы до сих пор по старой памяти называем сберкассами? В состоянии ли коммерческая структура соперничать с финансовым институтом, за которым мощь государства? Чем новый банк собирается привлечь клиентов?

Об этом — беседа нашего корреспондента ВИТАЛИЯ СВЕТОВА с управляющим сберегательным банком «Гермес» ВЛАДИМИРОМ АХАШЕВЫМ.

— «Гермес» создал новый банк. Но их у нас и без того уже очень много...

— «Очень много» — по нашим старым меркам. До развитых стран мы по количеству финансовых институтов еще далеки. Там один банк приходится на полторы-две тысячи человек.

— Зачем «Гермесу» понадобится создавать сбербанк?

— «Гермес» — это, как вы знаете, конгломерат крупных акционерных обществ открытого типа: ТНК «Гермес», «Концерн Гермес», «Гермес-Планета», чековый инвестиционный фонд «Гермес» и целый ряд других. В них больше трех миллионов акционеров. Такое количество клиентов (или скорее деловых партнеров, сотоварищей) надо обслуживать. Ведь продать акции — полдела. Фондовая торговля отличается от торговли бананами или телевизорами тем, что, продав акции, мы не совершаем конечный поступок. Наоборот, мы только вступаем с человеком в отношения, которые могут длиться бесконечно долго. Его дети, внуки будут нашими партнерами... Наши акционеры уже сейчас получают дивиденды. Их выплачивают через сеть фондовых предприятий. Таких предприятий больше ста. Эта сеть нас в полной мере уже не удовлетворяет. Акционеры вынуждены стоять в очередях, составлять списки, ночами костры жечь... Это нас, конечно, не украшает. Но учтите: никто, кроме «Гермеса», дивиденды в таких объемах пока не выплачивал. Другие акционерные общества с подобной проблемой еще столкнутся... Чтобы не было трудностей с выплатами нашим акционерам, мы и разворачиваем сеть своих сбербанков. Возможно, именно через нее станут в будущем платить дивиденды и другие акционерные

общества. Им уже не придется создавать собственные отделения. Они найдут тех, кто быстро, качественно и недорого обслужит их клиентов.

— Почему же вы не платите дивиденды через государственный сбербанк или по почте?

— Мы готовы это делать, было бы желание клиента. Но Госсбербанк или почта берут крутые проценты: первый партнер — 10 процентов, второй — 15. Многие наши клиенты такого «сервиса» не хотят. Платить за пересылку денег в адрес всех акционеров из кармана «Гермеса»? Но это значит, что из трехсот миллиардов рублей дивидендов придется отдать почтовикам сорок пять миллиардов. Нет, мы лучше эти деньги вложим в создание собственной банковской сети.

— А можно ли будет в ваших «сберкассах» просто положить «живые» деньги под проценты?

— Да. В Москве — уже с августа.

— Каким же будет этот процент?

— Замечу, что «Гермес» выплачивает дивиденды уже в третий раз и дает такие проценты, которые не дает никто. Доход нашего клиента, который купил одну акцию в 1992 году и с тех пор занимался капитализацией (то есть на дивиденды докупал еще акции), составил 470 долларов на 80 долларов вложенных, 550 процентов годовых в валюте!.. Что касается процентов по вкладам — все будет зависеть, как вы понимаете, от инфляции. Если ее темпы сохранятся как в начале года, то, надеюсь, двести — триста процентов годовых. А когда инфляция наконец выйдет на «ноль», то и двадцать процентов годовых — прекрасный показатель.

— За Госсбербанком стоит вся

мощь государства. А какие гарантии дает сбербанк «Гермес»?

— Почему у «гермесовских» структур и дивиденды высокие, и в то же время исключительная стабильность? Да потому, что мы в ходе приватизации вложили более полутора миллиардов долларов в собственность. А вообще вкладчикам надо помнить: чем больше процент, который вам обещает та или иная компания, тем выше риск. Не хочу никого обидеть, но я просто не знаю операций, которые могли бы принести сейчас свыше пятисот процентов годовых.

— Собираетесь ли вы конкурировать с Госсбербанком?

— Мы уверены в своих силах, поэтому нам свойственны большие планы. Но в то же время мы понимаем: Госсбербанк строила вся страна. Материальная база, которой он обладает, уникальна. Быстро достичь такого уровня вряд ли удастся. Но в то же время мы собираемся до конца года открыть свои отделения в каждом областном центре России, а в таких городах, как Москва, — в каждом крупном микрорайоне. Это грандиозная задача. А в будущем году отделения сбербанка «Гермес» появятся во всех райцентрах и в каждом микрорайоне больших городов. Эта программа — одна из основных программ «Гермеса». Во-первых, потому, что она соответствует нашей задаче — довести в ближайшем будущем число акционеров до 15 миллионов. Без разветвленной банковской сети это просто невозможно. Во-вторых, мы хотим создать финансовый институт, который будет питать развитие российской экономики. Мелкие ручейки частных инвестиций сольются в мощную реку...

— Есть ли какие-то ограниче-

ния на то, сколько денег можно положить к вам в банк?

— «Гермес» всегда гордился своей «народностью». Это значит, что даже один рубль нам нужен. Многие банки вообще отказываются от работы с населением... Ведь работать с фирмами и предприятиями эффективней. И брать деньги у населения — большая морока. Частные вкладчики требуют особого внимания. Представляете, сколько людей надо обслужить, чтобы собрать тот же миллиард, который лежит на счету большой фирмы!.. Но, по мере того как Россия будет становиться процветающей державой (а в этом, я думаю, ни у кого сомнения нет), граждане будут все более состоятельными. Тот, кто пришел к нам с десятью тысячами, завтра принесет сто, а послезавтра — миллион. И станет нашим клиентом на всю жизнь. Впрочем, если кто-то положит на свой счет много денег уже сегодня, мы тоже не откажемся.

”Гармонии стиха божественные тайны”

Аполлон Майков (1821—1897) — поэт хрестоматийный. Даже самый нерадивый ученик не минует все-таки его стихотворений про «голубенький, чистый подснежник-цветок» и про сад, который с «каждым днем увядает».

Однако быть хрестоматийным поэтом — не только большая честь, но, как ни странно это звучит, и большое несчастье. Потому что стихи таких поэтов «проходят» в школе — именно «проходят» — и.. больше к ним не возвращаются никогда. Да, все читали Майкова, но многие ли его потом перечитывали? Между тем поэзия — что угодно, но только не шприц: она не бывает одноразовой. Если, конечно, это настоящая поэзия, а не подделка под нее.

Аполлон Майков был настоящим поэтом. Н. В. Гоголь прочитал как-то Г. П. Данилевскому две строки из стихотворения Майкова: «Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..» — и добавил при этом: «Не правда ли, как хорошо?» А строки из другого стихотворения, «Барельеф», процитировал Ф. М. Достоевский в беседе Дмитрия и Алеши Карамазовых, в знаменитой главе «Исповедь горячего сердца в стихах». Наверное, не случайно! Чем-то понравилась ему эта наивно-роскошная картинка:

*Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И силен румянорожий
На споткнувшемся осле.*

«Неистовый» В. Г. Белинский и тот взглянул с благосклонной улыбкой на этот «Барельеф», заметив: «Г-н Майков как будто ошибкою родился не в Элладе, не в век Перикла...»

Нравилась стихи А. Майкова и П. А. Плетневу, критику, поэту пушкинского круга, ректору Петербургского университета. Кстати, именно он в свое время рекомендовал начинающего А. Майкова Гоголю, Жуковскому и другим авторитетам. «Благодарю вас за доставление стихов Майкова, — писал Жуковский Плетневу, — я прочитал их с величайшим удовольствием. Майков имеет истинный поэтический талант... Дай Бог ему понять свое назначение... и избежать того эпикуризма, который заразил поэтов и осквернил поэзию нашего времени».

Высоко отзывался о своем ученике Иван Александрович Гончаров. Возможно, вы удивитесь: знаменитый прозаик — учитель поэта? Действительно, И. А. Гончаров был домашним учителем А. Майкова и его брата Валериана. Близкий друг семьи, он многое смог дать своим воспитанникам. Валериан, к несчастью, еще молодым утонул, а дружба с Аполлоном длилась на протяжении пятидесяти лет и, по свидетельству Гончарова, «никогда ничем не омрачалась, не охлаждалась и была всегда тепла, чиста и светла».

Итак, Гоголь, Достоевский, Белинский, Плетнев, Жуковский, Гончаров — список людей, весьма замечательных, которым не безразлична была муза Аполлона Майкова, можно было бы расширить.

Но я приведу, пожалуй, только один сочувственно-восторженный отклик, принадлежащий А. А. Фету, — его стихотворение «На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 года»:

*Пятьдесят лебедей пронесли
С юга вешние крики в полестье,
И мы слышали, дети земли,
Как звучала их песнь с поднебесья.*

*Майков медь этих звуков для нас
Отчеканил стихом-чародеем,
И за это в торжественный час
Мы встречаем певца юбилеем.*

*Кто же выступит с гимном похвал
Перед тем, кто, поднявшись над нами,
Полстолетия Русь осыпал
Драгоценных стихов жемчугами?*

*Хоть восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут,
А певца по поднебесью мчат
Лебединые крылья все будут!*

Древнегреческие предания утверждают, что после смерти души поэтов превращаются в лебедей, и Фет, безусловно, знал античные предания. Поэтому в стихотворениях близкого друга он безоговорочно считает главным лиризм, отсюда — «лебеди-

ные крылья» не только сейчас, но и в сколь угодно отдаленном будущем...

24 ноября 1855 года критик А. В. Никитенко сделал в своем дневнике такую запись: «Я советую Майкову не вдаваться ни в какие суетные учения или партии, а быть просто художником, к чему у него истинное призвание».

Быть художником — истинное ли это призвание Аполлона Майкова? Исследователи его творчества не были едины. Некоторые, впрочем, отвечали безоговорочным «да», как, например, Д. Мережковский, который в конце прошлого века писал: «Жизнь Майкова — светлая и тихая жизнь артиста, как будто не наших времен... Судьба сделала жизненный путь Майкова ровным и светлым. Ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гонений».

Полно, так ли? Для того, чтобы прожить жизнь, не испытав «ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гонений», надо быть разве что амебой, да и у той есть свои проблемы.

Обратимся к фактам биографии поэта. Родился Майков в Москве 23 марта 1821 года. Отец Аполлона — известный академик живописи Николай Аполлонович Майков, один из тех, кто принимал участие в росписи Исаакиевского собора. «Искусства труженик, без жажды славы живой». В подмосковном селе Никольском, недалеко от Троице-Сергиевой лавры, он неустанно трудился в своей мастерской. Дети, а их было четверо: Аполлон, Валериан, Владимир, Леонид, — замороженно следили за работой отца. Стоит ли удивляться, что стремление не к искусству, а к созиданию, к творчеству рано проснулось в старшем, в Аполлоне? Одно из самых сильных впечатлений его детства — книга Бытия о первых днях творения, которую впервые прочла детям мать.

В поэме «Сны», во многом автобиографической, А. Майков потом скажет:

*И после чтения, как братья шли уж в спальни,
Тихонько убежал я сада в угол дальний
И, взоры устремив на звездный свод небес,
Казалось, понял смысл прочитанных чудес.*

.....
*И много лет потом я помнил этот миг,
И посвятил ему свой первый детский стих.*

Двенадцатилетнего Майкова отвезли в Петербург, куда вскоре переехала и вся семья. В три года он прошел весь гимназический курс и в 1837 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. Занятия римским правом и философией пробудили в нем глубокий интерес и любовь к античному миру, проявившиеся впоследствии в его творчестве.

Поэзия и живопись — родные сестры, и творчество А. Майкова — еще одно доказательство тому. Уже первые стихи двадцатилетнего автора «В антологическом роде» получили признание прежде всего именно потому, что обнаруживали его незаурядную поэтическую и живописную зоркость.

*Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный знак дугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь.*

Право, затрудняешься сказать, написано это кистью или пером! Светлые, музыкальные, гармонические строки, достойные Пушкина, — так считали многие, предсказывая Аполлону Майкову большое будущее и видя в нем прежде всего продолжателя пушкинских заветов.

В 1841 году Майков окончил университет и осенью 1842 года отправился в Италию, где прожил два года. Заметим, однако: под большинством стихотворений «В антологическом роде» стоит дата 1841 или даже более ранние — 1838, 1839, 1840 годы. Что это значит? Только то, что совсем необязательно жить в Риме, чтобы писать «в римском духе», и что антологичность — не рассудочная приверженность определенному жанру, а склад души.

Действительно, необязательно видеть руины Колизея, если в Ораниенбауме может открыться внимательному взору картина, подтверждающая, что нет ничего вечного и все проходит, оставляя лишь горький мед воспоминаний:

*Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнезда над окнами свиты;
Но все в тишине ему кажется вдруг —
Что жив еще встарь обитавший здесь дух.*

Как-то даже не верится, что автору этих прекрасных элегических строк всего... семнадцать лет...

Талант Майкова в антологических стихах был столь несомненен, что его признали критики всех станов и всех лагерей — даже те, кто требовал от поэта прежде всего «современности, современности и современности». Мы уже упоминали о сочувственном, даже восторженном во многом отзыве «ненстового Виссариона». Но, разумеется, эти похвалы были своего рода авансом — критик лелеял надежду, что от сочинений в антологическом роде Майков перейдет к изображению современности. Кое-какие основания для таких надежд давал и сам поэт: при всей гармоничности его стихов в них проскальзывала какая-то смутная неудовлетворенность от постоянного пребывания в мире хотя и прекрасном, но застывшем в своем пластическом великолешии.

Особенность российской действительности была такова, что тревог она предоставляла более чем достаточно, воли же — никакой.

*Но я бы не желал сей жизни без волнения;
Мне тягостно ее размерное течение.
Я втайне бы страдал и жаждал бы порой
И бури, и тревог, и воли дорогой,
Чтоб дух мой крепнуть мог в борении мятежном
И, крылья распустив, орлом широкобежным,*

*При общем ужасе, над льдами гор витать,
На бездну упадать и в небе утопать.*

В истории литературы мрачным ореолом окружено «дело Петрашевского» — всем памятна инсценировка смертной казни 22 декабря 1849 года, которую довелось пережить и Ф. М. Достоевскому. Ледяное дыхание этого террора коснулось и певца весны — Аполлона Майкова. Допросы в Петропавловской крепости, постоянное и мучительное ожидание ареста... В конце концов за недостатком доказательств близости к «центру» петрашевского кружка все «обошлось», но никто не знает, какой след оставила в душе поэта «игра в революцию». Во всяком случае, «на бездну упадать» его больше не тянуло...

Разумеется, преувеличивать революционную настроенность А. Майкова было бы слишком прямолинейно и наивно. Это все равно, что у Пана вырвать тростинку-свирель и заменить ее барабаном; с требованием исполнить «Марсельезу». Гнет деспотии был, конечно, не сладок, но «инстинкты черни» страшили не меньше.

После николаевского царствования наступила на какое-то время «оттепель». Но что это, в сущности, изменило?

*Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,*

*Стеной стоят вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»*

Кто скажет, что автор этой смелой инвективы и певец «голубенького, чистого подснежника» — одно и то же лицо? Такого Майкова у нас не знают...

Впрочем, эпиграммы подобного рода поэт отнюдь не предназначал для печати, более того, неоднократно подчеркивал свое отвращение ко всякой «политике». Так, в одном письме его мы читаем: «Удивился я твоим словам, что в моих стихах «Молитва» нашел ты или предполагал во мне что-то политическое. Политики в поэзии я не терплю. Поэзия партий у меня не существует». Требование «не отставать от века» вызвало в нем реакцию саркастическую:

*«Не отставай от века» — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет: выше века будь!*

Однако, презирая «толпу», Майков никогда не путал толпу с народом. Надменности, снобизма в нем не было. Да и откуда им взяться? Разве не видел он перед собою «вечного труженика» — своего отца? Этот дворянин работал всю жизнь до изнеможения, как чернорабочий, являя собой истинного аристократа духа... Да и сам Майков — разве не трудился он всю жизнь размеренно, упорно? Замечательный поэт работал скромным чиновником в Комитете иностранной цензуры, и хлеб давался

ему не даром... Как же было не понять ему душу народную, где красота, как церковь на крови, стоит на море страданий, слез и пролитого пота?

Отсюда — то, что исследователи творчества называют «демократическими элементами» в поэзии Майкова.

Прислушайтесь... звучат иные звуки...

Унынье и отчаянный разгул.

Разбойник ли там песню затянул

Иль дева плачет в грустный час разлуки?

Нет, то идут с работы косари...

Кто ж песнь сложил им? Как кто? Посмотри

Кругом: леса, саратовские степи,

Нужда, да грусть, да думушка, да цепи.

«Некрасов!» — воскликнете, быть может, вы... Нет, это — Майков, тот Майков, которого мы не знаем...

Так что с этикеткой «искусство для искусства» придется несколько повременить, хотя и были попытки зачислить А. Майкова именно по этому ведомству. Только причислят его к славянофилам (он часто публиковался в «Молодой редакции» славянофильского журнала «Москвитянин»), как вдруг появляется сочинение, в котором Петр I изображен с нескрываемым сочувствием к его реформам.

Только объявят Майкова «чистым лириком», а он заявляет, что всегда «жил себе особняком», но никогда не выставлял свои сокровенные думы напоказ:

Я не могу, подобно многим,

Разбить шалаш на площади

И всем творениям двуногим

Кричать: пожар в моей груди!

Но... разве не это именно делает лирик, обреченный самой природой выносить все сокровенное именно на площадь?! Майков от подобной лирической откровенности отшатнулся. «Меня упрекали в холодности, главное, указывая на то, что нет у меня любовных стихотворений... Но о любви своей мне всегда было писать и говорить стыдно. Что кому до этого за дело? Каждого пускать со своим носом к себе в сердце!» — странный лирик, не правда ли? А вместе с тем, как очаровывал его лирический, извительно-нежный Генрих Гейне... Он пытался его переводить, но, по замечанию А. Блока, был слишком ему «чужой».

К переводам А. Майкова вообще стоит отнестись с большой осторожностью. Вот, например, стихи «Из Аполлодора Гностика» — напрасно знатоки античности будут искать оригинал. «Вы знаете, что это за Аполлодор Гностик? Это моя выдумка: не люблю обнаруживать своих интимнейших мыслей и представлений, вот и прибегаю к такой уловке, — признавался Майков в письме к Сухомлинову. — Но секрет обнаруживаю не многим, а многих оставляю в заблуждении (даже филологов), что будто есть такой поэт II века; некоторые отвечали мне: «Знаю, знаю!» Литературная мистификация — милая забава «потайного лирика». Но сомнение-то «знатоков» — каково?! Подобных «знатоков» и сейчас найдется немало...»

«Из испанской антологии», «Из турецкой антологии» — все это не более чем маскарадные костюмы... Хотя Майков и не жаловал Арлекина, видя в нем начало всяческой «скептической скверны», однако и сам был не прочь разыграть некое литературное представление. Уж если выходить на площадь, так в маске!

Иное дело — его перевод «Слова о полку Игореве». Этому труду Майков посвятил четыре года, перечитал «бездну книг», касающихся «Слова», написал введение к нему. «Мне все казалось, что я исполняю как будто какой-то долг, и потому обязан исполнить его строго и свято, сил не жалеючи». Как он и хотел, перевод этот явился своего рода «приношением на алтарь отечества». Талантливый, поэтический, он сохраняет свое значение и до нынешнего дня. Даже одного этого поэтического подвига было бы достаточно, чтобы имя Майкова по праву осталось в истории нашей литературы.

Да, тружеником А. Майков был замечательным. Помимо лирики, он оставил нам несколько больших поэм — «Две судьбы», «Машенька» (которая особенно нравилась В. Г. Белинскому своей верностью правде жизни и психологической тонкостью), «Сны», «Бригильда», написал трагедию в октавах «Княжна», лирическую драму «Три смерти», трагедию «Два мира» — над нею автор напряженно работал десять лет... Что помним мы из этого? Ничего или очень немного! Я не говорю о специалистах, им положено помнить все. Но читатель, руководящийся лишь своей прихотью, «вольный сын эфира», редко-редко, а то и никогда, не обратится к поэмам и трагедиям А. Майкова, к его эпиграммам, ко всем его многочисленным произведениям, не вошедшим в полное собрание сочинений 1893 года...

Хотя, если бы обратились, смахнув пыль с академических томиков, то поразились бы, узнав нечто очень знакомое в этих, вроде бы далеких от нас во времени, картинах. Например:

*Так шарлатанством и коварством
Опять вступили мы в почет,
Опять правленья государством
Вручил нам ветреный народ,
И — мы попали в депутаты...
О, если б видел ты палаты!*

*Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Им обещая дать устав,
Как жать, не сеяв, не пахав.*

Ну что к этому можно добавить?.. Читайте Майкова! «Талант — единственная новость, которая всегда нова».

..Да, но как же «лебединые крылья»? А они никуда не делись. Поэт искал, ошибался, даже отрекался порой от лирики, от «субъективного», стремясь к «объективному», и все-таки оставался лириком, способным разглядеть, что звезды — у нас под ногами.

Есть портрет И. Крамского — «А. Н. Майков на рыбной ловле». Почтенный старик с серебряной бородой, стоя в лодке,

увлеченно смотрит на удочку... Мы видим удилнице, но не видим крючка. А ведь крючок-то — приглядитесь — имеет форму вопросительного знака! Того самого, что стоит после всех нас мучающих фраз «Кто виноват?» и «Что делать?». Они поистине вечные, эти вопросы... Аполлон Майков в меру отпущенного ему таланта попытался дать на них свои ответы. Удалось ли ему поймать золотую рыбку? Как знать... Но если даже он и поймал ее, то, конечно же, отпустил «на дорогую волю» безо всякого выкупа. Ведь он читал Пушкина и в свой дисгармонический век следовал ему в поисках гармонии...

АПОЛЛОН МАЙКОВ

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

Откуда ты, о ключ подгорный,
Катишь звенящие струи?
Кто вызвал вас из бездны черной,
Вы, слезы чистые земли?
На горных горах луч палящий
Кору ль льдяную растопил?
Земли ль из сердца ключ кипящий
Истоки тайные пробил?
Откуда б ни был ты, но сладко
В твоих сверкающих зыбях
Дремать найде иль украдкой
Свой лик купать в твоих водах;
Отрадно пастырям долины
У вод твоих в свой рог играть
И девам звонкие кувшины
В студенной влаге погружать.
Таков и ты, о стих поэта!
Откуда ты? и для кого?
Тебя кто вызвал в бездну света?
Кого ты ищешь среди него?
То тайно всем; но всем отрадно
Твоей гармонии внимать,
Любить твой строй, твой лепет складный,
В тебе усладу почерпнуть.

ОВИДИЙ

Один, я погребен пустыней снеговою.
Здесь всем моих стихов гармония чужда
И некому над ней задуматься порою,
Ей нет ни в чьей душе отзвѣва и следа.
Зачем же я пою? Зачем же я слагаю
Слова в размерный стих на языке родном?
Кто будет их читать и чувствовать?.. О, знаю,
Их ветер разнесет на береге пустом!
Лишь эхо повторит мои мечты и муки!..
Но все мне сладостно обманывать себя:

Я жажду услышать страны родимой звуки,
Свои элегии читаю громко я,
И думаю — дитя! что это голос друга,
Что я в кругу друзей... зову их имена,—
И вот — мне кажется, что дымная лачуга
Присутствием гостей невидимых полна.

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плект
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтевший
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вахх под тигровую кожей
И силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

ХУДОЖНИК

Кисти ты бросил, забыл о палитре и красках,
Проклял ты Рим и лилово-сребристые горы;
Ходишь как чумный;
на дев смуглолицых не смотришь;
Ночью до утра сидишь в остерии за кружкой,
Хмурый, как родина наша... И Лора горюет,
Тщетно гадая, о чем ты тоскуешь, и смотрит
В очи тебе, и порой ловит бред твой сквозь сонный.
Что, не выходит твой Рим на картине?
Что, воздух
Тонкой струей не бежит между листьев? Солнце
Легким, игривым лучом не скользит по аллее?
Горы не рядятся в легкую дымку туманов полудня?
Руку, художник! ты тайну природы постигнешь!
Думать будет картина — ты сам, негодун,
Выносил в сердце тяжелую думу.

==
Когда, гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души,—

Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

ФИЛАНТРОПЫ

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелась любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай Господь им долги дни! —
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сылет цветами весна!

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! Ты череп и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его сплелили могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

«Не отставай от века» — лозунг лживый,
Кораи толпы. Нет: выше века будь!
Зигзагами он свой свершает путь,
И вкривь, и вкось стремя свои разливы.
Нет! мысль твоя пусть зреет и растет,
Лишь в вечное корнями углубляясь,
И горизонт свой ширит, возвышаясь
Над уровнем мнимобегущих вод!
Пусть их напор неровности в ней сгладит,
Порой волна счастливый даст толчок, —
А золота крупинку мчит поток —
Оно само в стихе твоём осядет.

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот воздушною стезей
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склоняясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

РОЗЫ

Вся в розах — на груди, на легком платье белом,
На черных волосах, обвитых жемчугами,—
Она покоилась, назад движеньем смелым
Откинув голову с открытыми устами.
Сияло чудное лицо живым румянцем...
Остановился бал, и музыка молчала,
И соблазнительным ошеломленным танцем
Я на другом конце блистательного зала
С красавицею вдруг очами повстречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне в мгновенье,
И вилла, сад и пир времен горацанских...
И по заливу вдруг на золотой галере
Плывет среди толпы невольниц африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Венере...
И что ж? обманутой блистательной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему виною,
О розы Пестума, классические розы!..

В отечественное здравоохранение вторгается рынок: все большее число медицинских услуг — консультаций у специалистов, исследований — становятся платными. Чисто психологически — да и финансово! — готовы к этому далеко не все, тем более что оглушенный рекламными объявлениями новых медицинских центров человек уже не в состоянии разобраться, какого рода медицинскую помощь он вправе получить бесплатно, и, на всякий случай решив сэкономить на себе, тянет с посещением врача буквально до последнего.

А между тем не все уж так неладно в медицинском королевстве. По-прежнему продолжают разработки новых методов лечения, оригинальных лекарств; талантливые хирурги спасают жизнь своим пациентам вне зависимости от толщины их кошельков.

Юрий Кошелев в Отделении сосудистой хирургии НИИ скорой помощи имени Склифосовского делает уникальные операции по пересадке сосудов...

— Двадцатый век привнес в жизнь человека немало коварных недугов, о которых наши предки и не подозревали. Атеросклероз занимает в этом горьком списке лидирующие позиции, — рассказывает хирург Кошелев. — Болезнь может развиваться с детства — в артериях начинают появляться жировые прослойки. А с возрастом на стенках сосудов образуется уже толстый слой отложений. Если они перекроют коронарные артерии, поставляющие кровь миокарду (сердечной мышце), часть его отмирает, то есть наступает инфаркт миокарда. Если нарушается подача крови в мозг — наступает мозговой инсульт. Но еще до того, как события примут столь трагичный оборот, атеросклероз медленно подрывает здоровье человека. Ограничивая приток крови к конечностям, мозгу и другим жизненно важным органам, он зачастую ста-

ХОД КРОВИ

новится причиной преждевременного старения. Надо сказать, что атеросклерозу подвержены в большей степени мужчины. В возрасте до шестидесяти лет опасности заболеть им подвергается каждый пятый! Существует несколько «факторов риска», которые создают непосредственную угрозу: высокий уровень холестерина в крови (связан с неправильным питанием), высокое артериальное давление и курение. Каждый фактор увеличивает вероятность болезни в 2—3 раза. Наличие сразу двух или трех резко усугубляет опасность. Существенно повышают вероятность заболевания недостаток движения, избыточная масса тела и стресс. В последнее время отмечено заметное снижение числа заболеваний атеросклерозом и смерти от него в США. Там вся нация буквально «помешалась» на диетах — люди дотошно высчитывают количество

калорий, регулярно измеряют свой уровень холестерина в крови, своевременно начинают принимать лекарства, его снижающие, вот вам и результат. У нас же предпочитают полагаться на авось, а когда прихватит — надеются на доброго доктора, который вылечит... Да, операции на сосудах действительно спасают жизни пациентам, но они не вылечивают от атеросклероза! Они избавляют многих от инвалидности, увеличивают продолжительность и качество жизни — человек может вновь вернуться к активной профессиональной деятельности... К сожалению, у нас в стране таких операций делают крайне недостаточно.

— *Не хватает специалистов?*

— Нет, как раз специалистов, равно как и больничных коек в отделениях сосудистой хирургии, достаточно. Виновата, как

обычно, наша бедность. Дело в том, что операции эти весьма дорогостоящи (медикаменты, материалы и обслуживание...). На это никогда не выделялось достаточно средств, а те, что выделялись, расходовались крайне нерационально. Возможно, с введением системы страховой медицины произойдут какие-то сдвиги в лучшую сторону, но пока — увя... Вот и получается, что если в США в год делают около 800 тысяч таких операций, то в России — всего восемь тысяч. А потребность в них с каждым годом возрастает. В Москве, например, сейчас активно функционируют пять сосудистых отделений. Ежегодно в каждом из них выполняется от двухсот до пятисот восстановительных операций. (В аналогичных сосудистых отделениях в США операций выполняется в десять раз больше!) Можно было бы значительно увеличить число операций и у нас, но в этом нет заинтересованности ни у Минздрава, который финансирует клиники, ни у самих врачей, чья зарплата никак не связана ни с количеством, ни с качеством проводимых ими операций. А самое поразительное — нет больных! Хотя раньше на восстановительные операции в подобные отделения были многогодовые очереди... Отделения заполняются в основном за счет сосудистых травм, которых из-за осложнения криминальной обстановки стало очень много. Сравните: в восьмидесятые годы с травмами сосудов поступало в среднем три пациента в год. Сейчас — три в неделю!.. Возвращаясь же к проблеме восстановительных операций, нельзя не отметить, что в последние годы сильно изменился характер больных, поступающих в стационар в плановом порядке. Как правило, болезнь находится в очень тяжелой стадии, что, есте-

ственно, не может не отразиться на результатах лечения. Оперировать таких больных в несколько раз сложнее.

— Выходит, резко упал интерес к своему здоровью? Или причина в ухудшении работы поликлиник?

— Прежде пациент был вынужден ходить в поликлинику — за больничным, справками, рецептами... Теперь же с развитием частного предпринимательства, сети коммерческих аптек, где рецепт не нужен, необходимость в этом у многих отпала. Люди стали все реже обращаться к врачам. К тому же многие, столкнувшись с низкой квалификацией специалистов в поликлинике, перестают вообще верить медикам, предпочитая опасный путь самолечения или лечения у шарлатанов разных мастей. А в результате упущено драгоценное время, недуг прочно укрепился в организме, а «расхлебывать» приходится хирургам...

Изменить это очень трудно, но можно. Сейчас уже началась подготовка так называемых семейных врачей, которые, зная наследственные предрасположенности к тем или иным заболеваниям, могли бы уделить серьезное внимание профилактике их у детей, лечению — у взрослых. Но для внедрения такой формы обслуживания населения в практику потребуются колоссальные затраты. Необходимо оснастить врачей современным диагностическим оборудованием, причем совершенно не требуется «вооружить» каждого — достаточно открыть ряд мощных диагностических центров, куда они могли бы своевременно направлять своих пациентов. Какое оборудование закупать для этих центров, должны решать сами врачи, а не администрация, и распоряжаться средствами, поступающими от страховой медици-

ны или от платных услуг, тоже должны они. И вот когда врач своим трудом будет «содержать» поликлинику, а не она его, тогда и произойдут изменения в сфере профилактики и лечения заболеваний.

— Это — завтрашний день. А сегодня куда обратиться человеку, чтобы вовремя выявить болезнь?

— В Москве сейчас открыто несколько диагностических центров — районных, межрайонных. Они обеспечены квалифицированными кадрами и оснащены современным оборудованием. Кроме того, при крупных институтах и центральных клинических больницах в Москве есть поликлинические отделения, куда каждый человек может обратиться, даже не получая направления из своей поликлиники. Никаких проблем сейчас с этим уже не существует. Наши ведущие лечебные учреждения обеспечены кадрами таким образом, что могут принимать в 20—30 раз больше больных, чем они это делают сейчас.

— Платная медицина?

— Частично — платная, частично — бесплатная. Консультативный прием для москвичей — платный, для иногородних — платный. Но плата эта минимальная, и она не представляет проблемы даже для пенсионеров. В среднем консультация сейчас стоит тысячу рублей. По сосудистому профилю, например, можно обратиться в Институт скорой помощи имени Склифосовского, Институт сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева, Центр хирургии АН, Институт имени Вишневецкого, а также больницы пятнадцатую и седьмую...

— А к кому лучше обращаться — к кардиологу или кардиохирургу?

— Кардиология, как таковая, занимается, безусловно, всеми заболеваниями сердца, и 90 процентов этих болезней поддаются медикаментозному лечению без хирургического вмешательства. И только кардиолог решает, какому больному он не может помочь, тогда его направляют к кардиохирургу. Хирурги же выполняют чисто механическую операцию восстановления нормального кровотока в тех сосудах, в которых оно нарушено или отсутствует вовсе.

— Причины же «закупорки» сосудов «бляшками» остаются по-прежнему не ясны? Одни считают — это естественный процесс старения организма, другие — наследственная предрасположенность...

— В любом случае атеросклероз — болезнь возрастная... Но имеет тенденцию к омоложению. Сейчас уже не редкость, когда у тридцатилетних, сорокалетних мы видим при операциях ярко выраженный атеросклероз. Тут путь один — замена пораженных сосудов.

— Насколько мне известно, в большинстве случаев их заменяют синтетическими протезами?

— Это так... Но синтетические протезы часто тромбируются — в них сворачивается кровь. Итог трагичен: инфаркт, инсульт или гангрена конечности. В среде пациентов годами бытуют легенды о салфетке, забытой хирургом. Так вот, синтетический протез — это та же «салфетка», то есть чужеродный материал, который, несмотря на все предосторожности и стерильность, создает опасность инфекции. В таких случаях протез всегда приходится полностью удалять, а поставить новый невозможно: место это уже инфицировано.

— А проверить пациента заранее на чувствительность к «чужеродному» материалу нельзя?

— В том-то и дело, что нет. Иммуитет человека еще очень слабо изучен...

— То есть исход операции зависит в немалой степени не только от профессионализма врача, но и от индивидуальности больного?

— Совершенно верно... И мы подумали: если трансплантируются сердце, почки и печень — почему бы не пересаживать сосуды?.. Хирург нашего отделения Владимир Алексеевич Гуляев потратил на создание такого «естественного» протеза более десяти лет, и его исследования увенчались успехом. Он использует для этих целей человеческую артерию, обработанную специальным образом. Благодаря оригинальному способу, секрет которого знаем лишь мы, заготовленный впрок протез может ждать своего пациента до двух лет! В отличие от всех выпускаемых в мире протезов у этого ряд неоспоримых преимуществ. Главное — он натурален, имеет естественную форму, и его биологические свойства наиболее близки к тем сосудам, что необходимо заменить в организме. При протезировании артерий среднего и малого диаметра (сонных, почечных, коронарных...) протез вообще не имеет альтернативы. Благодаря ему удается предотвратить инвалидность и спасти жизни при ишемической болезни сердца, инсультах, симптоматической гипертонии, инфарктах миокарда...

— И многих больных спасли?

— Сделано уже более трехсот операций. Протез «ведет себя» прекрасно: когда к нам приехал на консультацию один из первых наших пациентов, мы так и не смогли обнаружить то место, где «работает» протез, настолько он срос-

ся с организмом. Прибор подтвердил идеальную картину: протез «вжился» и «оброс» новыми клетками.

— Юрий Михайлович, а как определить, насколько велик риск заболевания атеросклерозом у того или иного человека?

— Начнем с того, что наиболее часто случается. Если у вас нередко боли в области сердца, внезапно перехватывает дыхание, когда вы выходите на улицу или при физической нагрузке, — не нужно бежать сразу к сосудистому хирургу, а следует обратиться к кардиологу. Он сможет сказать, действительно ли атеросклероз стал причиной подобных симптомов или они возникли в результате каких-то функциональных нарушений.

Если у вас частые головокружения, пошатывания, если внезапно испортилось зрение, чувствуется усталость в руках и ногах, то это признаки того, что у вас может развиться инсульт. В этом случае, конечно, лучше обратиться к сосудистому хирургу. Диагностика тут не такая уж сложная — простым прослушиванием артерий можно определить, что у вас возникли «бляшки».

Предположим, у вас гипертония, которая не поддается никаким лекарственным воздействиям. Тут большая опасность существования стеноза (сужения) почечных артерий. Таких гипертоников около 15 процентов среди всех страдающих этим заболеванием. Поликлиники не в состоянии им помочь, не в силах разобраться в истинных причинах повышения давления — этим больным нужно прийти к нам. Под рентгеном специальным баллончиком мы расширим артерии — и больной на вторые-третьи сутки уже будет практически здоров.

Далее. Если у вас при ходьбе по

ровной местности внезапно «схватывает» икры, возникают сильные боли и вы вынуждены остановиться, некоторое время постоять и только после этого можете продолжать путь. — это так называемый симптом перемежающейся хромоты, первый признак того, что у вас появились «бляшки» в артериях ног. Когда же темнеют ногти, появляются язвы — тут уж диагноз не представляет особого труда. Правда, даже при этих симптомах некоторые люди умудряются не обращаться к врачу, пытаясь делать какие-то примочки, прикладывать листики в надежде, что все «само пройдет»... Я настоятельно советую вам срочно обратиться к врачу, чтобы не запускать болезнь. И лучше, чтобы это был сосудистый хирург — только он в настоящее время может помочь.

— А существует какая-то профилактика?

— Да, и она достаточно эффективна. Во-первых, это, конечно, питание. Нужно употреблять как можно меньше продуктов, содержащих холестерин. После тридцати лет не рекомендую пить молоко, поменьше копченостей, мяса, яиц. Побольше — овощей, хлеба, фруктов. За обедом можно иногда выпить и пару рюмок водки...

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Уже доказано, что, снимая стресс, малые дозы алкоголя снижают и уровень холестерина в крови, который повышается от избыточного волнения. Более того, они воздействуют таким образом, что он как бы «растворяется», а образование нового замедляется.

— Выходит, алкоголики должны быть абсолютно не подвержены атеросклерозу?

— Нет, избыток алкоголя повреждает функцию печени, и тогда

склероз прогрессирует очень быстро. Не менее опасное воздействие оказывает курение. Само курение, правда, не вызывает атеросклероз, но замечено, что у курящих он прогрессирует в несколько раз быстрее, чем у некурящих.

Из других вредных факторов в большей степени сказывается на развитии атеросклероза загрязнение окружающей среды: в деревнях заболеваемость атеросклерозом значительно ниже, чем в индустриальных гигантах.

— И последний вопрос, Юрий Михайлович: кому противопоказаны операции на сосудах?

— Только людям с неоперабельными онкологическими заболеваниями. Для остальных противопоказаний нет — ведь практически любое заболевание нашего профиля связано с риском для жизни, и поэтому альтернативы тут вообще не существует: либо человек гибнет, либо ему делают операцию по пересадке сосудов. К слову сказать, эти операции пациенты переносят достаточно легко, при них, как правило, бывает малая потеря крови, быстро заживают раны, швы остаются крошечные, почти незаметные. В большинстве случаев уже через несколько часов после операции больной может ходить.

— Что ж, картина довольно оптимистическая.

— Конечно! Все далеко не так плохо, как кажется...

**Беседу вела
ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА.**

МАРКИЗ ДЕ САД

ФЛОРВИЛЬ

или Капризы

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

И КУРВАЛЬ, судьбы

М

есье Курвалю только что исполнилось пятьдесят; этот бодрый, энергичный человек в добром здравии рассчитывал, что по крайней мере проживет еще лет двадцать. Не испытывая ничего, кроме чувства отвращения к своей первой жене — она давным-давно покинула его, предавшись удовольствиям распутной жизни, — он имел основания (в силу самых надежных доказательств) полагать, что это порочное создание уже покоится в могиле. А потому приступил к серьезному рассмотрению возможности заключения повторного брака. Для этой цели намеревался выбрать такую женщину, которая своей добротой, мягким характером и незапятнанной высокой нравственностью помогла бы ему забыть о всех пережитых в прошлом несчастиях.

Месье Курваль так же, как и с женой, оказался несчастен с детьми — у него их было только двое. Девочка, умершая в раннем возрасте, и мальчик, в пятнадцать лет вслед за его женой покинувший его и, к сожалению, в своем поведении руководствовавшийся теми же принципами разврата, что и мать. Месье Курваль хотел лишить сына наследства и передать все имущество своим детям от новой жены. Он располагал доходом в пятнадцать тысяч франков; прежде занимался бизнесом, и сохранение состояния стало плодом его неусыпных трудов.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕВЫШНЕМУ СОИЗВОЛЕНИЮ?

Что нам известно о Донатьене-Альфонсе-Франсуа — маркизе де Саде (1740—1814)? Несмотря на то, что он оставил после себя громадное литературное наследие, до последнего времени его книги в нашей стране находились под запретом, а имя неизменно связывалось с представлениями о перехлестывающем через край истязательном эротизме, прославлением удовольствия от боли, побоев, крови и самого подлого унижения. Отсюда и отталкивающее название «садизм». «Ни одно из ощущений по остроте и полноте своей не может сравниться с болезненным ощущением; воздействие на человека боли не вызывает сомнений» — таково кредо маркиза де Сада. Для него приятные ощущения — слишком слабое удовольствие. Особый, жестокий эротизм стал смыслом и выражением всего его существа. Но многие не разделяли такую точку зрения и с презрением отворачивались от его «философии в будуаре». Поэтому он мало был известен и на Западе, особенно как человек, как личность. Критиков же, для которых он не был ни чудовищем, ни идолом, а просто человеком и писателем, можно перечислить по пальцам. Правда, в конце девятнадцатого столетия английский поэт А. Су-

Жил вполне по средствам, как и каждый добронормальный человек, в окружении нескольких любящих друзей, навещавших его либо в миленькой квартирке на улице Сант-Марк, или, что было чаще, в его небольшом очаровательном поместье возле Немура, где месье Курваль проводил большую часть года.

Этот достойнейший человек поделился планами с друзьями и, убедившись в полном одобрении своего замысла, попросил их немедленно навести справки в кругу знакомых, не найдется ли там вдовы или старой девы лет тридцати — тридцати пяти, отвечавшей его запросам.

Через два дня один из его прежних коллег по работе сообщил, что, видимо, ему удалось найти то, что желал месье Курваль.

— У этой молодой дамы, а ее я вам настоятельно рекомендую, — сказал приятель, — есть два недостатка. О них должен прежде сообщить и лишь потом, чтобы утешить вас, перечислить ее добродетели. Не вызывает сомнения, что отец и мать ее уже умерли, и нам ничего не известно, кем они были и где она их потеряла. Известно только одно, — продолжал посредник, — она — кузина месье Сент-Пра, человека, пользующегося репутацией человека, глубоко ее уважающего, готового петь ей дифирамбы, чего она, без сомнения, более чем заслуживает. Родители ничего ей не оставили, но она получает от месье Сент-Пра доход в четыре тысячи франков, так как воспитывалась в его доме

инберг и несколько подобных ему чудаков заинтересовались «делом маркиза де Сада», но лишь с появлением Гийома Аполлинера родоначальник «садизма» занял прочное место во французской литературе.)

И неудивительно. О де Саде довольно трудно иметь объективное суждение. Личные дневники маркиза потеряны, многие рукописи преданы огню (по настоянию его сына были уничтожены все десять томов «Дней во Флорбелле»), книги долгое время запрещались. Почему же он всех так интересует? Ведь даже самые горячие сторонники де Сада согласятся с тем, что большую часть его сочинений читать трудно. Как философ, он слаб и часто переходит от банальностей к непонятной зауми. Что касается его пороков, то и тут не внес ничего нового — в любом трактате по психиатрии можно найти такую же сексуальную патологию, как и у него.

Маркиз де Сад привлекает внимание прежде всего тем, что в его личности тесно переплелись две ипостаси: писатель и сексуальный извращенец. Он создает своеобразную этику своей сексуальности, обобщает и анализирует свой опыт. И в литературных поисках стремится быть понятым и оцененным обществом.

Ему пришлось немало пострадать в жизни за распущенность и разврат, так называемый «либертинаж», — треть жизни он провел в тюрьме.

Маркиз де Сад начал писать довольно поздно. Исследо-

и провела в нем свое детство. Это первый недостаток, — заключил приятель месть Курваля. — Теперь перейдем к другому. Речь идет об одном скандальном деле, произошедшем лет двадцать назад, тогда ей было всего шестнадцать, о ребенке, умершем в младенчестве, его отце, которого она, разумеется, больше никогда не видела. Вот все, что касается ее слабых сторон, а теперь несколько слов о ее достоинствах.

— Мадемуазель Флорвиль — тридцать шесть лет, но выглядит на двадцать восемь. Трудно себе представить более привлекательное, более миловидное лицо: у нее мягкие, нежные черты, кожа обладает белизной лилии, а каштановые волосы чуть не касаются пола. Губы удивительно свежие, прекрасной формы, похожие на весеннюю розу, — поистине украшение лица! Она довольно высокого роста, но у нее такая прекрасная фигура, а в движениях столько грации, что рост, при иных обстоятельствах могший вызвать нарекания, в данном случае не имеет абсолютно никакого значения. У нее очаровательные руки, шея, красивые ноги, и вообще мадемуазель обладает такой красотой, которая еще долго будет оказывать сопротивление наступающей старости.

Что касается поведения, то его упорядоченность даже может вам не понравиться. Она почти не ведет светской жизни и мирской суете предпочитает уединение. Чрезвычайно благочестива,

ватели его творчества Морис Гейне и Жильбер Лели утверждают, что писателем он становится в 1770 году, два года спустя после заключения в одиночную камеру в Венсеннской тюрьме. И если бы он оставался всю жизнь свободным человеком, то никогда бы из него не получилось писателя.

Путь в тюрьму судьба уготовила маркизу очень рано. Вообще вся его жизнь была бесконечной вереницей невероятных приключений, поразительных несчастий и бед. Но самое непостижимое — он всегда мужественно противостоял всем ударам судьбы.

Тюремной жизнью был пропитан весь его талант. Маркиз понимал, насколько хрупки, насколько подвержены опасности создаваемые им произведения — в любую минуту в камеру могли войти тюремщики и уничтожить то, что давалось ему с таким трудом.

Так, в 1785 году он всего за двадцать дней работы с семи утра до десяти вечера на листиках тонкой бумаги сумел микроскопическим почерком уложить содержание своего главного труда — «120 дней Содомы», который был впоследствии утерян. И лишь спустя 146 лет рукопись обнаружили в Париже. Она вышла в свет в четырех томах, в период с 1931 по 1935 год.

Маркиз де Сад был человеком цельным и когда обратился к перу, то полностью, с завидной отдачей посвятил себя литературному творчеству. Чувствуя пробелы в образовании, он в письмах из тюрьмы просил «книг, как можно

ревниво исполняет обязанности в монастыре, где живет, и в силу своих религиозных достоинств она не только источник для укрепления духа окружающих, но еще и источник восхищения и восторга для всех, кто лицезреет ее, — таковы живой ум и обаяние мадемуазель... Короче говоря, она земной ангел во плоти, посланная небесами, чтобы осчастливить вас в последние годы жизни.

Возможность встретиться с такой женщиной произвела большое впечатление на месье Курваля, и он попросил своего друга представить ему мадемуазель Флорвиль как можно скорее.

— Вопрос о ее рождении меня совершенно не волнует, — заявил он. — Если она обладает чистыми кровями, то какая разница, кто именно передал их ей? Что касается того «дельца», когда ей было всего шестнадцать, то и оно не смущает; она сполна заплатила за свой проступок долгими годами примерной скромности и добронравия. Я женюсь на ней как на вдове. И поскольку я остановил свой выбор на женщине тридцати шести лет, то глупо с моей стороны требовать, чтобы она была девственницей. Таким образом, меня нисколько не огорчает, что вы рассказали о ней, теперь остается только взглянуть на сей предмет.

Приятель месье Курваля не долго мешкал, выполняя его просьбу. Через три дня он устроил в своем доме обед, пригласив

больше книг». Когда Бастилию в июле 1789 года взяли штурмом, его камеру разграбили (за десять дней до этого события маркиза перевели в тюрьму Шарентонский приют за подстрекательства к бунту) — грабители не пощадили личную библиотеку маркиза, в которой насчитывалось более шестисот весьма ценных томов.

Благодаря победе Французской революции маркиз де Сад получил наконец долгожданную свободу. Радость его была безмерной. Он мечтал об участии в политическом движении своего времени, но вскоре ему пришлось пережить новый, на сей раз кровавый кошмар. Во Франции наступил «великий террор». Разочарование наступило быстро, как и отрезвление. Ему предстояло преодолеть и это. В тюрьме он научился терпению, хитрости, даже двуличию, умению настраивать себя на полное безразличие ко всему. Так находил силы, чтобы выжить в «Царстве добродетели» и даже пережить его. Он, как никто другой, ненавидел «старый режим», но сразу понял то, что многие французские ученые осознали лишь к 200-летию юбилею революции. (Если оставить в стороне усиленную пропаганду и откровенный обман народа, то в 1789 году во Франции произошло восстание собственников, которое было призвано укрепить позиции и обезопасить интересы только одной буржуазии.)

Как мало де Сад симпатизировал цели, поставленной Неподкупным, — строить республику на крови. И это наглядно продемонстрировал: подвергаясь опасности, отка-

среди прочих гостей и эту даму. Трудно было не попасть с первого взгляда под очарование этой женщины, похожей на саму Минерву, в глазах которой таилась любовь. Будучи заинтересованным лицом, она отличалась еще большей сдержанностью, и ее благопристойность, осмотрительность, благородство поведения вкупе с физической привлекательностью и рассудительным, здравым умом так подействовали на несчастного Курваля, что влюбленный принялся умолять своего приятеля ускорить дело и довести его до логического конца.

Они встретились еще несколько раз в том же доме, потом в доме самого месье Курваля, месье Сент-Пра, и наконец, отвечая на самые искренние мольбы Курваля, мадемуазель Флорвиль заявила, что своим предложением он оказывает ей большую честь, но из чувства справедливости она не может его принять, не рассказав прежде о всех приключениях, выпавших на ее долю.

— Вам не все обо мне рассказали, — произнесла очаровательная женщина. — Ваше уважение много для меня значит, и я не могу позволить себе его утратить. Прежде чем принять ваше предложение, я должна предоставить вашему суду возможность оценить, на самом ли деле я его достойна.

Месье Курваль заверил ее, что если он окажется настолько счастливым, чтобы доставить ей удовольствие, то ей больше

зался, будучи главным судьей Большого суда присяжных, вынести смертный приговор членам оппозиции. При этом заметил, что, по его мнению, можно совершать преступления ради удовольствия, но убивать во имя справедливости — это противоречит его принципам. Не жаловал и новых правителей, пришедших на смену «революционерам». Имел глупость опубликовать книгу под названием «Золотое». В ней он подверг резким нападкам Бонапарта, Жозефину, месье и мадам Тальен, Барраса...

Вскоре, 5 апреля 1801 года, его снова бросили в тюрьму Сент-Пелажи, а затем отправили в Шарентонский приют, куда за ним последовала возлюбленная мадам Кеснэ. Под видом его дочери ей удалось получить камеру рядом с ним. И в компании мадам Кеснэ маркиз де Сад прожил до конца своих дней. Удивительная, парадоксальная личность!

В VIII год Республики (1800), через год после выхода из Бастилии, маркиз де Сад опубликовал написанный в тюрьме четырехтомник «Преступления любви». В него вошли сочинения без зверского эротизма и утонченного распутства. Маркиз рассказал о том, как подчас люди под воздействием неблагоприятного фатума и против своей воли совершают страшные преступления. Морис Гейне считает, что маркиза де Сада благодаря этому сборнику можно назвать предтечей «романов ужасов», ставших такими популярными в наше свихнувшееся время.

Опять-таки не было ничего нового в провозглашаемой

нечего ломать голову по этому поводу. Но мадемуазель Флорвиль проявила твердость и заявила, что не примет предложения до тех пор, пока мадье Курваль не узнает все о ней, и посему он обязан ей уступить. Ему удалось отвоевать у нее только одну уступку. Мадемуазель Флорвиль приедет к нему в поместье, где все будет готово к брачной церемонии, и после того, как он выслушает ее рассказ, Флорвиль станет его женой.

— Но, мадье, — возразила милая женщина, — если приготовления окажутся ненужными, то ради чего их затевать?.. Что будет, если сумею убедить вас, что рождена не для брачных уз?

— Мадемуазель, я запрещаю вам меня разочаровывать, — с достоинством ответил Курваль. — Давайте приступим, и прошу: не чините препятствий на пути осуществления моих планов.

Здесь он не уступил ни на йоту. Подготовив все к свадьбе, они отправились в поместье Курваля. Там мадемуазель Флорвиль потребовала, чтобы их оставили наедине. То, что она собиралась рассказать, предназначалось лишь для ушей человека, пожелавшего жениться на ней; посему никто из посторонних не допускался. На следующий после их приезда день эта прекрасная, привлекательная женщина, обратившись с просьбой к Курвалю слушать ее как можно внимательнее, приступила к изложению своей жизни.

им идеи, что природа является носителем зла, побуждающей человека к совершенно преступлений. Еще английский философ Т. Гоббс (1588—1679) — с его творчеством маркиз де Сад был хорошо знаком и часто цитировал в своих книгах — заявлял, что «человек человеку — волк» и в природе господствует лишь одно состояние — состояние вечной войны. Многие английские моралисты и сатирики разделяли убеждения Гоббса, и среди них — Джонатан Свифт (1667—1745). Его маркиз тоже обожал и часто цитировал. И, несмотря на это, выход в свет четырехтомника де Сада критики встретили в штыки, хотя там и не было разнузданного распутства. Маркиза интересовал только один вопрос — почему такое возвышенное чувство, как любовь, часто порождает кровавые преступления. Особенно усердствовал некий критик по имени Вильтерек. Автор не менее злобно ответил ему в статье «Вильтерек-халтурщик» по поводу своей лучшей, кстати, как и многие отмечали, повести «Флорвиль и Курваль», вызвавшей особую неприязнь у рассерженного критика. «А разве в моей повести «Флорвиль и Курваль» рука судьбы не позволяет восторжествовать преступлению? Все люди, совершающие преступление такого рода, являются лишь пешками в цепких пальцах Судьбы, которую, по мнению греков, вершат их боги. Разве мы ежедневно не являемся свидетелями таких событий, как несчастья, выпавшие на долю Эдипа и его семьи?»

Предлагаем вниманию читателя эту повесть.

ИСТОРИЯ МАДЕМУАЗЕЛЬ ФЛОРВИЛЬ

— Ваши намерения в отношении меня, месье, не позволяют скрывать от вас некоторые обстоятельства. Вам сказали, что я довожусь родственницей месье Сент-Пра, и он сам подтвердил этот факт. И все вас ввели в заблуждение. Мое происхождение — абсолютная тайна, и я никогда так и не смогла выяснить, кто мои родители. Малюткой меня обнаружили в матерчатой корзинке из зеленой тафты на крыльце дома месье Сент-Пра. К ее верху оказалось припилено анонимное письмо, в нем говорилось:

«Так как у вас после десятилетнего брака нет детей и принимая во внимание постоянное желание иметь хотя бы одного, можете взять этого ребенка; она чистых кровей, плод целомудренного брака, а не мерзкого распутства; благородна по своему рождению. Если ребенок не понравится, то отправьте его в детский приют. Не пытайтесь наводить справки, это ни к чему не приведет».

Достойные люди приняли меня, воспитали, не обходили ни малейшей заботой. Я всем им обязана. Так как в письме не называлось имя ребенка, то мадам Сент-Пра назвала меня Флорвиль.

102 Мне исполнилось всего пятнадцать, когда пришло первое несчастье: покровительница умерла. Трудно выразить горе от такой утраты. Она меня так любила, что на смертном одре призвала к себе мужа и велела ему никогда не разлучаться со мной и установить доход в четыре тысячи франков. Обе ее просьбы были с честью выполнены. К этим проявлениям доброты господин Сент-Пра присоединил и свои заботы: призвал кузину своей жены и в таком качестве выделил мне по завещанию часть имущества, о чем вам известно. Но я не могла больше оставаться под крышей его дома; сам месье Сент-Пра объяснил почему.

— Я теперь вдовец, но еще довольно молодой мужчина, — сказал этот добродетельный человек. — Ваше счастье и репутация дороже всего на свете. Не хотелось бы компрометировать ни того, ни другого. Нам нужно разъехаться, Флорвиль, но до тех пор, пока я жив, не оставлю вас и не хочу, чтобы вы покидали лоно нашей семьи. В Нанси живет моя сестра. Я намерен рекомендовать ей вас. Ее дружба будет такой же крепкой и искренней, как и моя, в этом могу вас вполне заверить. И там, рядом с ней, я смогу продолжать обеспечивать всем необходимым для завершения вашего образования и помочь добиться какого-то положения в обществе.

Услыхав это, я не сдержала слез. Новая беда еще больше усилила печаль, которая не покидала со дня смерти благодетельницы. Но, будучи искренне убежденной в правоте месье Сент-Пра, я решила последовать его совету и отправилась в Лотарингию к мадам Веркэн, сестре месье Сент-Пра, с которой мне отныне предстояло жить.

Обстановка в доме мадам Веркэн сильно отличалась от того,

к чему я привыкла у месье Сент-Пра. У него в доме царили благопристойность, религия и нравственность, а в этом, наоборот, — фривольность, вкус к наслаждениям и полная независимость.

Прошло довольно много времени после моего приезда, когда мадам Веркэн сообщила, что ее раздражает мой пуританский вид, а из Парижа никто не приезжает с такими неуклюжими манерами... с такой смехотворной скромностью. И добавила, что если я не хочу наносить ей оскорбление, то должна резко измениться. Такое начало не на шутку меня встревожило. Месье, не стану представлять себя в лучшем свете, чем я есть на самом деле, но всегда удерживалась от любого шага, уведившего в сторону от стези добродетели, морали и религии. Я заклятый враг всего того, что умаляет добродетель, а те грехи, в которые была насильно вовлечена, вызывают такие угрызения совести, что не позволяют вновь установить контакты со светом. Я не в силах жить в нем, и, когда к этому принуждают, я еще больше робею и становлюсь совсем необщительной. Состоянию моего ума и души больше всего отвечает самое неприметное уединение.

Все эти размышления, не отличавшиеся ни особой точностью формулировок, ни особой зрелостью в юном возрасте, не предо-стергли меня от дурных советов мадам Веркэн, как и от погружения в зло оболщения с ее стороны. Та компания, что я постоянно видела перед глазами, те неистовые удовольствия, меня окружавшие, те примеры вызывающего поведения и беседы, которые велись в моем присутствии, оказались теми соблазнами, введшими меня в заблуждение. Мне все говорили, как я мило-видна, а я была глупа и верила лести.

В то время в Нанси стоял нормандский полк. Офицеры обычно проводили свободное время в доме мадам Веркэн. Заглядывали к ней и молодые женщины. Там начинались, развивались и воз-рождались вновь все любовные интриги в городе.

Вполне вероятно, месье Сент-Пра не подозревал о поведении сестры. Как же в противном случае объяснить, почему он с его строгой нравственностью согласился отправить меня к ней? Такое соображение удерживало от желания пожаловаться ему. Ах, месье Курваль, могу ли я быть откровенной с вами до конца? Скорее всего мне вовсе не хотелось жаловаться. Тот нечистый воздух, которым там дышала, начинал осквернять сердце, и подобно Телемаху, оказавшемуся на острове у Калипсо, я не захотела прислушаться к совету Ментора, друга Одиссея.

Бесстыдница мадам Веркэн, уже долгое время пытавшаяся развратить меня, однажды спросила, на самом ли деле я при-ехала сюда из Парижа с чистым, непорочным сердцем и уж не сохну ли по любовнику, оставшемуся в столице.

— Увы, мадам, — ответила я. — И думать не думала о тех грязных поступках, в которых вы пытаетесь меня обвинить, и ваш брат может подтвердить корректность моего поведения...

— Грязных поступках? — перебила мадам Веркэн. — Если вы и виновны в чем-то, то все так наивно в вашем возрасте. Уверена, вы примете меры и исправитесь.

— Ах, мадам, разве неподобающие слова должна слышать я от уважаемой леди?

— Прошу вас, больше ни слова! Уверяю, моя дорогая, что из всех сантиментов, которые мне хотелось бы внушать окружающим, уважаемость меня волнует меньше всего... Любовь — да... Но только не уважение — я еще не достигла возраста, чтобы культивировать такое чувство. Следуйте моему примеру, дорогая, и будете счастливы... Кстати, вы обратили внимание на Сенневалю? — осведомилась она, говоря об одном молодом офицере, завсегдае дома.

— Не особенно, мадам. Могу признаться, я на всех смотрю с одинаковым безразличием.

— Вот этого и не следует делать, моя дорогая юная подруга. Вы должны принимать участие в наших забавах... Постарайтесь заподручить Сенневалю. Я над ним изрядно поработала. Могу сказать, он — моя «ручная выделка». Именно я сформировала его как мужчину. Он любит вас. Овладейте им...

— Ах, мадам, умоляю, исключите меня из подобных планов.

— Нет, нет, даже слышать ни о чем не желаю. Мы обо всем уже договорились с полковником, а вам, вероятно, известно, что он в данный момент — мой любовник.

— Мадам, не впутывайте меня в ваши затеи. По своей природе я не склонна разделять те удовольствия, на которые вы так падки.

— Все это пройдет. В один прекрасный день вам они тоже понравятся. Как просто не оценивать по достоинству то, что тебе неизвестно. Недопустимо не желать того, что все обожают. Короче, план уже составлен: сегодня вечером, мадемуазель, Сенневаль признается вам в своей страсти. Если будете тянуть, испытывать его терпение слишком долго, то... я рассержусь.

В пять часов собрались все участники. Вечер был очень теплый, и игральные столы поставили прямо в роще. Все так великолепно организовали, что мы с месье Сенневалем только одни вели светскую беседу, так как не принимали участия в карточной игре.

Бесполезно скрывать от вас, месье, что еще до того, как этот обольстительный и остроумный юноша признался в любви, я почувствовала, как меня притягивает к нему какая-то непреодолимая сила. И позже, попытавшись проанализировать это притяжение, у меня ничего не получилось. Казалось, такое влечение невозможно объяснить обыкновенным чувством. Я ничего не могла понять — перед глазами стоял плотный туман. И что странно, в тот момент, когда сердце рвалось к нему, какая-то неведомая сила одергивала меня, ставила на место. И вот в такой неразберихе, при отливах и приливах невнятных, невразумительных идей, я никак не могла выяснить, должна ли я полюбить Сенневалю или поскорее бежать от него прочь, и бежать навсегда.

Он располагал временем для объяснений в любви... Увы, у него было слишком много времени. Ему казалось, что настоячивые признания находят ответ в глазах невинной девушки, и, пользуясь моим смущением, потребовал ответа на его чувства. Я же достаточно ослабела и вынужденно призналась, что далеко

не равнодушна к нему, и, ах, три дня спустя позволила ему воспользоваться плодами одержанной победы. Это моя вина...

Невероятно, но почему злонамеренная радость порока почти всегда одерживает верх над добродетелью? Ни с чем нельзя сравнить буйную радость мадам Веркэн, узнавшей, что я все же угодила в расставленную ею ловушку. Она смеялась надо мной, выставляла посмешищем, а затем заявила, что содеянное — самая простая, самая разумная вещь в мире. И еще сказала, что теперь я могу каждый день принимать своего любовника у нее в доме, не испытывая страха, так как ей недосуг обращать внимание на такие пустяки. Правда, добавила, что и впредь будет уважать мою добродетель, так как, по всей видимости, я ограничусь только одним нарушением, а ей пришлоось мириться сразу с какими-то тремя. Она слишком далеко была от моих качеств — скромности и сдержанности. Тогда я, набравшись храбрости, заметила, что беспорядочное, неразборчивое ее поведение указывает на недостаток чувственности и искренности, что все это уничижительно для представительниц нашего пола и низводит до уровня самых низких животных. Мадам Веркэн только рассмеялась.

— Вы, галльская героиня, — снисходительно произнесла она. — Я восхищаюсь вами, ни в чем не виню. Отлично понимаю: в таком возрасте чувственность, как, кстати, чувства — близнецы-боги, и на алтарь им вы приносите в жертву свое удовольствие. В мои же годы все обстоит иначе. Я предпочитаю более конкретные удовольствия, а не глупые вещи, от коих вы таитесь и приходите в экстаз. Скажите, умоляю вас, почему мы должны хранить верность мужчинам, которые нам неверны? Разве плохо оставаться слабым полом, не проявляя при этом легковерия?

Любая женщина, позволяющая руководствоваться в таких делах их принципами чувственности, проявляет глупость... Поверьте, дорогая, нужно разнообразить свои удовольствия, насколько позволяют возраст и чары, и отбросить в сторону химерическую верность, печальную, робкую добродетель. Сама по себе она не дает никакого удовлетворения и не производит должного впечатления на других.

От таких слов я содрогнулась, ибо осознала: больше я не имею права дискутировать и подвергать все сомнению. Теперь я нуждалась в преступной помощи этой аморальной женщины, и нужно было относиться к ней весьма осмотрительно. Фатальный недостаток порока заключается в том, что мы попадаем в крепостную зависимость от людей, презираемых нами. Итак, я восприняла любезные рекомендации мадам Веркэн. Каждую ночь Сенневаль демонстрировал все новые доказательства своей любви, и эти шесть месяцев прошли в таком хмелю, в таком любовном опьянении, что у меня даже не было времени как следует надо всем поразмыслить.

Однако печальные обстоятельства вскоре заставили посмотреть вокруг широко раскрытыми глазами. Я забеременела и думала, что умру от отчаяния из-за такого скверного положения. Но мадам Веркэн считала все это лишь весьма забавным приключением.

— Выдержка — прежде всего, — увещевала она меня, — мы должны сохранить внешние приличия, и, так как вам не с руки рожать в моем доме, мы с полковником кое-что придумали. Он отправит вашего молодого человека в отпуск. За несколько дней до этого вы поедете в Мец, где вскоре он к вам присоединится. Там с его помощью вы произведете на свет незаконный плод своей нежности. После чего вы с ним возвратитесь сюда, один за другим, точно так, как выезжали.

Я была вынуждена подчиниться, ведь другого выхода у меня не было. Как я уже сказала, месье, стоит лишь один раз, на свою беду, совершить грех, сразу же становишься зависимой от милости всех мужчин, всех внезапно возникающих обстоятельств, и весь мир может предъявить тебе претензии. Мы становимся рабами тогда, когда начинаем потакать своим страстям.

Все произошло точно так, как предсказала мадам Веркэн. Через три дня мы с Сенневалем оказались в Меце, где в доме повитухи, адресом ее заблаговременно запаслась в Нанси, я родила мальчика. Сенневаль по-прежнему проявлял ко мне самые нежные, восхитительные чувства и, казалось, полюбил меня еще сильнее. Он был таким предупредительным, умолял отдать ему сына, клялся, что будет о нем заботиться всю жизнь, и заявлял, что не воротится в Нанси, покуда не выплатит свой долг по отношению ко мне.

Однажды, когда он собирался уезжать, я, осмелев, напомнила ему, как несчастна из-за того, что он заставил меня совершить тяжкий грех, и предложила искупить его, заключив наш священный союз перед церковным алтарем... Сенневаль, по-видимому, не ожидал подобного предложения и оказался расстроенным...

— Увы, — вздохнул он, — разве я не свободен поступать так, как мне угодно? Неужели я до сих пор несовершеннолетний и мне требуется согласие отца? А на что же будет похож наш брак без такой формальности? Кроме того, я не подходящий для тебя выбор. Если ты племянница мадам Веркэн — а в этом меня убеждали в Нанси, — то сможешь найти гораздо лучшую партию. Флорвиль, давай забудем наши прошлые прегрешения. Можешь рассчитывать на мою порядочность.

Таких слов я от него не ожидала. Они жестоко продемонстрировали всю бездну моего дурного поступка. Гордость удерживала меня от ответа, но в результате печаль становилась все горше. Если что-то и могло скрасить мое ужасное поведение, признаюсь вам, только надежда, что в один прекрасный день мне удастся искупить свой грех через брак с возлюбленным.

Какой глупой, какой доверчивой девочкой я была! Даже не могла себе представить — хотя извращенное поведение мадам Веркэн могло открыть мне глаза, — что кто-то может так жестоко развлечься, соблазнить несчастную бедную девушку, а затем бросить ее. Не понимала и того, что честь — столь уважаемое среди мужчин свойство — может быть пустым, ничего не значащим словом по отношению к нам, женщинам, и наша слабость может оправдать любое оскорбление, которое мужчины никогда не позволят по отношению друг к другу, если только им дорога собственная жизнь.

Вот так я чувствовала себя одновременно жертвой и дурочкой, обманутой человеком, за которого бы с радостью отдала свою жизнь. Такой страшный вывод чуть не отправил меня в могилу.

Сенневаль меня не бросил. Он по-прежнему проявлял ко мне заботу, но никогда не вспоминал о моем предложении, а я была слишком гордой, чтобы еще раз называть ему причину охватившего меня отчаяния. Как только я окончательно выздоровела, он исчез с горизонта.

Отлично понимая, что вижу своего возлюбленного в последний раз, я чувствовала, как вновь заныли душевные раны в день прощания с ним. Но тем не менее у меня хватило сил выдержать и этот последний удар... Что за жестокосердное создание! Он ушел, оторвался от моей залитой слезами груди и при этом не пролил ни слезинки!

Таковы последствия нежных признаний в любви, в которые мы так глупо верим!

Чем чувствительнее мы, тем с большим усердием покидают нас соблазнитель... Коварные твари! Чем больше стараемся любимыми средствами удержать их возле себя, тем упрямее они нас бросают.

Сенневаль забрал ребенка и отправил его куда-то в сельскую глушь, чтобы я не смогла его отыскать... Хотел лишить меня радости — любить и воспитывать нежный плод нашего союза. Казалось, он намеренно стремился заставить меня позабыть о связывавших нас узах. И я думала, что забыла о них.

Решила уехать из Меца и не возвращаться в Нанси. При этом не хотела ни ссориться, ни рвать отношений с мадам Веркэн.

Несмотря на все недостатки, мысль, что мадам — самая близкая родственница моего благодетеля, заставляла с уважением относиться к ней. Я написала ей любезное письмо, где под предлогом тяжести своего греха сообщила, что не могу вернуться в Нанси, и попросила ее соизволения вернуться в дом ее брата в Париж. Мадам откровенно ответила: так как я — хозяйка своей судьбы, то могу делать все, что угодно, добавив, — в любом случае я могу рассчитывать на ее дружбу. По ее словам, Сенневаль не вернулся в Нанси, и неизвестно, куда уехал, и что я — просто глупышка, и не стоит волноваться и расстраиваться из-за таких пустяков.

Получив от нее письмо, я вернулась в Париж и опустилась на колени перед месье Сент-Пра. Жаркие слезы открыли ему всю глубину моего несчастья, при этом я старалась никого не обвинять и даже не упомянула о роли его сестры в моем падении. Месье Сент-Пра, как и все люди, в душах которых превалирует добро, даже не подозревал о распутном поведении своей родственницы. Мадам Веркэн, вероятно, стало известно о проявленной к ней лояльности с моей стороны, потому ее дружеские чувства ко мне не поблекли.

Месье Сент-Пра очень жалел меня... заставил до конца осознать, какой дурной поступок я совершила, и в конце концов простил.

— Ах, дитя мое, — вздыхал он, — о моя возлюбленная дочь,

теперь ты видишь, какую цену приходится платить за отход от стези добродетели. Только сравни возвышенное спокойствие своего непорочного состояния, когда ты покидала этот дом, с ужасным беспокойством, поселившимся в тебе после возвращения. Разве те скудные удовольствия, которые ты познала в своем отходе от добродетели, на самом деле могут искупить те муки, терзающие сейчас твое сердце? Счастье можно обрести только в добродетели, дитя мое.

Ах, Флорвиль, те, кто пытается противостоять добродетели, делают это из ревности или от варварского удовольствия заставлять и других чувствовать себя такими же виноватыми, такими же несчастными, как и они сами. Они ослепили себя и хотят ослепить других; они сбились с верного пути и теперь хотят сбить и других. Но если бы ты могла читать у них в сердце, ты бы не увидела там ничего, кроме печали и раскаяния. Все эти апостолы преступления — лишь жалкие, отчаявшиеся твари. Неужели человек серьезно предполагает, что можно подрывать основы нравственности без особого риска для себя? Кто отрицает, что творить добро, желать добра — единственная истинная цель в жизни человека? И каким образом человек, творящий лишь зло, рассчитывает на счастье в обществе, где самый главный, жизненно важный интерес — приумножение добра, его дальнейшее процветание? И разве такой апологет преступления постоянно не дрожит от страха, если вырвал из каждого сердца то, что в силу необходимости хранит его самого? Что воспрепятствует его слугам погубить его, если они перестали быть добродетельными? Что удержит его жену от бесчестья, если он сам убедил ее, что добродетель — бесполезная вещь? Что остановит руку его детей, если он сам уничтожил высеянные в их душах семена добра?

Вот поэтому, будь он беден или богат, отец или муж, хозяин или раб, со всех сторон его будут подстерегать несчастья, со всех сторон прямо ему в сердце будут направлены острые кинжалы. Рано или поздно это несчастное существо погибнет, став жертвой собственных, разработанных им ужасных систем.

Оставим пока религию, если тебе угодно, и обратимся только к человеку. Кто может быть таким глупцом, чтобы поверить — если человек нарушает законы в обществе, то оно позволит ему остаться безнаказанным. Разве не в интересах человека и законов, созданных для собственной безопасности, разрушать то, что мешает, что наносит ей вред? Влияние, достаток могут наделить творящего зло мимолетным чувством процветания. Но каким коротким окажется царствование! Когда все поймут, кем он является на самом деле, когда сорвут маску и он превратится в предмет всеобщего презрения, то где отыскать ему апологетов своего постыдного поведения? Явятся ли сторонники успокоить его, утешить? Никто даже не признается, что знает его, ведь, как только ничего не останется, чем с ними поделиться, его отбросят в сторону как ненужное бремя. Со всех сторон слетятся беды, и он будет изнывать от стыда и враждебности, и не останется приюта даже в собственном сердце; ему придется умереть от отчаяния. В чем же заключается абсурдная аргументация

в устах наших противников? Для чего они предпринимают бесплодные усилия, умаляя добродетель, осмеливаясь утверждать, что все неуниверсальное — суть химерическое, а так как добродетели всегда носят локальный характер, то ни одна из них не может иметь абсолютной ценности? Что такое! Добродетели не существует лишь потому, что каждый народ должен разрабатывать свой собственный образец? Потому что различные климаты и температуры воздуха привели к возникновению различных ограничений, добродетель напялила на себя тысячи различных одежд — и поэтому на земле вовсе не существует добродетели? Но с таким же успехом можно сомневаться в существовании реки, ибо она разбегается на тысячу различных притоков. Ну что может служить лучшим доказательством как существования, так и необходимости добродетели, чем потребность человека отразить ее в различных моральных кодексах и использовать в качестве их основы? Покажите мне хотя бы один народ, живущий без добродетели, единственный народ, для которого доброжелательность и человеческая доброта не являются общепризнанными основами. Нет, я пойду дальше: покажите мне банду негодяев, не связанных между собой какими-то принципами добродетели, и в таком случае я прекращу защищать это дело. Но если, напротив, повсюду мы видим, насколько полезна добродетель, и не существует ни одного народа, ни одного государства, ни одного индивидуума, способного без нее обходиться, если, короче говоря, человек не может жить счастливо, в полной безопасности без нее, то разве я ошибаюсь, дитя мое, если побуждаю тебя никогда не отпадать от нее?

Видишь, Флорвиль,— продолжал мой добродетель, сжимая меня в объятиях,— куда тебя привело твое первоначальное уклонение от добродетели? И если прегрешение вновь помянет тебя, если соблазн или твоя слабость начнет расставлять вокруг тебя свои силки, подумай о том несчастье, которое причинил тебе первый неверный шаг. Подумай о человеке, любящем тебя, как свою родную дочь... чье сердце надывается от твоего отступления от праведных стезей. И в размышлениях ты обрящешь силы, необходимые для служения добродетели, которую я внушаю твоему сердцу навечно.

Месье Сент-Пра в соответствии с высказанными им принципами не оказал мне гостеприимства в своем доме. Вместо этого предложил поехать к одной его родственнице, женщине, чье благочестие было таким высоким, сколь низки поступки мадам Веркэн.

Мадам Лерэнс радостно и благосклонно приняла меня, и через неделю после возвращения в Париж я устроилась в ее доме.

Ах, месье, какое различие между этой женщиной и той, с которой я рассталась совсем недавно! Если порок, разврат и безответственность царили в доме мадам Веркэн, то сердце мадам Лерэнс показалось мне святилищем, заключившим в себе все мыслимые добродетели. Если я пугалась распушенности первой, то в равной степени утешилась душеспасительными принципами, коими руководствовалась вторая. Прислушиваясь к мадам Веркэн, я чувствовала внутри только горечь и угрызания сове-

сти; отдавая все свое внимание мадам Лерэнс, ощущала лишь доброту и душевный комфорт.

Ах, месье, позвольте мне описать вам очаровательную мадам Лерэнс, ее я буду обожать всю жизнь. Это долг моего сердца перед добродетелями душевной женщины, и я не в силах противостоят такому желанию.

Мадам Лерэнс в ту пору было около сорока лет, но она еще не утратила свежести; чистосердечие и скромность украшали ее облик в значительно большей степени, чем те божественные пропорции фигуры, которыми природа так щедро наградила ее. Может, легкий избыток благородства и величия внушал кое-кому благоговейный страх, но то, что все принимали за гордыню, сразу же исчезало, стоило только ей заговорить. В мадам Лерэнс все естественно, не вымучено, а религия лишена всякого суеверия. Представление о существовании Бога, поклонение Высшему Существо — таковы самые изысканные удовольствия живой и приятной души.

Не стану утомлять вас, месье, монотонными подробностями моей жизни за те семнадцать лет, проведенных благодаря заступничеству доброй судьбы вместе с этим удивительным, очаровательным созданием. Мы с ней беседовали о нравственности и благочестии, а также обсуждали те благотворительные деяния, которые нам удалось вместе осуществить. В таких заботах проходили дни.

— Людей отпугивает религия, моя дорогая Флорвиль, — обычно говорила мадам Лерэнс, — и только потому, что неуклюжие, неумелые пастыри-поводыри сообщают им только о накладываемых религией ограничениях и не привлекают внимания к сладостным ее воздаяниям. Может ли человек, открывший глаза и увидевший вселенную, упрямо не признавать, что все эти многочисленные чудеса сотворены рукой всемогущего Бога? Каким же нужно быть жестоким, варварским существом, чтобы отказываться воздавать должное великодушному Господу, который его сотворил?

Часто в качестве препятствия на пути такого понимания приводится разнообразие религий. Многие считают, что само такое множество свидетельствует об их ложности. Какая глупая софистика! Разве существование Высшего Существа, доказываемое единодушием всех народов, признающих и поклоняющихся Ему в том или ином обличье, не является молчаливым признанием, насколько величественна, насколько возвышенна мать-природа? Человек не может жить без Бога, не может сомневаться, если находит всекие доказательства в себе самом; стоит ему только открыть глаза, как он повсюду видит следы, оставленные Богом. И все же ухитряется не верить! Нет, Флорвиль, искренних атеистов не бывает; гордыня, упрямство, страсть — вот те разрушительные орудия Бога, Того, Кто постоянно обновляется в сердцах и разуме людей. И если каждое биение моего сердца, каждая ясная, проносющаяся через сознание мысль говорит о не подлежащем сомнению Существо, почему же я должна отказываться воздавать Ему должное? И не смириться ли перед Его благодатью, чтобы перенести достойно тяготы жизни и в один прекрас-

ный день разделить вместе с Ним славу Его? И что лучше — провести всю вечность у Него на груди или же пойти на риск и вечно пребывать в страшной бездне под пытками за то, что отказалась принять неопровержимые доказательства всемогущества этого Существа, самого наполняющего меня уверенностью в Его существовании? Дитя мое, разве такой страшный выбор не заставляет призадуматься? Или ты все же упрямо отказываешься признать огненные начертания, оставленные Богом в глубинах твоего сердца? Будь же справедливой, хотя бы на мгновение, только ради жалости к самой себе, согласись с непобедимым аргументом Паскаля: «Если на самом деле Бога нет, то какое значение имеет, веруешь ли ты в Него, какой вред может быть в том, что ты выражаешь Ему свою приверженность? Ну, а если Бог есть, какие из опасностей не поджидают тебя за отказ верить в Него?»

Так обычно со мной разговаривала мадам Лерэнс, и от ее советов мой мозг черпал силу, а душа очищалась под ее святым крылом. Но, как уже сказала, я пропущу все незначительные детали своей жизни в этом доме и лучше сосредоточусь на самом главном. Ведь я должна открыть вам свои грехи, щедрый и чувствительный вы человек. Что касается того времени, когда Небу было угодно вывести меня на стезю добродетели и наполнить миром душу мою, то я мысленно вознесу по этому поводу молитву и обойду его молчанием.

Должна сказать, что я не прекратила переписываться с мадам Веркэн; дважды в месяц регулярно получала от нее ответы на свои письма. Несомненно, нужно было прервать эту корреспонденцию, ведь моя новая жизнь и пересмотренные принципы требовали покончить с этим знакомством, но долг по отношению к месье Сент-Пра, надежда получить весточку от своего сына и прежде всего — позвольте вам признаться — тайное чувство, постоянно влекущее меня к месту столь многих прошлых удовольствий, — все это заставляло меня писать письма мадам Веркэн.

Я пыталась обратить ее в свою веру, восхваляла новую жизнь, расписывала сладостное утешение. А она отмахивалась, постоянно высмеивала или разбивала все мои аргументы, твердо стояла на своем, и я понимала, что ничто в этом мире не может ослабить ее убеждений. Мадам писала о молодых девушках, коих ради забавы переманила на свою сторону, и утверждала, что они оказались куда более податливыми, чем я. Расставание с множеством добродетелей, утверждала развратная женщина, для нее малоутешительный триумф, удовольствие получала она от приобщения юных сердец ко злу.

Я обратилась к мадам Лерэнс с просьбой поделиться со мной ее красноречивым искусством, бойким пером, чтобы положить на обе лопатки своего оппонента. Она с радостью согласилась помочь мне. В ответ мадам Веркэн приводила софизмы, иногда весьма убедительные, что заставляло нас часто прибегать к еще более убедительным аргументам чувственной души, заключавшимся, по убеждению мадам Лерэнс, в необходимости победить порок и осудить неверие.

Время от времени я просила мадам Беркэн сообщить мне что-нибудь о человеке, которого я все еще любила, но либо у нее не было о нем никаких известий, либо она не респалась...

Ну что ж, месье, приспело время; теперь расскажу о втором крушении в моей жизни. Это такая жестокая и горькая повесть, что у меня всякий раз при воспоминании о ней надрывается сердце. Услышав все, вы узнаете о том ужасном преступлении, которое я совершила, и, несомненно, сразу оставите лестные для меня планы в отношении моей персоны.

Дом мадам Лерэнс, каким бы порядочным и благовоспитанным я его вам ни представляла, время от времени посещали друзья; мадам Дюльфор, довольно пожилая женщина, когда-то проживавшая в поместье принцессы Пьемонтской, часто нас навещала. Однажды она попросила у мадам Лерэнс разрешения представить ей одного юношу, которого ей многие горячо рекомендовали. Хотела привезти его к нам в дом, чтобы здесь, постоянно наблюдая за выдающимися примерами высокой добродетели, он мог укрепить непорочность своего сердца. Вначале моя благодетельница, извинившись, отказала под тем предлогом, что не принимает у себя молодых людей, но потом, уступая настойчивым просьбам приятельницы, согласилась встретиться с кавалером де Сент-Анж.

Он явился. Может, из-за дурного предчувствия... но, бросив первый взгляд на юношу, я задрожала всем телом. Я чуть не лишилась чувств... Как ни старалась определить причину столь странной реакции, отнесла ее на счет плохого самочувствия и перестала обращать внимание на месье Сент-Анжа. Но если для меня с первого взгляда этот молодой человек стал причиной такого волнения, то он сам стал жертвой такого же душевного беспокойства, о чем признался мне позже. Сент-Анж настолько восхитился домом, куда ему открыли доступ, что изо всех сил сдерживал себя, дабы не открыть огня, пожирающего его изнутри. Прошло три месяца, прежде чем он, осмелев, обратился ко мне с несколькими робкими словами, а в его глазах я увидела такое выражение, по которому сразу догадалась, что скрывается за ними. В душе я твердо решила больше никогда не становиться жертвой, не совершать тех прегрешений, когда-то ставших причиной моих страданий. И теперь, укрепившись иными, более стойкими принципами, я около двадцати раз собиралась рассказать мадам Лерэнс о чувствах молодого человека. Но каждый раз, опасаясь вызвать у нее чувство страха, предпочитала промолчать. Пагубное решение, приведшее к ужасной катастрофе. Сейчас я расскажу вам о ней.

Каждый год шесть месяцев мы проводили в прекрасном сельском поместье мадам Лерэнс, расположенном в десяти лье от Парижа. Там нас часто навещал месье Сент-Пра. К несчастью для меня, именно в тот год он слег с приступом подагры, что не позволило присоединиться к нашей компании. Ему, так как я испытывала большее доверие к месье, чем к его родственнице, я бы призналась в некоторых вещах, о которых не осмелилась говорить с другими, и такое признание, несомненно, предупредило бы тот фатальный инцидент, участницей которого я оказалась.

Сент-Анж попросил разрешения сопровождать нас в поездке, и мадам Дюльфор его поддержала. В результате молодому человеку позволили ехать с нами.

Все члены нашей небольшой компании горели желанием узнать, кто же на самом деле этот юноша. Ни о его происхождении, ни о прежней жизни ничего не было известно. Мадам Дюльфор выдавала юношу за сына провинциального помещика, доводившегося ей родственником. Сам же Сент-Анж то и дело забывал утверждения мадам Дюльфор, называя себя уроженцем Пьемонта, что, кстати, подтверждалось его итальянским акцентом. Он уже находился в том возрасте, когда пора начинать служебную карьеру, но до сих пор ничего не сделал да и, судя по всему, не очень хотел. У него было красивое лицо, достойное кисти художника. Он обладал изысканными манерами, умел вести чрезвычайно благопристойные беседы и казался хорошо образованным. Но иногда за всем этим прорывалась чудовищная жизненная энергия, необузданность характера, что нас иногда сильно пугало.

Как только мы приехали в поместье мадам Лерэнс, мсье Сент-Анж, чьи чувства только усиливались от попыток их скрыть, больше уже не в силах был таиться от меня. Я вся задрожала... и все же мне удалось сохранить самообладание и выказать ему свое сожаление.

— По правде говоря, месье, — произнесла я, — у вас, вероятно, сложилось неверное представление о собственном достоинстве или же слишком много свободного времени, если вы позволяете тратить его на ухаживание за женщиной старше вас вдвое. Но даже предположив, что я настолько глупа и намерена выслушать вас, то какие же безумные замыслы вынашиваете вы по отношению ко мне?

— Планы простые, — произнес он. — Связать себя с вами самыми святыми узами, мадемуазель. За кого же вы меня принимаете, заподозрив в чем-то другом!

— Если быть откровенной, месье, у меня нет желания разыгрывать на публике диковинный спектакль: тридцатичетырехлетняя женщина выходит замуж за семнадцатилетнего ребенка.

— Ах, жестокая женщина! Вы бы никогда не заговорили о таких мелочах, гори в вашем сердце хотя бы тысячная доля того пламени, которое пожирает меня.

— Это действительно так, месье, ибо, со своей стороны, могу признаться, что я совершенно холодна и спокойна... Я оставалась такой все последние годы и надеюсь оставаться и впредь, покуда Бог продлевать мои дни на земле.

— Вы лишаете меня всякой надежды однажды растрогать ваше сердце жалостью ко мне.

— Я пойду дальше и осмелюсь запретить вам говорить со мной впредь о своих безумных прожектах.

— Ах, Флорвиль, прекрасная Флорвиль, значит, хотите сделать мою жизнь несчастной?

— Напротив, хочу, чтобы она была мирной и счастливой.

— Это возможно только рядом с вами.

— И без меня тоже... если только сумеете отказаться от глуп-

пых сантиментов. Да и не следовало вынашивать с самого начала, постарайтесь перебороть их, постарайтесь взять себя под контроль, и к вам вернутся собранность и безмятежность.

— Я не в силах...

— Просто не хотите. Но чтобы вы в этом преуспели, нам следует расстаться. Если года два не будете видеть меня, то возбуждение спадет. Вы меня забудете и станете вполне счастливы.

— Ах, не будет такого никогда, никогда... Для меня нет счастья в жизни, его могу обрести только возле ваших ног...

В этот момент к нам присоединились другие гости, и наша первая беседа завершилась на этой ноте.

Три дня спустя Сент-Анж ухитрился снова увидеть меня наедине и предпринял попытки возобновить разговор в том же духе, что и накануне. На сей раз я была так строга, принуждая его замолчать, что на глазах юноши навернулись слезы. Он резко выкрикнул, что я довожу его до отчаяния и если буду продолжать третировать его и впредь, то он покончит с собой... Он приблизился ко мне. Он был похож на безумца.

— Мадемуазель, — выдохнул он. — Вы даже не знаете души, коей злоупотребляете... Так имейте в виду: я способен прибегнуть к самым крайним мерам. К таким мерам... даже представить себе не можете... Я прибегну к ним не раз и не два, а тысячу раз, но не откажусь от счастья принадлежать вам.

И вышел из комнаты в состоянии сильнейшего возбуждения.

Никогда еще так сильно не хотелось мне рассказать обо всем мадам Лерэнс, как в эту минуту, но, повторяю, меня сдерживал страх скомпрометировать молодого человека, и я вновь промолчала.

Едва следующую неделю Сент-Анж старательно меня избегал; едва обменивался со мной одним-двумя словами, старался находиться подальше от меня за столом... в салоне... на прогулках. Вероятно, ему хотелось знать, подействует ли на меня перемена в его поведении. Если бы я разделяла чувства юноши, то такая военная хитрость наверняка удалась бы, но я вообще старалась не замечать разработанной им тактики.

Наконец он подошел ко мне в дальнем углу сада...

— Мадемуазель. — В его голосе чувствовалась плохо сдерживаемая страсть чувств. — Мне наконец удалось добиться самообладания... Ваши советы произвели тот эффект, который вы рассчитывали и которого так желали... Я остановил вас с единственной целью — сказать последнее «прощай»... Да, я намерен покинуть вас навсегда, мадемуазель. Готов бежать... чтобы лишить вас возможности лицезреть человека, не вызывающего никаких чувств, кроме отвращения... Ах! Нет, нет, вы больше никогда меня не увидите!

— Рада слышать о новом плане, месье, и хотелось бы верить, что наконец вы обрели себя. Но, кажется, — с улыбкой добавила я, — ваше обращение в другую веру еще не завершено.

— В таком случае, мадемуазель, как убедить вас в моем полном к вам безразличии?

— Нужно вести себя совершенно иначе, не так, как сейчас.

— Но, когда я уеду... когда мое присутствие больше не будет для вас тяжкой обузой, тогда поверите, что я вернусь к здравомыслию, к коему вы меня постоянно побуждали?

— Да, только ваш отъезд убедит меня в этом, и я никогда не устану убеждать вас поступить именно так.

— Неужели я внушаю такой страх?

— Вы, месье, милый молодой человек и должны посвящать свое время завоевыванию сердец другого сорта. Оставьте в покое женщину, которая не в состоянии выслушивать ваши мольбы.

— Ну, вы еще обо мне услышите! — воскликнул он, охваченный неистовой яростью. — Жестокая женщина. Безразлично, что бы вы ни говорили, все равно узнаете о чувствах моего воспаленного сердца, и будьте уверены, в этом мире ничто не остановит кавалера Сент-Анжа. Я пойду на все и либо заслужу вас, либо овладею вами... И не помышляйте о моем отъезде, — продолжал он в большом волнении. — О придуманном отъезде. Я просто хотел испытать вас... Как же так! Покинуть прекрасную Флорвиль! Неужели хоть на одно мгновение поверили, что я могу оторвать себя от того места, где живете вы? Можете ненавидеть меня, бессердечное создание, ненавидеть — ваше право, значит, такова моя несчастная судьба, но расстаньтесь с мыслью перебороть любовь, сжигающую всего меня изнутри...

Произнося последние слова, он находился в таком ужасном состоянии, что по какому-то капризу судьбы ему удалось тронуть мое сердце, и я отвернулась от него, чтобы скрыть слезы. Я оставила его одного в глухом углу сада. Он даже не пытался идти за мной. Я слышала, как он, бросившись на землю, забился в истерике. Страшные рыдания сотрясали его тело... Должна признаться, месье, что, хотя я не чувствовала любви к этому молодому человеку, все же не смогла сдержаться, может, из-за чувства сострадания к нему, а может, из-за воспоминаний о своем прежнем неудачном опыте...

«Увы, — убеждала я себя, поддаваясь охватившей меня печали, — такие слова произносил и Сенневаль. Именно в таких фразах он выражал мне свою любовь... тоже в саду... в таком же точно саду... Разве он не клялся в вечной любви?.. Разве не обманул меня самым жестоким образом? Милостивые небеса! Ах, Сенневаль... Сенневаль... Разве не ты сам пытаешься снова лишить меня душевного покоя? Неужели ты явился сюда под другой личиной, чтобы вновь увлечь меня в бездну?.. Прочь от меня, негодный трус!.. Прочь... У меня теперь вызывает отвращение даже воспоминание о тебе!»

Утерев слезы, я отправилась к себе и заперлась в комнате до обеда. Потом спустилась... Сент-Анжа за столом не было, сообщил, что болен. На следующий день он благоразумно продемонстрировал мне свое абсолютно безмятежное лицо. И я обманулась его внешним видом; на самом деле поверила, что он, собрав все силы, сумел преодолеть мучительную страсть. Но я ошибалась — какой негодяй, какой предатель!.. Боже, что я говорю, месье. Я не должна произносить никаких злобных речей... Только проливать слезы и испытывать угрызения совести.

Сент-Анж казался таким спокойным, потому что разработал

новый план. Прошло два дня, а на третий вечером он при всех объявил о своем предстоящем отъезде.

Мы все разошлись по спальням... Простите меня, месье, за волнение, охватывающее меня... Я подхожу к главному и не могу унять дрожь от испытываемого ужаса.

Ночь выдалась очень теплой, и я легла в кровать почти голая. Служанка вышла из комнаты, и я задула свечу... К моему великому несчастью, на кровати лежала открытой сумка для шитья. Я только что скроила материал и намеревалась заняться им на следующий день. Только глаза начали смежаться, как услышала легкий шум... Я быстро села в кровати... Вдруг почувствовала, как кто-то схватил меня.

— На сей раз тебе от меня не убежать, Флорвиль, — прошептал Сент-Анж, ибо это был он. — Прости за разнузданность страстей, но не пытайся выскользнуть из моих рук: сейчас я должен овладеть тобой!

— Мерзкий соблазнитель! — закричала я. — Немедленно убирайся из моей комнаты, не то узнаешь, что такое мой гнев!

— Я могу расстроиться, если не удастся овладеть тобой, жестокая девчонка, — продолжал пылкий юноша. Он набросился на меня с такой ловкостью, что, прежде чем я осознала происходящее, непоправимый вред мне уже был причинен...

Разгневанная его преступившим все границы нахальством, готовая прибегнуть к любому средству, только бы положить конец этому безобразию, я изо всех сил столкнула его с себя, схватив лежащие в ногах ножницы. Несмотря на охватившую меня ярость, я не теряла головы, только хотела поранить ему руку, чтобы напугать его своей решимостью противостоять насилью, а не наказать по заслугам, но, почувствовав мое сопротивление, он удвоил старания.

— Вон отсюда, предатель! — орала я, высккивая место на руке, чтобы нанести удар. — Немедленно убирайся и устыдись совершенного тобой преступления!

О месье, вероятно, чья-то роковая рука направляла мои удары... Издав пронзительный вопль, несчастный юноша повалился на пол. Схватив свечу со стола, я склонилась над ним... Милостивые небеса! Я нанесла удар прямо в сердце! Он умирал! Я бросилась на окровавленное тело... Я прижала его к своей вздымающейся груди... прижимала свои губы к его губам, пытаюсь снова вдохнуть жизнь в угасающее тело. Я обливала его рану слезами...

— Боже, — кричала я, — как я могла такое сделать с человеком, единственное преступление которого — всепоглощающая любовь ко мне! — Отчаяние доводило меня до безумия. — Разве он заслужил такой кары? Почему ты лишился жизни от руки той, за которую с радостью сам бы отдал ее? О бедняга, бедняга... Вылитый образ того, кого я обожала! Если б моя любовь возвратила тебя, то в этот жестокий момент, знай, хотя ты, к несчастью, уже не можешь услышать, знай же, что останься хоть лишь капля жизни в твоей душе, то я с радостью б принесла в жертву собственную, чтобы вернуть твою... Знай, я никогда не была безразлична к тебе... никогда не могла видеть тебя, не испытывая при этом сильного волнения, а испытываемые мною к тебе

чувства, может, гораздо выше той нежной любви, горевшей у тебя в сердце!

С этими словами я снова упала на тело несчастного юноши и потеряла сознание. Услыхав шум, моя служанка вошла в комнату. Она оживила меня, и затем мы с ней удвоили усилия, чтобы снова вдохнуть жизнь в Сент-Анжа. Но, увы, все напрасно! Мы вышли из фатальной спальни, заперев за собой дверь. Забрав с собой ключи, мы помчались в Париж, к месье Сент-Пра... Я потребовала его немедленно разбудить, вручила ему ключи от той мрачной комнаты и рассказала о страшном приключении. Он пожалел меня, успокоил и, несмотря на свою болезнь, тут же выехал в поместье мадам Лерэнс. Так как оно находилось неподалеку от Парижа, он успел доехать туда еще до рассвета; в доме только начали просыпаться, и слуги ничего не знали о произошедшем. Никогда ни один друг, ни один родственник не вел себя так благородно в подобных обстоятельствах.

Ну, месье. — Мадемуазель Флорвиль прервала свой рассказ из-за душивших ее слез. — Способны ли вы жениться на девушке, совершившей подобное убийство? Намерены ли вы сжимать в своих объятиях существо, заслуживающее справедливого наказания по всей строгости закона? Я постоянно терзалась этим преступлением и с того момента, когда его совершила, не провела ни одной спокойной ночи. Ах, месье, каждую ночь передо мной являлась моя несчастная жертва, вся в крови, которую я выпустила из ее сердца.

— Не следует так расстраиваться, мадемуазель, прошу вас, — промолвил месье Курваль, у него тоже по щекам текли слезы, как и у этой очаровательной девушки. — Если обратить внимание на вашу чувствительную душу, то можно понять эти угрызения. Но в фатальном приключении нет и тени преступления. Несомненно, произошло лишь самое ужасное несчастье, больше ничего. Здесь нет ничего преднамеренного, ничего зверского... Короче говоря, речь может идти только о стремлении защитить себя от отвратительного нападения... то есть преступление совершено случайно, в порядке самозащиты... Выбросьте все из головы, мадемуазель, умоляю вас, нет, я требую этого. Даже самый строгий суд ничего не сделает, только утрет ваши слезы. О, как же вы заблуждались, если могли представить себе хотя бы на мгновение, что такой случай лишит вас прав на мое сердце, прав, которые обеспечили ваши высокие достоинства. Нет, прекрасная Флорвиль, нет; это дело вовсе не бесчестит, напротив, лишь сильнее заставляет сиять ваши добродетели, делает более достойной успокаивающей руки, готовой помочь вам позабыть о всех тревогах.

— Вы обратились ко мне с такими же добрыми словами, — продолжала мадемуазель Флорвиль, — что и месье Сент-Пра. Но и его, и ваша доброта не заглушит страданий моей совести. Ну да ладно, месье, я готова продолжить рассказ — вам, вероятно, любопытно узнать, как все обошлось.

Мадам Дюльфор, конечно, была глубоко опечалена: юноша был не только весьма привлекательной личностью; она приняла его по самым высоким, лестным рекомендациям, и это только

усиливало ее скорбь. Тем не менее мадам понимала, что следует поступить мудро и хранить молчание, так как скандал, грозивший мне погибелью, вряд ли вернул бы ее протее к жизни; и она не сказала ни слова.

Несмотря на суровость проповедуемых принципов и высокую нравственность, мадам вела себя еще более превосходно, насколько было возможно, ибо благоразумие и человечность — таковы отличительные характеристики истинного благочестия. Прежде всего она сообщила домочадцам, что сегодня ночью я как безумная сорвалась с места и, воспользовавшись хорошей погодой, отправилась в Париж; потом добавила, что ее поставили в известность о такой причуде и она одобрила мои действия, так как сама намеревалась выехать в Париж сегодня вечером, чтобы там отобедать. Под таким предлогом хозяйка отослала всех слуг в Париж. Оставшись наедине с месье Сент-Пра и ее приятельницей мадам Дюльфор, она послала за священником. Духовный поводырь мадам Лерэнс проявил себя столь же мудрым и просвещенным, как и она: не поднимая излишнего шума, выдал мадам Дюльфор официальное свидетельство о смерти юноши и с помощью двух служек тайно и милосердно предал земле тело жертвы моего гнева.

Когда с этим покончили, все снова собрались в комнате и дали клятву хранить полное молчание. Месье Сент-Пра пытался меня утешить, сказав, что содеянное мной похоронено и предано забвению. Казалось, он хотел, чтобы я продолжала жить у мадам Лерэнс, как будто ничего не случилось... Она была готова с полным радушием принять меня... Но я не могла пойти на это. Тогда он посоветовал мне поискать развлечений и немного повеселиться.

Мадам Веркэн, с которой, как уже говорила, я не прекращала переписываться, пригласила меня приехать к ней и провести несколько месяцев в ее компании. Я сообщила об этом ее брату, он одобрил план, и через неделю я уехала в Лотарингию. Но меня повсюду преследовали воспоминания о моем преступлении; никак не могла восстановить свой душевный покой.

Я просыпалась по ночам, прерывая глубокий сон, мне казалось, что до сих пор слышу стоны и крики несчастного Сент-Анжа. Я видела, как он лежит весь в крови, слышала, как упрекает меня за проявленную к нему жестокость, как заверяет, что память об этом ужасном деянии будет преследовать меня всю жизнь до последнего дня и что я не ведаю, какое сердце разбила.

Однажды ночью приснился Сенневаль, несчастный любовник, которого я не могла забыть, так как только он увлекал меня обратно в Нанси... Во сне он демонстрировал два трупа: тело Сент-Анжа и какой-то незнакомой женщины. Проливая щедрые, горькие слезы над мертвецами, указывал на стоявший рядом, увитый терниями гроб, открытый словно для меня. Я проснулась в сильном волнении, душу разрывали мириады невнятных противоречивых чувств, а какой-то таинственный голос, казалось, говорил: «Да, до тех пор, покуда ты живешь, эта несчастная жертва будет исторгать кровавые слезы из твоих очей, и с каж-

дым днем они будут становиться все горячее, все горше, и угрызения совести, ранящие тебя, словно лезвие ножа, не станут глуше, а будут все острее».

Вот в таком состоянии я приехала в Нанси, месье, а там меня ожидал целый сонм новых бед: стоит только тяжелой руке судьбы опуститься на нас, ее удары сыплются, словно капли дождя, сыплются с постоянно возобновляемой яростью, сыплются до тех пор, покуда совсем не раздавят.

Я сошла с дилижанса у дома мадам Веркэн. В своем последнем письме, приглашая погостить у нее, она признавалась, что получит большое удовольствие от новой встречи со мной. Но, милостивые небеса, в каких условиях нам пришлось разделять взаимную радость! Когда я вошла, она лежала на смертном одре. Боже праведный, возможно ли такое? Ведь я получила ее письмо с приглашением всего две недели назад. Она рассказывала о своих удовольствиях, о планах на будущее... Вот что происходит с замыслами смертного: в тот момент, когда они разработаны, в самый разгар веселья, приходит безжалостная смерть и прерывает нить жизни; и вот он, беззаботно живущий до этого фатального момента, поступая так, словно будет жить вечно, вдруг пропадает, исчезает в облаке призрачного бессмертия, в полной неуверенности, какие удары судьбы поджидают его там.

Позвольте мне, месье, прервать свой печальный рассказ, чтобы поведать вам о ее смерти и набросать поразительную картину того стоицизма, с которым она сошла в могилу.

— Подойди ко мне, Флорвиль,— произнесла она.— Обними меня на ложе, усыпанном цветами... По-моему, ты еще больше выросла и похорошела... Ах, черт подери! Тебе к лицу добродетель... Тебе, конечно, сообщили о моем тяжелом состоянии, не так ли, Флорвиль? Но я нахожусь в полном сознании. Через несколько часов меня не будет... Не ожидала, что наша встреча окажется такой короткой.— Увидев, как наполнились слезами мои глаза, она сказала:— Ну, глупышка, не будь ребенком... Неужели ты считаешь меня такой несчастной? Разве я не наслаждалась на этой земле, как и любая женщина? Я ничего не потеряла, кроме тех последних лет, когда пришлось бы отказаться от удовольствий, но как бы я обошлась без них? По правде говоря, я не жалею, что не придется дольше жить; очень скоро ни один мужчина не посмеет бросить на меня уничижительный взгляд, и я никогда не стремилась дожить до такого возраста, когда не смогу внушать окружающим никаких иных чувств, кроме отвращения и омерзения. Смерть, дитя мое, вызывает страх только у верующих. Они постоянно мечутся между образами небес и ада, никогда до конца не уверены, что же откроется в конце перед ними, их снедает беспокойство; а я, ничего не ожидая, уверена, что буду такой же несчастной и после смерти, какой была и до рождения, и потому спокойно и мирно засну без всяких сожалений, без всякой боли или дурных предчувствий. Я приказала похоронить меня под большим кустом жасмина; уже вырыли на этом месте могилу, и там, Флорвиль, я буду лежать. И атомы, высвобождаясь из разлагающегося тела, станут

подпитывать, наливать жизненной силой цветок, любимый мною больше всех цветов на свете. Только подумай,— продолжала она, прикоснувшись букетом жасмина к моим щекам,— на следующий год, вдыхая аромат этих цветов, будешь вдыхать душу твоей бывшей приятельницы; и когда благоухание проникнет через ноздри в твой мозг, то вызовет у тебя приятные мысли и заставит вспомнить обо мне.

Снова у меня на глазах навернулись слезы... Я нежно сжимала руку женщины в своей и искала способ заставить ее отказаться от ужасных материалистических идей и перейти к иной, менее нечестивой философии. Но только собралась с силами обратиться к ней с таким предложением, как она в тревоге оттолкнула меня...

— Ах, Флорвиль,— воскликнула мадам,— прошу тебя, не отравляй мои последние мгновения своей ложной верой!

Я замолчала. Какой эффект могло вызвать мое не столь пылкое красноречие, если оно столкнется с такой решимостью, с такой твердо поставленной перед собой целью? Мне пришлось только пожалеть мадам Веркэн и отказаться от идеи обращения ее в свою веру.

Она позвонила. Тут же я услышала сладкую, мелодичную музыку, долетавшую, казалось, из соседней комнаты.

— Вот как я намерена умереть, Флорвиль,— сказала эта эпикурейка.— Разве так не лучше, чем умирать в окружении толпы облаченных в черные ризы священников, которые лишь отравят мои последние мгновения смущением, угрозой, отчаянием? Нет, мне хочется научить ваши благочестивые души умирать с миром, без всякой стимуляции. Я хочу убедить их, что если ты умираешь, то тебе нужна не религия с ее безмятежной душой, а лишь мужество и здравый смысл.

Уже было поздно. В комнату вошел нотариус. Музыка сразу прекратилась. Мадам продиктовала ему несколько своих распоряжений; бездетная, вдова в течение долгих лет и в конечном итоге владелица внушительного состояния, она отписывала его своим друзьям и слугам. Потом взяла из рук секретаря небольшой ящичек.

— Это все, что теперь у меня осталось,— произнесла она.— Здесь бриллианты и немного денег. Давайте развлечемся в этот вечер. Нас в комнате шестеро. Я разделю содержимое шкатулки на шесть равных частей, и мы устроим лотерею. Каждый из нас вытянет билетик и получит то, что ему причитается.

Я любовалась ее самообладанием. Мне казалось просто невероятным, что такая женщина, могущая во многом упрекнуть себя, встречала последние мгновения на этой земле с таким спокойствием, с таким хладнокровием; все это я объясняла ее неверием.

Все желания мадам выполнили. Накрыли превосходный стол в полном соответствии с ее распоряжениями. Она с аппетитом проглотила содержимое нескольких блюд, выпила пару стаканчиков испанского вина, попробовала ликеры разных сортов — доктор сообщил ей, что в ее нынешнем состоянии диета не имеет абсолютно никакого значения.

Мы провели лотерею, и каждый из нас выиграл пару лундоров, либо в деньгах, либо в стоимости бриллиантов. Как только игра закончилась, у нее произошел сильнейший приступ.

— Доктор, это конец? — спросила она, пытаясь сохранить внешнее спокойствие.

— Боюсь, что да, мадам.

— Подойди поближе, Флорвиль, — она протянула ко мне руки, — приди, прими мое последнее прощание. Мне хочется испустить дух на груди добродетели...

Она крепко обняла меня, и ее прекрасные глаза закрылись навечно.

Теперь я чувствовала себя чужаком в этом доме, причин оставаться в нем дальше не было, поэтому я тут же уехала... Оставляю вашему воображению дорисовать картину моего тогдашнего состояния... и до какой степени меня огорчил только что увиденный спектакль.

Потеряв мадам Веркэн, я утратила всякую надежду получить известие либо о своем сыне, либо о любовнике. Видя, в каком состоянии она находится, я не осмелилась затронуть эту тему.

Совершенно разбитая пережитой катастрофой, измученная путешествием, проделанным в таком тяжком состоянии ума, я решила еще немного пробыть в Нанси и остановиться в гостинице. Здесь я снимала номер и прежде, но не собиралась там ни с кем встречаться, так как месяц Сент-Пра, по всей видимости, хотел, чтобы я скрыла свое истинное имя. Оттуда я написала своему благодетелю письмо и была исполнена решимости непременно дождаться от него ответа.

«Несчастливая девушка, которая никем не является для вас, месяц, — писала я ему, — которая только притязает на вашу жалость, постоянно огорчает, отягощает вашу жизнь; вместо того, чтобы написать вам и выразить свое сочувствие по поводу понесенной вами утраты, она осмеливается говорить о себе, просит у вас совета, что ей делать, и ожидает ваших распоряжений и т. д.»

Но, вероятно, небу было угодно, чтобы на пути мне встречались несчастья, куда бы я ни ехала; чтобы я играла роль вечной жертвы или же свидетеля самых зловещих последствий.

Однажды вечером я вернулась довольно поздно в гостиницу, откуда выходила, чтобы подышать свежим воздухом в компании своей служанки и лакея, которого наняла здесь, в Нанси. Все давно спали.

Я уже хотела войти в свой номер, как вдруг красивая женщина лет пятидесяти — ее я заметила сразу, поселившись в гостинице, — внезапно выбежала из соседнего номера с кинжалом в руках и шмыгнула через коридор в другую комнату.

Моей естественной реакцией было посмотреть, что там происходит. Я поспешила вперед, за мной потащились служанка с лакеем. В мгновение ока, не дав нам ни одного мгновения, чтобы обратиться к ней или прийти на помощь, она, несчастное создание, устремилась к другой женщине и вогнала ей не менее двадцати раз острый кинжал в самое сердце. После расправы

она отправилась в свой номер, вероятно, в такой растерянности, что даже не заметила нашего присутствия. В голове у меня пролетела первая мысль: скорее всего она сошла с ума. Мы не могли понять преступления, для его совершения не видели никакого мотива. Служанка с лакеем были готовы громко закричать. Какие-то неясные причины, какая-то давящая необходимость заставили меня приказать им молчать. Взяв их под руки, я загнала прислугу в свой номер и быстро закрыла дверь на ключ.

Вскоре послышался ужасный шум. Исколотой ножом женщине все же удалось выползти на лестницу с ужасным воем, и перед тем, как испустить дух, она назвала имя убийцы. Так как мы оказались последними постояльцами, вошедшими в гостиницу перед убийством, нас арестовали как главных виновников. Тем не менее обвинения, выдвинутые умирающей женщиной, освободили нас от подозрений, но власти приказали не покидать гостиницу до окончания суда.

Брошенная в тюрьму преступница отказывалась признать себя виновной и упрямо твердила, что она здесь ни при чем. Кроме меня самой и моих слуг, других свидетелей не оказалось. Нас вызвали для дачи свидетельских показаний. Мне было очень трудно скрыть свою неловкость, не давали покоя черные мысли... ведь я заслуживала в такой же мере смерти, как и эта женщина, но в результате моих насильственных признаний ее непременно отправят на виселицу, и хотя обстоятельства были несколько иными, мы с ней были виновны в одном и том же преступлении. Не знаю, до чего я могла дойти, только бы отказаться от своего личного вклада в это жестокое дело. Каждое слово, которое я произносила как свидетельница, походило на капли крови, выдавливаемые из моего сердца. Но иного выхода у меня не было; нас вынудили давать свидетельские показания: мы рассказали обо всем, что видели.

Хотя власти имели основания полагать, что именно эта женщина совершила преступление — вероятно, побудительным мотивом стало желание убрать соперницу, — позже нам стало известно: без наших показаний ее бы не осудили. Судя по всему, в деле оказался замешан какой-то мужчина, бежавший сразу после преступления, дабы не стать подозреваемым. Но наши показания, особенно показания моего лакея, служившего в этой гостинице, — тот тяжкий вклад, вынужденно внесенный нами, чтобы самим не превратиться в обвиняемых, и решил судьбу несчастной.

Когда в последний раз я предстала перед ней, женщина долго с изумлением в глазах изучала меня, а затем поинтересовалась, сколько мне лет.

- Тридцать четыре, — ответила я.
- Тридцать четыре? Вы из этих мест?
- Нет, мадам.
- Вас зовут Флорвиль?
- Да, это мое имя.
- Я вас не знаю, — продолжала она, — но здесь к вам с большим уважением относятся, все считают вас respectableй

молодой леди. Этого, к несчастью для меня, вполне достаточно.

Потом, уже в состоянии сильного волнения, продолжала:

— Мадемуазель, в тисках той ужасной ситуации, в которой я очутилась, я видела вас во сне. Вы стояли рядом с моим сыном... ведь я мать и, как видите, самая несчастная из всех... точно такое же лицо, как у вас... и в таком же платье... и виселица маячила у меня перед глазами.

— Сон, сон, мадам! — воскликнула я, вспоминая свое сновидение; я была поражена ее чертами лица, узнав в ней ту женщину, появившуюся вместе с Сенневалем в моем сне, возле гроба с торчащими терниями... Слезы хлынули из моих глаз... Чем больше я разглядывала ее, тем острее становилось желание снять свои показания... Мне хотелось попросить, чтобы казнили меня вместо нее... хотелось бежать, но я словно приросла к месту...

Когда представители властей заметили, в какое состояние привела меня очная ставка, они решили разлучить нас, будучи абсолютно уверены в моей невинности. Я вернулась домой совершенно разбитой, меня одолевали различные мысли, они путались в голове, и причину их возникновения я так и не могла отыскать. На следующий день несчастную женщину казнили.

В тот же день я получила ответ от месье Сент-Пра. Он просил меня вернуться в Париж. Нанси утратил для меня все очарование после того, как я видела ужасные сцены; теперь ничто больше меня не удерживало в этом городе, и я без задержки отправилась в столицу, постоянно преследуемая призраком женщины, словно кричавшей мне:

«Несчастливая девушка, ты послала меня на смерть, и тебе неведомо, до какой степени ты унизила меня, даже отправила в могилу!»

Изнемогая под грузом обрушившихся бед, вечно преследуемая печалью, я умолила месье Сент-Пра найти мне приют, где могла бы в полном одиночестве закончить свои дни, в строгом соблюдении религиозных обязанностей. Он предложил то место, где вы и встретились со мной, месье; я поселилась там и больше не покидала его, за исключением двух ежемесячных посещений своего дорогого благодетеля и кратких визитов к мадам Лерэнс. Но небо, которому угодно посылать на меня все новые и новые невзгоды, отказало и в этом удовольствии. Я не могла долго наслаждаться компанией своей приятельницы, потеряв ее навсегда в прошлом году. Из-за моих нежных к ней чувств мадам потребовала, чтобы я присутствовала при ее последних, самых жестоких минутах, и в моих объятиях она испустила дух.

Но, месье — кто бы мог поверить? — ее смерть не была такой же мирной и покойной, как смерть мадам Веркэн. Та женщина, которой вопили со всех сторон о необходимости раскаяться, об угрызениях совести, осталась ко всему абсолютно глуха, насколько я могла судить; мадам Лерэнс, не имея никаких причин для мук совести, как выяснилось, постоянно ими терзалась. Умирая, мадам Веркэн высказывала лишь одно сожаление: что неспособна сотворить побольше зла. Мадам Лерэнс умерла, сожалея, как много добра ей не удалось сделать. Первая, не жалея ни о чем,

кроме утраты привычных удовольствий, умирала вся в цветах; вторая пожелала умереть на кресте, выложенном из пепла, сокрушаясь, что потеряла столько времени напрасно и не посвятила все часы укреплению добродетели.

Такой контраст произвел на меня глубокое впечатление. Почему, задавалась я вопросом, почему приверженность к добродетели не приводит к чувству покоя в такие моменты, покоя, щедро предоставляемого сторонникам зла? И вот, словно чей-то громкий голос раздался из глубины моего сердца, и я закричала: «Неужели мне предстоит испытать и измерить волю Всевышнего? То, что я увидела, только лишний раз меня убедило в ценности праведности: страхи мадам Лерэнс — беспокойство, забота о сохранении добродетели; жестокая апатия мадам Веркэн — лишь последнее уклонение от зла, преступления, от истины».

Вот мое последнее приключение, месье. В течение последних двух лет я жила в монастыре Вознесения, куда направил меня мой благодетель. Да, месье, и уже два года я не знаю ни минуты покоя, каждую ночь передо мной являются образы несчастного Сент-Анжа и той бедняжки — женщины, благодаря моим показаниям осужденной в Нанси на смерть. И вот вы нашли меня; таковы мои тайны, которые я хотела открыть перед вами.

Разве не моя обязанность рассказать о них прежде, чем ответить на ваши чувства, в коих теперь вы наверняка разочаровались? Теперь вам предстоит решать, достойна ли я вашего выбора?.. Подумайте о том, сможет ли такой человек, как я, с душой, терзаемой горем и печалью, дать в вашей жизни радостные минуты? Ах, месье, умоляю, освободитесь от иллюзий, позвольте мне возвратиться в свой суровый приют, ведь только он мне и подходит. Если вам все же удастся увезти меня оттуда, то вам придется постоянно видеть мрачный спектакль, главные роли в котором исполняют угрызения совести, боль, страдания и несчастья.

Мадемуазель закончила свой рассказ в состоянии сильного волнения. Смышленная, чувствительная, тонкая по своей природе, она не могла оставаться равнодушной при перечислении длинной вереницы своих страданий.

Месье Курваль, не видевший ни в предыдущих, ни в последующих событиях основательной причины, могущей изменить его планы, делал все, что в его силах, чтобы ободрить любимую женщину.

— Повторяю, мадемуазель, — сказал он. — В том, что вы сейчас рассказали, есть, конечно, что-то особое, роковое. Но я не вижу здесь ничего такого, что могло бы терзать вашу совесть или повредить вашей репутации... Любовная интрижка в шестнадцатилетнем возрасте... Подумайте, сколько у вас найдется уважительных причин — возраст, льстивые увещевания со стороны мадам Веркэн; молодой человек, весьма возможно, очаровательный, которого вы больше никогда не видели, не так ли, мадемуазель? — Сделав небольшую паузу, с тревогой в голосе добавил: — И вряд ли когда-нибудь увидите?

— Ах, что вы, разумеется, нет, уверяю вас, — торопливо заве-

рила его Флорвиль, догадываясь о причинах охватившего месье Курваля беспокойства.

— Ну, в таком случае, мадемуазель, давайте завершим наш уговор, — вновь начал месье Курваль. — Покончим с ним, умоляю, и позвольте убедить вас, не теряя даром времени, что в вашем рассказе нет ничего такого, что могло бы умерить в сердце несчастного мужчины ни его восхищения таким образом добродетели, ни уважения к столь многим вашим очаровательным достоинствам.

Мадемуазель Флорвиль попросила у него разрешения возвратиться еще раз в Париж, в последний раз посоветоваться со своим благодетелем, дав твердое обещание, что с ее стороны больше не возникнут трудности в отношении предполагаемого брака.

Она уехала и через неделю вернулась в сопровождении месье Сент-Пра. Месье Курваль неусыпно оказывал ему куртуазные знаки внимания; откровенно сообщил, как лестно связать свою судьбу с женщиной, которую месье Сент-Пра любил и оказывал свое покровительство, и попросил его продолжать считать ее своей родственницей и хранительницей. Сент-Пра отвечал на лестные замечания месье Курваля, как и подобает истинному джентльмену, и даже добавил несколько восторженных отзывов о характере мадемуазель Флорвиль.

Наконец столь желанный для месье Курваля день наступил; провели брачную церемонию, и при прочтении брачного контракта муж просто изумился, узнав, что месье Сент-Пра, не сказав никому ни слова, добавил по случаю бракосочетания к четырем тысячам еще столько же ежегодного пенсионного мадемуазель Флорвиль, а также наследство в сто тысяч франков, которое будет ей выплачено после его смерти.

Почувствовав новые доказательства необычной щедрости своего благодетеля, эта миловидная девушка не могла удержаться от обильных слез. В глубине сердца она была в восторге, что может предложить человеку, решившемуся жениться на ней, состояние, по крайней мере равное его собственному.

На свадьбе все выражали самые сердечные чувства безграничной радости, раздавались заверения во взаимном уважении и привязанностях... но злые фурии судьбы уже принялись гасить факелы этого рокового торжества.

Месье Сент-Пра вместе с друзьями невесты провели целую неделю в доме Курваля, но молодожены не вернулись вместе с ними в Париж. Они решили остаться в поместье до наступления зимы, чтобы привести в порядок кое-какие дела и таким образом хорошенько подготовиться к совместной жизни в Париже. Месье Сент-Пра получил от них поручение подыскать в Париже приятный домик, неподалеку от его собственного, дабы они могли чаще видеться друг с другом.

Предвкушая удовольствие от предстоящих хлопот, месье и мадам Курваль уже три месяца жили в своем деревенском поместье, и у них были веские основания верить, что вскоре у них появится ребенок — об этой приятной новости они тут же сообщили доброму месье Сент-Пра. Но неожиданное событие самым

жестоким образом нарушило счастье влюбленной пары, превратив нежные розы Гименея в ужасные веточки кипариса, знак печального траура.

Здесь мое перо останавливает свой бег по бумаге... Я должен пожалеть читателя, попросить его самого продолжить рассказ... Да, пусть он прервет историю на этом месте, если только не предпочтет корчиться от испытываемого ужаса... Как печальна жизнь человека на этой земле... Как жестоки выверты непредсказуемой судьбы! Почему Флорвиль, это самое добродетельное, самое очаровательное, чувственное из всех живущих созданий, благодаря цепи невероятных обстоятельств должна превратиться в самого страшного монстра, когда-либо создаваемого природой?

Однажды вечером нежная, любящая жена сидела рядом с мужем и читала необыкновенно модный английский роман, в то время вызывавший немалый интерес.

— Должна признаться, — она отбросила книгу в сторону, — здесь изображено такое же несчастное существо, как и я сама.

— Несчастлива, как ты? — промолвил месье Курваль, заключая свою любимую в объятия. — О Флорвиль, мне казалось, я сумел помочь преодолеть твои страдания... Теперь вижу, что заблуждался... Но разве обязательно все преподносить в таких жестоких словах?..

Но мадам Курваль, казалось, не слышала увещаний; не отвечала ни единым словом на его ласки, а лишь, в ужасе оттолкнув его от себя, бросилась на софу в дальнем углу комнаты и зарыдалась. Напрасно достойный супруг опустился перед ней на колени, напрасно умолял обожаемую им женщину успокоиться или по крайней мере рассказать о причине, вызвавшей такой приступ отчаяния. Мадам Курваль только отталкивала его рукой и отворачивалась в сторону, когда он попытался утереть ей слезы. Месье Курваль наконец понял, что, вероятно, какие-то жгучие воспоминания о прежней страсти Флорвиль воспламенили вновь сердце ее, и не смог сдержаться и не пожурился за это жену. Мадам Курваль молча выслушала упреки, а когда он закончил, встала с софы.

— Нет, месье, — произнесла она. — Вы неверно определили причину овладевшего мной приступа депрессии. Меня тревожат не воспоминания, меня приводят в ужас какие-то тяжкие предчувствия... Я очень счастлива с вами, месье... Да, очень счастлива... но я не рождена для счастья. Такое блаженство не может длиться долго, ибо судьбой предсказано, что заря моего счастья может быть лишь яркой молнией, а затем непременно последует сильнейший удар грома. Боюсь, что волей судьбы мы не предназначены друг для друга. Сегодня я ваша жена, завтра ею не буду. Где-то в глубине сердца внутренний голос говорит, что для меня счастье — лишь тень, исчезающая, как тот цветок, что цветет и засыхает на протяжении одного-единственного дня. Потому прошу вас не обвинять в капризности, не говорить о моей к вам холодности и безразличии, месье.

Моя вина заключается в избытке чувствительности, я постоянно вижу все вокруг себя в самом зловещем свете, и это результат выпавших на мою долю превратностей судьбы...

Стоя на коленях перед женой, месье Курваль безуспешно старался ласковыми словами унять ее страхи, когда неожиданно, как раз перед семью часами вечера, в комнату вошел слуга и доложил, что какой-то незнакомец настаивает на немедленной встрече с месье... Флорвиль вздрогнула... Слезы невольно потекли у нее по щекам. Она споткнулась и чуть не упала. Попыталась что-то сказать, но слова замерли у нее на губах.

Месье Курваль, будучи больше озабочен состоянием супруги, чем неожиданным визитом незнакомца, распорядился, чтобы тот подождал, и вновь повернулся к Флорвиль. Но мадам, опасаясь поддаться охватившему ее неведомому чувству, нашла в себе силы встать на ноги. Она сказала: «Не обращайтесь внимания, месье. Пригласите сюда джентльмена».

Слуга вышел и через минуту вернулся в сопровождении мужчины тридцати семи — тридцати восьми лет; на милом, привлекательном лице его были заметны явные признаки глубокой печали.

— Отец! — крикнул незнакомец, бросаясь на колени перед месье Курвалем. — Разве вы не узнаете своего несчастного сына, который находился в разлуке с вами двадцать два года, сына, spolна наказанного за свои жестокие прегрешения, выпавшие на его долю...

— Что? Вы — мой сын? Боже праведный? Что же заставило тебя... неблагодарное существо... как ты вспомнил о моем существовании?

— Мое сердце... вот это сердце, глубоко чувствующее вину, тем не менее никогда не прекращало любить вас... Послушайте, отец... умоляю вас. Я хочу сообщить еще о больших бедах, чем мои собственные... Прошу выслушать меня. Простите, мадам, — продолжал молодой Курваль, поворачиваясь к жене отца. — Я вынужден, хотя впервые представился случай, засвидетельствовать вам свое глубокое почтение — рассказать в вашем присутствии о тех ужасных несчастьях, выпавших на долю нашей семьи; их я больше не в силах скрывать от отца.

— Говорите, месье, говорите, — заикаясь молвила мадам Курваль, бросив свирепый взгляд на молодого человека. — Язык, на котором выражают беды и несчастья, для меня не нов; мне он знаком с детства.

Путешественник, испытывая неподдающуюся контролю неловкость, устоял на мадам Курваль. Потом сказал, обращаясь к ней:

— Это вы несчастны, мадам?.. Боже праведный, да может ли кто-нибудь быть более несчастным, чем мы с отцом?

Они сели. Трудно описать состояние месье Курваля в эту минуту... Мадам посмотрела на визитера... затем быстро перевела взгляд на пол... Она тяжело, шумно вздохнула. Месье Курваль плакал, а сын старался утешить отца, умоляя внимательно его выслушать. В конце концов беседа приняла упорядоченную форму.

— Мне о многом нужно поведать, месье, — начал молодой Курваль, — надеюсь, вы позволите опустить маловажные детали и сразу перейти к самому главному. И очень прошу вас и мадам

пообещать, что не станете меня перебивать до конца рассказа. Я покинул вас, месье, в пятнадцатилетнем возрасте; первым моим желанием было последовать за матерью; с ней вы разошлись давным-давно, и ее я слепо предпочитал вам. Я присоединился к ней в Лионе, где ее возмутительный образ жизни настолько испугал меня, что я решил поскорее с ней расстаться, если только намеревался сохранить к ней остаток сыновних чувств. Я отправился в Страсбург, где был расквартирован нормандский полк...

Мадам Курваль вздрогнула, но вовремя овладела собой.

— Командир полка, полковник, казалось, проявлял ко мне особый интерес. Мы с ним познакомились поближе, и он произвел меня в чин младшего лейтенанта. На следующий год я вместе с полком отправился в Нанси и там влюбился в родственницу мадам Беркэн. Я соблазнил молодую леди, у нас родился сын, и я самым подлым образом ее покинул.

При этих словах мадам Курваль задрожала всем телом, тяжело задышала, но все же сумела сохранить самообладание.

— Эта несчастная любовная интрижка стала причиной всех моих последующих бед. Я устроил ребенка несчастной девушки неподалеку от Меца, у одной женщины, обещавшей присмотреть за ним, и вернулся в полк. Все меня осуждали за мое поведение; так как девушка не вернулась в Нанси, то, по мнению всех, я стал причиной ее крушения. И так как это очаровательное и приветливое создание сумело завоевать симпатии всего города, то у нее там нашлось немало защитников, просто жаждавших вступить за ее поруганную честь. Мне пришлось драться на дуэли, и я убил своего противника. Потом, возвратившись в Мец, я взял сына, и вместе с ним мы бежали в Турин.

В течение двенадцати лет я служил королю Сардинии. Не стану передавать все несчастья, свалившиеся на мою голову за это время. Достаточно сказать, им неть числа. Тем временем мой сын рос, мужал и подавал большие надежды. В Турине я встретился с одной француженкой, которая сопровождала французскую принцессу, вышедшую замуж за одного из представителей сардинского двора, и эта весьма достойная дама проявила ко мне интерес, выражая искреннее сожаление по поводу обрушившихся на меня несчастий. Тогда я осмелился обратиться к ней с просьбой отвезти моего сына во Францию, где он мог бы завершить образование. Я пообещал ей привести все свои дела в надлежащий порядок и через шесть лет вернуться в страну и забрать у нее мальчика. Она согласилась, отвезла ребенка в Париж и там не жалела усилий, чтобы дать ему хорошее воспитание, и постоянно сообщала мне о его успехах.

Я приехал даже на год раньше. Войдя в дом этой леди, горя желанием поскорее заключить в объятия моего сына, сжать его крепче, этот символ любви, которую я предал... но которая все еще обжигала мое сердце. «Ваш сын умер, — едва вымолвила достойная моя подруга, и слезы навернулись у нее на глазах. — Он стал жертвой той же страсти, ставшей причиной стольких несчастий для его отца. Мы взяли его с собой в деревню; там он влюбился в очаровательную девушку, чье имя я поклялась не

раскрывать. Охваченный приступом яростной страсти, он попытался овладеть силой тем, в чем ему был отказано добродетелью... И вот удар, нанесенный по нему с единственной целью — напугать, проник в самое сердце и убил его на месте».

При этих словах мадам Курваль впала в транс, и какое-то мгновение они опасались, что мадам умерла: широко открытыми глазами она не моргая уставилась в одну точку, кровь, казалось, застыла у нее в жилах. Месье Курваль, слишком хорошо знавший фатальную связь между всеми этими приключениями, прервал рассказ сына и поспешил к своей жене. Она пришла в чувство и, героически демонстрируя удивительное мужество, с трудом промолвила:

— Позвольте вашему сыну продолжать, месье. Может, я еще не до конца испила горькую чашу.

Тем временем молодой Курваль, хотя и не понимал причину такой реакции со стороны леди на события, которые касались ее лишь косвенным образом, никак не мог разглядеть что-то непостижимое в чертах ее лица; он напряженно смотрел на нее, не скрывая охватившего волнения.

Месье Курваль, взяв сына за руку и пытаясь отвлечь его внимание от Флорвиль, предложил ему продолжать, но сосредоточиться в основном на главном, пропуская детали, так как его рассказ связан со множеством самых таинственных обстоятельств, имевших важнейшее для всех значение.

— В состоянии полного отчаяния из-за смерти сына, — продолжал путешественник, — не имея никаких причин и дальше оставаться во Франции, кроме вас, отец, которого я, впрочем, не осмеливался встретить, опасаясь вашего праведного гнева, я решил отправиться путешествовать по Германии... О Создатель, сотворивший меня при неблагоприятном раскладе звезд, теперь я подхожу к самой жестокой части повествования, — сказал молодой Курваль, заливая слезами руку отца. — Призовите все свое мужество, умоляю вас.

Когда приехал в Нанси, то узнал, что мадам Дебар — это имя взяла себе моя мать; она хотела убедить вас, что умерла, а сама кинулась в развратную жизнь — только что отправили в тюрьму за то, что она кинжалом заколола свою соперницу, и что ее казнят скорее всего на следующий день.

— Ах, месье! — воскликнула Флорвиль, опустив в изнеможении голову на грудь своего мужа; тело ее содрогалось от рыданий. — Вы теперь видите всю глубину моих страданий?

— Да, мадам, вижу, — ответил месье Курваль. — Я вижу все. Мадам, прошу вас позволить моему сыну закончить рассказ.

Флорвиль старалась сдерживать себя, но она уже еле-еле дышала, чувства ее ослабли, нервы были возбуждены до предела.

— Продолжай, сын мой, продолжай, — сказал несчастный отец. — Через несколько минут я тебе все объясню.

— Хорошо, месье, — продолжал молодой Курваль. — Я попытался выяснить, не вкралось ли ошибки в имена, но, к сожалению, все оказалось верно: этой преступницей была моя мать. Я попросил разрешения увидеться с ней, мне его дали. Я бросился в ее объятия.

«...Я совершила преступление и теперь должна умереть,— сказала она мне.— Ужасная издевка судьбы виновата в моей смерти. Под подозрением находился еще один человек; все свидетельства указывали на него. Но какая-то женщина, ее служанка и лакей, которые по воле случайности проживали в той же гостинице, заявили, что преступление совершила я. Только их свидетельские показания стали причиной моей смерти. Не важно, однако, не будем терять драгоценного времени на бесполезные сожаления. Я хочу раскрыть тебе кое-какие секреты, сын мой, могущие иметь важные последствия, так что слушай повнимательнее, что я тебе скажу.

После того, как мои глаза сомкнулись навечно, отправляясь на розыски моего мужа. Скажи ему, что среди множеств преступлений есть одно, о котором ему ничего не известно. Я хочу в нем признаться. У тебя есть сестра, Курваль... Она родилась сразу за тобой... Я была без ума от тебя и сильно опасалась, что эта девочка может представлять для тебя угрозу, так как отец после вступления ее в брак будет вынужден обеспечить ей приданое и использует часть того наследства, которое должно принадлежать тебе целиком. Чтобы сохранить наследство, я решила избавиться от девочки и сделать все возможное, чтобы в будущем мой муж не имел плода от наших супружеских уз. Моя беспорядочная жизнь заставляла меня совершать разные грехи, и я не чувствовала никакого отягощения от своих преступлений, ведь за ними следовали другие, еще более тяжкие и злодейские. Что касается моей дочери, то я решила ее убить. И уже была на грани выполнения чудовищного плана, разработанного мной совместно с кормилицей, но она вдруг сказала, что знает одну бездетную семью. И супругам ничего в жизни так не хотелось, как иметь детей. Почему в таком случае не убить одним выстрелом двух зайцев? Избавиться от девочки и одновременно, может, осчастливить этих людей?

Я приняла ее предложение. В тот же вечер корзинка с девочкой и сопроводительным письмом была поставлена на крыльцо дома бездетных супругов.

В тот момент, когда я умру, как можно скорее отправляясь в Париж, попроси у своего отца прощения за меня, попроси его не проклинать память обо мне, отыскать ребенка и привезти его в наш дом».

С этими словами мать обняла меня... Она пыталась унять страшное волнение, охватившее меня после ее рассказа. Ах, отец, на следующий день ее казнили. Меня самого свалила ужасная болезнь, чуть не сведшая в могилу, и я практически в течение двух лет находился между жизнью и смертью. И не было ни сил, ни достаточно мужества, чтобы написать вам.

Когда я наконец выздоровел, то первым делом приехал сюда и бросился на колени перед вами, чтобы вымолить прощения за вашу несчастную, бедную жену, а также сообщить имя человека, от которого вы можете получить известие о местонахождении моей сестры: его зовут месье Сент-Пра.

Месье Курваль забормотал что-то невнятное, казалось, чувства покинули его, он пришел в оцепенение, был почти без сознания. Его

состояние на самом деле вызывало серьезную тревогу.

Что касается Флорвиль, за последние четверть часа испытавшей адомы муки, то она встала со спокойствием человека, только что принявшего твердое решение.

— Очень хорошо, месье, — произнесла она, обращаясь к Курвалю. — Вы теперь убедились, что в мире нет более чудовищного преступника, чем бедная Флорвиль?.. Позволь сказать тебе, кто я такая, Сенневалю; когда-то я была твоей сестрой, потом той девушкой, которую ты соблазнил в Нанси, убийцей твоего сына и тем отвратительным созданием, отправившим твою мать на виселицу... Да, джентльмены, вот перед вами все мои преступления: на кого бы я ни обратила здесь свой взор, я не вижу ничего, кроме объекта, внушающего мне ужас. Либо я вижу в лице брата своего любовника, либо в своем муже виновника моего появления на свет. Но стоит посмотреть на себя, как вижу лишь страшного, гнусного зверя, заколовшего кинжалом собственного сына и ставшего виновником смерти своей матери. Как вы считаете, исчерпали ли на этом небеса свой запас невыразимых мук для меня? Неужели вы думаете, что с сердцем, изуродованным всеми этими пытками, я еще намерена жить хотя бы минуту? Нет, мне остается только совершить еще одно преступление, преступление, которое отомстит за все прежние.

С этими словами несчастная девушка бросилась вперед, к Сенневалю, выхватила у него из-за пояса пистолет и выстрелила себе в голову. Все произошло так быстро, что они так и не поняли ее намерений. Она умерла на месте, не произнеся больше ни единого слова.

Месье Курваль упал в обморок. Его сын, пораженный теми сценами, свидетелями которых он стал, начал громко звать на помощь. Флорвиль уже нельзя было помочь: тень смерти покрывала ее окровавленное лицо. Оно вздрагивало в конвульсиях, и не только потому, что наступила насильственная смерть, но и потому, что в момент ее прихода сердце Флорвиль было до краев наполнено отчаянием.

Месье Курваля перенесли на кровать, где в течение двух месяцев он лежал, находясь на грани смерти. Сын его тоже пребывал в тяжелом состоянии, но все же оказался довольно счастливым человеком, так как нежность к отцу и постоянные заботы о нем привели его к полному выздоровлению.

Оба они, однако, испытав на себе многочисленные жестокие удары злой судьбы, решили уединиться и покинуть свет. Строгое добровольное уединение навсегда лишило возможности их друзей встречаться с ними, и там, предаваясь благочестию и добродетели, они мирно доживают свои печальные, приносящие лишь страдания дни, продолжая жизнь, которая им была дана только для того, чтобы убедить и одного, и другого, и всех тех, кто прочитал эту печальную повесть, в том, что только во мраке могилы человек может обрести покой, в котором им на этой земле отказано из-за злокозненности окружающих людей, беспорядочных страстей и прежде всего из-за выпавшей им судьбы.

**Предисловие и перевод с французского
ЛЬВА КАНЕВСКОГО.**

ТАТЬЯНА БУЛАНОВА:
«И грусть,
и слезы...»

Они встречались тайно целый год. Взаимопонимание было полное, и они пребывали в счастливой эйфории. Идиллию нарушили вездесущие радио и телевидение. Главной героине тайных встреч пришлось не только объясняться со своим руководством, но даже уволиться с работы. Сегодня, спустя три года, она о своем поступке ни капельки не жалеет.

На любовную историю читатель пусть не настроивается, речь пойдет о союзе творческом — о группе «Летний сад» и ее солистке Татьяне Булановой из Санкт-Петербурга. Впрочем, пусть она сама расскажет об этой истории.

— Что бы я ни надумала сделать, жизнь все переиначит и по-своему выстроит. Мечтала стать драматической актрисой, но в театральном не попала. Целый год проучилась на библиотечном отделении Института культуры. Была примерной студенткой, но случайно по радио услышала объявление о наборе в студию мюзик-холла.

Решила, если пройду конкурсный отбор, брошу институт. Не сомневалась, что работа в студии приблизит меня к театральному.

Отбор прошла, институт бросила, но от театрального еще больше отдалилась.

— И виной тому группа «Летний сад»?

— Сначала знакомство с музыкантами и предложение стать солисткой группы всерьез не восприняла. Но и не отказалась. Хотя руководство студии запрещало студийцам, несмотря на их небольшую стипендию, подрабатывать на стороне. Целый год я втайне выступала с «Летним садом». Но, видимо, наш творческий союз приглянулся... Записи «Летнего сада» стали крутить на радио. От меня в студии потребо-

вали объяснений. Удалось обмануть, что это не я пою. Но, когда наша группа появилась на телеэкране, последовала бурная сцена в кабинете руководства, и студию пришлось оставить.

— Мир эстрады не разочаровал?

— Напротив, меня приняли очень доброжелательно. Вспоминается отборочный тур на ялтинском конкурсе, который я не прошла, но интерес к себе почувствовала. Пока шли прослушивания, репетиции, ко мне подходили очень известные и уважаемые в эстрадном мире люди, давали советы, подсказывали, как лучше держаться. Это участие меня так настроило на удачу, что, не услышав своей фамилии среди счастливиц, я была поначалу в шоке. С другой стороны, поняла — многому еще надо учиться.

— И не было обычной для курсантки обиды на жюри, которое «всегда несправедливо»?

— Нет, я к себе очень хорошо отношусь, но объективно. Знаю свои просчеты, недостатки. Учусь, меняюсь, постигаю. В коллективе у нас пока царит понимание, острые углы стараемся обходить, друг другу не надоедаем. В последнее время даже некий творческий подъем заметен.

— Значит, нет проблем у артистки эстрады? Как странно это слышать!

— Проблемы есть, только личного плана. Редко вижу сына. Возвращаюсь домой с гастролей, съемок, записей, безумно соскучившись по нему. Порой кажется, заласкаю, затискаю, на секунду от себя не отпущу. А подхожу к детской кроватке и теряюсь. Все у мамы спрашиваю, чем покорить, во что переодеть. Вот моя и радость, и горести. Но и сцену уже не бросить. Надо пробиваться

в «звезды», чтобы было оправдание перед сыном. Меня такая перспектива греет.

— Татьяна, многие вас впервые увидели и услышали в сольных программах Филиппа Киркорова, что проходили в Питере. Это сотрудничество — случайность в вашей творческой биографии?

— Когда мне предложили поработать в программе Филиппа, признаюсь, радости не ощутила. У меня кумиры другие были. О Киркорове же столько разных историй рассказывали, что невольно настраивало против него.

Конечно, согласие дала, но без особого почтения к нашей эстрадной «звезде».

После репетиций, встреч, девяти концертов я резко изменила свое мнение о нем. Он — профессионал и очень высокого класса, трудолюбив. В день по два концерта, каждый длится три часа, и он еще столько же времени репетировал. Да и по отношению к коллегам, даже начинающим, он внимателен, добр, отзывчив. Я думала, меня как «нераскрученную», начинающую певицу он поставит в начале программы для «разогрева» зала. Но Филипп отнесся ко мне как к равной. Публику «разогревал» сам, мне дал возможность выступить в середине концерта и пел со мной. Даже была ситуация, когда выручил, поддержал во время выступления.

— А кто для вас на эстраде кумир?

— Я всегда была фанаткой Аллы Пугачевой. Даже в ее знаменитых «Рождественских встречах» участвовала. Воспоминания, правда, остались не самые радужные.

— Странно, Пугачева явно выделяет вас среди коллег-эстрадников.

— Дело, наверное, во мне. Не на должной высоте оказалась, по-

этому телеэфира не удостоилась. Обидно. Отзывы были хорошие, а результат...

— Татьяна, ваша группа записала два альбома «Измена» и «Не плачь». Оба с таким щемяще-грустным названием, да и вашему сценическому образу это соответствует. Почему вы себе такой имидж избрали?

— Большинство моих песен автобиографичны. Все в моей жизни было. И любовь, и слезы, и разлука. Да я и по натуре — человек невеселый. Станет радостнее, другие песни запою...

— Вы профессионально занимались вокалом?

— Нет. Музыкальная школа, игра на фортепьяно — все мое эстрадное образование. На мой взгляд, это только на пользу — искренней исполнению. Хотя, кто его знает. Может, со временем буду брать уроки вокала.

— Кто пишет вам песни?

— Основной репертуар написан мной и нашим клавишником Андреем Боголюбовым. Руководит «Летним садом» Николай Гаврин. Когда-то он работал с группами «Яблоко», «Форум». У нас очень интересный коллектив. Никто не тянет одеяло на себя. Мы — одно целое. Подольше бы нам сохранить эти отношения...

**Беседу вела
МАРИНА ГУСЬКОВА.**

**Фото на IV обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

ЧЕЛОВЕК УЛИЦЫ

ДМИТРИЙ БОРКО

Я — уличный... Нет, не в том смысле, у меня квартира, семья и вполне сносное социальное положение.

И все же я уличный, потому что улица, как для всех московских пацанов, стала для меня и школой, и моими университетами.

Уличное любопытство, привычка «глазеть» вошли в кровь. Здесь, на улице, дедовским «ФЭД-1» я сделал свой первый снимок. Сопряжение языка улицы с языком фотографии и стало моей «сверхзадачей».

Программист по образованию (за спиной — МИИТ и служба в одном из НИИ), я привык, прежде чем принять решение, просчитывать варианты. В профессии фотографа, а тем паче фоторепортера, это весьма существенно.

Знаменитое «Лукоморье» Леонида Мартынова начинается так: «Вы замечали, по улицам ходит прохожий...» Увы, многие, как выявляет жизнь, не замечали. Видели, но не замечали. И оттого прошли, пробежали, проехали мимо чуда, мимо своего Лукоморья. Так вот, думаю, прежде чем расчехлять фотокамеру, нужно что-либо заметить. А для этого улица должна стать частью твоего бытия, жизни.

Я называю себя «уличным» именно в этом смысле.

...Кофр, даже самый шикарный, еще не приметя фотографа. Нынче в кофрах чаще носят джин с тоником, чем фотокамеры.

Но если вы увидите человека со счастливой улыбкой, отрешенно смотрящего по сторонам, но при этом все же с вполне осмысленным выражением лица — считайте, перед вами фоторепортер, человек улицы...

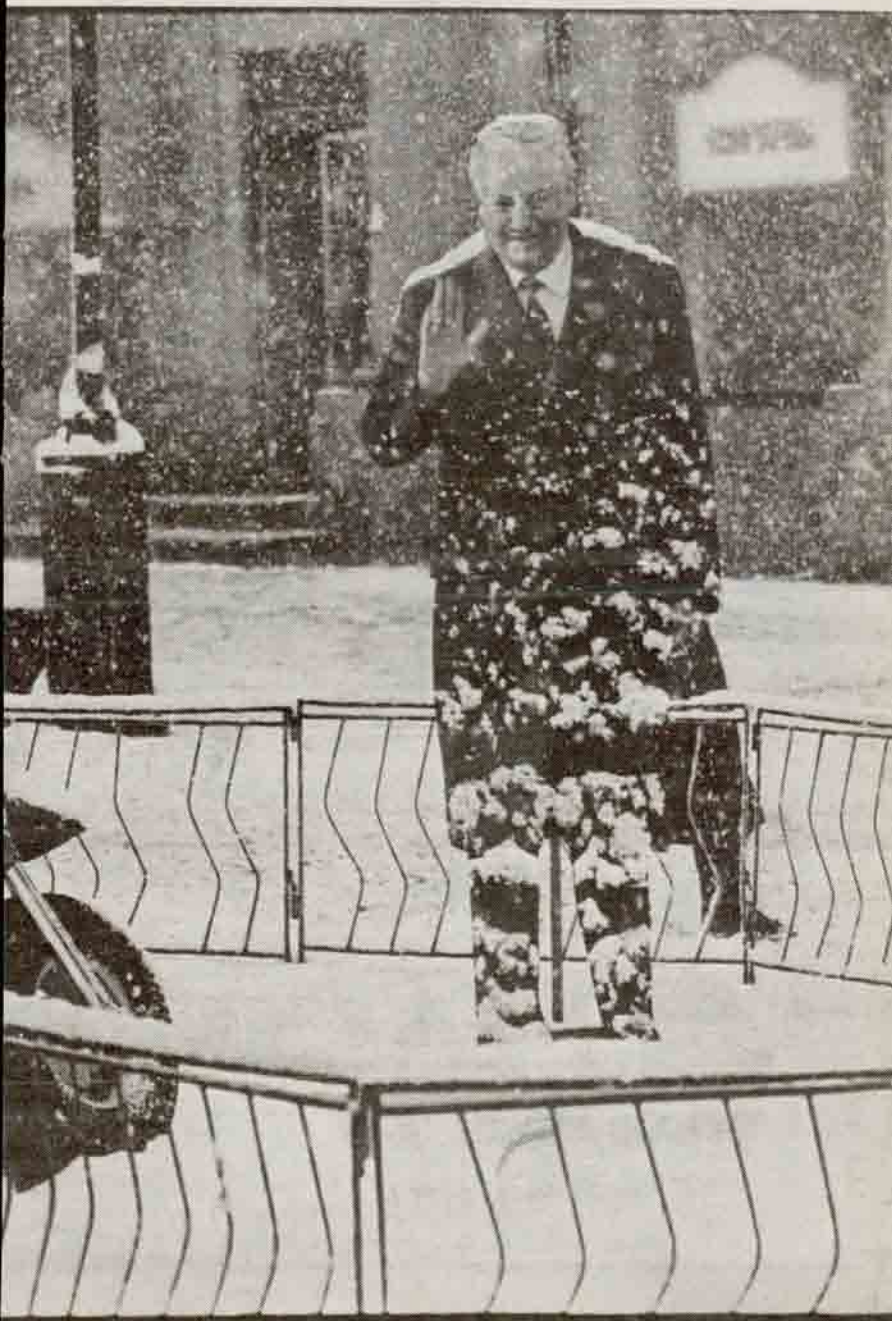

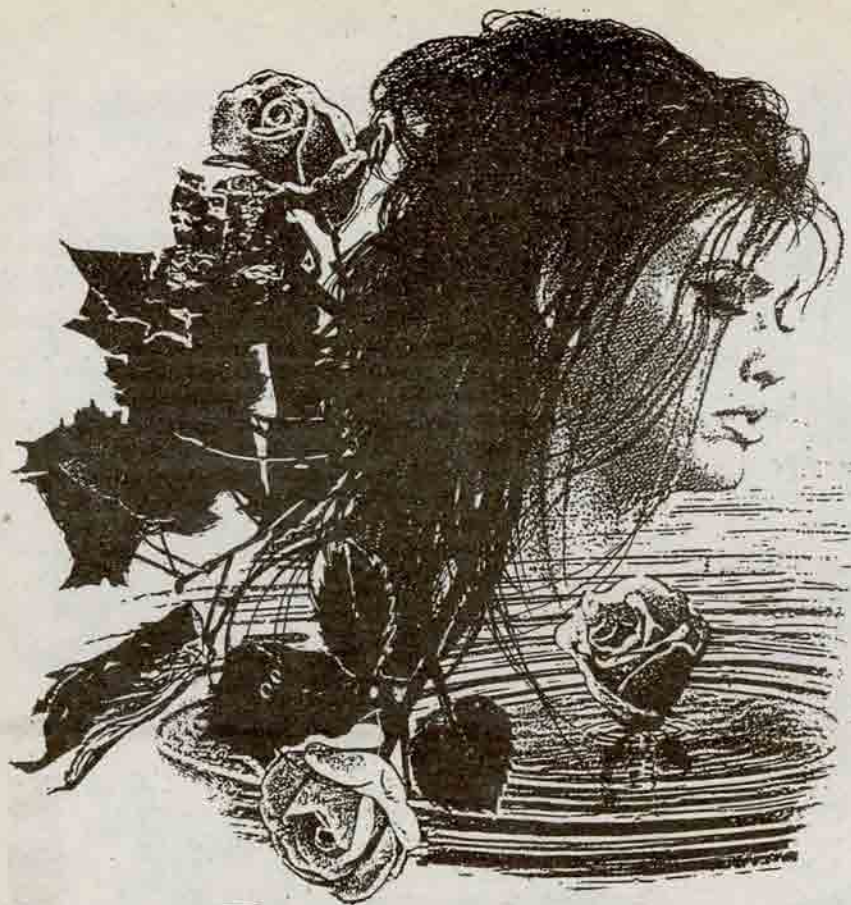
КОСТИ. ДОРОГЧЕ РОССИЯНЕ!

12 ИЮНЯ
1993

ТАТЬЯНА СМЕРТИНА

РОЗОВЫЕ СТИХИ

1

А рассвет — тучи рвет на клочки!
Он отеллово-гневен, суров:
Розе белое брюхо вспоров,
Ало выпустил ей лепестки...

Тут же юный бутон,
взрыв огня,
Тот, что кланялся розе три дня,
Вмиг от ужаса
выбрызнув пламень,
Головою расшибся о камень...

Я поверила в алый обман!
Потому-то душа и болит.
Над травкою плывет не туман —
Призрак розы убитой скользит...

2

Ради роз этих царских я вновь
Пальцы белые рву себе в кровь.
Ради ало-багряного счастья —
Я не чую
их бритв
у запыстья...

3

Ночью темной
Ворох юбок приподняв,
Роза алая
Бежала среди трав.
Ах, к нему она бежала,
Молода,
Вся пылая и сгорая
От стыда.
Кто ее в смоле пихтовника
Обнял?
Я не видела.
Лишь сумрак своссиял!

А наутро вместо розы —
Пустота.
Лишь дрожащий
Гольий стебель средь куста.
Только — вздох,
Полуобломленный листок...
Только —
Вдавленный в суглинье
Лепесток...

4

Эта роза легко ломалась.
А вторая —
Совсем не давалась.
Ну а третья,
Осыпав шелк,
Ночью бросилась
Под сапог.

5

В пологе белом беспечно спала.
Крыльями в дом бились демоны зла.
Я и не знала,
Что буря в бреду
Розу за розой
душила в саду.

6

Дух Вселенной!
 Чары зёркала и сила.
 Мне — пятнадцать,
 Розу в волосы вонзила.
 Белым мороком —
 Сорочка...
 Синевластье глаз...
 Я в мгновение то узрела
 Свой последний час...

7

Одной розе счастье —
 Красавице к платью.
 Второй розе горе —
 Уродке на грудь.
 И первая роза
 Сияла всей статью.
 Вторая расплакалась —
 Жизнь не вернуть.

А Он?

Не заметил уродку
 Среди бала,
 Лишь розу ее увидел,
 Что сияла...

Весь бал
 Он с красавицы глаз
 Не сводил.
 А розу с плеча —
 В полночь смял,
 Раздавил...

8

Надвело в дыме розовом
 Бродить,
 На челе —
 Венцы тяжёлые носить.
 Где берез моих
 Святые жемчуга?
 Да безумные,
 Пречистые снега?
 Колкость елей,
 Ветры буйные врасхлест?
 И под валенком
 Стенанье белых роз...
 На ресницах —
 Царских инеев парча.
 Я — сгорю.
 Я просто — севера свеча.
 Урою на лавку голову —

Прощай!
Сердце — роза,
Да не пустят розу в рай.

9

Сънну на лавке
Не в обмороке,
В белой рубахе —
Как в облаке.

Не задушат розами —
Украсят васильками.
И на лавке я лежу —
И витаю между вами!

У лежащей-то рука
Оскользнула онемело —
Я себя, усопщую,
Нечаянно задела...

10

Эту розу,
Сверхбагряность,
Благодать —
Только князю на балконе
Целовать.
Или — Санке-дураку
В безумной тьме,
Что воздвигнет
Алый памятник в уме.
И потом,
На этот памятник молясь,
Станет розу бесконечно
Рисовать:
То на мраморном снегу
Обожествлять,
То впечатывать
Еловой палкой в грязь.

11

Работать — он с нею
Как вплавь из глубин.
На праздник (куда ей!) —
Всегда один.

Чужинность забора —
Все в тех же узорах.
Снула роза
Шею в решетку —
Прут перерезал
Алую глотку.

Бел свет не увидел.
И она — бел-света...

В бальное платье —
Навеки одета.

12

Глощают розы
Обиду и слезы —
Ведь надо ж было отцвести,
Не срезаться кроваво в вазу,
Ведь надо ж было отцвести,
Чтоб не видал никто, ни разу!

13

Роковые тяжесть-розы
Не кляла.
Только юбку о шипы
Легко рвала.
Что же снится мне,
Кровавые, в ночи?
И о чем же роза каждая
Кричит?
Ах, одна была
У бабки на платке.
А вторая на обоях
В уголке.
Ну а третья —
На шинели у бойца:
Юный дед мой
Жизнь не дожил до конца!
Розой смерть —
Владимир Смертин
Слег под ель...
Говорят, что был красивый,
Словно Лель...

14

Разорвал розу
На части.
Бросил в воду —
На счастье!
Сел на берег
Ждать,
Когда оно — всплывет.

До сей поры —
Ждет.

15

Каждая девица
По розе выжила.

Каждая девица
Замуж вышла.

Одна — за белого,
Вторая — за красного.
А третья —
За певца опасного.

Одна — убита.
Вторая — бита,
А третья —
Живьем зарыта.

16

Роз пыланье. Кабинет.
И вспыхек ряд.
Между розами —
Политики сидят.
Мир их слушает,
У теликов молчит.
И на розы эти —
Розово глядит.

Вдруг из чаши
Выпал маленький бутон —
В этом месте
Вздрыгнул целый миллион!
Как он тюкнулся неслышно
В вспыхках зла
Новорожденной головкой
В лак стола...

Смысл всей жизни был —
В бутоне, что ничей!
Ни политиков не вспомним,
Ни речей.

17

Любила она.
Не злилась ни разу.
Бумажную розу
Ставила в вазу.
Платок покупала
В розах горячих,
Не знала — он камень
За пазухой прячет...

Когда уходил —
Пнул бабоньку в бок,
Бумажною розой
Вытер сапог...

Вот зажгла она
 Туманную свечу,
 Приколола розу желтую
 К плечу:
 «Роза желтая,
 Ты царствуешь над ним!
 Я была в ту ночь — одна,
 Он — не один.
 Ах ты, роза,
 Желтизною пьяной зла!
 Утоплю тебя я, роза,
 Ты — упырь!»

К нелюбимому от милого
 Ушла —
 Так уходят от измены
 В монастырь.
 И сажала розы желтые
 Весной,
 И топила их в колодце
 По одной...

В Сицилии во храме
 В гробу лежит Розалия.
 Усопшая — ребенок,
 И кудри вьют до талии.

Покойница не тлеет
 Десятки лет!
 Иль млится?
 Видали — как дрожат
 Усопшие ресницы!

Неверуя, врачи
 Взялись за дело строго —
 Прибор запечатлел
 Среди ночи вспышки мозга...

Розалия! Розалия!
 Упали розы плавно.
 Перст Бога?
 Запредельность?
 Сверхрозовая тайна...

Под вскрики: «Нереально!»
 Из мира в мир беспечно
 Девочка туманная
 Бродит бесконечно...

20

Эту девушку
Убили средь лесочка.
Стала розово-багряной
Кочка.

Эту девушку
На части рвал кретин.
Рыло — розово,
И был доволен он.
Среди трав полужастывших
И хвоин
Сердцем девичьим
Скатился медальон...

А потом?
Потом — столетие пройдет.
Будет сад.
И там воскликнет садовод:
«Что за место колдовское!
Жуть и грусть:
Розы белые саму —
А красен куст!»

21

Пронзен метелью лес,
Но блещет в мраке —
Крест!
И призрак розы — ах, уплыл! —
Зовет
В свой розомир.

Быть может, это сон.
Быть может, это явь.
Мороз со всех сторон.
Жара — хоть свечи плавь.

Иду я по снегам.
Круженье роз вокруг...
И воют по следам
Кнуты безумных вьюг.

Пролейся, смоль-коса...
Прочь, снеговые осы!
Иду я — в небеса!
Лишь там не вянут розы...

КРИСТОФ ГЕРМАН МАНШТЕЙН

ВОКРАУТ ТРОНА

РИСУНОК
ГЕННАДИЯ
НОВОЖИЛОВА

Автор знаменитых «Записок о России», страницы которых мы предлагаем сегодня читателям, Кристоф Герман Манштейн (1711–1757) занимает в русской истории особое положение — ее деятельного участника и одного из самых авторитетных ее летописцев.

Сын поступившего при Петре в русскую службу бегеца, состоявшего комендантом Ревеля в чине генерал-поручика, Манштейн-младший не был уже новожилом в чужой стране, о чем свидетельствуют и его «Записки», не случайно ставшие одним из главных источников для изучения русской истории второй четверти XVIII века, времени, когда, по выражению Ключевского, иноземцы посыпались на Россию, как сор из дырявого мешка, когда, как мы знаем, интрига стала основным ходовым механизмом государственной жизни и дворцовые перевороты сменяли друг друга.

Давая яркие, нелюбимые портреты Бирона, Миниха, Остермана, Левенвольде и сам принадлежа к иноземному племени, Манштейн сохраняет удивительную, сравнительно с другими иностранцами, объективность к народу, среди которого ему довелось жить. Жизнь в России привела его к выводу весьма, на наш взгляд, обнадеживающему: «Русские способны все выполнить и все предпринять, когда у них хорошие руководители».

I

Вслед за объявлением Анны Иоанновны самодержавною императрицей, когда и в столице все успокоилось, граф Остерман совершенно выздоровел. Глаза перестали у него болеть и стали зорки как никогда, и он был в состоянии исполнять все то, чего от него хотели. Ловкий политик, он сумел увернуться от заседания в Верховном Совете, собравшемся после кончины Петра II; а когда императрица прибыла в Москву, она поручила Остерману составить план интриги, которая повела бы ее к самодержавию. Остерман согласился и, несмотря на болезнь свою, так хорошо повел дело, что оно имело тот счастливый конец, о котором было рассказано*.

В царствование Екатерины I и Петра II Сенат приобрел большую силу благодаря тому, что оба царствующие лица очень были довольны сложить с себя бремя правления, только бы оставили им свободу предаваться своим удовольствиям. Петр II, к тому же, и по несовершеннолетию своему не в состоянии был управлять таким обширным государством. Не такова была Анна. Она хотела вникать во все дела и судить обо всем собственными глазами или скорее глазами своего любимца. Поэтому необходимо было ограничить власть Сената, тем более что императрица была им недовольна, так как большая часть членов Сената имела намерение ограничить самодержавие. Она учредила высший совет под названием Кабинета, без согласия которого ни

* См. «Смена» № 8, 1994.

одно существенное дело не могло быть решено. Он состоял из трех членов: великого канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и действительного тайного советника князя Черкасского.

В речи, сказанной императрицею по случаю принятия ею самодержавия, она обещала править государством с кротостью и прибегать к строгим наказаниям только в крайних случаях. А между тем она не могла забыть, что князья Долгорукие осмелились мечтать о короне для княжны их дома, а когда это не удалось, то попытались подорвать самодержавное правление. Все князья Долгорукие были арестованы одновременно. На этот раз императрица даровала им жизнь. Бывшую невесту императора заперли в монастырь. Князь Иван, бывший обер-камергер и любимец императора, его отец, дяди, вообще все ближайшие их родственники были сосланы: кто в свои поместья, кто в Березов или другие отдаленные места Сибири. Запрещена была всякая переписка с ними. Фельдмаршал Долгорукий и брат его, тайный советник, не подверглись опале. Но спустя немного времени случилось фельдмаршалу высказаться несколько свободно, за это он был арестован и отвезен в крепость Ивангород, близ Нарвы. И брат его не удержался. Несколько лет спустя арестовали и его и отправили в Шлиссельбург. Но при всех неблагоприятно сложившихся для Долгоруких обстоятельствах главный виновник их гибели — Бирон, который никогда не мог им простить их требования, чтобы императрица не брала его с собою из Митавы.

Бирон, несколько лет служивший камер-юнкером, в бытность императрицы герцогинею Курляндскою, был пожалован в графы, получил голубую ленту и должность обер-камергера, которая оставалась вакантною после ссылки князя Ивана Долгорукого. Так как этот самый Бирон играл значительную роль при петербургском дворе, то я намерен короче с ним познакомиться читателей.

У отца его, капитана охотничьей команды при Курляндском герцоге, было трое сыновей. Старший, Карл, начал службу в России, дослужился до офицерского чина и был взят в плен во время шведской кампании, однако нашел способ бежать в Польшу, поступить там на службу и дослужиться до чина подполковника. Потом он поступил в русскую службу, где в скором времени повысился до генерал-аншефа. Это был грубейший человек; он весь был искалечен вследствие драк и ссор, которые затевал в пьяном состоянии и по грубости поступков. В России его боялись и избегали, потому что брат его был всесильный любимец. Младший сын, Густав, был тоже генерал-аншефом в русской службе. Он начал служить в Польше, но, когда императрица Анна вступила на престол, она вызвала его в Россию и пожаловала его майором вновь образованного полка гвардии. Как брат фаворита, он быстро повышался. Это был весьма честный человек, но без образования и недальнего ума. Средний же брат этого семейства и был Эрнст-Иоганн Бирон.

Он провел несколько лет в кенигсбергском высшем училище, отсюда он бежал, чтоб не попасть под арест, которому подвергал-

ся за некоторые некрасивые дела. Возвратясь в Курляндию, он убедился, что не может существовать без службы, поэтому в 1714 году отправился в Петербург. Здесь он домогался должности камер-юнкера при дворе кронпринцессы, супруги царевича Алексея Петровича. Однако такое домогательство со стороны человека столь низкого происхождения показалось слишком дерзким; ему отвечали презрительным отказом и посоветовали даже скорее убраться из Петербурга.

По возвращении в Митаву он познакомился с Бестужевым, обер-гофмейстером двора герцогини Курляндской; он попал к нему в милость и пожалован камер-юнкером при этом дворе. Едва он встал таким образом на ноги, как начал подкапываться под своего благодетеля и настолько в этом успел, что герцогиня не ограничилась удалением Бестужева от двора, но еще всячески преследовала его и после. А Бирон своею красивою наружностью в скором времени так вошел в милость у герцогини, что она сделала его своим наперсником. Курляндское дворянство исполнилось зависти к новому любимцу; некоторые лица пытались даже вовлечь его в ссору. Необходимость иметь поддержку в дворянстве заставила Бирона искать союза в одной из древних фамилий. Несколько раз ему отказывали; наконец он навязался фрейлине герцогини, девице Трейден, на которой и женился. Теперь он надеялся, что дворянство примет его в свою среду, однако встретил жестокий отказ.

В числе условий, которые депутаты должны были предложить новой императрице, было и то, чтобы она оставила своего любимца в Митаве. Хотя она и дала на это свое согласие, однако Бирону приказано было следовать за нею не в дальнем расстоянии, а как скоро императрица объявила себя самодержавною, Бирон был пожалован в камергеры, затем в день коронавания возведен в высшие должности.

Когда герцог Фердинанд Курляндский, последний потомок дома Кетлеров, умер, Бирон проiscaми своими добился избрания в герцоги. Таким образом, он стал владетельным государем той самой страны, которой дворянство несколько лет перед тем отказалось принять его в свое сословие.

Вот какой человек в продолжение всей жизни императрицы Анны, и даже несколько недель после ее кончины, царствовал над обширною империею России и царствовал, как совершенный деспот.

Своими сведениями и воспитанием, какие у него были, он был обязан самому себе. У него не было того ума, которым нравятся в обществе и в беседе, но он обладал некоторого рода гениальностью или здравым смыслом, хотя многие отрицали в нем и это качество. К нему можно было применить поговорку о том, что дела создают человека. До приезда в Россию он едва ли знал даже название политики, а после нескольких лет пребывания в ней знал вполне основательно все, что касается до этого государства. В первые два года Бирон как будто ни во что не хотел вмешиваться, но потом ему полюбились дела и он стал управлять уже всем. Он любил роскошь и пышность до излишества и был большой охотник до лошадей. Имперский посланник

в России отозвался о нем очень точно и остроумно: «Когда Бирон говорит о лошадях, он говорит как человек; когда же он говорит о людях, или с людьми, он выражается как лошадь». Характер Бирона был не из лучших: высокомерный, честолюбивый до крайности, грубый и даже нахальный, корыстный, во вражде непримиримый и каратель жестокий. Он очень старался приобрести талант притворства, но никогда не мог дойти до той степени совершенства, в какой им обладал граф Остерман, мастер этого дела... После довольно пространныго отступления пора продолжать прерванную историю.

II

Сделавшись императрицей, Анна Иоанновна пожелала сформировать новый гвардейский полк — Измайловский. Полковником был назначен граф Левенвольде, подполковником — Кейт, а майором — Густав Бирон. Офицеры были большею частью иностранцы или лифляндские дворяне. Таким образом, Измайловский полк должен был служить противодействием старым — Преображенскому и Семеновскому — и сдерживать народ от попыток к мятежу. Впрочем, приспели и другие заботы.

В начале 1731 года в Москву прибыл принц дон-Эмануил, инфант португальский, с намерением жениться на императрице Анне. Однако, несмотря на то, что лета позволяли императрице вторично выйти замуж, она не хотела об этом и слышать, но зато позаботилась о выборе себе преемника. Первым делом ее в этом смысле было усыновить свою племянницу, дочь герцога Карла-Леопольда Мекленбургского и сестры ее Екатерины Ивановны. Эта принцесса отреклась от протестантизма и имя Екатерины, полученное ею при крещении, переменяла на имя Анны. В то время ей было только двенадцать лет, а между тем императрица уже выбрала ей пару. В супруги принцессе Анне венский двор предложил принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского, племянника римской императрицы. С согласия русского двора этот принц приехал в Петербург в 1733 году. Когда он предпринимал это путешествие, казалось, счастье открывало ему свои объятия и его ожидало высочайшее благополучие, а между тем последующие события доказали, что он приехал в Россию, как для собственного несчастья, так и для несчастья других лиц.

В конце 1731 года велено было приводить весь народ к клятвенному обещанию признать того законным наследником царства, кого назначит императрица. Анна в этом случае поступала по примеру Петра I, приводившего к такой же присяге в 1722 году. Но последствия доказали, что подобная присяга не препятствует революциям. По случаю этой присяги все находившиеся в Москве полки ночью были расставлены по улицам и при них пушки в предупреждение могущего возникнуть по поводу присяги мятежа.

Около этого времени императрица намеревалась заключить цесаревну Елизавету, дочь Петра I, в монастырь, чтобы отнять у нее надежду вступить когда-либо на русский престол и утвердить корону на главе избранного ей преемника. Анна не без основания опасалась, что порядок престолонаследия, ею установ-

ленный, не удержится, куда существует и находится при дворе дочь Петра I, потому что партия Елизаветы могла противопоставить ее тому преемнику, которого избрала бы императрица. Если б не Бирон, Елизавета была бы, без сомнения, принуждена постричься.

В январе месяце 1732 года двор выехал из Москвы в Петербург. Для этого путешествия выбрана была зима, так как в этой стране летние путешествия очень неудобны, по причине обширных болот и комаров. Зимой из Москвы в Петербург, то есть расстояние в 200 французских лье, можно очень удобно проехать в санях в трое суток. В свете нет страны, где бы почта была устроена лучше и дешевле, чем между этими двумя столицами. Обыкновенно везде дают на водку ямщикам, чтобы заставить их скорее ехать, а между Петербургом и Москвою, напротив, надобно давать на водку, чтобы тише ехали...

Когда двор прибыл в Петербург, императрица усердно принялась за дело. Она хотела, чтобы во всей ее обширной империи все приведено было в лучший, чем когда-либо, порядок. Она начала с войска. Граф Миних, назначенный ею президентом военной коллегии после опалы фельдмаршала князя Долгорукого, был пожалован в звание фельдмаршала и поставлен во главе всего военного ведомства. Императрица не могла сделать лучшего выбора, потому что благодаря стараниям этого генерала русская армия приведена в такой стройный порядок, какого прежде не бывало, и в войске водворилась дотоле чуждая ему дисциплина.

III

По возвращении двора из Москвы между Бироном и Минихом произошла ссора, которая едва не погубила последнего. Так как эти два лица обще с Остерманом играли самые значительные роли на сцене России, то я расскажу эту ссору в подробности.

Когда двор только что расположился в Петербурге, граф Миних нашел способ вкратце в доверенность Бирона. Последнему он сделался наконец так необходим, что без его совета тот не предпринимал и не решал ни одного даже незначительного дела. Граф Миних только того и хотел. Он пользовался всеми случаями, которые могли открыть ему доступ в министерство и в кабинет. Но как он этим захватывал права Остермана, то встретил в нем человека, вовсе не расположенного уступать, а, напротив, старавшегося при всяком случае возбудить в обер-камергере подозрения к фельдмаршалу наговорами, что этот честолюбивый генерал стремится присвоить себе полное доверие императрицы и что если он этого достигнет, то непременно удалит всех своих противников, начиная, разумеется, с обер-камергера. То же повторил граф Левенвольде, и, будучи смертельным врагом графа Миниха, он всячески раздувал ненависть.

Прежде чем открыто действовать, Бирон подслал лазутчиков подсматривать действия Миниха относительно его. Прошло несколько дней, как любимцу передали неблагоприятные речи о нем фельдмаршала. Тут он убедился в его недобросовестности и понял, что если Миних будет по-прежнему часто видется

с императрицею, то ему, Бирону, несдобровать. Ум Миниха страшил его, так же как и то, что императрица могла к нему пристраститься, и тогда, пожалуй, первая вздумает отделаться от своего любимца. Надобно было предупредить врага.

Первою мерою было дать другое помещение Миниху, назначив ему квартиру в части города, отдаленной от двора, тогда как до сих пор он жил в соседстве с домом Бирона. Предлогом этого перемещения Бирон представил императрице необходимость поместить тут принцессу Анну Мекленбургскую. Миниху внезапно дано приказание выезжать и поселиться по ту сторону Невы. Тщетно просил он Бирона дать ему срок для удобного вывоза мебели; он должен был выехать не мешкая. Из этой крутой перемены к нему Бирона Миних заключил, что ему придется испытать еще худшую беду, если ему не удастся в скором времени смягчить Бирона. Он употребил всевозможное старание, чтобы снова войти в милость Бирона, и приятели, как того и другого, немало старались помирить их, но успели в этом только наполовину. С этого времени Бирон и Остерман стали остерегаться Миниха, который и с своей стороны остерегался их...

В 1737 году граф Бирон был избран в курляндские герцоги. Герцог Фердинанд, из дома Кетлеров, умер в Данциге, и с ним угасло мужское поколение этого дома. По получении о том известия петербургский двор приказал рижскому коменданту, генералу Бисмарку, ввести все свои войска в герцогство и поддерживать выбор нового герцога. Между тем курляндское дворянство съехалось в Митаву. Там оно собралось в соборе, где по отслушании молебна большинством голосов избран в герцоги Эрнст-Иоганн Бирон. Надобно заметить, что несколько рот кавалерии были расставлены генералом Бисмарком на кладбище и в городе, так что избрание не могло не состояться.

Я уже выше говорил о происхождении нового герцога. Курляндское дворянство, до того весьма беспокойное, пользовавшееся большою свободою при управлении прежних герцогов, увидело себя разом совершенно в противоположных обстоятельствах. Никто не смел слова сказать, не рискуя попасть под арест, а потом в Сибирь. В ход пустили такого рода маневр. Проболтавшегося человека в ту минуту, как он считал себя вне всякой опасности, схватывали замаскированные люди, сажали в крытую повозку и увозили в самые отдаленные области России. Подобные похищения повторялись несколько раз в течение трех лет, когда Курляндией правил герцог Эрнст-Иоганн. Но одно из них было так странно и вышло так комично, что я не могу не упомянуть о нем здесь.

Некто Сакен, дворянин, стоя под вечер у ворот своей мызы, внезапно был схвачен и увезен в крытой повозке. В течение двух лет его возили по разным провинциям, скрывая от глаз его всякую живую душу: и сами проводники не показывались ему с открытым лицом. Наконец, по истечении этого времени, ночью отпрягли лошадей, а его оставили спящим в повозке. Он ждал до утра, полагая, что снова придут, как обыкновенно. Утро настало, но никто не приходил; вдруг он слышит, что около него разгова-

ривают по-курляндски; он отворяет дверцы и видит себя у порога своего собственного дома. Сакен пожаловался герцогу; этот сыграл только комедию, послав и со своей стороны жалобу в Петербург. Отсюда отвечали, что если найдутся виновники этого дела, то их строжайшим образом накажут...

В апреле 1740 года по приказанию двора арестованы: кабинет-министр Вольнский, президент коммерц-коллегии граф Мусин-Пушкин, тайный советник Хрущов, главноуправляющий над строениями Еропкин, тайный секретарь кабинета Эйхлер и еще другой секретарь по имени Зуда. Вольнского обвиняли в разных государственных преступлениях, но величайшее из них было то, что он имел несчастье не понравиться герцогу Курляндскому. Во время наступившей некоторой холодности между императрицею и ее любимцем Вольнский подал государыне бумагу, в которой возводил разные обвинения на герцога Курляндского и на другие, близкие к императрице лица. Он старался выставить герцога в подозрительном свете и склонял императрицу удалить его. Государыня передала ему бумагу Вольнского, содержащую в себе, впрочем, много правды. Прочитав ее, герцог решил погубить своего противника. Вольнский имел характер гордый и надменный, часто был неосторожен в речах и даже в поступках; поэтому скоро представился случай, которого искали.

Его судили; нашли, что он часто слишком вольно и непочтительно отзывался об императрице и ее любимце, и приговорили к отсечению сперва правой руки, потом и головы. Приговор был исполнен. Тайному советнику Хрущову и Еропкину отсекли головы за то, что они были его друзья и доверенные лица; Мусину-Пушкину отрезали язык; Эйхлера и Зуду высекли кнутом и сослали в Сибирь. Все имущество этих несчастных конфисковано и роздано другим, у которых оно тоже недолго оставалось. Таким-то образом в России не только деньги, но даже земли, дома и всякое добро переходят из рук в руки еще быстрее, нежели в какой-либо другой стране в Европе. Я знаю поместья, которые в продолжение двух лет имели трех владельцев по очереди.

Вольнский был умен, но чрезмерно честолюбив; гордый, тщеславный, неосторожный, он был склонен к интриге и всю жизнь свою слыл за неутомомного человека. Несмотря на эти недостатки, которых он не умел даже скрывать, он достиг высших должностей в государстве. Он начал с военной службы, в которой дослужился до генерал-майора. Отказавшись от военных занятий, он занялся гражданскими делами. Еще при Петре I его посылали в Персию в качестве министра. Он был вторым уполномоченным на Немировском конгрессе, а спустя два года по смерти графа Ягужинского, умершего к концу 1736 года, Вольнский получил его должность кабинет-министра. Но здесь он не мог долго удержаться, не рассорившись с графом Остерманом, который в своих сослуживцах терпеть не мог ума. Навлекши на себя еще гнев герцога Курляндского, он не мог кончить иначе, как несчастливо...

24 августа принцесса Анна разрешилась от бремени сыном, который при крещении был назван Иоанном. Это событие чрез-

вычайно радовало императрицу; тогда же она объявила, что новорожденный будет ее сыном, взяла его от родителей и поместила в покое подле своего.

До сих пор все шло по желанию императрицы, но наступил и конец ее благополучию. К концу сентября месяца она захворала припадком летучей подагры, от чего императрица и в постель не ложилась, а из окружающих никто не беспокоился. Но в несколько дней недуг значительно усилился: кроме подагры, показалось кровохарканье, и обнаружились сильные боли в пояснице; начали опасаться за ее жизнь.

Граф Остерман, пораженный параличом в ногах, уже несколько лет не выходил из комнаты; он принужден был отправиться во дворец на носилках. Сделаны были распоряжения касательно престолонаследия, и полуторамесячный принц Иоанн объявлен российским великим князем и наследником престола. 18 октября все стоявшие в Петербурге войска были собраны и им объявлен сделанный императрицею выбор наследника, после чего все, даже принцесса Анна, цесаревна Елизавета и принц Антон-Ульрих, присягнули, что признают наследника. В распоряжениях о наследстве было еще сказано, что в случае кончины принца Иоанна в малолетстве или бездетным, наследовать ему должен второй сын от брака принцессы Анны и принца Антона-Ульриха, и так далее в порядке первородия.

Первая попытка Бирона удалась: принцесса Анна была исключена из наследства, тогда как без его интриг она непременно вступила бы на престол. Оставалось теперь учредить регентство и присвоить его себе. Однако он не смел открыто заявить свой замысел. В кабинете и в сенате пошли такие интриги, что все, что находилось в Петербурге позначительнее из духовенства, министерства, военного сословия до чина полковника, было призвано в кабинет для подписания адреса герцогу Курляндскому Бирону, коим все чины империи просили его принять регентство во время малолетства великого князя до достижения им 17-летнего возраста. Оставалось получить согласие императрицы на этот проект. Семейство Бирона и его креатура не отходили от государыни, чтобы отнять у принцессы Анны возможность говорить с императрицею наедине. Наконец герцог вынудил ее подписать акт регентства, хотя, как уверяют, она и не знала о содержании документа.

Болезнь императрицы с каждым днем усиливалась; государыня скончалась 28 октября 1740 года 46 лет 8 месяцев и 20 дней от рождения.

IV

На следующий день после кончины императрицы Анны сенат, духовенство и все сколько-нибудь знатные люди Петербурга были созваны в Летний дворец (где императрица провела последние месяцы своей жизни). Войска были поставлены под ружье, и герцог Курляндский обнародовал акт, которым он объявлялся регентом империи до тех пор, покуда императору Иоанну не исполнится семнадцати лет. Все присягнули новому императору на подданство, и первые дни все шло обычным

порядком, но так как герцог был всеми вообще ненавидим, то многие стали вскоре роптать.

Регент, имевший шпионов повсюду, узнал, что о нем отзывались с презрением, что несколько гвардейских офицеров, и преимущественно Семеновского полка, которого принц Антон Ульрих был подполковником, говорили, что они охотно будут помогать принцу, если он предпримет что-либо против регента. Он узнал также, что принцесса Анна и супруг ее были недовольны тем, что их отстранили от регентства. Это обеспокоило его, и он приказал арестовать и посадить в крепость нескольких офицеров; некоторых наказали кнутом, чтобы заставить назвать других лиц, замешанных в этом деле. Во все время этого регентства почти не проходило дня, чтобы не было арестовано несколько человек.

Принцу Антону Ульриху, бывшему генерал-лейтенантом армии, подполковником гвардии и шефом кирасирского полка, было приказано написать регенту просьбу об его увольнении от занимаемых им должностей; но этого было еще недостаточно. Регент велел дать ему совет — не выходить из своей комнаты или по крайней мере не показываться в публике.

Бирон имел с царевною Елизаветою частые совещания, продолжавшиеся по нескольку часов; он сказал однажды в присутствии многих лиц, собравшихся у него вечером, что если принцесса Анна будет упрямиться, то ее отправят с ее принцем в Германию и вызовут оттуда герцога Голштейнского, чтобы возвести его на престол. Давно уже желавший возвести на престол свое потомство Бирон намеревался обвенчать царевну Елизавету со своим старшим сыном, выдать свою дочь за герцога Голштейнского, и я думаю, что если бы ему дали время, то он осуществил бы свой проект вполне счастливо.

Принцесса Анна и супруг ее находились все это время в большой тревоге, но она вскоре прекратилась.

Фельдмаршал Миних, бывший в числе людей, принимавших самое живое участие в том, чтобы предоставить регентство герцогу Курляндскому, вообразил, что, лишь только власть будет в руках последнего, он может получить от него все, чего ни пожелает; что герцог будет только носить титул, а власть регента будет принадлежать ему, Миниху. Он хотел руководить делами, с званием генералиссимуса всех сухопутных и морских сил. Все это не могло понравиться Бирону, знавшему фельдмаршала слишком хорошо и слишком опасавшегося его для того, чтобы возвести его в такое положение, в котором он мог бы вредить ему; поэтому он не исполнил ни одной из его просьб. Видя фельдмаршала Миниха простиравшимся еще далее при жизни императрицы Анны; когда он вступил с войском в Молдавию, еще до покорения этой страны, он предложил ее величеству сделать его господарем этой провинции, и если бы она осталась за Россией, то он, вероятно, получил бы этот титул. Но вынужденный по заключении мира вернуться в Украину Миних задался гораздо более странным намерением. Он просил себе титул герцога Украинского и подавал прошение на имя императрицы. Выслушав об этом докладе, государыня сказала:

— Миних еще очень скромен, я думала, что он попросит титул великого князя Московского.

Видя свои надежды обманутыми, фельдмаршал принял другие меры. Он предлагал принцу Антону Ульриху от имени Бирона просить об отставке; он же велел своему секретарю написать записку и так как регент часто поручал ему дела, касавшиеся принцессы и ее супруга, то это доставило ему случай говорить с ними о несправедливостях регента.

Однажды Миних снова объявил принцессе какое-то другое известие от имени регента, она стала горько жаловаться на все неприятности, которые ей причинили, прибавляя, что она охотно оставила бы Россию и уехала бы в Германию со своим супругом и сыном, так как ей приходится ожидать одних лишь несчастий, покуда бразды правления будут находиться в руках Бирона. Миних, выжидавший только случая, чтобы открыться ей, отвечал, что ее императорское высочество действительно не может ничего ожидать от регента, что, однако, ей не следует падать духом и что если она положится на него, Миниха, то он скоро освободит ее от тиранства герцога Курляндского. Принцесса приняла, не колеблясь, его предложение предоставить ему вести все это дело, и было решено, что регента арестуют, как только представится к тому благоприятный случай.

Фельдмаршал продолжал усердно угрожать регенту, выказывая к нему большую привязанность и даже доверие, и Бирон со своей стороны, хотя и не доверял Миниху, но был чрезвычайно вежлив с ним, часто приглашал его обедать, а по вечерам они беседовали иногда до десяти часов.

Накануне революции, случившейся 18 ноября, Миних обедал с герцогом, и при прощании Бирон попросил его вернуться вечером. Они засиделись долго; герцог был весь вечер озабочен, задумчив, часто переменил разговор, как человек рассеянный, и ни с того ни с сего спросил фельдмаршала, не предпринимал ли он во время походов каких-нибудь важных дел *ночью*? Этот неожиданный вопрос привел Миниха почти в замешательство, он вообразил, что Бирон догадывается о его намерении. Оправившись, однако, как можно скорее, так что регент не мог заметить его волнения, Миних отвечал, что он не помнит, чтобы ему случалось предпринимать нечто необыкновенное ночью, но что его правилом было пользоваться всеми обстоятельствами, когда они кажутся благоприятными.

Они расстались в 11 часов вечера, фельдмаршал с решимостью не откладывать своего намерения — погубить регента, а последний твердо решился не доверять никому, отдалить всех, кто мог бы возбудить в нем подозрение, и утвердить все более и более свое полновластие, возведя на престол царевну Елизавету или герцога Голштейнского, так как он видел, что иначе ему будет невозможно сохранить свою власть, ибо число недовольных увеличивалось вокруг него с каждым днем. Но так как он не хотел ничего предпринимать до похорон императрицы, то враги успели опередить его.

Возвратясь из дворца, фельдмаршал сказал своему адъютанту,

подполковнику Манштейну*, что он будет нужен ему на другой день рано утром; он послал за ним в два часа пополуночи. Они сели вдвоем в карету и поехали в Зимний дворец, куда после смерти императрицы были помещены император и его родители.

Фельдмаршал и адъютант его вошли в покои принцессы через ее гардеробную. Он велел разбудить девицу Менгден, статс-даму и любимицу принцессы; поговорив с Минихом, она пошла разбудить их высочества, но принцесса вышла к Миниху одна. Поговорив с минуту, фельдмаршал приказал Манштейну призвать к принцессе всех офицеров, стоявших во дворце на карауле. Когда они явились, то ее высочество высказала им в немногих словах все неприятности, которые регент делал императору, ей самой и ее супругу, прибавив, что так как ей было невозможно и даже постыдно долее терпеть эти оскорбления, то она решила арестовать его, поручив дело фельдмаршалу Миниху, и что она надеется, что офицеры будут помогать ему в этом и исполнять его приказания.

Офицеры без малейшего труда повиновались всему тому, чего требовала от них принцесса. Она дала им поцеловать руку и каждого обняла; офицеры спустились с фельдмаршалом вниз и поставили караул под ружье. Граф Миних объявил солдатам, в чем дело. Им приказали зарядить ружья; один офицер и 40 солдат были оставлены при знамени, а остальные 80 человек вместе с фельдмаршалом направились к Летнему дворцу, где жил регент.

Шагах в двухстах от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же стоворчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец, арестовать герцога и в случае малейшего сопротивления с его стороны убить его без пощады.

Манштейн вошел и во избежание слишком большого шума велел отряду следовать за собою издали; часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу. Таким образом он прошел сад и беспрепятственно дошел до покоев.

Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, он был в большом затруднении, недоумевая, куда идти. Чтобы избежать шума и не возбудить никакого подозрения, он не хотел также ни у кого спросить дорогу, хотя встретил нескольких слуг, дежуривших в прихожих. После минутного колебания он решил идти дальше по комнатам в надежде, что найдет наконец то, чего ищет. Действительно, пройдя еще две комнаты, он очутился перед дверью, запертою на ключ; к счастью для него, она была двустворчатая, и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки; таким образом, он мог открыть ее без особенного труда.

* Здесь автор говорит о себе в третьем лице.

Там он нашел большую кровать, на которой глубоким сном спали герцог и его супруга, не проснувшиеся даже при шуме растворившейся двери.

Манштейн, подойдя к кровати, отдернул занавески и сказал, что имеет дело до регента; тогда оба внезапно проснулись и начали кричать изо всей мочи, не сомневаясь, что он явился к ним с недобрым известием. Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею; но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став наконец на ноги и желая освободиться от этих людей, съехал ударами кулаком вправо-влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладов, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его, голого, до гауптвахты, где его накрыли солдатскою шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец.

В то время, когда солдаты боролись с герцогом, герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая у Манштейна, что с нею делать? Он приказал отнести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее на землю, в снег, и ушел. Командир караула нашел ее в этом жалком положении, велел принести ее платье и отвести обратно.

Лишь только герцог двинулся в путь, как тот же подполковник Манштейн был послан арестовать младшего брата его, Густава Бирона, который находился в Петербурге. Он был подполковником гвардейского Измайловского полка. Это предприятие следовало исполнить еще с большими предосторожностями, нежели первое, так как Густав Бирон пользовался любовью своего полка и у него в доме был караул от полка, состоявший из одного унтер-офицера и двенадцати солдат. Действительно, часовые вначале сопротивлялись, но их схватили, грозя лишить жизни при малейшем шуме. После этого Манштейн вошел в спальню Густава Бирона и разбудил его, сказав, что должен переговорить с ним о чрезвычайно важном деле. Подведя его к окну, он объявил, что имеет приказание его арестовать. Густав хотел открыть окно и начинал кричать, но ему объявили, что герцог арестован и что его убьют при малейшем сопротивлении. Вошли солдаты, оставшиеся в соседней комнате, и доказали ему, что ничего не оставалось делать, как повиноваться. Ему подали шубу, посадили в сани и повезли во дворец.

В то же время один из адъютантов фельдмаршала был послан арестовать графа Бестужева. Герцога поместили в офицерскую дежурную комнату, брату его и Бестужеву были отведены отдельные комнаты, где они оставались до четырех часов пополудни, когда герцог с семейством (исключая старшего сына, который был болен и оставался в Петербурге до выздоровления) был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, остальных арестантов отослали в места, мало отдаленные от столицы, где они пробыли до окончания следствия.

Лишь только герцог был арестован, как всем находившимся в Петербурге войскам был отдан приказ стать под ружье и собраться вокруг дворца. Принцесса Анна объявила себя великой княгиней России и правительницей империи на время малолетства императора. В то же время она возложила на себя цепь ордена св. Андрея, и все снова присягнули на подданство.

Не было никого, кто бы не выражал своей радости по случаю избавления от тирании Бирона, и с этой минуты всюду водворилось большое спокойствие; на улицах были даже сняты пикеты, расставленные герцогом Курляндским для предупреждения восстаний во время его регентства. Однако нашлись люди, предсказывавшие с самого начала революции, что она не будет последней и что те, кто наиболее потрудились для нее, может быть, падут первыми. Впоследствии оказалось, что слова их были справедливы. <...>

22 ноября принцесса пожаловала несколько производств и наград. Супруг ее, принц, был объявлен генералиссимусом всех сухопутных и морских сил России. Граф Миних получил пост первого министра. Граф Остерман — не занятую уже много лет должность генерал-адмирала. Князь Черкасский был пожалован в канцлеры; место это не было занято со смерти графа Головкина. Граф Михаил Головкин, сын покойного канцлера, был возведен в вице-канцлеры. Многие другие получили большие награды чистыми деньгами или поместьями; все офицеры и унтер-офицеры, принимавшие участие в аресте герцога, получили повышения*. Солдатам, стоявшим в карауле, дано денежное вознаграждение.

V

Фельдмаршал Миних арестовал герцога Курляндского единственно с целью достигнуть высшей степени счастья; цель его была та же, как и в то время, когда он убеждал герцога сделаться регентом, то есть он хотел захватить всю власть, дать великой княгине звание правительницы и самому пользоваться сопряженною с этим званием властью, воображая, что никто не посмеет предпринять что-либо против него. Он ошибся.

В тот самый день, когда принцесса Анна объявила себя великою княгиней и правительницей, он получил отказ, сильно его уязвивший, так как на его заявление о надежде быть генералиссимусом принцесса ответила, что эта должность не подобает никому, кроме ее супруга как отца императора. Тогда Миних хотел еще раз просить титула герцога Украинского и полновластия над всей этою странюю, но сын отговорил его от этого намерения. Наконец он решился быть первым министром и чрезвычайно оскорбил этим поступком графа Остермана, руководившего до тех пор единолично всеми делами министерства, а так как он никогда не был из числа друзей графа Миниха, то с этой же минуты начал устраивать его погибель. ...

* Подполковник Манштейн получил полк и прекрасные поместья, которые отняли у него при восшествии на престол императрицы Елизаветы.

Граф Остерман, при императрице Анне Иоанновне не выходявший несколько лет из своей комнаты, приказывал часто переносить себя к великой княгине и имел с нею несколько совещаний, во время которых намекнул, что первый министр, граф Миних, не был знаком с иностранными делами, которыми руководил уже 20 лет он, Остерман, и что вследствие этого Миних мог по неведению вовлечь двор в такие действия, которые были бы чрезвычайно вредны интересам империи; что он, граф Остерман, с удовольствием сообщил бы ему все это, но что его недуг не позволял отправиться к нему. Он прибавил еще, что Миних не был знаком и с внутренними делами империи, служа постоянно по военному ведомству. Под влиянием этих часто повторяемых представлений великая княгиня решила вновь поручить управление иностранными делами Остерману, а ведение внутренних дел империи возложить на гр. Головкина; таким образом, гр. Миниху с титулом первого министра оставалось одно только военное министерство. Это задело его за живое, и он потребовал отставки.

Отставке Миниха много способствовал донос герцога Курляндского, объявившего на следствии, «что он никогда не принял бы регентства, если бы граф Миних не склонил бы его к этому столь убедительно, что хотел даже броситься перед ним на колени, что он, Бирон, советовал великой княгине остерегаться Миниха, как самого опасного человека в империи, и что если ее императорское высочество отказала Миниху в чем-либо, то она не могла почитать себя безопасною на престоле».

Принцесса, от природы робкая, была в большом затруднении; принц, супруг ее, и граф Остерман воспользовались этим временем, чтобы убедить ее отдалить Миниха, что и было исполнено в марте 1741 года. <...>

Итак, в день ареста Бирон был перевезен в Шлиссельбург; комиссия, составленная из нескольких сенаторов, рассмотрела там его дело и приговорила его к смерти. Он был помилован. Правительница Анна с самого начала переворота решила сослать его в Сибирь. Туда был послан инженер наблюдать за постройкой дома, который сооружался нарочно для его заточения. Фельдмаршал Миних набросал карандашом начерно первый его план, совсем не воображая, что делал эту работу для себя. В мае месяце герцог Курляндский был переведен с своим семейством из Шлиссельбурга в свое новое жилище. Несколько месяцев ранее его братья и генерал Бисмарк были отправлены в разные места Сибири.

Петербургский двор не преминул возвестить курляндскому сейму, что герцог их арестован, подвергся суду и сослан навсегда со всем семейством. Россия в то же время завладела несколькими поместьями, на которые имела притязание. Имения эти были заложены предшественниками Бирона*. Таким образом петер-

* Петр I сам дал займы герцогу Фридриху, супругу императрицы Анны, пятьсот тысяч рублей под залог нескольких имений; другие были заложены частным лицом; Бирон выкупил их все; императрица подарила ему то, что он был должен России, и подарками, получаемыми им время от времени от этой государыни, он выкупил и остальное.

бургский двор говорил, что он употребил на это русские деньги и отобрал их в казну.

Курляндскому дворянству предложили выбрать себе нового герцога, и великая княгиня дала понять ему, что, избрав принца Людвиг Брауншвейгского, брата ее супруга, оно сделает ей, правительнице, удовольствие и может впредь рассчитывать на покровительство России.

В начале июля принц Людвиг прибыл в Петербург, где был принят со всевозможными выражениями ласки и дружбы. Призвав Людвиг в Петербург, правительница и министерство имели намерение женить его на царевне Елизавете, лишь только он будет признан герцогом Курляндским. Царевна не соглашалась, но была бы наконец вынуждена выйти за него замуж, если бы не приняла других мер.

Между тем в связи с государственными переменами наступило время посольств. В июле месяце прибыл в Петербург турецкий посол. Двор долго отсрочивал его путешествие, чтобы осведомиться, каким образом будет принят в Константинополе русский посол, и чтобы действовать, соображаясь с этим. Когда были получены ожидаемые известия, турецкий посол совершил свой въезд в Петербург. Он въехал верхом и был принят с большим почетом. В условиях белградского мира было упомянуто, что русский посол будет принят в Константинополе с тем же почетом и церемонией, как посол римского императора. Этого еще никогда не бывало. Поэтому и петербургский двор употребил на приеме турецкого посольства всевозможные средства, чтобы сделать его блестящим.

Несколько времени спустя в Петербург прибыл также персидский посол; это было, быть может, самое необыкновенное из всех виденных доселе посольств.

Тамас-Кули-хан после победы над великим Моголом отправил посла с этим известием к русской императрице во главе свиты, состоявшей из шестнадцати тысяч человек и двадцати пушек. Двор был извещен об этом вовремя и выслал войска по направлению к Астрахани, чтобы расположиться лагерем на персидской границе. Когда посол подходил к реке Кизляру, генерал-майор Апраксин, командовавший пятью пехотными и шестью драгунскими полками, послал сказать ему, что так как по пути из Астрахани к Москве приходилось пройти большую пустыню, то не будет возможности доставить ему фураж и съестные припасы для такого количества людей, что поэтому его просят оставить остальных, взяв с собою не более 2000 человек. Это представление остановило посла; он отправил курьера к своему повелителю, который приказал ему условиться с русскими уполномоченными насчет числа людей, которые должны были сопровождать его ко двору. Он прибыл туда лишь в июле 1741 года. Въезд его, совершившийся также верхом, был из числа самых великолепных и самых необыкновенных. Свита его состояла из двух тысяч человек и четырнадцати слонов, которые шах послал императору и важнейшим русским вельможам; прочие подарки были также весьма ценны.

Посол сказал в речи, произнесенной пред правительницей

в день аудиенции, что повелитель его пожелал разделить добычу от победы над Моголом со столь добрым союзником, каков император России. Тут было значительное число крупных алмазов и драгоценных камней, которые не были огранены.

Некоторые лица петербургского министерства опасались, что шах Надир, посылая столь многочисленное посольство, имел целью завладеть астраханским царством и сделать еще большие завоевания в случае, если не будут приняты надлежащие меры предосторожности; но настоящей целью, которая покажется сначала слишком несоответствующей первой, было просить для шаха Надира руки царицы Елизаветы; правительница очень желала бы исполнить его просьбу, но нашла поступок этот слишком смелым и поэтому отказала. Посол был близкий родственник и обер-шталмейстер шаха.

Французский посол не имел до сих пор аудиенции. Он хотел вручить свои кредитивные грамоты великой княгине не иначе, как в присутствии самого императора, а в России царские дети показываются народу не иначе, как по прошествии года от рождения; это было причиной затруднений с той и с другой стороны; наконец г. де-ля-Шетарди оставил роль посла и имел частную аудиенцию у великой княгини в покоях императора.

Все в государстве, казалось, было покойно, поэтому никто не имел повода жаловаться, так как Россия никогда не управлялась с большею кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости и была, по-видимому, врагом всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ее поведение было так же хорошо, как в обществе, и если бы она слушалась советов умных людей, не привязываясь так к своей любимице.

Девушка Юлиана фон-Менгден получила такое воспитание, какое дается обыкновенно в Лифляндии дочерям помещиков, предназначенным, как и во всякой другой стране, выйти замуж за какого-нибудь доброго дворянина и заниматься хозяйством в его имениях.

Так как в царствование императрицы Анны при дворе желали иметь фрейлинами лифлянок и семейство баронов Менгден (принадлежавшее, впрочем, к числу древнейших в стране) пользовалось большим расположением герцога Курляндского, то три сестры из этой фамилии были вызваны одновременно. Старшая, по имени Доротея, вышла замуж за графа Миниха, сына фельд-маршала; вторая, Юлиана, была той любимицей великой княгини, о которой я только что упоминал; третья, Якобина, последовала вместе с любимицей за великой княгиней в ссылку; четвертая сестра, по имени Аврора, была также при дворе в правление регентши; она вышла впоследствии замуж за графа Лестока и разделила с ним его несчастье.

Легко понять, что девушки эти, мало видевшие людей, не обладали умом, необходимым для ведения дворцовых интриг; поэтому три и не вмешивались в них, но Юлиана, любимица правительницы, матери императора, захотела принимать участие в делах, или лучше сказать, от природы ленивая, она сумела передать этот порок своей повелительнице. Принцесса

затягивала самые важные дела, оставалась по нескольку дней в своей комнате, принимая сколько возможно менее лиц, одетая в одной юбке и пушуне, с ночным убором на голове, сделанным из платка. К правительнице допускались одни только друзья и родственники фаворитки или иностранные министры, приглашенные составить партию в карты великой княгини. Такое странное поведение не могло не оскорблять русских сановников. Принц Антон Ульрих с грустью замечал влияние, которое девица Менген имела на его супругу. Он делал ей по этому поводу замечания, но это повело только к частым ссорам между ними и дало время царевне Елизавете спокойно провести необходимые интриги для восшествия на престол.

VI

Царевна Елизавета, хотя и не была совсем довольна во все время царствования императрицы Анны, оставалась, однако, спокойною до тех пор, покуда не состоялось бракосочетания принца Антона Ульриха с принцессою Анною; тогда она сделала несколько попыток, чтобы образовать свою партию. Все это делалось, однако, в такой тайне, что ничего не обнаружилось при жизни императрицы; но после ее кончины и когда Бирон был арестован, она стала думать об этом серьезнее. Тем не менее первые месяцы после того, как принцесса Анна объявила себя великой княгиней и регентшей, прошли в величайшем согласии между нею и царевною Елизаветою; они посещали друг друга совершенно без церемоний и жили дружно. Это не продолжалось долго; недоброжелатели посеяли вскоре раздор между обеими сторонами. Царевна Елизавета сделалась скрытнее, начала посещать великую княгиню только в церемониальные дни или по какому-нибудь случаю, когда никак нельзя было избежать посещения. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что двор хотел принудить ее вступить в брак с принцем Людвигом Брауншвейгским и что ближайшие к ее особе приверженцы сильно убеждали ее освободиться от той зависимости, в которой ее держали.

Ее хирург Лесток был в числе приближенных, наиболее горячо убеждавших ее вступить на престол, и маркиз Шетарди, имевший от своего двора приказание возбуждать внутренние волнения в России, чтобы совершенно отвлечь ее от участия в политике остальной Европы, не преминул взяться за это дело со всевозможным старанием.

У царевны не было денег, а их понадобилось много для того, чтобы составить партию. Шетарди снабдил ее таким количеством денег, какое она пожелала. Он имел часто тайные совещания с Лестоком и давал ему хорошие советы, как удачно повести столь важное дело. Затем царевна вступила в переписку со Швецией, и стокгольмский двор предпринял войну, отчасти по соглашению с нею.

В Петербурге царевна начала с того, что подкупила нескольких гвардейцев Преображенского полка. Главным был некто Грюнштейн, из обанкротившегося купца сделавшийся солдатом;

он подговорил некоторых других, так что мало-помалу в заговоре оказалось до тридцати гвардейских офицеров.

Граф Остерман, имевший шпионов повсюду, был уведомлен, что Елизавета замышляла что-то против регентства. Лесток, самый ветреный человек в мире и наименее способный сохранить что-либо в тайне, говорил при многих лицах, что в Петербурге случатся в скором времени большие перемены. Известия эти, повторенные несколько раз и сообщенные даже из-за границы, начали несколько беспокоить принцессу Анну. Она поверила наконец, что ей грозит опасность, но не предприняла ровню ничего, чтобы избежать ее, хотя и могла бы сделать это тем легче, что царевна Елизавета дала ей достаточно времени принять свои меры. Но она не хотела ничего предпринимать до 6 января, праздника св. Крещения, когда для всех полков, стоящих в Петербурге, бывает парад на льду Невы. Она хотела стать тогда во главе Преображенского полка и обратиться к нему с речью; так как она имела в нем преданных ей людей, то надеялась, что и другие не замедлят присоединиться к ним, и когда весь этот полк объявит себя на ее стороне, то прочие войска не затруднятся последовать за ним. К счастью для нее, она была вынуждена ускорить это предприятие; многие причины побудили ее принять окончательное решение. Во-первых, она узнала, что великая княгиня решилась объявить себя императрицею, и все лица, приверженные к царевне Елизавете, советовали ей не дожидаться осуществления этого намерения.

Во-вторых, неосторожность принцессы Анны, проговорившейся Елизавете о том, что ей известно о совещаниях сей последней с маркизом Шетарди, ускорила это дело.

4 декабря, в приемный день при дворе, великая княгиня отвела царевну Елизавету в сторону и сказала ей, что она получила много сведений о ее поведении; что хирург ее имел часто тайные совещания с французским министром и что оба замыслили опасный заговор против царствующего дома.

Царевна прекрасно выдержала этот разговор; она уверяла великую княгиню, что никогда не имела в мыслях предпринять что-либо против нее или против ее сына; что она была слишком религиозна, чтобы нарушить данную ею присягу; что все эти известия сообщены ее врагами, желавшими сделать ее несчастною; что нога Лестока никогда не бывала в доме маркиза Шетарди (это было совершенно верно, так как оба они избирали всегда особое место для своих свиданий), но что тем не менее великая княгиня вольна арестовать Лестока: этим невинность царевны может еще более обнаружиться. Царевна Елизавета много плакала во время этого свидания и так сумела убедить в своей невинности великую княгиню (которая также проливала слезы), что последняя поверила, что царевна ни в чем не была виновна.

Возвратясь к себе, царевна Елизавета тотчас же известила Лестока о своем разговоре с великою княгинею. Наперник ее желал бы в ту же ночь предупредить опасность, грозившую царевне и ему самому, но так как все, принимавшие участие

в заговоре, были рассеяны по своим квартирам и их ни о чем не предупредили, то дело было отложено до следующей ночи.

Утром, когда Лесток явился по обыкновению к царевне, он подал ей небольшой клочок папки, на которой он нарисовал карандашом царевну Елизавету с царским венцом на голове. На оборотной стороне она была изображена с покрывалом, а возле нее были колеса и виселица. При этом он сказал:

— Ваше императорское высочество должны избрать: быть ли вам императрицею, или отправиться на заточение в монастырь и видеть, как ваши слуги погибают в казнях.

Лесток убеждал ее долее не медлить, и последнее решение было принято на следующую ночь.

Лесток не забыл уведомить об этом всех, принадлежавших к их партии. В полночь царевна, сопровождаемая Воронцовым* и Лестоком, отправилась в казармы гренадер Преображенского полка; 340 человек этой роты были в заговоре и собрали до 300 унтер-офицеров и солдат. Царевна объявила им в немногих словах свое намерение и требовала их помощи; все согласились жертвовать собою для нее.

Первым делом их было арестовать ночевавшего в казармах гренадерского офицера Гревса, шотландца по происхождению; после этого они присягнули царевне на подданство; она приняла над ними начальство и пошла прямо к Зимнему дворцу. Без малейшего сопротивления с частью сопровождавших ее лиц Елизавета вошла в комнаты, занимаемые караулом, и объявила офицерам причину своего прихода; они не оказали никакого сопротивления и допустили ее действовать. У всех дверей и у всех выходов были поставлены часовые. Лесток и Воронцов вошли с отрядом гренадер в покои великой княгини и арестовали ее с ее супругом, детьми и фавориткой, жившей рядом.

Лишь только это дело было окончено, несколько отрядов было послано арестовать фельдмаршала Миниха, сына его, обер-гофмейстера великой княгини Остермана, графа Головкина, Левенвольде, обер-гофмаршала двора, барона Менгдена и некоторых других, менее значительных лиц.

Все арестованные были отведены во дворец царевны. Она послала Лестока к командующему войсками фельдмаршалу Ласи предупредить его о том, что она совершила, и приказала немедленно явиться к ней. Сенат и все сколько-нибудь знатные лица империи были также собраны около ее дома, где им объявили, что царевна Елизавета вступила на отцовский престол, и привели их к присяге. Никто не сказал ни слова, и все было тихо, как и прежде. В тот же день императрица оставила дворец, в котором она жила до тех пор, и заняла покои в императорском дворце.

В день революции императрица объявила манифестом, что она взойшла на отцовский престол, принадлежащий ей как законной наследнице, и что она приказала арестовать похитителя ее власти. Три дня спустя был обнародован другой манифест, который должен был доказать ее неоспоримое право на престол.

* М. М. Воронцов, канцлер.

В нем было сказано, что так как принцесса Анна и супруг ее не имели никакого права на русский престол, то они будут отправлены со всем семейством в Германию. Их отправили из Петербурга со всеми слугами под конвоем гвардейцев. Они доехали только до Риги, где их арестовали. Сначала их поместили на несколько месяцев в крепость; затем перевезли в Дюнамундский форт и, наконец, вместо того, чтобы позволить возвратиться в Германию, их привезли обратно в Россию. Место их заточения было часто переменяемо. Великая княгиня умерла в родах в марте 1746 года. Тело ее было перевезено в Петербург и предано земле в монастыре св. Александра Невского....

Что же касается до арестованных вельмож, то была назначена комиссия, составленная из нескольких сенаторов и других русских сановников, которые должны были допросить их и произвести над ними суд. Они были обвинены во многих преступлениях. Графа Остермана обвинили, между прочим, в том, что он способствовал своими интригами избранию императрицы Анны и уничтожил завещание императрицы Екатерины. Графа Миниха обвинили в том, будто он сказал солдатам, арестовывая герцога Курляндского, что это делалось с целью возвести на престол царевну Елизавету; тот и другой легко могли бы доказать, что обвинения эти ложные, но оправдания их не были приняты. В сущности, преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

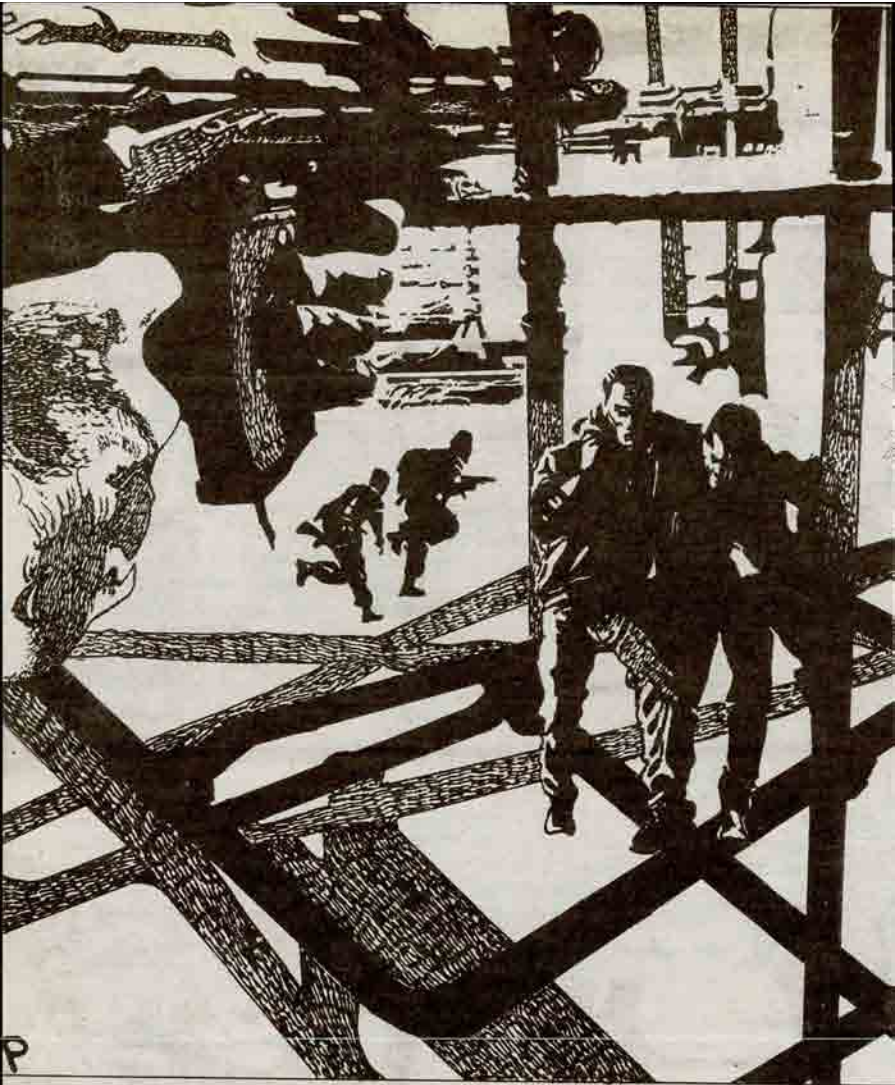
Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Мангдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда уже ему положили голову на плаху,

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который наградил ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью. <...>

VII

Тотчас же по вступлении на престол императрица вызвала в Россию герцога Голштайнского. Она была рада видеть своего племянника и преемника. Несколько месяцев спустя принц отрекся от протестантской веры и в соборной московской церкви принял греко-восточную. Его объявили великим князем и законным наследником империи.

Это был будущий император Петр Третий.

ДЕСМОНД БЗГЛИ

КАПКАН

СВОБОДЫ

Рисунок ЛЬБА РЫБЕНИНА

Контору Макинтоша я с трудом разыскал в Сити, в хитросплетении улочек между Холборн и Флит-стрит — настоящем лабиринте для южноафриканца, привыкшего к решетчатой планировке Йоханнесбурга. Медная табличка ненавязчиво уведомила, что именно в этом неприглядном строении эпохи Диккенса и обосновалась англо-шотландская холдинговая компания с ограниченной ответственностью.

Я коснулся отполированной поверхности вывески, оставив салтный отпечаток ладони, и улыбнулся: Макинтош, кажется, знал свое дело. Эта табличка, доведенная до идеального блеска руками не одного поколения рассыльных, свидетельствовала о тщательном планировании операции — залоге ее успеха.

Лифта, естественно, не было, и мне пришлось преодолеть пешком четыре плохо освещенных лестничных пролета, прежде чем в конце длинного коридора я нашел нужную мне дверь.

Все произошло настолько буднично, что я даже усомнился, туда ли попал, но все же собрался с духом и, подойдя к секретарше, представился:

— Рирден — к мистеру Макинтошу.

Рыжеволосая девица, одарив меня ослепительной улыбкой, поставила чашку на стол.

— Он ждет вас. Подождите минуточку, я посмотрю, нет ли у него посетителей.

Плотно прикрыв за собой дверь, она проскользнула в кабинет шефа, и я отметил, что у нее стройные ноги.

Вскоре секретарша вернулась.

— Мистер Макинтош готов вас принять, — сказала она. — Можете пройти в его кабинет.

Улыбнувшись ей в ответ, я вошел в комнату Макинтоша. Он совершенно не изменился. Да я и не ожидал, собственно говоря, что он сильно изменится за прошедшие два месяца, но порой человек выглядит несколько иначе у себя дома, там, где он знает что к чему и чувствует себя увереннее. Приятно было видеть, что Макинтош не переменился, потому что мне нравятся люди, на которых можно положиться в любой обстановке, а Макинтош как раз такой человек.

Светловолосый, с белесыми бровями и ресницами, он вполне мог бы неделю не бриться, и никто бы этого и не заметил. Он не отличался могучим телосложением, и попади он в переплет, ему пришлось бы работать в первую очередь мозгами. Но Макинтош

Десмонд Бэгли (1923—1983) — английский писатель и журналист, мастер детективных и приключенческих романов, многие из которых легли в основу художественных фильмов. В молодые годы он пешком прошел с севера на юг всю Африку. Затем работал в Южной Африке журналистом, а вернувшись в 1963 году в Англию уже известным автором после успеха его первого романа «Золотой киль», написал еще много увлекательнейших произведений: «Высокая цитадель», «Канатоходец», «Письмо Виверо», «Бег вслепую», «Непредвиденное наследство»... Роман «Капкан свободы» мы предлагаем всем любителям захватывающего чтения.

был не такой человек, чтобы ввязываться в скандалы: он находил для своей головы лучшее применение.

— Итак, вы Рирден,— с придыханием произнес он, кладя ладони на стол.— Как долетели, мистер Рирден?

— Отлично.

— Это замечательно. Присаживайтесь. Не угодно ли чаю? В таких учреждениях принято постоянно пить чай.

— Хорошо,— согласился я и сел.

— Заварите, пожалуйста, для нас еще чайничек, миссис Смит,— сказал Макинтош, приоткрыв дверь.

— Она знает? — кивнул я в сторону секретарши, когда дверь захлопнулась.

— Безусловно,— невозмутимо ответил он.— Без миссис Смит нам не обойтись. Она очень способная секретарша.

— Смит? — с ироничной ухмылкой переспросил я.

— Да, это ее настоящая фамилия. Вы же знаете, как много у нас Смитов. Предлагаю не начинать без нее серьезного разговора. Однако одеты вы не по сезону. А простужаться вам нельзя.

— Не порекомендуете ли портного? — улыбнулся я.

— Порекомендую. У меня есть замечательный знакомый портной. Дороговато берет, но мы с этим справимся.— Он открыл ящик своего письменного стола и вынул оттуда пачку банкнот.— Вам предстоят некоторые расходы.

Я с изумлением наблюдал, как он отсчитывает пятифунтовые купюры. Отсчитав тридцать, он подумал и добавил еще десять.

— Пусть будет двести. Надеюсь, что вы ничего не имеете против наличных? В нашем деле они предпочтительнее чеков.

— Признаюсь, не ожидал от вас такой щедрости,— сказал я, засовывая деньги в свой бумажник, пока он не передумал.

— Вам придется их отработать,— успокоил меня Макинтош.— Сигарету? Кстати, что новенького в Йоханнесбурге?

— После вашего отъезда в самом центре успели отгрохать еще один дом, высотой в сто шестьдесят футов. Так что строимся понемногу.

— За два месяца? Совсем неплохо!

— За две недели,— уточнил я.

— Браво, южноафриканцы, так держать! А вот и наш чай!

Миссис Смит поставила поднос на стол и пододвинула стул для себя. Я с интересом посмотрел на нее, поскольку любое доверенное лицо Макинтоша того заслуживало. Ничего необычного в ее внешности не было, нормальная секретарша с милой улыбкой. В отсутствие мистера Смита мы бы с ней поладили.

— Позаботьтесь о нас, миссис Смит,— попросил Макинтош, и миссис Смит занялась чашками.— Надеюсь, вы уже познакомились, так что перейдем к делу. Должен вам сказать, мистер Рирден, времени у нас не так много.

— Жаль,— подмигнул я миссис Смит.

— Сахар? — строго спросила она.

— Известно ли вам,— продолжал Макинтош,— что Лондон — центр мировой торговли бриллиантами?

— А я полагал, что этим занимаются в основном в Амстердаме.

— Там их огранивают. А в Лондоне торгуют всеми видами бриллиантов, начиная от необработанных алмазов и кончая готовыми ювелирными изделиями.— Макинтош улыбнулся.— На прошлой неделе я побывал в одном месте, где упаковки с бриллиантами продают, как пачки масла в бакалейной лавке.

— Уверен, что там приняты все меры предосторожности,— заметил я, принимая из рук миссис Смит чашку чая.

— Безусловно,— согласился Макинтош, разводя руками, как рыбак, показывающий, какая рыба сорвалась у него с крючка.— Сейфы с толстенными бронированными стенками и уйма хитроумной сигнализации. Достаточно не вовремя моргнуть глазами в неподходящем месте, как тотчас же появится полиция.

Я отхлебнул из чашки и поставил ее на стол.

— Но я не медвежатник и даже не представляю себе, с какой стороны подобраться к сейфу. А кроме того, для такого дела нужна целая команда умельцев.

— Не волнуйтесь! — успокоил меня Макинтош.— Для данного дела вы-то как раз и подойдете. Бриллианты легко перевозить и нетрудно продать. Вы слышали что-нибудь о международной торговле бриллиантами у себя в Южной Африке?

— Я никогда этим не интересовался.

— Ну, это, может, и к лучшему. Вы умный вор, Рирден, и не влипали в неприятности. Кстати, сколько раз вы сидели?

— Один, восемнадцать месяцев. Но это было давно,— ухмыльнулся я.

— С тех пор и в самом деле прошло немало времени. Вы изменились, не так ли? Не числитесь ни в одной полицейской картотеке. И все потому, что имеете голову на плечах, как я уже отметил. Вот почему мы с миссис Смит и хотим поручить эту работу вам.

— Любопытно узнать, какую именно,— уклончиво заметил я.

— Главное почтовое управление Великобритании — отличная организация. Наша почта считается лучшей в мире. Правда, не все придерживаются такого мнения, если судить по письмам читателей в «Дейли Телеграф», но ведь англичане вечно чем-то недовольны. Тем не менее страховые компании оценивают наше почтовое ведомство довольно высоко. Скажите, какое у бриллиантов отличительное качество?

— Бриллианты сверкают,— не задумываясь произнес я.

— Неограненные — нет,— поправил меня Макинтош.— Неограненный камешек выглядит как обычное бутылочное стекло. Подумайте получше.

— Они очень твердые. Тверже их, по-моему, ничего нет.

— Он совершенно не желает думать, миссис Смит! — досадливо щелкнул языком Макинтош.— Подскажите ему, пожалуйста.

— Размер, вернее, отсутствие такового,— невозмутимо сказала миссис Смит.

Макинтош сунул мне под нос свой сжатый кулак.

— У вас в руке может быть целое состояние, и никто об этом не догадается. Можно положить бриллиантов на сотни тысяч фунтов в спичечный коробок — и что в этом случае вы имеете?

— Вам лучше знать.— Я пожал плечами.

— Посылку! Вы имеете посылку, Рирден. Упаковку, которую можно завернуть в плотную коричневую бумагу, написать адрес, наклеить марку и опустить в почтовый ящик.

— Бриллианты — в почтовый ящик?

— А почему бы и нет? — в свою очередь удивился Макинтош. — Почта работает эффективно, там редко что-либо пропадает. Страховые компании не стали бы швырять деньги на ветер, не будь они уверены в надежности этого ведомства. Одно время существовала курьерская служба, но у нее было множество недостатков. Курьер лично доставляет посылку адресату, а по пути всякое может случиться. Кроме того, курьер, как и всякий человек, не лишен слабостей, его можно и подкупить. Честных людей не так уж и много, вот почему эта служба и оказалась ненадежной. А теперь рассмотрим ныне существующую систему доставки. Как только посылка окажется в чреве Главного почтового управления, сам Бог не сможет ее оттуда извлечь, пока ее не получит адресат. А почему? Потому что никому не известно, где она. Ведь это всего лишь одно из миллионов почтовых отправок, циркулирующих по огромной системе связи, и найти эту посылочку труднее, чем иголку в стог сена. Вы следите за моей мыслью?

— Звучит вполне убедительно.

— Вне всякого сомнения. Миссис Смит проделала громадную работу. Она умненькая девушка, миссис Смит! Анализируя статистику потерь почтовых отправок, специалисты из страховых компаний разработали ряд мер предосторожности, чтобы свести потери до минимума. Во-первых, камни отправляются в упаковках различных размеров. Во-вторых, для отвода глаз их снабжают этикетками известных фирм. Но главное, безусловно, обеспечить анонимность получателя, для чего используются адреса, не имеющие ничего общего с торговлей бриллиантами, и один и тот же адрес никогда не повторяется дважды.

— Любопытно, — заметил я. — Но как же мы его установим?

Макинтош откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на животе.

— Представьте себе почтальона, идущего по улице. Знакомая картинка, не правда ли? Он несет бриллианты стоимостью сто тысяч фунтов, но — и это самый интересный момент — сам этого не знает, как не знает и никто другой. Даже получатель, с нетерпением ожидающий посылку, не знает, когда именно она будет ему доставлена, несмотря на все рекламные объявления о первоклассном обслуживании почтой населения: ведь отправлена она без уведомления о вручении, как простое письмо, чтобы не привлекать к себе внимание. Что вы на это скажете?

— Похоже, вы склонны переоценивать свои заслуги. Но надеюсь, что у вас припасена в рукаве козырная карта. Так и быть, я согласен.

— Вам доводилось когда-нибудь фотографировать? — спросил Макинтош, и его вопрос переполнил чашу моего терпения. Что за привычка ходить вокруг да около? Таким же он был и в Йоханнесбурге: никогда не говорил по существу дела более двух минут.

- Пару раз я щелкал затвором, — процедил я сквозь зубы.
- Вы делали черно-белые или цветные снимки?
- И те, и другие.

Макинтош расплылся в довольной улыбке.

— А затем, видимо, отсылали пленку в лабораторию. И что получали обратно?

Я умоляюще взглянул на миссис Смит и покорно ответил:

— Кусочки пленки с картинками на них, в картонных рамках.

— А что еще вы получали из лаборатории?

— Ничего.

— О нет, получали! — погрозил мне пальцем Макинтош. — Вы получали желтую коробочку, в которой и находились слайды. Броскую желтую коробочку фирмы «Кодак». Когда человек несет в руках такую коробочку, сразу видно, что она именно этой фирмы.

Я напрягся: Макинтош, кажется, подошел к сути вопроса.

— Так и быть, — важно продолжал он. — Открою карты. Мне известно, когда отправляют посылку с бриллиантами. И я знаю, куда ее отправят. Но главное, я точно знаю, как будет выглядеть эта посылка. Вам же остается лишь дожидаться, когда почтальон принесет желтенькую коробочку по известному мне адресу, и забрать ее у него вместе с бриллиантами на сто двадцать тысяч фунтов.

— И как вам удалось это разузнать? — любопытствовал я.

— Это не моя заслуга, — ответил Макинтош. — Все это придумала миссис Смит, от начала и до конца. А детали не так уж и важны для вас.

Я по-новому посмотрел на миссис Смит и заметил, что у нее зеленые глаза. В них промелькнула задорная искорка, и она с улыбкой произнесла:

— И как можно меньше насилия, мистер Рирден.

— Да, — сказал Макинтош. — Как можно меньше насилия при отходе. Я не одобряю насилия, оно только вредит делу.

— Но добровольно посылку почтальон мне не отдаст. Придется волей-неволей применить силу.

— Значит, если вас поймут, то обвинят в грабеже с применением силы, — широко улыбнулся Макинтош. — А судьи Ее Величества очень строги к подобным преступлениям, особенно если принять во внимание сумму похищенного. Вам очень повезет, если вы отделаетесь десятью годами.

— Да, — многозначительно кивнул я, улыбаясь в ответ.

— Однако мы не станем облегчать полиции работу. План таков: я нахожусь поблизости, вы передаете мне камни, и спустя три часа их вывозят из страны. Миссис Смит, вы уладили вопрос с банком?

— Заполните этот бланк. — Миссис Смит протянула мне требование на открытие номерного счета в швейцарском банке. — Британские политики смотрят свысока на «цюрихских гномов», но в нужную минуту те всегда выручают. Ваш номер очень сложный, напишите его полностью вот здесь. — Она прижала пальцами бланк, и я нацарапал в нужном месте необходимые

цифры. — По этому номеру вы сможете получить сорок тысяч английских фунтов стерлингов либо эквивалентную сумму в любой валюте. Подпись не требуется, нужен лишь банковский бланк чека.

— Но сперва необходимо продать бриллианты, — усмехнулся Макинтош.

— И вы заберете себе две трети вырученной суммы, — сухо произнес я.

— План придумала я, — холодно заметила миссис Смит.

— У нее большие расходы, — осклабился, словно голодная акула, Макинтош. — И привычка к хорошей жизни.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал я. — Как насчет хорошего ужина? Ресторан, правда, придется выбирать вам, поскольку я новичок в Лондоне.

— Вы здесь не для того, Рирден, чтобы флиртовать с моими сотрудницами, — резко перебил меня Макинтош. — Нам лучше не появляться вместе на людях. Возможно, когда дело будет сделано, мы и отобедаем — втроем. Полагаю, вам следует прогуляться вот по этому адресу. А вот вам адрес моего портного. Только постарайтесь не перепутать, мне будет жаль этого парня. До встречи, Рирден.

Я пообедал в пабе на Флит-стрит и отправился по данному мне Макинтошем адресу. Такси брать не стал, а пошел пешком и тотчас же заблудился: запутаться в улочках Лондона для приезжего проще простого.

Не менее получаса я бродил по переулкам, изучая возможные пути моего отхода. В этом смысле всегда полезно присмотреть магазинчик, в который можно нырнуть и затеряться среди покупателей. Выбрав один из них, я ознакомился с ним, после чего, решив не увлекаться деталями, отправился изучать место операции.

Контора «Бетси-Лу» на Ледер Лейн, интересовавшая меня, располагалась на третьем этаже, но я не стал туда заходить и представляться, а ограничился беглым осмотром подходов к ней. Найдя обстановку вполне удовлетворительной, я вернулся в магазин и позвонил оттуда Макинтошу.

Миссис Смит, видимо, ждала моего звонка, потому что сразу же взяла трубку.

— Это Рирден, — на всякий случай сказал я.

— Соединю вас с Макинтошем.

— Минуточку, можно узнать ваше имя?

— Вы уже забыли? Хорошо, можете называть меня Люси.

— Любопытно, а мистер Смит вообще-то существует?

— Это вас не касается, — холодно ответила она. — Соединю вас с мистером Макинтошем.

— Привет, малыш! — услышал я его голос.

— Я готов продолжить наш разговор.

— В самом деле? Тогда жду тебя у себя завтра в то же время.

— Договорились.

— Кстати, ты заходил к портному? Если нет, то советую

поторопиться: нужно будет успеть снять мерку и сделать три примерки до того, как ты окажешься за решеткой.

— Очень смешно. — Я со злостью швырнул трубку. Макинтош мог позволить себе пошутить, не ему выполнять грязную работу. Интересно, чем еще, кроме разработок бриллиантовых ограблений, он занимается в своей пыльной норе?

Я взял такси и поехал в Уэстэнд, где и купил себе в магазине «Остин Рид» приличное демисезонное пальто и кепку с помпоном, столь милую сердцу провинциальных джентльменов. К портному Макинтоша я не пошел.

— Значит, ты полагаешь, что задача вполне выполнима? — спросил меня Макинтош.

— Мне хотелось бы узнать побольше, — кивнул я в ответ, — но пока все выглядит нормально.

— Что именно ты хочешь узнать?

— Во-первых, когда состоится операция.

— Послезавтра, — улыбнулся Макинтош.

— Боже мой! — воскликнул я. — У меня не так уж много времени.

— Все должно закончиться через неделю, — хохотнул Макинтош и подмигнул миссис Смит. — Не каждому удастся заработать сорок тысяч за такой срок.

— Одно мне не совсем понятно. — Я саркастически посмотрел на него. — В чем ваша роль?

— В организации, — невозмутимо ответил он.

— Значит, остаток сегодняшнего дня и весь завтрашний день мне придется посвятить изучению привычек британских почтальонов. — Я вздохнул. — Сколько раз в день доставляется почта?

Макинтош покосился на миссис Смит, и она сказала:

— Два.

— Вы можете привлечь еще кого-нибудь к наблюдению? — спросил я. — Мне самому не хочется мозолить глаза на Ледер Лейн. Ведь меня могут задержать за бродяжничество, и тогда все пойдет насмарку.

— Не беспокойтесь, все уже сделано, — сказала миссис Смит. — Вот расписание. А это план третьего этажа. Нам повезло, что в парадной нет почтовых ящиков и почтальон доставляет корреспонденцию прямо в контору.

Макинтош стукнул пальцем по столу.

— Там ты и перехватишь почтальона! Тебе нужно будет лишь убедиться, что у него с собой не только письма, но и коробочка. Если ее не окажется, придется подождать до следующей доставки.

— Именно это меня и беспокоит. Не торчать же там, словно пень, до вечера!

— А разве я тебе еще не сказал? — вскинул брови Макинтош. — Ведь мы арендовали на том же этаже комнату. Миссис Смит купила все необходимое для того, чтобы ты чувствовал себя как дома: электрический чайник, чай, кофе, сахар, молоко и даже коробочку разной снеди от «Фортнум». Королевский сервис! Ты любишь черную икру? Вот ключи.

— И в качестве кого же я буду там находиться? — поинтересовался я.

— В качестве представителя фирмы по торговле игрушками «Киддикар Тойс». Это настоящая компания, — улыбнулся Макинтош. — Регистрация обошлась мне в двадцать пять фунтов.

Остаток дня мы обсуждали детали плана, и я нашел их тщательно продуманными. Люси Смит мне нравилась все больше: обладая проницательным умом, она умудрялась сохранять женственность и не выказывать начальственных замашек.

— Признайтесь, что вас зовут не Люси, — сказал я под конец разговора. — Как ваше настоящее имя?

— Это не имеет значения.

— Возможно, вы правы, — вздохнул я.

— Я же просил вас не заигрывать с персоналом, — резко заметил Макинтош. — Думайте лучше о предстоящем деле. — Он взглянул на часы: — Пожалуй, вам пора идти.

Я покинул это мрачное заведение девятнадцатого века и отправился перекусить, после чего до самого вечера просидел в своей новой конторе «Киддикар Тойс», находившейся через две двери от фирмы с игривым названием «Бетси-Лу». У меня в распоряжении действительно оказалось все, что обещал мне Макинтош, так что я мог наслаждаться натуральным кофе, радуясь тому, что миссис Смит не купила растворимый.

Улица отлично просматривалась из окна, и мне удалось проследить весь маршрут почтальона. О его появлении на Ледер Лейн меня должен был уведомить по телефону Макинтош. Убедившись, что у меня в запасе будет достаточно времени, я прошелся по коридору, после чего прогулялся до магазина, в котором намеревался затеряться, оглушив почтальона, и с легким сердцем отправился в гостиницу — на сегодня работа была закончена.

На следующий день мне предстояло примериться к своей жертве. За первой доставкой корреспонденции я наблюдал, приоткрыв дверь и с секундомером в руке, что было, возможно, глупо, поскольку от меня требовалось всего-навсего оглушить человека. Но ставка была слишком велика, и я добросовестно проделал всю запланированную процедуру.

Во второй его приход я как бы случайно столкнулся с ним в коридоре. В руках у почтальона, как и говорил Макинтош, была пачка писем, так что коробку фирмы «Кодак» я заметил бы еще издали. Оставалось надеяться, что внутри нее действительно будут бриллианты, а не фотографии сотрудников «Бетси-Лу» на пикнике в Брайтоне.

Перед тем, как уйти, я позвонил Макинтошу. Он сам поднял трубку.

— Я готов.

— Хорошо. — Немного помолчав, он добавил: — Мы увидимся только завтра, когда ты передашь мне товар. Да поможет тебе Бог! Да, чуть не забыл: в гостинице тебя ждет подарок. Обращайся с ним осторожно. Желаю успеха.

— Передайте мои наилучшие пожелания миссис Смит.

— У тебя с этим ничего не выйдет, сам понимаешь.

— Возможно, но я привык в таких делах думать своей головой.

— Завтра она уже будет в Швейцарии. Я передам ей от тебя привет, когда увижу,— быстро завершил разговор Макинтош и положил трубку.

Вернувшись в гостиницу, я забрал у портье сверток и в номере развернул его. Внутри оказалась коробка с кастетом — весьма удобным, с аккуратным ремешком для запястья и резиновой прокладкой для костяшек пальцев. Отличное анестезирующее средство, разве что чуточку более опасное, чем другие. В приложенной записке, напечатанной на машинке, говорилось: «В меру сильно, но не более того».

В тот вечер я рано лег спать: на следующее утро мне предстояла серьезная работа.

На следующее утро я отправился в Сити, как самый рядовой служащий, хотя и без котелка и складного зонта. Я специально пришел пораньше, чтобы не пропустить первую доставку почты, и включил чайник. Уличные торговцы под моим окном уже раскладывали товар на Ледер Лейн, однако Макинтоша не было видно, что, впрочем, меня не смутило, поскольку я знал, что он затаялся где-то поблизости.

Едва я выпил первую чашечку кофе, как раздался звонок.

— Он приближается,— сказал Макинтош и повесил трубку.

Почтальон, видимо, берег свои ноги и поэтому имел обыкновенные подниматься на лифте на верхний этаж и начинал разносить письма оттуда, полагая, что спускаться по ступеням легче, чем подниматься. Надев пальто и кепи, я приоткрыл дверь в коридор и прислушался: внизу загудел лифт. Я вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, и в тишине безлюдного здания услышал, как почтальон спускается на третий этаж. На цыпочках я спустился на второй. Судя по звуку шагов, почтальон разносил почту по комнатам. Я поднялся на пролет выше и услышал, что он идет по коридору назад. Вернувшись на площадку третьего этажа, я пошел ему навстречу. Желтой коробочки в руках у почтальона не было.

— Доброе утро! Славный выдался денек, не правда ли? — С этими словами он прошел мимо, а я шмыгнул в свою контору и приоткрыл окно, чтобы впустить свежий воздух, а заодно дать знать Макинтошу о постигшей меня неудаче. Он стоял перед лотком с овощами и фруктами и тыкал пальцем в помидоры. Мельком взглянув на окно, он тотчас же повернулся и ушел.

Я закурил сигарету и уселся просматривать утренние газеты. Спустя два часа вновь зазвонил телефон.

— Надеюсь, на этот раз тебе повезет,— услышал я голос Макинтоша и, положив трубку, повторил свой маневр.

На этот раз должен был прийти другой почтальон, но в офисах уже работали, а по коридору сновали посетители и посыльные, так что теперь все зависело от моей ловкости. В крайнем случае я готов был просто выхватить у почтальона из рук посылку и дать деру на глазах у изумленной публики.

Когда звук шагов уведомил меня, что почтальон приближает-

ся, я на цыпочках вернулся на свою площадку и, убедившись, что мы с почтальоном в коридоре одни, посмотрел на его руки: заветная коробочка лежала поверх пачки писем.

— Есть что-нибудь для меня? — спокойно спросил я, когда он проходил мимо моей конторы. — Я вон в той комнате.

Почтальон обернулся, чтобы взглянуть на табличку, и в ту же секунду я резко ударил его кастетом, моля Бога, чтобы череп не оказался слишком тонким. Почтальон захрипел и рухнул на колени. Я подхватил его под мышки и затащил в свой офис. Оставив беднягу лежать на полу, я схватил со стола невзрачную картонную коробку, сунул в нее упаковку с бриллиантами и, выйдя вновь в коридор, запер дверь, не обращая внимания на проходившего за моей спиной рассельного. После этого я деловитой походкой спустился по лестнице и вышел на улицу, где увидел Макинтоша, стоящего на противоположной стороне.

Он отвел глаза и не торопясь пошел прочь. Я начал пробираться между лотков поближе к нему и, поравнявшись, как бы ненароком толкнул его плечом, передал коробку, буркнув «извините», после чего затерялся в толпе.

Однако не прошел я и нескольких шагов, как над моей головой раздался звон стекла и крик о помощи: почтальон не стал тратить время на запертую дверь, а попросту высадил оконное стекло стулом. Я, видимо, все же слабовато его ударил.

Теперь важно было, чтобы Макинтош успел уйти подальше с бриллиантами. Сам же я на всякий случай нырнул в магазин и прошел прямо в туалет, где вывернул пальто наизнанку, сунул кепку в карман и, преображенный, снова вышел в зал. Побродив немного по магазину, я покинул его через парадный вход и не спеша зашагал по тротуару в направлении Оксфорд-стрит.

Потягивая пиво в пабе рядом с Мраморной аркой, я размышлял о том, что до завершения так удачно начатого дела, к сожалению, еще чертовски далеко. И еще я думал о том, справится ли Макинтош со своей частью работы так же хорошо, как и я.

Вечером, когда я одевался в своем номере, собираясь прогуляться по городу, раздался решительный стук в дверь. Открыв ее, я увидел перед собой двух внушительных джентльменов, одетых хотя и старомодно, но со вкусом.

— Вы — Джозеф Алоис Рирден? — спросил тот, что стоял справа.

— Можно и без Алоиса, — криво улыбнулся я.

— Мы из полиции, — помахал незнакомец перед моим носом удостоверением. — У нас к вам есть несколько вопросов.

— Настоящее полицейское удостоверение? — воскликнул я. — Ни разу в жизни не видел. Разрешите взглянуть?

Он нехотя позволил мне прочитать, что написано в его удостоверении.

— «Инспектор полиции Джон Брунскилл», — прочитал я вслух. — Сколько раз видел подобные вещи в кинофильмах, но никогда не думал, что такое случится со мной. Чем могу быть вам полезен, инспектор? Я ведь впервые в Лондоне, точнее сказать, в Англии, и пробыл здесь менее недели.

— Нам это известно, мистер Рирден,— перебил меня Брунскилл.

«Значит, они уже навели справки,— подумал я.— Быстро, однако, работает британская полиция, молодцы».

— Позвольте войти, мистер Рирден? Мне думается, вы сможете нам помочь.

Я отступил в сторону и жестом руки пригласил их присесть.

— Мы здесь долго не задержимся,— сказал Брунскилл.— Это мой коллега, сержант Джервис.

Джервис выглядел еще более крепким орешком, чем Брунскилл. Тот хотя бы соблюдал правила приличия и хорошего тона, что приходит с возрастом. А сержант был еще молод, грубоват и задирист. Но Брунскилл был опаснее, потому что знал всякие полицейские уловки.

— Мы расследуем дело о похищении посылки сегодня утром на Ледер Лейн,— сказал Брунскилл.— Что вы можете нам сообщить в связи с этим?

— Понятия не имею, где эта Ледер Лейн,— развел я руками. Полицейские многозначительно переглянулись.

— Мистер Рирден,— вздохнул Брунскилл.— Вам это не к лицу.

— Ведь у вас уже есть опыт,— добавил Джервис.

— А вы, молокососы, не можете мне этого простить,— разозлился я.— Ну и что из того, что я отсидел полтора года в центральной тюрьме в Претории? Это было давно, а сейчас я чист.

— Вы не возражаете, если мы обобщем номер? — хмыкнув, спросил Джервис.

— А может быть, вы сначала объясните, в чем меня подозревают? И вообще, у вас есть ордер?

— Приступайте, сержант.— Брунскилл протянул мне ордер.

Даже не взглянув на него, я положил ордер на тумбочку и не без злорадства стал наблюдать, как сержант Джервис перерывает все в комнате вверх дном. Наконец он сдался, пожал плечами и вопросительно взглянул на Брунскилла.

— Я вынужден просить вас проехать с нами в участок,— сказал тот.

— Чтобы доставить меня в участок, вам сперва придется арестовать меня: добровольно я туда не поеду.

— Хорошо, мистер Рирден,— вздохнул Брунскилл.— Я арестовываю вас по подозрению в нападении на почтальона на Ледер Лейн сегодня утром, около десяти часов. Вас это устраивает?

— Я подчиняюсь. Поехали.

— И учтите,— спохватился инспектор.— Все сказанное вами может быть в дальнейшем использовано в суде против вас.

— Мне это известно. К сожалению.

— Я в этом не сомневался,— усмехнулся Брунскилл.

Я думал, что они повезут меня в Скотленд-Ярд, но меня доставили в обычный участок и завели в обычную комнату для допросов, где стояли стол, два стула и пахло точно так же, как во всех полицейских участках в любой стране мира. Я сел на стул и принялся курить одну сигарету за другой. Прошло не менее

получаса, прежде чем появился сержант Джервис. Войдя в кабинет, он уставился на меня и наконец изрек:

— Ты ведь бывал здесь, Рирден.

— Ни разу в жизни, — пожал я плечами.

— Прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Тебе ведь доводилось сидеть на жестких стульях в участке, и не раз. Ты профессионал, и тебе не привыкать к допросам. С новичком я еще, может быть, и поиграл бы в кошки-мышки, попытался бы подобрать ключик к его психологии, но с тобой этот фокус не пройдет, верно?

— Вам не мешало бы освежить в памяти Судебный кодекс, — сказал я.

— Вот и попался! — расхохотался он. — Честный человек не отличит Судебный кодекс от закона Паркинсона, а вот ты отлично понимаешь разницу, верно?

— Заканчивайте с оскорблениями, и я, пожалуй, пойду.

— Выйдешь отсюда, когда я позволю.

— Советую сперва спросить разрешения у Брунскилла, сынок, — ухмыльнулся я.

— Где бриллианты?

— Какие бриллианты?

— Послушай, Рирден, почтальон едва дышит. Ты переусердствовал. Подумай, что тебя ждет, если он умрет. Тебе никогда уже не выйти из тюрьмы!

Сержант старался как мог, но совсем не умел врать: умирающий почтальон вряд ли запустил бы стулом в окно. Но своих мыслей я вслух не высказал, а просто насмешливо посмотрел ему в глаза.

— Если мы не найдем бриллианты, тебе крышка, — гнул свое Джервис. — Но если найдем их, тогда другое дело: судья может это учесть при вынесении приговора. Усвоил?

— О каких бриллиантах вы все время говорите? — спросил я.

Вскоре Джервис утомился и вышел из кабинета, а стороживший меня полицейский в форме занял позицию у двери.

Настало время для тяжелой артиллерии: в кабинете появился сам инспектор Брунскилл с толстой папкой, полной документов.

— Сожалею, что заставил вас ждать, мистер Рирден, — сказал он, кладя бумаги на стол.

— Я в этом не уверен.

— Порой нам всем приходится выполнять не очень приятную работу. Я выполняю свой долг, и вы не должны на меня обижаться. Должен сказать, что дел за вами числится предостаточно, в Интерполе на вас пухлое досье. — Он раскрыл папку.

— Я свое отсидел. Неофициальные документы не имеют юридической силы, — я кивнул на лежавшую на столе папку, — и не принимаются во внимание судом в качестве доказательств.

— Допустим. И все же здесь очень много любопытного. — Брунскилл полистал досье и спросил, не поднимая головы: — Зачем вы завтра летите в Швейцарию?

— Я путешествую. А в этой чудесной стране мне бывать не доводилось.

— В Англии вы тоже впервые, не так ли?

— Вы и сами это знаете. Послушайте, мне нужен адвокат.

— Могу предложить вам хорошего стряпчего. Может, у вас уже есть кто-нибудь на примете?

Я достал из бумажника листок бумаги с номером телефона, который Макинтош дал на всякий случай, и протянул ему.

— Свяжитесь, пожалуйста, с этим человеком.

— Знакомый номер! — удивленно вскинул брови Брунскилл. — Однако вы неплохо освоились в Лондоне за неделю. Я свяжусь с ним. — Он отложил листок в сторону.

— Хорошо бы выпить чаю, — сказал я, — а то у меня от сигарет пересохло в горле.

— Боюсь, чай кончился, — с сожалением развел руками Брунскилл. — Как насчет стакана воды?

— Сойдет, — кивнул я.

Брунскилл распорядился насчет воды и вернулся за стол.

— Так вот насчет бриллиантов. Мне думается...

— Каких бриллиантов? — перебил его я.

В этот момент принесли сифон с водой. Я залпом осушил стакан, потом второй.

— Напились? — выразительно посмотрел на меня инспектор.

Я кивнул головой, а он забрал у меня сифон и с сожалением покачал головой:

— Вот уж не ожидал, что вы клюнете на такую тухлую наживку! Зачем оставили отпечатки пальцев на стакане? Теперь у меня есть законные основания арестовать вас.

— Просто устал, — вздохнул я.

— Мне искренне жаль, — посочувствовал он. — Вернемся к бриллиантам...

— А знаете, Рирден, вы у меня на крючке. Имеющихся у нас доказательств вполне достаточно, чтобы отправить вас за решетку на десять лет. Помогите вернуть бриллианты, это облегчит вашу участь.

— Какие бриллианты? — Я хмуро посмотрел на него.

— Хорошо. — Он тяжело вздохнул. — Пошли.

Двое полицейских отвели меня в большую комнату, где вдоль стены выстроилось не менее десятка мужчин.

— Полагаю, нет необходимости объяснять, что все это означает, — сказал Джервис. — Но раз закон того требует, я объясню: это опознание. Вас будут поочередно опознавать три свидетеля. Вы имеете право сами выбрать место, куда встать, и менять его после каждого опознания. Понятно?

Я молча кивнул и встал третьим от двери. Вошел первый свидетель — маленькая пожилая леди. Она сделала несколько шагов и ткнула мне пальцем в грудь:

— Вот этот!

Я впервые в жизни ее видел.

Следующим вошел молодой человек лет восемнадцати. Он сразу же направился прямо ко мне с радостным возгласом:

— Это он!

Третий свидетель тоже едва взглянул на меня.

— Вот этот парень! — завопил он. — Надеюсь, что ты схлопочешь пожизненное, приятель! — Он вышел, потирая голову: это

был почтальон, и совсем не «едва живой», как пытался убедить меня Джервис.

— Из вас получился бы отличный фокусник, — сказал я сержанту, когда он вел меня назад в кабинет. — Ловко вам удалось оживить почтальона!

Он хищно оскалился и, впившись в меня немигающим взглядом голодной акулы, спросил:

— А откуда вам известно, что это был почтальон?

— Кто меня продал? — спросил я его.

— Мы получили информацию, — уклончиво сказал сержант. — Завтра тебе предъявят обвинение, после чего дело будет тотчас же передано в суд. Я позабочусь, чтобы тебе предоставили стряпчего.

— Благодарю. Можно узнать, как его зовут?

— Ну, ты и нахал! — воскликнул он. — Твоего стряпчего зовут мистер Маскелл.

— Еще раз спасибо, — сказал я.

Сержант-охранник отвел меня в камеру. Мне принесли ужин, я съел его и тотчас же уснул: это был утомительный день.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Маскелл оказался коренастым человеком с пронизательными карими глазами и гордой осанкой. Тот факт, что его клиент — преступник, совершенно не смутил его: солидный и всеми уважаемый адвокат всегда готов как тигр защищать своего клиента, даже если тот — насильник или убийца; моральные категории не принимаются в расчет. На мой взгляд, это абсолютно психиатрическая профессия.

Я поделился своими мыслями с мистером Маскеллом, и он с мягкой улыбкой сказал мне:

— Мистер Рирден, для меня вы подзащитный, а уж виновны вы или нет — решать присяжным в совещательной комнате. Моя задача — выяснить факты и подготовить дело для адвоката, который будет защищать вас на процессе. Свою работу я делаю не бесплатно, прошу это учесть. — Он взмахнул рукой и довольно цинично воскликнул: — Да кто вообще сказал, что на преступления нельзя делать деньги? В конце концов все служащие суда, начиная от секретаря и кончая судьей, получают за свой труд вознаграждение. Все мы существуем благодаря таким людям, как вы, мистер Рирден.

Но это было уже потом, в суде, когда мы с моим стряпчим поближе узнали друг друга, а в день нашего знакомства я еще даже не представлял себе, что за человек Маскелл. Когда нас представили друг другу, он сухо сказал:

— Мы побеседуем поподробнее несколько позже, а сейчас мне хотелось бы узнать, о чем вообще идет речь.

Предъявленное мне обвинение сводилось к тому, что я напал на служащего Главного почтового управления и, применив силу, похитил бриллианты стоимостью 173 тысячи фунтов стерлингов. Я едва не расхохотался, узнав об этом: если только владельцы бриллиантов не задумали погреть за счет страховой компании

руки, Макинтош получил даже больше, чем рассчитывал.

— И что дальше? — спросил я Маскелла, сделав непроницаемое лицо.

— Дальше нам предстоит одна формальная процедура в городском суде. — Он потер подбородок и спросил: — Полиция нашла бриллианты?

— Спросите лучше об этом у них самих, — хмуро ответил я. — Понятия не имею ни о каких бриллиантах.

— В самом деле? — вскинул брови мистер Маскелл. — Должен сказать, мистер Рирден, что, если ценности не найдутся, мне нелегко будет добиться вашего освобождения из-под стражи до суда под залог. Но я попытаюсь.

Заседание в городском суде длилось не более трех минут. Оно могло бы быть даже короче, не вмешайся в самый неподходящий момент инспектор Брунскилл.

— Ваша честь! — заявил он. — Бриллианты не найдены, и я опасаясь, что они не найдутся никогда, если обвиняемый будет освобожден под залог из-под стражи. Дело в том, что, не арестуй мы его вчера вечером, сегодня утром он находился бы не в камере, а в Швейцарии.

— Вы полагаете, что обвиняемый не явится в суд? — изумленно уставился на него судья.

— Именно так, ваша честь, — твердо сказал Брунскилл. — Более того, он обвиняется в насилии, а, по имеющимся у нас данным, насилие — его характерный стиль. Боюсь, он способен оказать давление на свидетелей.

— Вы полагаете, что, покинув страну, он попытается запугивать свидетелей? — засомневался судья. — Вряд ли ему удастся сделать это на расстоянии. Так или иначе, учитывая все обстоятельства данного дела, особенно стоимость похищенного, я склонен согласиться с вами. Ходатайство защиты об освобождении под залог мистера Рирдена отклоняется.

Брунскилл с торжествующим видом сел на место, а Маскелл лишь пожал плечами и засунул бумаги в портфель. Мне предстояло дожидаться суда в камере, но только на этот раз судить меня должны были в Центральном суде.

До того, как меня увезли, Маскелл успел перекинуться со мной парой слов.

— Я ознакомлюсь с делом в полном объеме, — шепнул он, — и завтра мы вместе его обсудим. Если у вас есть сейчас какие-то вопросы, можете их задать.

Вопросов у меня не было, так что я попрощался с ним и отправился в свою камеру, где, должен отметить, меня неплохо кормили.

На следующее утро, когда мы встретились с Маскеллом в комнате для свиданий, он многозначительно взглянул на меня и сказал:

— Аргументы против вас достаточно весомые, мистер Рирден. Если не удастся доказать, что вы не совершали этого преступления, боюсь, что вас признают виновным. Давайте обсудим кое-какие важные вопросы. Во-первых, у вас есть деньги?

— Около ста пятидесяти фунтов. Но я не оплатил номер

в гостинице, поскольку был лишен такой возможности. А мне не хотелось бы, чтобы меня обвинили еще и в уклонении от оплаты счетов, так что все, чем я располагаю, составляет сто фунтов.

— Как вам, вероятно, известно, мой гонорар мне гарантирован. Но в суде за вас будет бороться адвокат, а для адвоката ста фунтов явно маловато, тем более у вас очень серьезное дело. Что вы на это скажете?

— К сожалению, это все, чем я располагаю, — пожал я плечами, хотя это было и не совсем верно. Но зачем швырять деньги на ветер, если все равно уже влип по самые уши и никакой адвокат не поможет?

— Понимаю. — Маскелл раскрыл свою папку. — В подобных ситуациях суд назначает адвоката по своему усмотрению. Но я использую все свои связи, чтобы для вас подобрали наилучшую кандидатуру. Так что вы делали в то утро, когда было совершено преступление? Мне известно, что завтракали вы в гостинице, — многозначительно добавил он.

— Я плохо спал в ту ночь, поэтому встал рано и вышел прогуляться.

— И где вы гуляли, мистер Рирден? — прищурился Маскелл.

— Я дошел до Кенсингтонского дворца по Гайд-парку, но он был еще закрыт в этот ранний час.

— Может быть, вы разговаривали с кем-нибудь около Круглого пруда напротив дворца? Нет? Очень хорошо. Что же было потом?

— Потом я пошел через парк на Бонд-стрит и вышел на Оксфорд-стрит. Мне хотелось поглазеть на витрины магазинов.

— И в котором часу у вас появилось это желание?

— Приблизительно в четверть десятого. Я, помнится, еще задержался в пабе, у меня разыгрался аппетит, и я решил выпить пинту пива с бутербродом. Кстати, я разговаривал с барменом, он должен меня вспомнить.

— И когда это было?

— Кажется, около половины одиннадцатого, раз паб был открыт.

— Немного поздновато для алиби, — заметил Маскелл. — Должен сказать вам, что версия полиции существенно отличается от вашей. У них имеются доказательства. Нужно ли напоминать вам, что не следует обманывать своего защитника? — Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Я вас не обманываю, — невозмутимо сказал я.

— Мистер Рирден, — с тяжелым вздохом продолжал он, — позвольте заметить, что вы попали в серьезную переделку. Насколько я понял, вы намерены в суде настаивать на своей невинности. Должен предупредить вас, что, вероятнее всего, вы проиграете процесс. Общественность обеспокоена ростом насильственных преступлений, и суды не могут с этим не считаться, они применяют все более строгие наказания.

Он помолчал и, собравшись с мыслями, продолжал менее строгим тоном:

— Как ваш стряпчий, я не вправе предугадывать решение суда. Но хочу сказать, что, если бы бриллианты были возвраще-

ны владельцам и вы признали бы свою вину, суд смягчил бы вам приговор, и вы получили бы не более пяти лет, а возможно, всего три года. При условии образцового поведения в тюрьме вы уже спустя два года могли бы выйти на свободу. Но, если бриллианты не будут возвращены владельцам, а вы будете настаивать на своей невинности, наказание будет очень строгим. Судья просто зашвырнет в вас кодексом и запрет в клетке, а ключи выбросит, говоря простым языком: Сомневаюсь, что вы выйдете из этой клетки раньше, чем через четырнадцать лет!

Он прокашлялся и спросил:

— Так что же мы будем делать, мистер Гирден?

— Единственные бриллианты, которые я видел в то утро, были выставлены в витрине ювелирного салона на Бонд-стрит. Я ни в чем не виноват.

Он долго разглядывал меня, затем покачал головой:

— Замечательно. Я сделаю все, что смогу, но без особой надежды на успех. Должен предупредить, что имеющиеся у полиции доказательства очень трудно опровергнуть.

— Я не виновен, — упрямо повторил я.

Маскелл собрал со стола бумаги, сложил их в папку и вышел, даже не обернувшись.

И вот наконец я очутился на скамье подсудимых в Центральном уголовном суде — Олд Бейли. Маскелл, конечно же, тоже присутствовал, но играл второстепенную роль. Основным же моим защитником был человек по фамилии Роллинз. Перед началом заседания Маскелл еще раз попытался убедить меня отказаться от позиции невинного.

— Мне искренне жаль, мистер Маскелл, — сказал я, — но я не виновен.

Он был крайне озадачен моим упрямством и не верил ни одному моему слову.

— Вы ведете себя глупо, молодой человек, — сказал Маскелл. — Но все равно, примите мои наилучшие пожелания на ваше злосчастное будущее.

Процесс между тем неуклонно продвигался. После утверждения состава жюри началось слушание дела. Представитель обвинения — высокий худой человек с продолговатым и острым, как лезвие топора, лицом — не стал тратить время на общие вступительные фразы, а сразу же приступил к допросу свидетелей. Мой адвокат Роллинз наблюдал за происходящим со скучающим видом, понимая, что этот процесс ему не выиграть.

Обвинитель светился тихой радостью, когда рассматривал фотографии и рисунки места преступления, представленные суду полицейскими экспертами.

Милая пожилая леди, опознавшая меня в участке, показала, поклявшись на Библии, что видела, как я стукнул почтальона, и даже не покраснела, хотя и знала, что это ложь.

— Я стояла в коридоре, когда он ударил почтальона по голове, выхватил желтую коробку и, запихнув беднягу в офис, убежал.

— Где именно вы стояли? — спросил обвинитель, показывая ей план третьего этажа.

«Свидетельница» указала на место, где она якобы стояла, и снова уставилась прямо на меня своими неповторимыми протодушными глазами. Стоять в коридоре она не могла, потому что он был пуст. Да и все детали ее показаний не соответствовали действительности, но я ничего не мог с этим поделать.

Следующим был посыльный из магазина, показавший, что доставил корзиночку с деликатесами мне в гостиницу. Однако он не стал утверждать, что человек, сделавший заказ по телефону, и обвиняемый — одно и то же лицо.

Служащий гостиницы подтвердил, что мистер Рирден действительно проживал в их гостинице и что на его имя была доставлена корзиночка. На вопрос адвоката, что же дальше случилось с этой корзиночкой, служащий гостиницы ответил, что он точно не знает, но полагает, что обвиняемый ее получил. По этому поводу завязалась небольшая оживленная дискуссия, и часть показаний была отклонена.

Агент уголовного полиции продемонстрировал суду корзиночку из-под продуктов и под присягой заявил, что обнаружил ее в конторе фирмы «Киддикар Тойс». Другой полицейский показал, что корзиночка была сплошь в отпечатках пальцев обвиняемого, равно как и другие предметы в комнате: электрический чайник, кофейник, чашки, блюда, ложки и нож.

Кроме того, полицией было проведено специальное расследование относительно фирмы «Киддикар Тойс», в результате которого выяснилось следующее. Фирма подлинная, но не действующая, владелец — мистер Джозеф Алоис Рирден из Йоханнесбурга. Однако утверждать, что именно он и находится на скамье подсудимых, представитель полиции не осмелился, что было принято к сведению присяжными.

Почталон рассказал суду все в точности так, как оно и происходило: получив удар по голове, он очнулся в запертой конторе фирмы «Киддикар Тойс».

Но главным свидетелем обвинения был инспектор Брунскилл. — Действуя на основании полученной информации, — заявил он, — я вместе с сержантом Джервисом отправился в гостиницу, в которой проживал обвиняемый. Затем оперативным путем добыл отпечатки его пальцев и установил, что они совпадают с отпечатками, обнаруженными на предметах в офисе «Киддикар Тойс». Дальнейшие мои усилия привели к выявлению трех свидетелей преступления, которые и опознали преступника. В результате активных следственных мероприятий были добыты и другие доказательства, представленные суду, а именно: корзиночка из-под деликатесов и материалы о фирме «Киддикар Тойс».

Обвинитель закончил допрос свидетелей и с довольной ухмылкой на лице сел на свое место. Настала очередь мистера Роллинза допрашивать Брунскилла. Между ними состоялся следующий диалог:

Роллинз: — Вы упомянули некую «информацию», инспектор. Как именно она к вам поступила?

Брунскилл: — Я обязан отвечать на подобные вопросы, ваша честь? Раскрытие источника информации чревато...

Роллинз: — Речь идет об опасности для личности, не известной суду. Не исключено, что этот субъект умышленно действует во вред моему подзащитному, ваша честь.

Судья: — Мистер Рирден и без того находится в таком положении, что мне трудно себе представить, какой нужно нанести ему вред, чтобы его ухудшить, мистер Роллинз. Тем не менее принимаю ваше замечание. Ответьте на вопрос защиты, инспектор.

Брунскилл: — Были телефонный звонок и письмо.

Роллинз: — Анонимные?

Брунскилл: — Да.

Роллинз: — Из этих сообщений следовало, что мой подзащитный совершил преступление?

Брунскилл: — Да.

Роллинз: — В них указывалось, где полиция может найти его?

Брунскилл: — Да.

Роллинз: — Следовало ли из полученной от анонимного источника информации, что обнаруженная в конторе «Киддикар Тойс» корзиночка была куплена именно в том магазине деликатесов, откуда ее доставили в гостиницу, где проживал мой подзащитный?

Брунскилл: — Именно так.

Роллинз: — Является ли преступлением покупать деликатесы?

Брунскилл: — Конечно же, нет.

Роллинз: — Сообщили ли информаторы, что компания «Киддикар Тойс» принадлежит моему подзащитному?

Брунскилл: — Да.

Роллинз: — Разве быть владельцем такой фирмы преступление?

Брунскилл: — Нет.

Судья: — А вот я как раз и не уверен в этом! Каждый, кто допускает в написании названия своей фирмы столь чудовищные извращения английского языка, должен быть привлечен к уголовной ответственности!

Замечание вызвало оживление в зале.

Роллинз: — Инспектор Брунскилл, не кажется ли вам, что расследование данного преступления никак нельзя считать вашей личной заслугой? Ведь если бы не анонимные сообщения, мой подзащитный сейчас вряд ли бы находился на скамье подсудимых.

Брунскилл: — Я не могу ответить на этот вопрос. Убежден, что преступник в любом случае был бы пойман.

Роллинз: — В самом деле? Завидная уверенность.

Брунскилл: — Его все равно бы поймали.

Роллинз: — Но не так скоро.

Брунскилл: — Возможно.

Роллинз: — Не кажется ли вам, что анонимный информатор либо сам замешан в преступлении, либо обычный доносчик?

Брунскилл: — Я назвал бы его, или их, сознательным гражданином, или гражданами, с обостренным чувством общественного долга.

Какая прелесть! Макинтош — сознательный гражданин с обостренным чувством общественного долга! Клянусь Богом, эта

парочка чертовски сообразительна. И миссис Смит постаралась на славу, эти бутерброды с икрой мне надолго запомнятся. А восхитительная затея с дурацким названием для компании, зарегистрированной, кстати, на мое имя? «Киддикар Тойс» — кому, как не южноафриканцу, так коверкать английский язык? Попробуй теперь докажи что-нибудь! Меня обвели вокруг пальца, как мальчишку.

Все кончилось очень быстро. Обвинитель растерзал меня на мелкие кусочки, а вялые попытки защитника спить их не увенчались успехом. Жюри совещалось не более получаса и вынесло решение, предугадать которое было нетрудно.

Затем судья спросил меня, не желаю ли я что-либо сказать. — Я не виновен, — сказал я.

Все ждали приговора, но судья не торопился, спокойно раскладывая по столу бумаги. Когда зал притих, он голосом, не предвещающим ничего утешительного, произнес:

— Джозеф Алоис Рирден! Вы признаны виновным в похищении бриллиантов на сумму 173 тысячи фунтов стерлингов, и за это преступление я приговариваю вас к двадцати годам лишения свободы в местах, предусмотренных для подобных правонарушений компетентными властями.

Я готов поспорить, что Макинтош смеялся до колик, когда узнал об этом приговоре.

Судья был прав, упомянув о малоприятной обстановке в английских тюрьмах. Та, в которую поместили меня, была просто ужасной. В приемном отделении толпились новички, томительное ожидание, казалось, никогда не кончится. Я чувствовал себя несчастнейшим существом на свете: двадцать лет за решеткой!

Мне было тридцать четыре года. На свободу я мог выйти в пятьдесят четыре, может быть, чуть раньше, если бы был панькой, что маловероятно. Любая комиссия, ознакомившись с моим делом, вряд ли решилась бы отпустить меня на свободу раньше срока. Итак, двадцать лет в тюрьме.

Я с безразличным видом ждал, когда офицер на вахте ознакомится с моим личным делом.

— Давай двигай, — обратился он ко мне, — проходи вон туда. Дверь за мной захлопнулась, и я очутился в помещении, набитом разношерстной публикой. Здесь были самые разнообразные типы, одетые весьма живописно — кто в джинсы, а кто и в полосатые брюки и котелки. Все молча озирались по сторонам, подавленные, как и я.

Наконец нас стали выводить по одному, строго в алфавитном порядке. Выкрикнули мое имя, и охранник повел меня по длинному коридору в кабинет начальства. Стоя перед сидящим за столом офицером, я отвечал на его вопросы: имя, место рождения, возраст, данные о родителях, род занятий. Офицер ни разу не взглянул на меня, для него я был не человеком, а вместилищем статистических сведений. Он нажал на кнопку — и сведения потекли.

Мне было велено выложить все из карманов на стол, после чего все находившиеся там предметы были описаны и сложены

в специальный мешок. Потом с меня сняли отпечатки пальцев. Пока я озирался по сторонам, ища, чем бы обтереть руки, охранник приказал следовать дальше. Он привел меня в жаркую, наполненную паром комнату и велел раздеться. Именно здесь я навсегда расстался со своей одеждой — вряд ли она будет модной через двадцать лет — и облачился в арестантскую — серый фланелевый костюм жуткого покроя. Портной Макинтоша наверняка сшил бы лучше.

Потом меня отвели на медицинский осмотр, где признали годным для любой работы. Охранник снова повел меня по бесконечному коридору мимо камер и пролетов металлических лестниц.

— Это отделение «В», — сказал он, велел мне остановиться. — А вот и твоя камера. Заходи.

Он отпер дверь, и я вошел в камеру. Дверь за мной захлопнулась. Минут пятнадцать я стоял, не в силах сдвинуться с места, потом лег лицом вниз на койку и разрыдался.

Разбуженный громким звоном колокола, я долго не мог сообразить, где нахожусь. Наконец окончательно проснулся, быстро оделся, убрал постель, свернул матрац и поставил его торчком на койку, после чего сел на табурет и стал ждать.

Лязнул засов, дверь распахнулась, и вошел надзиратель. Бегло осмотрев камеру, он вперил в меня тяжелый взгляд и спросил:

— Новенький? С «Правилами» ознакомился?

— Так точно, сэр.

— Матрац переставить, брошюру повесить на гвоздь, взять отхожее ведро и приготовиться к выносу. Вперед — шагом марш! — скомандовал он, и мы вышли из камеры. В коридоре надзиратель сообщил мне, что завтракать можно как в камере, так и в общей столовой, и что после завтрака меня отведут к начальнику тюрьмы.

В десять часов меня повели к начальнику.

— Значит, ты и есть Рирден, — многозначительно произнес сопровождавший меня заключенный из числа «пай-мальчишек». — Наслышан о твоих подвигах.

— В самом деле? — удивился я.

— Меня зовут Симпсон. Тебе предстоит встреча с комиссией. Мой совет: не высовывайся.

— Что за комиссия? — спросил я.

— Приемная комиссия для новичков: начальник тюрьмы, святой отец, старший надзиратель, заместитель начальника по быту, короче, все там будут. Начальник — неплохой малый, нужно только правильно себя с ним вести. Но не дай Бог ему не понравиться! Остальные будут наставлять тебя на истинный путь. Берегись Хадсона, главного надзирателя, это опасный ублюдок.

В приемной, где уже сидело с полдюжины заключенных, Симпсон шепнул мне:

— Вот увидишь, приятель, тебе не придется ждать. Пойдешь первым, ты на особом счету.

— Что же во мне особенного?

— Начальник тебе все популярно объяснит.

Наш разговор прервал вышедший из кабинета надзиратель.

— Рирден, проходи! Симпсон, отправляйся в свой блок.

За большим столом сидело пятеро мужчин, двое из них были в форме старших надзирателей.

— Рирден, — обратился ко мне сидевший посередине человек с военной выправкой, — я начальник этой тюрьмы. Ты здесь потому, что совершил преступление. Как наладишь свою жизнь в тюрьме, зависит исключительно от тебя самого. Тюрьма может стать как местом наказания, так и местом реабилитации. Выбор за тобой, у нас же есть все возможности, чтобы обеспечить любой из названных режимов. Ты понял меня?

— Да, сэр.

— Обычно я отношусь ко всем заключенным одинаково, — продолжал он, беря в руки лежащий перед ним лист бумаги. — Но министерство внутренних дел переслало нам указание содержать тебя на особом режиме, так что я вынужден буду ограничить твои права в тюрьме. Отныне сопровождать тебя будет только надзиратель. Тебе придется носить специальную одежду с цветными нашивками. Впрочем, лучше тебе самому ознакомиться с перечнем ограничений для особо опасных преступников. — С этими словами он протянул мне лист бумаги. — Время от времени мы пересматриваем условия содержания заключенных, и мои рекомендации учитываются в Скотленд-Ярде. Постарайся убедить полицию, что больше не представляешь собой опасности для общества.

Он, конечно, имел в виду бриллианты.

— Я обдумаю ваши рекомендации, сэр, — сказал я, мысленно проклиная чертовы камешки. — Я буду здесь довольно продолжительное время и хочу исправиться.

— Весьма похвально, — сказал начальник тюрьмы. — Многое будет зависеть от твоего поведения. В этой связи что-то хочет сказать мистер Хадсон, наш главный надзиратель.

— У меня только одно пожелание, сэр. Чтобы мистер Рирден постарался не доставлять мне хлопот. Иначе ему придется пожалеть об этом. Я не допущу, чтобы особо опасные преступники нарушали режим и подбивали заключенных к беспорядкам.

— Я понял вас, сэр, — с каменным лицом сказал я.

— Надеюсь, что это действительно так, — перебил меня начальник тюрьмы. — Кстати, Рирден, с тобой хочет побеседовать представитель Скотленд-Ярда. Проводите заключенного, — кивнул он стоящему у двери охраннику.

Я ожидал увидеть Брунскилла, но ошибся: меня поджидал совершенно незнакомый детектив.

— Инспектор сыскной полиции Форбс, — представился он. — Садитесь, Рирден. Надеюсь, начальник тюрьмы довел до вашего сведения, что отныне вы особо опасный преступник. У вас, я вижу, в руках копия «Правил содержания особо опасных преступников». Даю вам пять минут на ознакомление с этим документом.

Я положил лист бумаги на стол перед собой и углубился в чтение.

— Есть и другие правила, Рирден, — заметил Форбс. — Вас будут без предупреждения переводить из одной камеры в другую, а камеру обыскивать. Все это весьма неприятно.

— Но почему вас это беспокоит? — удивился я.

— Мне жаль, что вы не стремитесь облегчить себе жизнь. — Он пожал плечами.

— Вы можете устроить мне перевод в другую тюрьму? — спросил я.

— Боюсь, что нет. Но если бы вы начали с нами сотрудничать, комиссия по пересмотру дел заключенных могла бы изменить к вам отношение.

— Не понимаю.

— Оставьте, Рирден, — поморщился он, — вы все понимаете. Я имею в виду пропавшие бриллианты.

— Не видел никаких бриллиантов. — Я посмотрел ему прямо в глаза, ибо это была чистейшая правда: ведь я и в самом деле их не видел.

— Послушайте, Рирден, — устало вздохнул Форбс, — нам действительно известно, что именно вы похитили бриллианты, за что и осуждены судом. Зачем же так упорствовать? Поймите же наконец, что на свободу вы выйдете дряхлым стариком. Игра не стоит свеч! Скажите, как вы узнали, что в посылке будут бриллианты? Как узнали, кому их надо доставить?

— Мне об этом ничего не известно, — сказал я.

— Вам ничего не известно, — повторил он за мной. — Может быть, так оно и есть. — Он откинулся на спинку стула и уставился на меня. Помолчав некоторое время, он вдруг начал хохотать.

— О, нет! Этого не может быть! Вас не могли дважды столь жестоко наказать!

— Не понимаю, о чем вы говорите!

— Вы прибываете в Англию из далекой страны и спустя всего четыре дня совершаете дерзкое ограбление. Преступление явно кем-то подготовлено для вас, сами вы ничего не успели бы сделать за столь короткий срок. Я прав? Потом мы берем вас, но бриллианты исчезают. Где же они, спрашивается? Очевидно, их кто-то присвоил. Так не сделал ли это тот самый доброжелатель, который позвонил нам и послал анонимное письмо? Он присвоил бриллианты и сдал вас нам, Рирден! Ваш сообразительный дружок, Рирден, организовавший это дело, просто упрятал вас за решетку. Разве не так?

Я тяжело вздохнул.

— Что это? — воскликнул Форбс. — Закон чести среди воров? Не будьте глупее, чем вы есть, Рирден, ваш дружок продал вас за несколько тысяч вонючих монет, а вы его выгораживаете. Не надейтесь, что вам удастся отсюда выбраться, это совсем не просто.

— Я обдумаю ваши слова, — сказал я.

— Обдумайте их хорошенько. И дайте знать начальнику тюрьмы, когда захотите меня видеть. Только не пытайтесь перехитрить меня, Рирден! Не тратьте попусту время и силы. Просто

помогите отловить вашего дружка, и вас немедленно переведут в категорию нормальных заключенных. Я лично приложу все силы, чтобы комиссия сократила вам срок наказания. Вы поняли меня, Рирден?

— Двадцать лет — большой срок. У меня будет время серьезно обо всем подумать, мистер Форбс.

— Вы не пожалеете, — сказал он. — Хотите сигарету?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошли месяцы. Я драил и тер блок «В», словно авгиевы конюшни, время от времени вступая в стычки с грязными свиньями, не желавшими уважать мой труд. Форбс еще несколько раз пытался склонить меня к сотрудничеству, но потом отказался от этого. Навещал меня и Маскелл, интересовался, не желаю ли я обжаловать приговор суда. Я отвечал, что не вижу в этом никакого смысла.

Второй раз мы встретились с моим стряпчим в кабинете начальника тюрьмы.

— У мистера Рирдена имеются накопления в Южной Африке, — сказал Маскелл. — Сейчас они переведены в Англию, и ему, естественно, понадобится доверенное лицо, которое позаботилось бы об их вложении.

— О какой сумме идет речь? — поинтересовался начальник тюрьмы.

— Немногим более 400 фунтов стерлингов, — сказал Маскелл. — Вложив эти деньги в надежное предприятие, можно через двадцать лет получить тысячу фунтов, а мистеру Рирдену они будут весьма кстати. Согласие министерства внутренних дел имеется. — Он показал документы.

— Хорошо, не возражаю, — сказал хозяин кабинета и подписал доверенность.

Наконец наступил день, когда я зачеркнул в календаре цифру 365: мне оставалось отсидеть только 19 лет.

Я по-прежнему ходил в «особо опасных», но уже успел привыкнуть к свету в камере ночью и автоматически выкладывал за минуту до отбоя одежду перед дверью. Время от времени меня переводили в новую камеру. Именно тогда я и познакомился со Слейдом. Это был его первый срок за первое преступление, зато весьма солидный: сорок два года тюрьмы за шпионаж. Я слышал о нем и знал, что Слейд был самой крупной рыбиной, попавшейся после Блейка, русского шпиона. Бледный, болезненного вида человек, передвигавшийся на костылях: как я позже узнал, ему при аресте прострелили ноги, и он восемь месяцев пролежал в госпитале, прежде чем предстать перед судом. Какая же у шпионов интересная жизнь. Подчас, пожалуй, даже чересчур интересная.

На процессе выяснилось, что Слейд на самом деле русский, хотя ни внешний облик, ни речь его не давали повода для подозрений: у него был превосходный английский язык и вид джентльмена. В тюрьме его встретили весьма холодно: оказывается, и преступники не лишены чувства патриотизма. Меня же

нисколько не раздражало, что он русский шпион: главное, я нашел в нем культурного и эрудированного собеседника, готового помочь мне овладеть трудным языком. Когда я спросил его, говорит ли он по-русски, он ласково взглянул на меня и мягко сказал, что при сложившихся обстоятельствах с его стороны было бы глупо отрицать это. Кроме Слейда, я сблизился еще и с Джонни Свифтом, «мотавшим» срок за кражу со взломом.

Джонни в скором времени должны были перевести из тюрьмы в общежитие фирмы, согласившейся взять его на работу, чтобы он несколько освоился среди нормальных людей на свободе. Это было частью программы реабилитации заключенных. Лично я не думал, что Джонни можно перевоспитать.

Мы редко встречались с ним, перебрасывались порой словечком-другим во время прогулок, но не более того. Однажды во время очередной прогулки я заметил, что Джонни подает мне знаки. Я поймал мяч, который он бросил, и подбежал к нему.

— Ты хочешь выбраться отсюда? — спросил он, посылая мяч в дальний угол двора.

— Есть предложение? — Я глубоко вздохнул.

— Ко мне обращались, так что разговор продолжается. Но при одном условии: если у тебя есть деньги.

— Сколько? — спросил я.

— Для начала — пять тысяч монет, старина, — сказал Джонни. — Это аванс на организационные расходы, окончательный расчет — на свободе.

— Где же я возьму такую кучу денег? Они не сказали, сколько всего хотят?

— Нет. Как скоро ты можешь внести аванс?

— У меня есть накопления в Южной Африке, о которых никто не знает. Они смогут достать чек банка в Йоханнесбурге? Я его подпишу, и они получают по нему наличные. Запомни название банка и адрес.

Я сообщил Джонни все необходимые данные, и он кивнул головой в знак того, что запомнил их.

— Будь осторожен, — сказал он. — К тебе подойдут.

Спустя десять дней один из новых заключенных передал мне чистый бланк чека.

— Заполни и передай Шервину.

Я знал Шервина, он должен был вскоре освободиться.

Вечером я достал бланк чека и разглядел его, почти физически ощущая пыль южно-африканских шлаковых отвалов. Затем вписал требуемую сумму, оставив незаполненной графу для фамилии получателя, и расписался, размышляя при этом, не водит ли меня Джонни Свифт за нос. Но выбора не было, так что оставалось уповать на алчность тех, кто все это затеял: ведь наверняка им захочется получить больше, что станет возможным лишь после завершения дела.

На следующее утро я передал чек Шервину, и по тому, как ловко он зажал его своей ручищей, я понял, что он сумеет вынести его на волю. Шервин был карточный шулер, в нашем отделении никто не решался играть с ним на деньги. Спрятать чек для него было раз плюнуть.

Прошла неделя, потом вторая, но обо мне словно забыли. Когда пошла шестая неделя, я начал нервничать: чтобы получить деньги по чеку, хватало бы и одной недели.

Все разрешилось неожиданно.

Это случилось в так называемое «свободное время». Смитон выговаривал мне за некоторые огрехи в работе, когда с шахматной доской под мышкой к нам подошел Косгроув. Подождав, пока Смитон закончит воспитывать меня, он сказал:

— Выше нос, Рирден! Как насчет партии в шахматы?

Я знал Косгроува: он схлопотал десять лет за организацию ограбления фургонов с сигаретами и виски, кто-то навел на него полицию. Он «тянул» уже шестой год и мог рассчитывать на досрочное освобождение через два года.

— В другой раз, Косси,— сказал я ему.

— Разве ты не хочешь сыграть в турнире? — удивленно вскинул он брови.

Мне пришлось согласиться, и мы расставили фигуры на доске, удалившись в другой конец холла.

— Ладно, Косси,— сказал я,— выкладывай, что там у тебя.

Он пошел пешкой.

— Я твой посредник. Будешь иметь дело только со мной. Для начала обговорим сумму.

— Но с меня уже получили пять тысяч. И теперь я хочу получить за это что-то взамен.

— Ты видишь меня, не так ли? Твой ход.

Я сделал ответный ход, и он рассмеялся:

— Ты осторожный человек, Рирден. Не любишь торопить события.

— Приходится осторожничать, Косси, когда имеешь дело с такими парнями, как ты. Так что хочешь мне сказать?

— Как бы ты ни осторожничал, раскошелиться тебе все равно придется, Рирден,— сказал он.— Я понимаю, это все равно, что прыгать в темноте. Но вся штука в том, что мы либо обсуждаем конкретную сумму, либо все отменяется.— Он пошел конем.

— Согласен. Сколько?

— Половину того, что ты взял: 86 тысяч 500 фунтов стерлингов.

— Не будь идиотом. В посылке было бриллиантов на 120 тысяч, владельцы немного прибавили от себя. Это во-первых, а во-вторых, неужели ты думаешь, что ворованные бриллианты можно продать за полную стоимость?

— Ходи, за нами наблюдают. Неограненные бриллианты вполне можно продать за их полную стоимость, если ты не дурак, а ты не дурак, раз провернул такое дельце, и вышел бы сухим из воды, если бы тебя не предали.

— Это были ограненные бриллианты,— сказал я.— Их обрабатывали в Амстердаме и готовили для изготовления украшений. Бриллианты такого разряда просвечивают рентгеном, фотографируют и регистрируют. К тому же их подвергли дополнительной огранке, после чего их стоимость упала. А кроме того, я работал не один, напарник должен был получить половину. Разработка операции его, исполнение — мое. Понятно?

— Вот именно, что многое пока не понятно. Братва не может разобраться, что к чему. Если твой напарник сдал тебя, у тебя нет ни гроша, и ты нам не подходишь.

— Меня сдал не напарник.

— Но ходят слухи, что это сделал именно он, — возразил Косси.

— Слухи распускают легавые, сам понимаешь.

— Похоже, так оно и есть, — задумчиво произнес Косси. — Ты с кем работал?

— Я не сдал напарника фараонам, не сдам и твоей братве. Мы работаем тихо, в чужие дела не суемся и не хотим, чтобы кто-то совал свой нос в наши. Ясно?

— Ясно, — пробурчал Косси, — но мы к этому еще вернемся. Так сколько же пришлось на твою долю?

— Сорок тысяч монет. Они в надежном месте, так что оставьте моего дружка в покое. Рассчитываться буду я сам.

— Номерной счет в швейцарском банке? — понимающе улыбнулся он. — Но все равно тебе придется расстаться с половиной. За двадцать тысяч мы вытащим тебя из клетки и вывезем из страны, но если тебе взбрдет в голову вернуться — это уж твои трудности. И не пытайся нас надуть, приятель, иначе о тебе больше никто не услышит. Ясно?

— Мне все ясно. Вытаскивайте меня из тюрьмы, и я выложу деньги на бочку.

— Я передам братве, — сказал Косси. — Они решат, годишься ты в клиенты или нет.

— Косси, меня смущает одно: почему ты здесь торчишь?

— Я всего лишь посредник, и мне осталось два года. Меня ждет неплохое дело на воле, и я не намерен рисковать им. Но тебе не советую возвращаться в Англию.

— Меня сейчас это мало беспокоит. И так хватит впечатлений на всю оставшуюся жизнь.

— Шах, — сказал Косси. — Кстати, ты ведь подружился со Слейдом, верно? Вы с ним подолгу болтаете.

— Он помогает мне учить русский язык. — Я вывел короля из-под удара.

— С этим придется завязать. Держись от Слейда подальше. Иначе все отменяется, сколько бы ты ни заплатил.

— Какого черта? — удивился я.

— Это не твоего ума дело, — оборвал меня Косси. — Шах! — пошел он слоном.

— Только не пытайся убедить меня, что у вас в мафии все большие патриоты. При чем здесь русский?

— Не задавай глупых вопросов, — поморщился Косси. — Делай, что тебе говорят. — Он обернулся к проходившему мимо нас Смитону и воскликнул: — Этот Рирден чуть было не обыграл меня. У него неплохие шансы выиграть турнир.

Смитон скользнул по нему безразличным взглядом и пошел дальше.

Я не сыграл в турнире, но не из-за того, что слабовато играл в шахматы. Спустя два дня Косси сам подошел ко мне и сказал,

что все решено, побег состоится в субботу, ровно в три часа, во время прогулки.

— И как все это будет обставлено? — поинтересовался я, борясь со спазмом в желудке.

— Ты когда-нибудь видел, как украшают к Рождеству улицы? — спросил Косси. — Короче говоря, подьедет большой автокран с платформой, как у электриков, устанавливающих праздничные гирлянды и красочные щиты. Ты понял?

— Понял. В аэропорту Яна Смита в Йоханнесбурге их используют для обслуживания больших самолетов. Называют такие машины «вишнесборщиками».

— В самом деле? Любопытно. Короче, такой «вишнесборщик» подьедет в субботу к тюремной стене, опустит платформу со стрелы крана, и тебе останется только на нее запрыгнуть. Не успеешь и глазом моргнуть, как очутишься на свободе. — Он оглянулся по сторонам. — В это время начнется небольшая заварушка, но ты на нее не отвлекайся, делай свое дело. И еще: если тебя выгатают, но у тебя не окажется денег, не обижайся. Понял?

— Братва получит деньги, — твердо пообещал я.

— Тогда до субботы. Да, чуть было не забыл! С тобой побежит еще один человек, и ты должен ему помочь.

— Кто именно? — насторожился я.

— Слейд! — улыбнулся Косси.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У меня от удивления отвалилась челюсть.

— Ты спятил?

— Не желаешь свободы другим? — осклабился он.

— Но ведь он едва ползает на своих костылях! — возмутился я. — Как же он побежит?

— Ты ему поможешь, Рирден, — холодно ответил Косси. — А костыли ему нужны как мертвому припарки. Он вполне способен доковылять до платформы.

— Не хватало мне попасть в изолятор на шесть месяцев. А оттуда уж точно упекут на остров Уайт или куда-нибудь подальше.

— Но ведь то же самое грозит и Слейду, — сказал Косси. — А ему тянуть еще сорок с хвостиком. И вот что я тебе скажу, Рирден: этот парень для нас поважнее тебя. Знал бы ты, сколько денег за него отвалили! Так что лучше помалкивай и делай, что тебе говорят. А в спецюрму тебя хотят перевести уже в следующее воскресенье. Понял? Ну, до встречи во дворе в субботу, — хлопнул он меня по плечу, и как раз в это время зазвенел звонок, оповещающий заключенных, что время прогулки истекло.

Наконец наступила долгожданная суббота. В половине третьего нас вывели на прогулку. Кто-то стал гонять мяч, но большинство просто слонялось по двору, греясь на солнце и любуясь голубым небом. Я подошел к Костроуву, и мы вместе с ним прогулялись вдоль стены.

— Я покажу место, напротив которого тебе нужно будет встать

и ждать сигнала. Понял? — сказал мне шепотом Косси.

— Я не дурак.

— Надеюсь, — ухмыльнулся он. — Мы уже подходим. Взгляни-ка на стену! Именно там и опустится платформа. Дойдем до конца стены. Может, придется подпрыгнуть, но с платформы спустят канат, это облегчит задачу.

— Подпрыгнуть? — насторожился я. — А как же Слейд?

— Сперва ты его подсадишь, а уже потом полезешь сам. Понял? — Косси сделал вид, что увлечен игрой в другом конце двора.

— Но тогда ему придется бросить костыли!

— Ясное дело, — недовольно буркнул Косси, и мы пошли назад. Слейд стоял у стены, опираясь на костыли.

— Оставайся здесь и жди, пока появится платформа. — Косси взглянул на зажатые в кулаке женские часики. — Еще есть в запасе двадцать минут.

— Откуда у тебя это? — поинтересовался я.

— Не твое дело, — отрезал Косси. — Через двадцать минут их у меня уже не будет. Надзиратели перевернут вверх дном всю тюрьму, но часиков им не найти. Ну, я пошел. Без двух минут три ребята затеют драку, и ты сразу же иди к отметине на стене. Только не суетись и не вздумай бежать. Понял? Не отвлекайся, что бы ни происходило вокруг, делай свое дело. Когда платформа зависнет над землей, подставишь Слейду спину, а потом вскарабкаешься по канату сам. Все очень просто. Удачи тебе, Рирден. От рукопожатий воздержимся. Прощай. Осталось пятнадцать минут.

— Постой, а как же насчет телекамер на стене?

— О них позаботились, — успокоил меня Косси. — Ну, я пошел.

Я остался один и еще раз взглянул на стену. Мои ладони вспотели, когда я увидел натянутую над ней колючую проволоку.

Слейд с невозмутимым видом стоял напротив меня: видимо, всех заранее попросили держаться от него подальше, а желающих послушаться совета крутых парней с крепкими кулаками в тюрьме не нашлось. Кому охота стать жертвой несчастного случая?

Косси непринужденно болтал с кем-то из заключенных, время от времени они дружно смеялись, и мне оставалось надеяться, что не надо мной. Впрочем, если бы Косси сыграл со мной злую шутку, нам с ним стало бы тесновато в этой тюрьме. Но сердце подсказывало мне, что это не розыгрыш.

Четверо надзирателей с каменными лицами прохаживались по двору, присматривая за прогуливающимися заключенными, еще двое наверняка наблюдали за ними из окон.

Время шло, и у меня вновь вспотели ладони. Я вытер их о штаны: не хватало только, чтобы они скользили, когда я ухватюсь за канат! Я взглянул на Косгроува: он разговаривал со своим приятелем, но время от времени поглядывал на меня. Вдруг я услышал в другом конце двора шум и перебранку. В тот же момент Косси хлопнул друга по спине и нарочито громко расхохотался. Я встал и медленно пошел к стене.

Все смотрели в направлении вспыхнувшей в углу двора потасовки. Туда побежали некоторые заключенные и надзиратели. Справа от меня, словно из-под земли, вырос старший надзиратель Хадсон и с решительным видом направился к нарушителям порядка. Неожиданно раздался негромкий хлопок, и двор заволочло густым белым дымом. Я продолжал идти, но Хадсон обернулся и уставился на меня. Последовало еще несколько хлопков, дым стал еще гуще. Кто-то кидал через стены дымовые пашки.

— Побег! Побег! — закричал Хадсон. — Включите сирену!

Он засвистел в свисток, но я продолжал двигаться в заданном направлении.

— Где эта чертова платформа? — услышал я голос Слейда и взглянул вверх: из клубов дыма прямо на нас опускалась платформа, с четырех концов которой свисали канаты. Стоявший на ней человек что-то говорил в трубку радиотелефона.

— Давай, Слейд! — крикнул я. — Лезь первым!

Он отшвырнул костыли, и я подсадил его. Когда он ухватился за канат, человек на платформе что-то сказал в микрофон, платформа поползла вверх. Я подпрыгнул и вцепился в последний узел того же каната, на котором завис и Слейд. Он быстро карабкался по канату вверх, размахивая перед моим лицом ногами, и зацепил-таки носком ботинка мой подбородок. Я едва не отпустил канат, но в последний момент сумел удержаться.

Вдруг я почувствовал, что кто-то схватил меня за лодыжку. Я посмотрел вниз и увидел перекошенное от злобы и напряжения лицо Хадсона. Хватка у него, надо признать, была бульдожья, но после мощного удара другой моей ногой по его физиономии, он ржал руки и с глухим стуком рухнул на землю. Я из последних сил полез по канату вверх, рискуя порвать мышцы рук, пока наконец не ухватился за край платформы. Подтянувшись, я влез на нее, мысленно благодаря Слейда за преподанный мне урок.

Слейд едва дышал, распластавшись на платформе.

— Все будет хорошо, — успокаивал его человек с радиотелефоном, — теперь все будет в полном порядке.

Я посмотрел вниз, увидел под нами колючую проволоку и вздохнул с облегчением.

— Делайте, как я, — приказал нам человек с радиотелефоном, когда стальная рука крана перенесла нас за стену и начала плавно опускаться вниз. Неизвестно откуда появился грузовичок и остановился прямо перед зависшей над улицей платформой. Наш сопровождающий перелез через ограждение и спрыгнул в кузов. Я последовал его примеру. Слейд свалился мне на голову, едва не сломав мне шею, но не успел я выругаться, как автомобиль рванул с места и свернул в переулок, отчаянно скрипя по крышкам по асфальту.

Вцепившись обеими руками в борт, я взглянул назад и увидел, как огромный автокран-«вишнесборщик» перегораживает проезд. Из его кабины выскочили двое мужчин и разбежались в разные стороны. Что было потом, я уже не видел, потому что наш грузовичок снова свернул в переулок.

Слейд выглядел ужасно, лицо его посерело, он тяжело дышал,

привалившись к борту кузова. Наш сопровождающий толкнул меня локтем в бок:

— Внимание, тебя сейчас пересадят в микроавтобус. Приготовься!

Резво мчавшийся по пустынному проулку грузовичок прижался к бортику и остановился почти вплотную к стоявшему с открытой дверью микроавтобусу. Я перемахнул через борт, прыгнул на асфальт и шмыгнул в салон. Дверца за моей спиной тотчас захлопнулась, и автомобиль тронулся с места, быстро набирая скорость. Одновременно грузовичок со Слейдом в кузове тоже стал удаляться, свернул направо и исчез из вида.

— Куда мы едем? — с трудом переводя дух, спросил я сидящих впереди широкоплечих парней. — Почему нас со Слейдом разлучили?

— Пригнись пониже и заткни пасть, — не оборачиваясь, приказал мне один из них. — Скоро все узнаешь.

Я постарался расслабиться, насколько это было возможно на холодном металлическом полу. Судя по мелькающим за задним стеклом зданиям и перекресткам, мы кружили по улицам. Наконец микроавтобус свернул в переулок и, снизив скорость, въехал по трапу в фургон автопоезда. Двери его с лязгом закрылись, и мы очутились в полнейшей темноте.

— Вылезай! — приказал из темноты женский голос, и задняя дверца микроавтобуса со скрипом открылась. Я на четвереньках выполз из своего временного убежища и очутился в женских объятиях.

— Ради Бога! — воскликнула женщина. — Включите же наконец свет!

Зажегся свет, и я огляделся. Передо мной стояла высокая блондинка в белом комбинезоне, похожая на медицинскую сестру. Один из сопровождавших меня мужчин проскользнул мимо меня вперед и, присев на корточки, хомутом прикрепил бампер микроавтобуса к скобе в передней стенке фургона. Мощный двигатель автопоезда натуженно взревел, и машина поехала. Мужчина выпрямился и улыбнулся.

— Нехорошо, когда болтает, — сказал он, постучав по крыше микроавтобуса. — Нам это не нужно.

— Раздевайся, — приказала очаровательная блондинка. — У нас мало времени.

Я стащил с себя тюремную одежду и получил взамен чистое нижнее белье, носки, сорочку, ботинки и костюм.

— Рубашку пока не надевай, — сказала блондинка.

Я надел брюки и ботинки, все было точно по мне.

— Как вы узнали мои размеры? — удивился я.

— Нам о тебе все известно, милок, — ухмыльнулся один из парней. — Кроме одного: где ты хранишь свои деньги. Но ведь ты нам расскажешь, правда? — Он выпустил струйку сигаретного дыма мне в лицо. Я застегнул «молнию» на брюках.

— В свое время.

— Сядь на стул и нагнись над тазом. Я вымою тебе волосы. — Блондинка намылила мне голову шампунем, сполоснула, снова намылила и опять сполоснула. Потом взяла меня за подбородок

и принялась втирать шампунь в брови. Закончив, она протянула мне зеркало: — Ну, как ты себя находишь?

Из зеркала на меня смотрел уже не брюнет, а шатен, в котором даже Макинтош вряд ли признал бы Рирдена. Я провел рукой по подбородку.

— Да, бриться тебе придется два раза в день, — заметила блондинка. — Бритвенный прибор в чемодане.

Я открыл свой новый чемодан и обнаружил в нем все необходимое для путешествия.

— Отныне тебя зовут Реймонд Крукшанк, — начала объяснять блондинка. — Вот здесь запонки с твоими инициалами, такие же буквы на чемодане. Отнесись к этому серьезно, это залог твоей безопасности. — Она нахмурилась, заметив мою ироническую улыбку. — Ты ведь жил некоторое время в Сиднее, верно? Австралийский акцент трудно отличить от южноафриканского, так что мы решили сделать тебе австралийский паспорт.

Я раскрыл паспорт и увидел на фотографии симпатичного шатена, свою точную копию. Тем временем женщина протянула мне бумажник:

— Можешь ознакомиться с содержимым.

Я с интересом рассмотрел две членские карточки сиднейских клубов, двухдолларовую австралийскую купюру среди английских банкнот, водительское удостоверение, дюжину визитных карточек, свидетельствующих, что я являюсь управляющим фирмы, торгующей оборудованием для офисов, и пришел к заключению, что «постановщики» потрудились на славу: все выглядело весьма впечатляюще.

— А это что за люди? — поинтересовался я, вертя в руках фотографию совершенно незнакомой мне женщины в окружении детей, которая обнимала за талию какого-то мужчину.

— Это твоя жена и твои дети, — невозмутимо сказала блондинка, и я, приглядевшись, узнал в мужчине самого себя.

— Удачный монтаж. А это что? — воскликнул я, извлекая из бумажника надорванный театральный билет: оказывается, два месяца тому назад я был в сиднейском театре на спектакле «Скрипач на крыше». — Замечательно! Просто великолепно! — Убрав бумажник, я стал надевать рубашку.

— Мистер Крукшанк! Вы забыли, что мы взяли на себя обязанность обеспечить вашу безопасность. Сейчас, сэр, предстоит маленькая процедура. Держите его! — приказала блондинка своим помощникам, и те крепко схватили меня с обеих сторон.

— Какого дьявола! — воскликнул я, но блондинка, закатав рукав моей сорочки, ловко вонзила мне в руку шприц.

В следующую секунду ее лицо начало расплываться у меня перед глазами...

Очнулся я с ощущением, что проспал не менее сотни лет. Но еще более странным было то, что меня мучило, как с похмелья. Я лежал на спине, не открывая глаз. Голова пылала и раскалялась, словно по ней дупили кувалдой, во рту ощущался при-

вкус портянки. Наконец я открыл глаза и увидел над собой потолок с изящным лепным карнизом.

— Странная камера, — приподнимаясь на локте, пробормотал я, озираясь по сторонам. В этот момент щелкнул дверной замок: кто-то запер дверь снаружи на ключ. Пол моей новой камеры был устлан толстым ковром, возле светло-серой стены стояли тумбочка и кресло. И тут до меня наконец дошло: ведь я уже не в тюрьме. Но где же тогда нахожусь?

На мне была шелковая пижама, та самая, которую выдали в автопоезде. Я мучительно пытался вспомнить, что же со мной произошло. Отчаянный прыжок на тюремном дворе к спасительному канату, стремительное бегство — сперва на грузовике, затем в микроавтобусе и автопоезде, все это проплыло перед моим мысленным взором. Автопоезд! Блондинка перекрасила мне волосы, выдала паспорт и бумажник и под конец вколола какую-то пакость.

Я откинул одеяло и вскочил на ноги. Меня шатнуло, и я едва ли не ввалился в ванную, где согнулся над унитазом и засунул два пальца в рот. Почувствовав некоторое облегчение, я решил умыться и взглянул на себя в зеркало. На меня смотрел измученный незнакомец, шатен, с черной щетиной на щеках.

Я тщательно побрился, умылся, насухо вытер лицо полотенцем и почувствовал себя гораздо лучше. Но мое настроение моментально упало, стоило мне заметить на окне толстую решетку. И хотя стекло было матовым, я разглядел такую же решетку со стороны улицы. Даже в камере на окне была одна решетка. Эти «постановщики» и в самом деле крутые ребята!

Швырнув полотенце на пол, я вернулся в спальню, окно которой, конечно же, тоже было забрано решеткой, принялся изучать комнату и похолодел: в спальне оказались две кровати. На одной из них валялось смятое одеяло и постельное белье, на второй кто-то лежал. Подойдя поближе, я узнал в тяжело сопящем мужчине Слейда. Я похлопал его по щекам, приподнял пальцем веко, но это не дало ощутимых результатов: Слейд был без сознания.

Я оставил его в покое, главным образом потому, что заметил на кресле газету «Санди Таймс». На первой ее странице помещена фотография тюрьмы, из которой мы сбежали, и статьи с броскими заголовками. Я не без интереса прочитал, что в день побега камеры внутренней телевизионной сети были повреждены с помощью распылителя краски, а маленький открытый грузовичок обнаружили брошенным в Колчестере, тогда как черный микроавтобус найден в Саутхэмптоне. Районы тотчас заблокировали полицией, но, как выяснилось, слишком поздно.

В центре внимания прессы был, безусловно, Слейд. Что такое похититель бриллиантов по сравнению с матерым шпионом?

Однако Брунскилл не преминул отметить в своем интервью, что я опасный субъект, имеющий на своем преступном счету не одно правонарушение, сопряженное с насилием, так что обществу следует быть начеку и ни в коем случае не оказывать мне никакой помощи.

Едва я отложил газету в сторону, как щелкнул дверной замок,

и в комнату вошел человек в белом халате, кативший перед собой сервировочный столик на колесиках. За ним следовал высокий лысый мужчина с остатками седых волос на голове, которого я сразу же мысленно назвал Толстомордым.

— Вы, я полагаю, уже успели проголодаться, — сказал он, — и не откажетесь от легкой закуски.

— Если ее воспримет мой желудок, — уклончиво ответил я.

— Вид у вас действительно не очень здоровый, — согласился он. — Я подготовил для вас две бутылочки — с аспирином и с лекарством для желудка, они на туалетном столике. Надеюсь, вы сами их найдете.

— Пока еще не нашел. Меня крайне заинтересовало вот это. — Я помахал в воздухе газетой.

— Занимательное чтение. — Толстомордый похлопал человека в белом халате по плечу. — Можешь идти. — Затем вновь обратился ко мне: — Не возражаете, если я выпью с вами чашку чая?

— Ради Бога! Будьте моим гостем, — поклонился я, мысленно размышляя о том, как устроить побег из моей новой роскошной тюрьмы...

ГЛАВА ПЯТАЯ

О нас со Слейдом заботились так, словно мы были греческими пароходными магнатами. Сервис бандитов не уступал обслуживанию в шикарнейших международных отелях. Нам ни в чем не отказывали, кроме одного — немедленного освобождения. Мы попросили газет — и получили их, мне захотелось выпить южноафриканского бренди — достали для меня самый лучший сорт, какого в лондонских магазинах я и не видел. Слейд, правда, предпочитал незнакомому напитку 15-летний «Глентливет», но о вкусах не спорят. Однако, когда мы заказали телевизор и радиоприемник, последовал отказ.

— В чем дело? — спросил я Слейда.

Он снисходительно взглянул на меня и объяснил:

— Дело в том, что они не хотят, чтобы мы догадались, где находимся. Ты спросишь, почему же в таком случае нам дают газеты? Все очень просто: по газетам ничего узнать нельзя, потому что, во-первых, мы не знаем, какое сегодня число, а во-вторых, газеты могут доставляться самолетом.

— Может быть, мы во Франции? — спросил я, продолжая прикидываться простачком.

— На Францию не похоже, — сказал Слейд, бросив взгляд на окно. — Я не знаю, где мы находимся. Честно говоря, меня это не волнует: главное, что скоро я буду дома. Я не был в России двадцать восемь лет.

— Сдается, ты важная птица, Слейд. Как профессионал, что ты думаешь об этой банде?

— Я бы не стал их так называть, — нахмурился Слейд. — Уголовники вряд ли смогли бы наладить такую безупречную организацию. Они знают свое дело не хуже, чем я свое.

— Так ты полагаешь, что они, в некотором смысле, твои коллеги? — насторожился я.

— Не исключаю и такой возможности, хотя маловероятно. Такая организация требует уйму денег. После войны у западных немцев был так называемый «Аппарат Гелена», но его содержали американцы.

— И кто же мог себе позволить раскошелиться на такую организацию? — осторожно спросил я.

— Наши люди, например, — хитро улыбнулся Слейд. — А что ты думаешь обо мне? Ведь я шпионил в твоей стране...

— Не в моей, — махнул я рукой. — Моя родина — Южная Африка, а в жилах моих течет ирландская кровь.

— Ах, да, верно, я совсем забыл, — пробормотал он.

За дверью нашей комнаты всегда кто-нибудь дежурил: я видел фигуру, маячащую в коридоре, но ни разу не разглядел лицо. Должно быть, там дежурило поочередно несколько человек, по меньшей мере трое. А это означало, что всего в доме не менее пяти человек. Женщин я не видел, это была чисто мужская компания.

Не обращая ни малейшего внимания на ироническую улыбку наблюдающего за мной Слейда, я попробовал на крепость решетки на окнах, как в спальне, так и в ванной, но они оказались достаточно прочными, не говоря уже о том, что были двойными.

Время от времени нас навещал Толстомордый. Я усердно накачивался спиртным, как при нем, так и без него. Он молча наблюдал за мной, но ничего не говорил. К счастью, мне удавалось сохранять над собой контроль, хотя со стороны это и не было заметно: и Толстомордый, и Слейд были уверены, что я окончательно спился. Между тем я регулярно выливал виски в унитаз, совершая вечерний туалет.

Чек из швейцарского банка наконец пришел. К этому времени мы со Слейдом уже успели изрядно надоеть друг другу. Я постоянно нервничал, думая о своем номерном счете, о Макинтоше с его секретаршей и о шансах на побег. Слейд тоже проявлял признаки нервозности, хотя и не делился со мной своими мыслями.

Однажды его увели на целый час, и, когда он вернулся, я спросил, куда его водили.

— На деловые переговоры, — сухо ответил он и вновь замолчал.

Меня увели на другой день. Комната, куда привел меня охранник, мне понравилась, хотя в ней и имелся один изъян: плотные шторы на окнах. Вскоре вошел Толстомордый и положил на стол передо мной бланк чека. Отвинтив колпачок ручки, он протянул ее мне со словами:

— Номер счета!

— Послушайте, сэр, — сказал я решительным тоном, — не вздумайте мудрить, иначе вы горько об этом пожалеете. Возьмите ровно 200 тысяч швейцарских франков и ни сантима больше. Иначе я найду вас и сломаю вам хребет.

— Найти меня тебе вряд ли удастся, Гирден, — усмехнулся он.

— Не надейся на это, со мной шутки плохи! — Я угрожающе

вытаращился на него. — Моя репутация тебе известна, я слов на ветер не бросаю и достану тебя хоть из-под земли.

— Мы тоже дорожим своей репутацией, — судорожно сглотнув, сказал Толстомордый. — Со счетом все будет в порядке, заполный чек.

— Надеюсь, — буркнул я, вписывая довольно сложную комбинацию букв и цифр. — Хорошо, что мы поняли друг друга. Долго мне еще ждать?

— Еще неделю, — сказал Толстомордый, изучив чек и довольно помахав им в воздухе, чтобы скорее просохли чернила.

Я взглянул на чек в его лапище и похолодел при мысли о том, что в этот момент подписал себе смертный приговор.

Спустя три дня Слейда увели, и больше я его не видел. Оставшись один, я томился в ожидании неминуемой беды. Толстомордый перестал навещать меня, я целыми днями слонялся по комнате или стоял возле окна и глядел на двор, и в солнечную, и в пасмурную погоду созерцал одно и то же: нехоженную гравийную дорожку и черного дрозда на газоне.

Наконец Толстомордый соблаговолил-таки навещать меня, и я воспользовался этим, чтобы прощупать ситуацию.

— Ради Бога! — воскликнул я. — Позвольте мне размять ноги во дворике. Можете приставить ко мне парочку ваших головорезов. Лучше бы я остался в тюрьме, там по крайней мере выводили на прогулку.

— И что из этого получилось? — усмехнулся Толстомордый. — Ты смылся, Рирден. Хочешь размяться — делай упражнения в комнате.

Я пожал плечами и налил себе виски.

— Послушай, Рирден, — продолжал Толстомордый, — может, на твоём банковском счете ничего нет? А может, и счета никакого нет? Ведь твой напарник тебя продал, мы это знаем. Он смылся со всеми деньгами, а тебя упрятал за решетку. Если у тебя за душой ни гроша, тебе не поздоровится.

— Деньги будут, — заверил его я, — можешь не сомневаться.

— Искренне надеюсь, что так оно и будет, — сказал он. — Я не желаю тебе зла.

Через несколько дней, когда я уже начал впадать в уныние, в комнату внезапно вошел Толстомордый и весело воскликнул:

— Ну, Рирден, ты меня приятно удивил!

— В самом деле? — Я насторожился.

— Да. Я было подумал, что ты водишь меня за нос, но оказалось, что я не прав. Мы получили деньги по чеку.

— Рад это слышать. Надеюсь, на счете достаточная сумма.

— Вполне достаточная. Так что тебе не удалось сбить меня с толку. А ведь ты пытался, верно?

— Боже мой! — удивился я. — Разве я не говорил, что деньги будут? Так когда же я уезжаю?

— Сядь, — приказал Толстомордый. — Есть серьезный разговор.

Я подошел к бару и налил себе бренди: мне действительно

требовалось промочить горло, ведь я не был до конца уверен в Макинтоше.

— Так вот, — сказал Толстомордый, — осталось устранить одну загвоздку. Крохотную заковычку, которая, однако, может стать серьезным препятствием. Тебе нужно кое-что объяснить. Догадываешься, что именно?

— Хватит темнить, Толстомордый! — осклабился я. — Говори прямо, что тебе еще от меня нужно.

— Суций пустяк: твое настоящее имя! — ухмыльнулся, в свою очередь, он и, не давая мне опомниться, злобно воскликнул, подавшись всем телом вперед: — Нам известно, что ты никакой не Рирден! Так что будь любезен объяснить, кто ты на самом деле.

— Ты сошел с ума, Толстомордый! — расхохотался я, откидываясь на спинку кресла. — Или же морочишь мне голову. На твоём месте я бы не стал этого делать.

— Оставь свои угрозы, — перебил меня Толстомордый. — И довольно прикидываться протачком. Ты не Рирден, нам это точно известно. У нас надежные источники информации. Надеюсь, ты не думаешь, что существуют неподкупные полицейские. Мы навели о тебе справки в Южной Африке, и ты не выдержал проверки. Тебе известно, например, такое место — площадь Джона Форстера в Йоханнесбурге?

— Там находится управление полиции. Но им ни разу не удалось ничего доказать.

— Ты хорошо изучил географию города, — усмехнулся Толстомордый. — Но это еще не доказывает, что ты Рирден.

— Пока что я не слышал доказательств, что это не так, — возразил я.

— В этом управлении у нас есть свой человек, и он раздобыл нам копии отпечатков пальцев настоящего Рирдена. Мы сличили их с отпечатками, оставшимися на пустых бутылках.

— Хорошо, — холодно произнес я, — покажите мне эти копии из полицейского досье, и мы вместе сравним их с моими пальчиками.

— Так мы и сделаем, — прищурился Толстомордый. — Но пока мы не узнаем, кто ты на самом деле, тебе не выбраться отсюда.

— Вы сами меня сюда привезли, и вы получили деньги. Так что пора выполнять условия договора.

— Встретимся завтра. — Толстомордый встал. — У тебя есть время все хорошенько обдумать. Советую сочинить что-нибудь правдоподобное.

Щелкнул замок, и Толстомордый исчез за дверью. Я уставился на свой бокал. У Толстомордого, похоже, в запасе имелась уйма всяких идей, так что и мне нужно было выдумать не одну, а по крайней мере две правдоподобные истории. Задача передо мной стояла не из легких: я могу при случае приврать, но плести саги я не мастер.

Как начинаются истории такого рода? Мне думается, они начинаются уже с колыбели, но вся штука в том, что логические построения приводят порой к нелепым результатам. Конечно,

можно начать эту историю с Йоханнесбурга, но это было бы верно только отчасти, ибо корни ее уходят гораздо глубже. Так или иначе, Йоханнесбург все же больше всего подходит для отправной точки этой истории, и, приступая к ней, я мысленно возвращаюсь в этот разросшийся шахтерский городок, улицы которого теперь вымощены золотом.

Началось все в одно ясное, солнечное утро. Сразу замечу, что такая погода наверняка обрадовала бы англичанку, но у жителя Южной Африки она не могла вызвать никаких эмоций, поскольку он привык к тому, что ясно и солнечно каждый божий день, а тучи даже зимой столь же редки, как и зубы у курицы.

Я жил в Хиллброу, в одном из бетонных небоскребов, надменно взирающих с высоты на затянутый дымкой смога город.

Одинокий холостяк либо живет как свинья, либо придумывает систему ухищрений, экономящих время и энергию, например, умудряется варить яйца в кофеварке.

Как-то, открыв почтовый ящик, я обнаружил, помимо трех рекламных проспектов и конвертов со счетами, письмо от Люси. Я не получал от нее весточек целых шесть лет и сперва даже не поверил своим глазам. Письмо было коротким, скорее это была записка, написанная зелеными чернилами на дорогой бумаге:

«Мой дорогой! Я пробуду в Йоханнесбурге всего несколько дней. Хотелось бы встретиться: ведь нас так много связывает! Я буду ждать тебя в полдень возле ресторанчика у озера в зоопарке. Я сильно изменилась, дорогой, поэтому в руках у меня будет белая гардения. Я не хочу, чтобы ты меня с кем-нибудь спутал. Умоляю, приходи! Жду с нетерпением, вечно твоя Люси».

Понюхав письмо, я уловил легкий аромат духов: Люси осталась верна себе, она не могла жить без фокусов. Сунув конверт в карман пиджака, я поднялся в квартиру, чтобы позвонить на работу и что-нибудь наврать шефу.

Без четверти двенадцать я припарковал свой автомобиль на стоянке у зоопарка и не спеша пошел вдоль берега озера, мимо кормящих птиц посетителей. Никого, похожего на Люси, я не заметил и направился ко входу в ресторан. На скамейке возле открытой веранды сидел пожилой мужчина и обмахивался шляпой. Из кармашка пиджака у него торчала белая гардения. Я сел рядом и негромко спросил:

— Люси?

Он смерил меня внимательным взглядом своих странных, лишенных ресниц, глаз и желчным голосом подтвердил:

— Люси. Все старые шпионы помешались на этом имени. — Он надел на голову шляпу и добавил: — Я знаю, кто вы, а меня зовут Макинтош.

— Рад познакомиться, — сухо ответил я.

— Матерый шпион предложил бы взять лодку и обсудить все дела посередине озера, — прищурившись, сказал Макинтош. — Но я предлагаю отобедать в ресторане, потому что болтаться как дурак на виду у всех на воде я не намерен.

— Меня это устраивает, тем более что я не завтракал.

Макинтош вытащил из кармашка цветок и с отвращением бросил его в урну.

— Не понимаю, почему люди фетишизируют органы размножения растений,— буркнул он при этом.— Пошли.

Мы уселись за дальний столик под тентом, Макинтош огляделся вокруг и удовлетворенно сказал:

— Чудесное место. Вы, южноафриканцы, понимаете толк в жизни.

— Вам, должно быть, известно, что я не южноафриканец,— уточнил я.

— Ах, верно. Минуточку, сейчас посмотрим.— Он полез в карман за записной книжкой.— Оуэн Эдуард Стэннард, родился в Гонконге, образование получил в Австралии, в университете специализировался на азиатских языках, еще будучи студентом, был завербован учреждением, которое вслух лучше не упоминать. Работал в Камбодже, Вьетнаме, Малайзии и Индонезии, потом был переведен в Южную Африку и «законсервирован». — Он захлопнул блокнот и положил его в карман.

— Именно так,— кивнул я.

Подошел официант, и мы сделали заказ: я попросил принести лангуста, пользуясь тем, что не мне предстояло за него платить, а Макинтош заказал себе что-то с зеленью. Кроме того, мы заказали бутылочку вина.

— Перейдем к делу,— продолжил Макинтош, когда все уже стояло на столе и можно было спокойно разговаривать.— Вам интересовалась местная полиция или секретная служба?

— Мне об этом ничего не известно,— ответил я.— Надеюсь, я надежно «залег под корягой».

— Значит, в тюрьме вы не сидели и по гражданским делам не судились?

— Я дважды платил штраф за нарушение правил дорожного движения, кроме того, судился с одним своим должником. Как ни обидно, процесс я проиграл.

— Мне это известно,— улыбнулся Макинтош.— Короче говоря, за вами нет никаких больших грехов. Это важно, потому что вам предстоит сотрудничать с южноафриканской полицией, а ей вряд ли захотелось бы иметь дело с агентом английской спецслужбы. Кстати, вы бывали в Англии?

— Нет, никогда. Видите ли, с тех пор, как прекратила свое существование Родезия, здесь стало модно слыть англофобом, даже если ты говоришь по-английски. Поэтому я не ездил в Англию даже в отпуск.

— Но теперь я уполномочен вытащить вас отсюда,— сказал Макинтош,— так что можете временно забыть свою легенду. Вам необходимо будет прибыть в Объединенное Королевство.

— Давно пора,— сказал я.— За все время работы на Великобританию я ни разу еще не побывал в Лондоне.

— Не думаю, что вы испытаете восторг по поводу предстоящей поездки, когда узнаете, какая вам отведена миссия. Замечательное вино, правда, чуть кисловатое,— заметил Макинтош, отпив из бокала.— Что вам известно об английских тюрьмах?

— Ровным счетом ничего.

— Я дам вам кое-что почитать. Весьма занимательное чтение, должен отметить. Лорд Маунтбаттен считает, например, что

английские тюрьмы дырявы, как швейцарский сыр. Вам известно, сколько ежегодно совершается побегов?

— Нет. Пару лет назад мне попала на глаза статейка в газете, но я не дочитал ее до конца.

— Более пятисот! Конечно, преступников вскоре ловят, но некоторым из них все же удается скрыться. Такое положение дел не может не вызывать обеспокоенность у правительства. Мне наплевать, сколько убийц, насильников и воров убежит из тюрьмы. Пусть об этом беспокоится полиция. Моя область — государственная безопасность, и, насколько мне известно, ситуация в ней тоже выходит из-под контроля. Премьер-министр разделяет мою озабоченность, поэтому он и поручил мне принять самые решительные меры. Судите сами: мы упрятали Блейка на 42 года за решетку, а через пять лет он благополучно убегает и оказывается в Москве, где выбалтывает русским все, что знает. Но даже если бы его поймали через месяц после побега, тому радовались бы все, кроме меня. Вы-то, надеюсь, меня понимаете?

— При таких обстоятельствах уже не было бы смысла снова сажать его в клетку, поскольку глупо запирают конюшню, когда лошадь уже увели.

— Вот именно! — живо подхватил мысль Макинтош. — В данном случае лошадь — это информация в голове Блейка, а не он сам. Сейчас на острове Уайт строят специальную тюрьму для особо опасных преступников. Так вот, лорду Маунтбэттену было достаточно всего один раз взглянуть на этот курятник, и он убедительно доказал, что устроить оттуда побег — пара пустяков.

— Устроить побег? — Я ошарашенно взглянул на него.

— Давайте выпьем еще вина, — сказал Макинтош. — Так вот, если бы вы ознакомились с докладом лорда Маунтбэттена, вы бы решили, что перед вами научно-фантастический роман. Тюрьма напичкана новейшей аппаратурой слежения, предупреждения и сигнализации, но, используя вертолет и специальные костюмы с ракетными двигателями, можно вытащить из нее нужного человека. Вы понимаете, к чему я клоню?

— Кажется, начинаю догадываться, — сказал я. — Такое под силу только мощной организации.

— Вот именно! — прищурился Макинтош. — Кто-то наладил новый вид преступной деятельности, приносящей солидный доход. За большие деньги устраивается побег из любой тюрьмы. Мне кажется, началось все с освобождения участников великого почтового ограбления. А таких, как они, немало. Организации же безразлично, кто заплатит деньги, она стремится преуспевать, как и любая фирма. Будь моя воля, я собрал бы всех особо опасных государственных преступников в одном месте и поручил бы охрану военной полиции.

— Но какое все это имеет отношение ко мне? — спросил я.

— Не торопитесь, я еще не все сказал, дойдет и до вас. Итак, премьер-министр потребовал принятия решительных мер. И что же? Один заключенный пожелал сделать важное заявление.

— И скоростно скончался, — догадался я.

— Верно. Только, прежде чем убить, организация вытащила его из тюрьмы. Труп нашли спустя три дня, с простреленным затылком. Случай, естественно, засекретили, так что вы не могли о нем слышать.

— Но какое все-таки я имею ко всему этому отношение? — повторил я свой вопрос.

— Потерпите еще немного! Я занимаюсь государственной безопасностью, но при этом не имею ничего общего с рыцарями плаща и кинжала, так как работаю на другом уровне и подчиняюсь исключительно премьер-министру. После того как все специальные службы потерпели фиаско, он предоставил мне самые широкие полномочия и право действовать по своему усмотрению. И пока я отвечаю за данный вопрос, побегов государственных преступников из тюрем не допущу. — Макинтош оглянулся по сторонам и подозвал официанта, чтобы заказать десерт.

— Вы слышали когда-нибудь о человеке по имени Джозеф Рирден? — спросил он, когда официант удалился, чтобы принести нам кофе и коньяк.

— Нет, никогда, — подумав, ответил я.

— Он был ловким и энергичным уголовником, умным и образованным, в общем, чем-то похожим на вас.

— Благодарю за комплимент, — бросил я сухо. — Он мертв?

— Он погиб в автокатастрофе в Юго-Западной Африке. О его смерти почти никто не знает, кроме высших полицейских чинов. Я уже давно подыскивал такого мертвеца в Канаде, Новой Зеландии и в Штатах, но подвернулся удачный случай в Южной Африке. Вот его фотография. Как только я узнал о нем, тут же запросил компьютер, и он вывел меня на вас спустя двадцать минут. Так что вам предстоит влезть в чужую шкуру. Вы, кажется, имеете определенный опыт?

— Чертовски опасное дело, — сказал я. — Меня могут раскрыть.

— Не думаю. — Макинтош понизил голос до шепота. — Во-первых, работать вам предстоит в Англии, где Рирден никогда не бывал, а во-вторых, вам не придется особенно разъезжать по стране. Так что риск встретиться случайно с его друзьями минимальный. Похоронили Рирдена под другим именем, женат он не был, а родители доживут свой век и без такого сыночка.

— И что я должен буду делать в Англии? — спросил я.

— Не торопитесь, Рирден. Я еще не все рассказал о вашей прошлой жизни. Как ни умен был покойный, однажды он все-таки попался и угодил в тюрьму. Вам что-нибудь известно о южноафриканских тюрьмах?

— Слава Богу, нет! — воскликнул я.

— Вам придется изучить этот вопрос. Я дам вам человека, который ознакомит вас с тюремной жизнью и жаргоном, что крайне важно. Неплохо бы и посидеть месячишко в камере для практики, я могу вам это устроить. Хотя нет, очень опасно. И вообще, пожалуй, лучше перейти в другое место, чтобы завершить наш разговор без свидетелей.

Макинтош заплатил по счету, и мы покинули ресторан, чтобы уединиться под эвкалиптом, где нас никто не мог подслушать.

Макинтош достал трубку и принялся набивать ее.

— Подобраться к организации, устраивающей побеги из тюрем, пока еще ни одной из специальных служб не удалось. У нее отличная контрразведка, так что нам вообще мало что удалось узнать о ней за все это время, кроме того, что уголовники называют членов банды «постановщиками». — Макинтош чиркнул спичкой. — Дело это для добровольца, сам бы я за него не взялся. Если выйдет осечка — мгновенная смерть не худшее, что тебя ждет. Так что подумай хорошенько, прежде чем дать окончательный ответ.

Я посмотрел на сидящего рядом со мной худощавого пожилого человека, вспомнил погибшего при странных обстоятельствах Рирдена и подумал, что этот Макинтош порядочная сволочь. Но все же встал с газона и сказал ему, что согласен.

— Ты сумасшедший. — С печальной улыбкой Макинтош хлопал меня по плечу. — Но я рад, что ты берешься за эту работу. Старые методы не принесли результатов, поэтому немного безумия не помешает. Дело совершенно секретное, о нем будут знать лишь трое — ты, я и еще один человек. Даже премьер-министр не посвящен в детали операции. Я пытался поговорить с ним, но он наотрез отказался меня слушать, сказав, что хочет сохранить свои руки чистыми на случай, если ему придется давать объяснения перед палатой лордов.

— А как же насчет южноафриканской полиции? — спросил я.

— Ей тоже ничего не известно, — ответил Макинтош. — Мы оказываем друг другу время от времени взаимные услуги, так что все будет в порядке. Кстати, как у тебя с твоей прежней легендой?

— Ее разрабатывали специалисты, так что местной полиции не удастся ни до чего докопаться.

Макинтош пососал трубку и выпустил облачко дыма.

— Эта чертова банда не клюнула ни на одну из наших наживок. Мы рассадили по разным тюрьмам восемь агентов! Однако ни один из них не получил от «постановщиков» предложения бежать. Что ты на это скажешь?

— Они наверняка проверяют человека, прежде чем сделать ему предложение. — Я пожал плечами.

— Значит, Рирден должен выдержать самую тщательную проверку. Проколов быть не может. Что еще? Пошевели мозгами! Хорошо, я подскажу: преступление — вот что самое важное! Рирдену предстоит совершить его в Англии. Потом его, то есть тебя, поймут, осудят и посадят в тюрьму, я об этом позабочусь. В преступлении должны фигурировать большие деньги, которых полиция не сможет найти. «Постановщики» должны быть уверены, что ты способен рассчитаться за их услуги наличными. И на какую мысль все это тебя наводит, хотелось бы мне знать?

— Сдается, что все это будет чертовски сложно организовать, — сказал я.

— Отнюдь нет, — загадочным тоном возразил Макинтош. — Вся штука в том, Стэннард, что тебе придется совершить настоящее преступление. Понимаешь? Я его спланирую, а ты осуществишь. Мы похитим у законопослушных британских подданных

приличную сумму денег, и пострадавшие тотчас же поднимут крик. Все будет без дураков, потому что я не могу поставить под угрозу интересы национальной безопасности. Не стану от тебя скрывать: тебе дадут большой срок, и, если что-то разладится, помочь тебе ни я, ни кто-либо другой уже не сможет. Если ты получишь 14 лет, тебе придется гнить все эти годы в тюрьме. Ты готов пойти на такой риск ради национальной безопасности?

— Наконец-то мы дошли до сути дела. — Я глубоко вздохнул. — Но не кажется ли вам, что вы хотите слишком многого?

— Иначе нельзя, — сурово посмотрел на меня Макинтош. — Тренированный человек, конечно, сможет удрать из тюрьмы. Но ты не сделаешь этого, Стэннард! Ты будешь отсиживать на нарах задницу и ждать, пока к тебе обратятся «постановщики», ты будешь ждать до самого конца. Понял?

Я мягко ответил, что все прекрасно понял и не пойду на пятый раз, раз дал слово.

— Спасибо, Стэннард, — улыбнулся Макинтош. — Я почти не сомневался, что все будет именно так.

— И вот что мне пришло в голову, — добавил я. — Спешка может только повредить. Ведь Маунтбэттен инспектировал тюрьмы после того, как Блейк удрал к русским, а это было давно. С тех пор многое изменилось. Так стоит ли горячиться?

— Хороший вопрос, — кивнул Макинтош. — Дело в том, что когда доклад Маунтбэттена был представлен комиссии, в тюрьмах тотчас же усилили режим, и сторонники реформ пенитенциарной системы подняли по этому поводу страшный скандал. Существует два взгляда на места лишения свободы — как на учреждения, где преступники отбывают наказание, и места, где они исправляются. Ужесточение режима свело на нет все усилия реформаторов. Но меня мало волнуют обычные уголовники, меня интересуют государственные преступники вроде Блейка и Лонсдейла. Когда они попадают, их можно либо расстрелять, либо надолго упрятать за решетку. Изолируют людей такого сорта не ради наказания и не для того, чтобы их исправить, а для того, чтобы похоронить за тюремной стеной то, что им известно.

В его словах я не нашел ответа на свой вопрос, поэтому и спросил:

— Ну и что же дальше?

— А дальше вот что, — вновь нахмурился Макинтош. — К нам в сети попала очень крупная рыба. Блейку до этого человека так же далеко, как лопману до акулы. Поэтому на этот раз побега быть не должно. Зовут его Слейд, сейчас он в тюремной больнице, но когда подлечится, его будут судить. В Техасе ему влепили бы пять тысяч лет, но нам достаточно изолировать его лет на двадцать, потом он уже будет неопасен.

— Видимо, парень чертовски много знает! — воскликнул я.

— Он курировал всю Скандинавию! — гневно воскликнул Макинтош. — И помог ему в этом сэр Дэвид Тэггарт, ставший теперь лордом Тэггартом, пожизненным пэром. Надеюсь, у этого идиота хватит ума, чтобы воздержаться от публичных заявлений. Ему лучше держать язык за зубами. — Макинтош поморгал

бесцветными ресницами и, понизив голос до шепота, продолжал: — Мало того, Тэггарт уволил за плохую результативность в работе человека, поймавшего Слейда! Жалкие любители! Меня тошнит от них!

— Но какое я имею ко всему этому отношение?

— А такое. Я не допущу, чтобы Слейд сбежал! Не остановлюсь ни перед чем, чтобы не дать взорваться этой пороховой бочке. Я сгною его в тюрьме, где ему самое место.

Я не стал его больше ни о чем спрашивать. Теперь я мог самостоятельно решать судьбу Слейда. Мне также становились понятны и опасения премьер-министра в отношении Макинтоша: длительное тесное общение с ним было не безопасно. На следующий день Макинтош отбыл в Англию. Я последовал за ним спустя два месяца, получив еще одну весточку от Люси: преступление подготовлено.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Задумавшись, я совершенно позабыл о бренди в бокале и не выпил ни капли: время пить прошло, настало время действовать, но обдуманно. А у меня было о чем поразмышлять.

Все произошло именно так, как и планировал Макинтош: дерзкое преступление, суд, тюрьма, встреча со Слейдом и побег с помощью тайной организации. Потом все осложнилось. Банда «постановщиков» оказалась слишком хорошо организованной. Я внедрил в нее, словно игла в наркомана, но особого эффекта от этого пока не ощущалось. Ведь я упустил Слейда. Это было самое удручающее обстоятельство. Макинтош ясно дал мне понять, что при малейшей угрозе исчезновения русского шпиона его следует ликвидировать. Я мог бы перерезать ему горло столовым ножом или задушить проводом от настольной лампы, однако не сделал ни того, ни другого. Безусловно, убей я Слейда, наутро сам был бы трупом, но не это удержало меня от убийства. Я считал, что у меня остается шанс бежать вместе с ним, однако, как оказалось, мои расчеты не стоили выеденного яйца. Все полетело в тартарары.

Заложив руки за голову, я лежал на кровати и думал, как же им удалось догадаться о подмене. Толстомордый убеждал меня, что знает обо мне все, и шантажировал отпечатками пальцев Рирдена, добытыми в Южной Африке. Но он лгал: я лично позаботился, чтобы в полицейском досье на Рирдена были мои отпечатки пальцев, так что здесь прокола быть не могло. Тогда какого черта Толстомордый морочил мне голову?

Где же я допустил ошибку? Мысленно повторив все проделанное мной в Англии, я не обнаружил промаха, и это навело меня на мысль об утечке информации.

Я прошел в ванную и умылся холодной водой. К черту Макинтоша с его интригами, сейчас важно выбраться из этой ловушки. Я вернулся в спальню, сел за стол и принялся обдумывать ситуацию. Опытный человек в подобном случае использует в качестве оружия все, что у него есть под рукой. У меня, например, была перечница, и я предусмотрительно отсыпал немного перца

в бумажку, чтобы в подходящий момент ослепить противника. В гардеробе лежал носок, набитый землей из цветочных горшков: им вполне можно оглушить Толстомордого, если он зазеваётся.

Я снова прошел в ванную и спустил воду в унитазе, после чего огляделся, надеясь найти веревку или моток шнура. Не обнаружив ни того, ни другого, я решил пустить в дело электрический провод, на котором висела лампочка, пояс от халата, простыню и провода от настольной лампы и бра. Связав все это в один длинный шнур, я привязал один его конец к плунжеру бачка и, войдя в комнату, потянул за другой конец. Унитаз откликнулся добродушным урчанием и плеском воды: мои усилия увенчались успехом!

Протянув шнур вдоль плинтуса, я еще раз осмотрел комнату. Все вроде бы выглядело вполне обычно и не должно было насторожить Толстомордого. Затем я открыл шкаф и изучил его содержимое: приличный темно-серый костюм, спортивный пиджак, брюки, плащ и ботинки. После некоторого колебания я выбрал пиджак и брюки, чтобы не выглядеть в строгом костюме белой вороной в сельской местности, — кто знает, куда занесет меня судьба? Я также решил прихватить с собой плащ и шляпу. Затем рассовал по карманам бритву, мыло, салфетки и запрятал в тулью шляпы кусок провода, из которого легко сделать отличную удавку.

После чего завалился спать и уснул сном праведника.

На следующее утро мне не подали завтрак. Вместо этого слуга Тафи молча указал пальцем на дверь. Я пожал плечами и вышел. Дело шло к развязке.

Меня повели по лестнице вниз и затем по коридору в комнату, где я подписывал чек. В коридоре я заметил пожилую супружескую пару, ерзающую на стульях, словно это была приемная зубного врача. Старички скользнули по мне безразличным взглядом, когда я проходил мимо них в комнату, где меня поджидал Толстомордый.

— У тебя была ночь на размышление, — с мрачным видом изрек он. — Надеюсь, твоя легенда получилась удачной, мистер Неизвестный.

— Где карточка с отпечатками пальцев? — перешел я в атаку.

— Мы ее здесь не храним, — отрезал он. — В этом нет надобности.

— В таком случае, мне непонятно, о чем можно разговаривать. Нужно быть идиотом, чтобы предполагать, будто я не сплю всю ночь, придумывая сказки для убаживания тебя, Толстомордый. Я могу найти занятие поинтересней.

— Ты лжешь! — с негодованием воскликнул Толстомордый. — Пойми же наконец, что твоя карта бита. Нас интересует лишь одна маленькая деталь — кто ты на самом деле. Мы знаем наверняка, что ты не Рирден. Так не отнимай же у нас время!

Мне это не понравилось. Зачем ему знать, кто я на самом деле? Может, его интересует, станут ли меня искать, если я вдруг

исчезну? На кого я работаю? И почему? Да, на все эти вопросы Толстомордый и хотел получить ответы.

— Я Джозеф Рирден, — тяжело вздохнув, произнес я. — Вы же проверяли, так к чему все эти выкрутасы, Толстомордый? Не хочешь выполнять взятые на себя обязательства?

— Не смей называть меня Толстомордым! — вспыхнул он. — Мне не нужны отпечатки пальцев, чтобы разоблачить тебя. Только что в коридоре ты прошел мимо двух старичков, мистера и миссис Рирден из Бракпана, и твои дорогие родители не признали в тебе своего сыночка, как, впрочем, и ты, сукин сын, не узнал родителей.

На это нечего было ответить, и я предпочел промолчать, но под ложечкой у меня засосало.

— Твоя карта бита, — ухмыльнулся Толстомордый. — Мы знаем о Макинтоше, и не отпирайся, что не знаешь его. Для разнообразия лучше во всем сознаться.

Это уже был удар ниже пояса. Я почувствовал, что почва уходит у меня из-под ног, но постарался не выдать себя.

— Ради Бога! — воскликнул я. — Кто такой этот Макинтош?

— Забавно, — скривился Толстомордый. — Жаль, что меня ждут неотложные дела, иначе бы поговорили по-другому. Даю тебе два часа на размышление. Рекомендую подумать.

Я чуть было не расхохотался ему в лицо: никакой встречи, ясное дело, у него назначено не было и неотложных дел тоже, он просто хотел запугать меня и сломать мою волю. Все-таки Толстомордый всего лишь жалкий любитель, насмотревшийся по телевизору детективов.

— Хорошо, — сказал я, — если ты хочешь, чтобы я выдумал сказку, я ее выдумаю. Двух часов будет вполне достаточно.

— Мне не нужны сказки, — рявкнул Толстомордый. — Мне нужна правда.

— Она тебе известна, черт подери! — огрызнулся я.

Толстомордый пожал плечами и приказал отвести меня в мою комнату. Чета «Рирденов» исчезла — только теперь до меня дошло, что это мог быть розыгрыш.

Едва за мной захлопнулась дверь, я поспешно побрился и переоделся в твидовый спортивный пиджак. Затем сжал в кулаке узелок с землей, смочив его в воде, и занял позицию за дверью, держа в другой руке конец шнура.

Время тянулось медленно, казалось, прошло несколько часов, но я не оставлял позицию, поскольку Толстомордый мог появиться в любой момент.

Наконец я услышал приглушенные голоса и крепче сжал пальцами шнур. Едва ключ вставили в замок, я потянул за него, и, как только дверь распахнулась, из туалета послышался шум воды. Он успокоил вошедшего Толстомордого. Не оборачиваясь, он сделал еще шаг, поскольку был уверен, что меня в комнате нет. Я ударил его по голове гораздо сильнее, чем почтальона. Толстомордый охнул и присел, однако удержался на ногах и обернулся. Не дожидаясь, пока он позовет на помощь охранника, я еще пару раз треснул его по черепу. Затем расстегнул на нем пиджак, снял кобуру, связал его полосками разорванной

простыни и заткнул рот кляпом. В карманах куртки я обнаружил бумажник, что было весьма кстати: мне нужны были деньги. Кроме того, нашел блокнот, горсть мелочи, две запасные обоймы, нож и авторучку, — все это я тоже рассовал по своим карманам и приступил к следующей части плана. Стащив с кровати матрац, я распорол его ножом и, вытащив ватную набивку, сложил ее в кучу. После этого поставил рядом бутылки с виски и бренди и переключился на Толстомордого, поскольку тот начал потихоньку приходить в себя и открыл глаза.

Направленный на него пистолет произвел должное впечатление.

— Спокойно, не дергайся. Стоит мне нажать на спусковой крючок, и твоя башка разлетится на куски.

Толстомордый обмяк, уронив голову на грудь, а я продолжал:

— Я намерен покинуть этот гостеприимный уголок, и ты мне в этом поможешь. Но хочу предупредить: один неверный шаг, и ты покойник. Пойдешь первым, если начнется стрельба, первым же и схлопочешь пулю.

Я проверил, все ли взял с собой, затем облил вату виски, разбрызгал бренди по комнате и, развязав Толстомордому ноги, приказал ему подниматься.

Он встал и уставился на меня бессмысленным взглядом.

— Подойди к двери и остановись в шаге от нее, — взмахнул я пистолетом. — Но не пытайся стучать в нее ногой, это будет последнее, что ты успеешь сделать в своей жизни.

Он послушно исполнил команду, а я накинул ему на плечи пиджак. Если бы не кляп во рту и пустые рукава, он выглядел бы вполне нормально. Но и в таком виде Толстомордый обеспечивал мне маленькое преимущество во времени: весь фокус заключался в том, чтобы отвлечь внимание охранника и выскользнуть из комнаты за его спиной.

Чиркнув спичкой, я бросил ее на кучу ваты, и по комнате разбежались голубые огоньки. Выждав, пока пламя станет желтым, я нажал на звонок. Когда щелкнул замок, я встал за спиной Толстомордого, сунув пистолет ему под лопатку, и, едва дверь распахнулась, толкнул его вперед, громко крикнув:

— Пожар!

Очутившись вслед за Толстомордым в коридоре, я увидел изумленное лицо охранника. В руках у него был пистолет, но он растерялся, увидев перед собой Толстомордого и охваченную пламенем комнату. Меня же он вообще не заметил.

Я дал Толстомордому пинка, и вместе с охранником он повалился на пол. Прогремел выстрел, раздался крик, а я перепрыгнул через спевшуюся парочку и побежал по коридору к лестнице. Обычно убегающие стремятся поскорее покинуть помещение, и в результате их на первом этаже ловят. Но в учреждении, где меня натаскивали, меня отучили от этого естественного порыва, и я побежал по ступеням вверх. Стараясь двигаться быстро и бесшумно, я с пистолетом в руке нырнул в первую же комнату. Снизу доносились взволнованные голоса.

Едва я прикрыл за собой дверь и задвинул засов, как кто-то пробежал по коридору. Подойдя к окну, я увидел, что оно

выходит на поле и лесок, за которым виднелось шоссе. Там начиналась свобода.

Я вернулся к двери и прислушался: внизу началась паника, видимо, пожар вышел из-под контроля.

— К черту пожар! — услышал я голос Толстомордого. — Мне нужен Рирден. Тафи, беги вниз к парадной двери! Диллон, осмотри черный ход! Всем остальным — обыскать дом! Живее!

— Наверху его нет! — услышал я чей-то низкий, грубый голос. — Я только что оттуда.

— Ладно, — нетерпеливо крикнул Толстомордый, — осмотрите второй и первый этажи. Двигайтесь, не теряя времени!

— Пресвятая Дева Мария! — воскликнул кто-то из охранников. — Мы сгорим здесь заживо!

— Если Рирден исчезнет, — ответил ему Толстомордый, — для нас это будет самое лучшее.

Я выскочил в коридор и спустился по черной лестнице вниз, надеясь опередить преследователей. Дверь черного хода была распахнута, в проеме спиной ко мне стоял человек, скорее всего это был Диллон. Я шмыгнул за угол и перевел дух. Потом толкнул какую-то дверь и очутился в темном глухом чулане. Меня это не устраивало, поэтому я поспешил выйти и толкнул следующую по коридору дверь. На сей раз я очутился в кладовой, набитой припасами, и в ней имелось окошко. Притворив за собой дверь, я попытался поднять раму, но она не поддавалась. Я поднатужился — рама закрипела и поползла вверх. После нескольких моих отчаянных толчков образовался лаз высотой не более десяти дюймов, но этого было достаточно, чтобы протиснуться наружу. Я полез головой вперед и свалился в крапиву. Потирая обожженные крапивой места, я взглянул вверх и похолодел: передо мной была каменная стена, опоясывающая, видимо, весь дом. Единственные ворота, насколько я мог рассмотреть, находились как раз напротив черного хода, возле которого стоял Диллон. Я поднял с земли выпавшую из гнилой бочки доску и, сжав ее в ладонях, подкрался к двери, за которой стоял Диллон. Услышав шаг, он, не оборачиваясь, спросил:

— Нашел его, Тафи?

Его голова оказалась крепче доски, сломавшейся от удара на две половины. Однако Диллон рухнул мне на руки, даже не вскрикнув. Опустив его на пол, я побежал к воротам. Они были не заперты, и спустя мгновение я уже шагал по мокрой траве через поле к лесочку, за которым находилось шоссе. Лишь достигнув деревьев, я обернулся, чтобы убедиться, что за мной нет погони. Над крышей дома поднимался черный дым. Меня никто не преследовал.

Пройдя через лесок, я вышел на шоссе, но тотчас же отпрянул назад, спрятавшись за деревом: мимо меня проезжала тележка, запряженная осликом. Ослик весело цокал копытами, а возница насвистывал хорошо знакомую мне мелодию. За спиной у него позвякивали два бидона с молоком.

Проводив тележку взглядом, я попытался вычислить, в какой стране нахожусь. Тележка скрылась из виду, а я так и не догадался, куда меня занесло, и, обернувшись, взглянул в другую

сторону. Ко мне приближался автобус, причем по левой стороне шоссе, из чего я заключил, что я все еще в Англии. Моя уверенность в этом окрепла, когда я подошел к остановке и стоявший там человек с обветренным лицом, обернувшись ко мне, сказал:

— Замечательное выдалось утро! Не правда ли?

— Да, — кивнул я в ответ и, подняв глаза на табличку над головой, обмер: надпись была сделана на двух языках, английском и каком-то еще, совершенно мне не знакомом. Автобус приближался крайне медленно. Весь верхний этаж и крышу дома, из которого я сбежал, заволокло густым черным дымом. Я опустил руку в карман и выудил оттуда горсть монет, позаимствованных у Толстомордого. Первая монетка оказалась пенсом, но не английским. На нем была изображена курица с цыплятами, а внизу какое-то непонятное слово. Я перевернул монетку и чуть не выронил ее от изумления, прочитав под изображением арфы: «Эйре-1964».

Боже мой! Я был в Ирландии!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Подъехал автобус, заслонив собой горящий дом, и я немного успокоился. Большинство банкнот в бумажнике Толстомордого были английскими, но нашлось и несколько ирландских, по одному фунту, и, когда ко мне подошел кондуктор, я протянул ему одну из них, небрежно бросив:

— До конца!

— Все верно, — сказал он. — Два шиллинга и два пенса.

Итак, я ехал на автобусе до конца неизвестного мне маршрута, вглядываясь в плывущий за окном унылый пейзаж и лихорадочно вспоминая, что мне известно об Ирландии. Увы, мои познания об этой стране были совсем невелики: кроме смутных воспоминаний о революции и гражданской войне и беспорядках в Северной Ирландии, на ум ничего не приходило.

Мимо автобуса промчалась пожарная машина. Все пассажиры разом обернулись, а я улыбнулся: в горящем доме обнаружат раненого, и Толстомордому будет нелегко объясняться с полицией.

Автобус проехал местечко под названием Кратло, затем — Банратти — все эти названия я запоминал, так как они могли пригодиться в дальнейшем для ориентировки. Наконец на одном из дорожных указателей я прочел: «Лаймрик». Так вот, значит, где я нахожусь! Лаймрик — крупный город, в нем можно легко затеряться. Не доехав до конечной остановки, я вышел из автобуса и направился к большому книжному магазину, надеясь получить там то, в чем более всего нуждался, — информацию.

И действительно, карт и путеводителей на прилавках имелось достаточное количество и на любой вкус, начиная от брошюр и кончая толстенными справочниками. Я купил дорожный атлас, блокнот, пачку конвертов и газету, после чего отправился в соседнюю чайную, чтобы за чашкой чая с черствой булочкой изучить свои покушки.

Оказалось, что Лаймрик находится совсем рядом с аэропортом

«Шэннон», а дом, откуда я сбежал, всего в пятнадцать минутах езды от него, между Сиксмайлбриджем и Кратло. Из газеты я узнал, что в Дублин прибыл инспектор Брунскилл, а Слейд и Рирден — в центре внимания общественности и прессы. Первую страницу украшала фотография детектива, под которой было помещено короткое интервью с ним.

Слейду, конечно, уделялось больше внимания, чем мне: шпионы интереснее для публики, чем похитители бриллиантов. Но я тоже не был забыт: меня якобы уже видели на Острове Мен, на Лазурном Берегу, в Джерси, в Остенде, в Манчестере и во множестве других мест. Брунскиллу, Форбсу и Джервису приходилось нелегко, впереди их ждали увлекательнейшие путешествия.

Я достал бумажник и пересчитал деньги. Всего оказалось семьдесят восемь английских фунтов; это меня весьма обрадовало, поскольку без денег пришлось бы очень туго. Я также обнаружил водительские права, что было не менее приятно, так как для свободы передвижения мне нужен автомобиль, а без удостоверения его не даст ни одна прокатная фирма. В документе стояло имя Ричарда Аллена Джонса.

Содержимое записной книжки заинтересовало меня: на разных страницах оказались любопытные адреса — во Франции, в Италии и в Испании. Однако самым значительным открытием был адрес лондонской конторы Макинтоша, а также еще два ирландских адреса, в местечке Клонглас и в Белфасте. Заплатив за чай и получив на сдачу горсть монет, я отправился искать телефонную будку. Из первой я звонить не стал, а записал номер установленного в ней телефона и пошел искать другую, из которой позвонил в Лондон в контору Макинтоша. Спустя минуту-другую я услышал в трубке голос миссис Смит.

— Ваш телефон прослушивается, — сказал я. — Позвоните мне из другого места по этому номеру как можно скорее. — И я назвал номер первого уличного телефона, после чего положил трубку и вернулся в первую будку. Она была уже занята, так что мне пришлось таращиться на стоявшую в ней женщину до тех пор, пока она не смутилась и не ушла, после чего я занял ее место и принялся перелистывать справочник в ожидании звонка. Он раздался спустя десять минут.

— Стэннард, — сказал я, подняв трубку. — Мне нужен Макинтош.

— Его сейчас нет. Он в больнице, — после небольшой паузы произнесла миссис Смит. — Он попал под машину. Врачи не обещают, что он выживет.

— Боже мой! — похолодел я. — Когда это произошло?

— Позавчера. Водитель машины скрылся.

Осколки моих догадок складывались в любопытную мозаику: именно в это время Толстомордый заявил мне, что я не Рирден. И в его блокноте я нашел адрес фирмы Макинтоша в Лондоне.

— Это не несчастный случай, — сказал я. — Ваша контора засвечена.

— Не может быть! — воскликнула миссис Смит. — О ней знали только трое — я, Макинтош и вы.

— Не совсем так,— возразил я.— Мало того, у меня есть основания полагать, что и телефон ваш прослушивается. Берегите себя, миссис Смит. Нас крепко прихватили, и сейчас нужно постараться сократить потери до минимума.

— Что со Слейдом? Он тоже в Лаймрике? — спросила миссис Смит.

— Слейд исчез,— устало признался я,— и одному лишь Богу известно, где он сейчас. Это провал, миссис Смит.

— Минуточку,— сказала она, после чего наступила пятиминутная пауза. Я с тревогой косился на мужчину, переминающегося возле будки с ноги на ногу и выразительно поглядывающего на меня. Наконец в трубке вновь раздался голос миссис Смит:

— Я буду в «Шэнноне» через три часа. Вам что-нибудь нужно?

— Конечно же! — воскликнул я.— Новые документы и деньги!

— Можете вновь стать самим собой. У меня чемодан с вашей одеждой и вашим паспортом. Я захвачу его с собой.

— Держитесь подальше от конторы,— предупредил я.— Вы умеете отрываться от «хвоста»?

— Я не вчера родилась,— холодно ответила она.— Встречайте меня через три часа в аэропорту.

— Это не годится,— возразил я.— Аэропорты не для тех, кто в бегах. Не надо забывать, что в Ирландию прилетел Брунскилл. Возьмите в аэропорту такси и подъезжайте к гостинице «Сент-Джордж Хотелл». Я буду ждать вас напротив входа, возможно, на машине.

— Хорошо. Сколько вам нужно денег?

— Чем больше, тем лучше. Но вы действительно прилетите через три часа?

— Если не опоздаю на самолет, болтая с вами,— съязвила она и положила трубку.

Я тоже положил трубку и толкнул дверь будки. Стоявший первым в очереди мужчина саркастическим тоном поинтересовался:

— Вы, видимо, звонили в Австралию?

— Нет,— невозмутимо ответил я,— в Пекин.— И, отодвинув его плечом, не спеша пошел вдоль улицы.

Взять напрокат автомобиль было совсем несложно: британское водительское удостоверение вполне устроило хозяина фирмы. Машина мне попала не очень скоростная, но и не самая тихходная — «кортина 1500». На ней можно было так же легко избавиться от неприятностей, как и схлопотать их. Я приехал к гостинице пораньше и припарковал автомобиль в сотне ярдов от центрального входа, на другой стороне улицы.

Миссис Смит опоздала всего на пятнадцать минут. Увидев ее стоящей на тротуаре с двумя чемоданами, из гостиницы выскочил портье, но она лишь покачала головой. Разочарованный, он побрел назад.

Я влился в поток машин, развернулся и притормозил у тротуара.

— Вас подвезти, мадам?
— Где вы были? — гневно сверкнула глазами миссис Смит. — Я стою здесь как дура, ко мне уже трижды подъезжали.
— Это же ирландцы. Разве они пропустят хорошенькую женщину? Садитесь, я положу чемоданы в багажник.

Спустя три минуты мы уже мчались по шоссе в направлении Кратло.

— Однако вы бьете все рекорды, — сказал я. — Подвернулся удачный рейс?

— Я прилетела на собственном самолете, — не поворачивая головы, ответила миссис Смит.

— Бесстрашная летчица! К чему эти воздушные трюки?

— Мне не понравилось кое-что из того, что вы сообщили по телефону.

— Что именно?

— Ваши слова о сокращении потерь. Мне это совершенно не нравится.

— Мне тоже, — кивнул я, — но выбор у нас не так уж велик.

— Как вы упустили Слейда?

— Его увезли, и я ничего не смог сделать.

— Но вы же могли как-то предотвратить это!

— Перерезать ему ночью горло? — Я покосился на нее.

— Но почему же именно так, — растерялась миссис Смит. — Я, право же, совсем не это хотела сказать.

— Со стороны легко давать советы! Эти «постановщики» очень ловкие бестии, гораздо ловчее, чем мы предполагали.

— Мы еще вернемся к этому, — перебила меня миссис Смит. — Куда сейчас направляемся?

— Хочу взглянуть на домик, где нас держали взаперти. Может быть, удастся там что-нибудь найти. Впрочем, мы уже приехали. — Я заметил впереди пожарную машину.

— Здесь нам вряд ли удастся что-либо обнаружить, — сказала миссис Смит, глядя на обгорелые останки дома. — Зачем они сожгли его?

— Это не они, а я.

— Что здесь стряслось? — высунувшись в окно, спросил я у проезжавшего мимо велосипедиста, угловатого седого старика.

— Небольшой пожарчик, — улыбнулся он мне беззубым ртом, притормаживая возле обочины. — Как в Северной Ирландии, ей-богу! Один бедняга сгорел до костей.

— Ужасно! — воскликнул я.

— Нам лучше поторопиться, дорогой, — сказала миссис Смит. — До вечера нужно успеть добраться до Роскоммона.

— Желаю удачи в Ирландии, вам, сэр, и вашей прекрасной супруге, — улыбнулся старикан.

Мы попрощались с ним и тронулись с места.

— Как чувствует себя Макинтош? — продолжил я наш разговор.

— Я позвонила в больницу перед вылетом из Лондона, — ответила миссис Смит. — Пока все без изменений. Так вы считаете, что это не несчастный случай?

— Судите сами: поздно вечером он переходит улицу в Сити, и его сбивает машина. Приблизительно в то же время Толстомордый сообщает мне, что я не Рирден. Нет, это не случайность.

— Но как они узнали? — нахмурилась миссис Смит.

— Я им не говорил, — криво усмехнулся я. — Так что остаетесь вы с Макинтошем.

— Только не я. А почему вы подозреваете Макинтоша? Он всегда разбирался в людях, но... — Она запнулась.

— Что — но?

— Ведь вам известен номер счета в швейцарском банке, на котором лежит сорок тысяч фунтов...

Я покосился на миссис Смит: она сидела, выпрямив спину и глядя прямо перед собой, на щеках ее горел румянец.

— Так, приехали. Значит, вы подозреваете меня в предательстве?

— А у вас есть другое объяснение?

— Пока ничего не приходит на ум. Кстати, о деньгах. Вы привезли их?

— Вы слишком спокойно относитесь к этому, — резко перебила меня миссис Смит.

Я тяжело вздохнул, притормозил машину на обочине и протянул ей пистолет.

— Если вы уверены, что я продался, возьмите это и воздайте мне должное.

Увидев пистолет, она смертельно побледнела, но тотчас же залилась краской, отвела взгляд и прошептала:

— Простите, я не должна была этого говорить.

— И все же сказали. Либо подумали. Нас осталось только двое, и если мы не будем верить друг другу, то ничего не добьемся. Значит, вы никому не могли проболтаться?

— Ручаюсь.

— И я не мог проговориться. Остается один Макинтош.

— Я в это не верю.

— С кем он встречался до «несчастливого случая»?

— С премьер-министром и с лидером оппозиции. Их беспокоило отсутствие сведений о Слейде. На носу выборы, и премьер-министр считал необходимым поставить в известность лидера оппозиции.

— Полагаю, он имел на это право, — заметил я. — Кто еще знал об операции?

— Лорд Тэггарт и Чарльз Уилер, член парламента.

— Я знаю Тэггарта. Он был начальником Слейда. А о чем разговаривал Макинтош с Уилером?

— Не знаю, — пожала плечами миссис Смит.

— Почему Макинтош не поставил вас в известность об этом разговоре?

— Он никогда ничего от меня не утаивал, но его сбил автомобиль...

— Послушайте, как вас на самом деле зовут? — спросил я.

— Можете называть меня Алисон, — неохотно ответила она.

— Так что будем делать, Алисон?

— Прежде всего проверим ирландские адреса из записной

книжки Джонса-Толстомордого, сперва в Клонглассе, а потом — в Белфасте.

— Боюсь, это будет сложно, поскольку адреса, собственно говоря, никакого и нет, есть только заметка на память: «Послать Тафи в Клонгласс».

— В любом случае нужно попробовать. Это не так уж и далеко отсюда.

Зарезервировав номер в гостинице в Галвее, мы отправились в Клонгласс, находившийся в двадцати пяти милях к западу на побережье, — судя по карте, ни гостиницы, ни мотеля там не было, поэтому-то мы и подстраховывались. Клонгласс действительно оказался довольно диким местечком с видом на фиорд: несколько домишек, крытых соломой, с непрременной грудой торфа во дворе. Все это не вселяло оптимизма.

— Что будем делать? — спросил я Алисон, остановив машину.

— Я знаю, — улыбнулась она и вылезла из машины.

Мимо нас по дороге ковыляла морщинистая старуха в черном, и Алисон направилась прямо к ней. К моему удивлению, она заговорила со старухой на каком-то непонятном языке.

— Я и не знал, что вы говорите по-ирландски, — сказал я, когда спустя минуту она вновь села в машину.

— Да, я владею гэльским. Поехали!

— Куда?

— Туда, где можно узнать все местные новости, — в магазин.

Магазин на поверку оказался обыкновенной лавчонкой, однако имел одно достоинство: в нем находился бар. Поговорив с барменом на «тарабарском» наречии, Алисон обернулась ко мне и спросила, пью ли я виски.

— Представьте себе, пью.

— Побеседуйте с этим джентльменом, — кивнула Алисон на бармена, — его зовут Син О'Донован. А я тем временем потолкую с местными дамами. Син О'Донован говорит по-английски.

— Верно, — подтвердил бармен, наливая мне в бокал примерно десятую часть содержимого бутылки. — Я владею английским. Во время войны служил в британской армии. — Он выставил на стойку еще один бокал. — А у вас что-то вроде отпуска?

— Да, мистер О'Донован. Хочу немного попутешествовать. Ирландия — замечательная страна!

— Вы, англичане, всегда выказываете восхищение нашей страной, — ухмыльнулся бармен. — Предлагаю тост! — Мы подняли бокалы и выпили.

— Повсюду в Ирландии я нахожу следы одного своего приятеля, — как бы между прочим обронил я, когда мы немного поболтали о том о сем. — Но вот встретиться с ним никак не удастся. Любопытно, не заглядывал ли он сюда? Его зовут Джонс.

— Может быть, он валлиец? — спросил О'Донован.

— Сомневаюсь, — покачал я головой. — Он англичанин.

— Не слыхал о нем. Может быть, он из Большого Дома? Но эти парни держатся особняком. Закупают все что нужно в Дублине, а на нас, провинциальных торговцев, им наплевать.

— Задирают нос? — понимающе улыбнулся я.

— Нынешний хозяин бывает здесь один-два раза в год, когда приплывает с Другого Острова. Вы меня понимаете?

— А разве не вы хозяин магазина? — сообразил я. — Хозяин — англичанин? — Под Другим Островом, видимо, подразумевалась Англия.

— Может показаться, что он один из тех англичан, которые питают слабость к тихим уголкам Ирландии, — покосившись на меня, продолжал бармен. — Я сказал «может показаться» не случайно, потому что на днях прочитал в газете, что хозяин вообще не англичанин.

— Так его имя мелькает на страницах газет? — Я удивленно вскинул брови.

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся О'Донован. — Ведь он член парламента Другого Острова, хотя, как ни странно, и не англичанин.

— В самом деле, странно. Так что это за птица? Кто же он, если не англичанин?

— Ах, я точно не могу сказать, — махнул рукой бармен. — Он родом из какой-то крохотной страны где-то в Европе. Но очень богат. Он приходит сюда на своей личной яхте. Кстати, сейчас она стоит на якоре в бухте. Такой яхты в этих местах раньше не видели, она не уступит королевской!

Богатый иностранец — член парламента. Что ж, весьма любопытно.

— Возможно, мистер Уилер богаче клана Кеннеди! — задумчиво произнес бармен.

Уилер! Каждая клеточка моего мозга переключилась на внимание: ведь именно с этим человеком Макинтош встречался как раз перед «несчастливым случаем».

— А не пропустить ли нам еще по одной, мистер О'Донован? — Я поставил свой бокал на стойку.

— Прекрасная мысль! — Бармен налил в бокалы виски. — Сдается мне, что вы из газеты. Не бойтесь, я вас не выдам, — подмигнул он мне. — У нас уже побывали репортеры из Лондона и даже один американец, и все пытались что-нибудь разузнать об Уилере. Но никому из них не пришло в голову прихватить с собой сюда ирландскую девчонку, которая может болтать по-гэльски.

— Я решил, что так дело пойдет живее.

— Сдается мне, что она выучила язык на Западе, — заметил О'Донован, взглянув на Алисон, беседующую с женщиной в черном платье и черном платке. — Скорее всего в Уотерфорде.

— Она говорила, что жила в тех местах, — осторожно сказал я. — Но сейчас живет в Дублине.

Бармен удовлетворенно кивнул и, многозначительно прищурившись, шепнул:

— Вот идет Симас Линч из Большого Дома. Я ему не скажу, кто вы.

Обернувшись, я увидел направляющегося к стойке мужчину. Это был черноволосый ирландец, высокий, стройный и мускулистый, со смуглым, как у испанца, лицом. Бармен выставил на стойку бокал с виски и спросил его:

— Когда хозяин уходит на своей новой яхте?

— Тогда, когда сочтет нужным, Сии О'Донован, — ответил Линч.

— Наверное, палата общин сейчас на каникулах, — заметил я.

— Этот джентльмен путешествует по Ирландии, — пояснил бармен Линчу.

— Вам нравится Ирландия? — спросил меня Линч.

— Да, это замечательная страна.

— И куда же вы направляетесь?

— В Слайго. Там жил мой дедушка по материнской линии. Он работал в порту. Хочу навестить своих родственников.

— Все англичане рассказывают нам о своих ирландских предках, — ухмыльнулся Линч. — И все говорят, что гордятся своими ирландскими корнями. Порой я даже задумываюсь, почему британский парламент до сих пор не переместился в Дублин. — Смерив меня презрительным взглядом, он отвернулся.

— В этих местах не любят англичан, — виновато произнес О'Донован.

— И не без оснований, как я уже успел понять. Только ведь я не англичанин, а австралиец.

— В самом деле? — Лицо бармена просветлело. — Мне следовало бы и самому догадаться. Австралия — великая страна!

Я осушил свой бокал, заслужив еще один одобрительный взгляд О'Донована, и заметил, что Алисон подает мне знаки.

— Приятно было побеседовать с вами, мистер О'Донован, — сказал я. — Надеюсь, еще увидимся.

— Всегда добро пожаловать.

Когда я проходил мимо Линча, тот нарочно выставил ногу, но я невозмутимо переступил через нее: драка мне была не нужна. Алисон открыла дверь, и я уже было последовал за ней, но в этот момент в бар вошел крупный мужчина, и я отступил, пропуская его. Он сделал несколько шагов и неожиданно обернулся. Как ошпаренный я выскочил на улицу: это был Тафи!

— Бегом к машине! — крикнул я Алисон. — Мы влипли в историю!

Алисон не стала терять времени на ненужные расспросы и побежала к машине, причем даже быстрее, чем в. А позади уже стучали тяжелые башмаки. Смеркалось, и, не заметив в сумерках развешанной для просушки рыбацкой сети, я налетел на нее. Нога моя запуталась, и я распластался на земле в двадцати ярдах от автомобиля.

Совсем рядом слышался топот Тафи, и почти тотчас же взревел мотор. В следующую секунду на меня обрушился страшный удар: Тафи с разбегу двинул мне ботинком под ребра. Я перевернулся, отчаянно пытаюсь высвободить ногу, и второй ботинок Тафи едва не задел мой висок. В этот момент Алисон включила фары. Я взглянул вверх и увидел склонившегося надо мной Тафи. Рот его исказила злобещая ухмылка, он заносил ногу для очередного удара. В эту секунду возле машины что-то сверкнуло, Тафи издал булькающий звук и упал прямо на меня как подкошенный. Я отпихнул его, вышутался из сети и побежал к машине.

Едва я плюхнулся на сиденье рядом с Алисон, как она кинула пистолет в отделение для перчаток и рванула машину с места.

— Куда ты ему попала? — задыхаясь, спросил я.

— В коленную чашечку, — холодно ответила она, словно мы обсуждали результаты стрельбы по мишени. — Иначе бы он убил тебя.

Оглянувшись, я увидел, что какой-то человек склонился над Тафи, но в темноте не рассмотрел его лица. Вероятно, это был Симас Линч.

— Уилер, — задумчиво произнес я. — Что тебе о нем известно?

Это было уже следующее утро, когда мы завтракали в гостинице, заказав завтрак в номер.

— Член парламента, весьма состоятельный, однако не пользующийся популярностью среди коллег, насколько мне известно, — сказала Алисон, намазывая гренки мармеладом.

— Но он ведь иностранец, не так ли? — уточнил я.

— Полагаю, именно так, — вскинула она брови, — но уже давно живет в Англии и, конечно же, британский подданный.

— Разве иностранцы могут стать членами английского парламента? — спросил я.

— Такое случается, хотя и крайне редко, — проморгала Алисон, с аппетитом жуя гренки.

— В Америке президентом может стать только коренной американец, — заметил я. — А как насчет английского премьер-министра?

— Мне кажется, на этот счет нет твердых правил. Нужно посмотреть в справочнике.

— Какова его позиция? В политике, разумеется. Он занимает какой-нибудь пост?

— Нет, просто горластый «заднескамеечник».

— Так вот почему он мне запомнился! — прицелкнул я пальцами. — Это он громче всех возмущался по поводу нашего со Слейдом побега, писал что-то насчет «гангстеров на улицах Лондона» и так далее. Я читал его статью в «Сэнди Таймс».

— Да, — подтвердила Алисон, — он наделал немало шума в связи с этой историей в парламенте. Но премьер-министр быстро его успокоил.

— Если то, что я думаю, верно, тогда у него стальные нервы. Представь себе такой вариант. Макинтош встречается с Уилером и сразу же после этого попадает под машину. В записной книжке Джонса я нахожу упоминание о Клонглассе, мы выходим там на след Уилера и сталкиваемся с Тафи, а это один из «постановщиков». Не слишком ли много случайных совпадений? Не просматривается ли здесь связь Уилера с тайной организацией?

Алисон намазала маслом еще один гренок.

— Я бы сказала, что он увяз в этих связях по самые уши, — подтвердила она мою догадку. — Одного только я не понимаю: почему Тафи не закричал. Ведь он не издал и звука, когда я выстрелила в него.

— Сдается мне, что он и не может кричать. Скорее всего он немой. Позволь мне взглянуть на твой пистолет.

Она взяла со стола свою сумочку и достала из нее маленький пистолетик 22-го калибра — не самое лучшее оружие для прицельной стрельбы в сумерках, да еще и с расстояния в двадцать ярдов.

— Ты целилась именно в колено? — спросил я.

— Он стоял на земле только на одной ноге, но, попади я в другое место, он вряд ли бы упал. Убивать его я не хотела.

Я взглянул на Алисон с уважением.

— Вернемся к Уилеру. Откуда он, собственно говоря, родом?

— Не знаю, — пожала плечами Алисон. — Я им не интересовалась. Можно посмотреть в справочнике «Кто есть кто».

— Мне не дает покоя Слейд, — продолжал я. — Его увезли из того дома четыре дня тому назад. Яхта очень подходит для этого. Слейд может быть именно там: ведь Уилер, возможно, собирается совершить плавание по Балтийскому морю. Что ты скажешь?

— Мне нравится эта гипотеза, — сказала Алисон.

— У меня есть и другие идеи. Вот одна из них. Допустим, что есть человек, назовем его условно мистер Икс, который либо сочувствует русским, либо сам русский. И потому занимается тем, что помогает русским шпионам бежать из британских тюрем. Для этого ему нужна помощь, а где ее можно найти? В Ирландии сильны антианглийские настроения, особенно теперь, в связи с волнениями в Северной Ирландии, в этом я сам убедился вчера вечером.

— Когда разговаривал с худощавым мужчиной в баре?

— Его зовут Симас Линч. Он, кажется, работает на Уилера. Это он прибежал на помощь Тафи. Но я, кажется, отвлекся. Допустим, мистер Икс вовлекает в организацию по освобождению шпионов членов ИРА. Для этого у него есть деньги, но в дальнейшем организация переходит на самофинансирование, не ограничиваясь одними шпионами. Террористам из ИРА нужны деньги, и они находят оригинальный способ их заработать, устраивая побеги состоятельным уголовникам. Это спокойнее, чем грабить банки. Интересно, как там Макинтош, — переменял я тему. — Ты будешь звонить в больницу?

— Собираюсь, — ответила Алисон. — Но сперва нам нужно избавиться от машины и взять напрокат другую, не такую заметную. А тебе пока лучше не высовывать носа на улицу. Меня они вряд ли узнают, а Син О'Донован не станет болтать. Сейчас я попробую позвонить в Лондон.

Алисон набрала номер лондонской больницы и переговорила с кем-то из персонала. Вернее, она больше слушала, но по выражению ее лица я догадывался, что происходит. Наконец она положила трубку и упавшим голосом сказала:

— Он все еще без сознания, но пока держится.

— Ты давно его знаешь? — спросил я, прикуривая сигарету.

— Всю жизнь. Он мой отец.

Это признание вызвало спор. Я тотчас же заявил, что сам доведу дело до конца, а ей нужно лететь в Лондон.

— Ты должна быть там! Ты никогда не сможешь простить себе, что не была рядом с отцом в последние минуты его жизни, если он умрет в твое отсутствие.

— А он не простит мне, если Слейд исчезнет из-за моей излишней сентиментальности, — возражала Алисон. — Ты совсем не знаешь Макинтоша, это очень твердый, даже жестокий человек.

— А ты бессердечная женщина. Копия своего папаши.

Алисон открыла чемодан и разорвала упаковку из плотной коричневой бумаги, в которой оказалось столько денег, сколько я никогда нигде раньше не видел, разве что в банке.

— Здесь пять тысяч фунтов стерлингов, — сказала она, — а вот пятьсот фунтов для тебя. Мы можем случайно расстаться, и деньги тебе пригодятся. Расписки не нужно. Сиди в номере, а я наведу справки об Уилере.

Вернувшись спустя два часа, она сообщила, что яхта Уилера снялась с якоря и взяла курс на юг. Узнать, находится ли на борту яхты сам Уилер, ей, однако, не удалось.

— Я купила справочник «Кто есть кто». Он оказался слишком толстым, поэтому я вырвала нужную нам страницу. Вот взгляни-ка! — Она указала мне нужный абзац, и я прочитал:

«Чарльз Джордж Уилер, 46 лет, родился в Арджирокастро, Албания».

Значит, Уилер — албанец! Он был не только членом английского парламента, но и почетным членом множества ассоциаций, обладателем ученых степеней, имел массу друзей и влиятельных знакомых в Лондоне, дом в Херфордшире, был вхож в уважаемые клубы и, что самое удивительное, живо интересовался реформой пенитенциарной системы в Англии.

— Как же албанец умудрился получить английское имя? — спросил я. — И когда он прибыл в Англию из Албании?

— Я ничего об этом не знаю, — ответила Алисон. — Не занималась им специально.

— Между прочим, его яхта взяла курс на юг, хотя я полагал, что она пойдет на север, в Балтику.

— Ты все еще считаешь, что Слейд на борту этой яхты? — нахмурилась Алисон. — Но ведь судно вполне может направиться и в Средиземное море. В этом случае оно остановится в Корке, чтобы заправиться топливом и пресной водой. Там живет моя тетушка. Мы сейчас же вылетаем туда из аэропорта «Шэннон».

— В аэропорту полицейских больше, чем пассажиров, — усмехнулся я.

— Но там легко затеряться. Нужно рискнуть. А насчет моей тетушки не беспокойся, мне всегда удавалось обвести Мэв О'Салливан вокруг пальца. — Алисон улыбнулась, заметив нерешительность на моем лице.

Никем не замеченные, мы просочились на площадку, где стоял ее самолет, и спустя пятнадцать минут были в воздухе, взяв курс на Корк. Я не без любопытства наблюдал, как ловко управляется Алисон со штурвалом и приборами, и размышлял над тем, легко ли быть дочерью такого человека, как Макинтош. Не всякая девушка вынесла бы такого папашу.

Мэв О'Салливан жила в Глэнмире — предместье Корка. Это

была подвижная и пронизательная старушка. Увидев Алисон, она расплылась в улыбке, меня же смерила с головы до пят внимательным взглядом.

— Ты долго отсутствовала, Алисон, — сказала она.

— Это Оуэн Стэннارد, — представила меня Алисон. — Он работает у Макинтоша.

Мудрые старые глаза взглянули на меня уже по-другому.

— В самом деле? И чем же теперь озабочен этот молодой повеса Макинтош?

Я с трудом подавил улыбку, услышав, что Макинтош, оказывается, молодой повеса, и вовремя: Алисон довольно выразительно нахмурила брови за спиной своей тетушки.

— С ним все в порядке, тетушка. Он просил передать вам поклон.

— Я как раз собиралась пить чай, — сказала миссис О'Салливан и увлекла Алисон за собой на кухню.

Я уселся в огромном кресле и посмотрел на часы: было 6.30 вечера, прошло менее суток с тех пор, как Алисон прострелила Тафи колено.

«Чай» обернулся обильным обедом со множеством закусок, на протяжении которого старушка довольно-таки язвительно высказывалась насчет плохого аппетита современных молодых людей. Когда я назвал ее «миссис О'Салливан», она рассмеялась и попросила впредь обращаться к ней по имени. Алисон же продолжала называть ее тетушкой Мэв.

— Я должна вам кое-что сказать, тетушка Мэв, — сказала она. — Оуэна разыскивает полиция, так что никто не должен знать, что он здесь.

— Полиция? — оживилась Мэв. — И в этом повинен Алек?

— Да, в некоторой степени. Это очень важное дело.

— Я держала язык за зубами о куда более серьезных вещах, — поджав губы, сказала Мэв. — Ты не представляешь себе, что здесь творилось раньше. И вот теперь эти безумцы на севере вновь затеяли прежние игры. — Она пронзила меня своими черными глазами-бурявчиками: — Надеюсь, молодой человек в них не участвует?

— Нет, — разуверил я ее, — мое дело никак не связано с Северной Ирландией.

— В таком случае будьте как дома, Оуэн Стэннارد. — облегченно улыбнулась Мэв.

После ужина она пожелала нам хорошо провести остаток вечера, а сама отправилась спать.

— Я хотела бы позвонить по телефону, — сказала Алисон.

— Телефон к твоим услугам, моя девочка, — рассмеялась Мэв.

— Это обойдется несколько дороже шести пенсов, тетушка Мэв. Мне нужно позвонить в Лондон, и не один раз.

— Не беспокойся, моя девочка. Если будешь разговаривать с Алем, спроси его, почему он не навещает в Ирландию.

— У него много дел, тетушка Мэв.

— Знаю я эти дела! Когда такие люди, как Алек Макинтош, начинают суетиться, нормальным людям самое время подыскать

себе нору поглубже. Передай ему, что я люблю его, хотя он этого и не заслуживает.

— Однако твоя тетушка Мэв — личность! — сказал я, когда старушка ушла.

— Я могла бы рассказать о ней такое, что у тебя волосы встали бы дыбом. В свое время она была весьма активной. Но послушаем, что скажут в порту. — Алисон подняла телефонную трубку.

Информационная служба порта сообщила ей, что яхта «Артина» прибывает в скором времени для подзаправки. Точное время прибытия судна неизвестно, но обычно оно стоит в гавани не менее двух суток.

— Теперь нужно подумать, как пробраться на яхту, — сказал я, когда Алисон положила трубку. — Не мешало бы узнать, что за команда там подобралась.

— На это мне потребуется несколько часов. Замечательное изобретение — телефон. Но сперва я позвоню в больницу.

На этот раз известия из Лондона были обнадеживающими: состояние Макинтоша улучшилось. Врачи сказали, что он, возможно, выживет. К сожалению, в сознание он так и не пришел, из чего я заключил, что пройдет еще немало времени, прежде чем врачи позволят ему поговорить с кем-либо. Я многое бы отдал за то, чтобы узнать, о чем он разговаривал с Уилером.

— Рад, что Макинтош поправляется, — сказал я.

— А теперь за работу, — воскликнула Алисон и вновь взялась за телефонный аппарат.

Пока она наводила справки, я погружился в размышления. Если моя версия была верной, Уилер представлял для государства не меньшую опасность, чем русский шпион Слейд.

Между тем Алисон раскрыла свой блокнот, испещренный стенографическими знаками, и спросила:

— Что тебя больше интересует — Уилер или его яхта?

— Пожалуй, начнем с яхты.

— Итак, яхта «Артина», — раскрыв блокнот на соответствующей странице, начала Алисон, — построена в Тайнсаиде фирмой «Клиландс» по чертежам Паркера. Спустя два года ее купил Уилер. Представляет собой образец модели яхты типа «Паркер-Клиландс», длина — 111 футов, ширина — 22 фута, крейсерская скорость — 12 узлов, максимальная скорость — 13 узлов, имеет два двигателя «Ролс-Ройс», по 350 лошадиных сил каждый. Команда — семь человек: шкипер, механик, кок, стюард и трое матросов. Может взять на борт восемь пассажиров. Что еще тебя интересует?

— Как располагаются каюты для пассажиров?

— Это я узнаю завтра утром. Несколько лет тому назад были опубликованы чертежи аналогичной яхты. Завтра снимки будут в Корке, и мы сможем их изучить.

— А что известно об Уилере?

— Завтра в редакцию газеты «Игзминер» поступит по телексу подробное досье, но уже сейчас я могу сообщить тебе следующее: Уилер воевал с итальянцами, когда те оккупировали накануне войны Албанию. Тогда ему было 14 лет. Потом он вместе со

своей семьей перебрался в Югославию, где снова сражался с итальянцами, а позже — с немцами. Покинул страну в 1946 году и в возрасте двадцати с лишним лет обосновался в Англии, где в 1950 году получил британское гражданство. В то же время он начал заниматься бизнесом, особенно успешно — торговлей недвижимостью. Он скупал помещения под офисы, переоборудовал их и сдавал в аренду или продавал. Однако не совсем ясно, как он умудрялся получать прибыль. Тем не менее очень скоро разбогател, и с тех пор дела его шли все лучше и лучше.

— Хорошо бы побеседовать с его налоговым инспектором, — заметил я. — Кажется, я кое-что начинаю понимать. Когда он стал интересоваться политикой?

Алисон сверилась с блокнотом.

— Он выставлял свою кандидатуру на промежуточных выборах в 1962 году, но не прошел. Однако на выборах 1964 года он получил абсолютное большинство голосов.

— Видимо, не поспешил на взносы в партийную кассу, — заметил я. — Есть сведения о его связях с Албанией?

— Нет. И с Россией тоже.

— Если помнишь, он против побегов заключенных из тюрем, — сказал я. — А что он думает о реформе исправительных учреждений?

— Уилер посещает тюрьмы, но впредь, похоже, ограничится помощью различным обществам и комитетам по делам заключенных и мест лишения свободы. Между прочим, он член парламентского комитета по подготовке проекта тюремной реформы.

— Боже мой! — воскликнул я. — Так в этом качестве он имеет свободный доступ в любую тюрьму!

— Полагаю, именно так. — Алисон убрала в сумочку свой блокнот. — Оуэн, у твоей гипотезы весьма шаткий фундамент.

— Я и сам понимаю, — кивнул я и принялся расхаживать по комнате. — Но вот что мне кажется странным: один мой знакомый как-то сказал, что у него ушло 15 лет на то, чтобы сколотить свои первые 250 тысяч фунтов стерлингов, три года — чтобы довести свое состояние до миллиона, и еще шесть лет, чтобы из миллиона сделать пять миллионов. Это, скажу тебе, совсем не плохие темпы.

— И что из этого следует? — спросила Алисон.

— А то, что не мешало бы разузнать побольше о первых шагах Уилера в бизнесе. Ведь самое трудное — сделать первоначальный капитал, когда приходится самому принимать решения и делать всю работу. Так что отправляйся в редакцию и поговори еще раз с редактором, которому известны любопытные факты о первых сделках Уилера.

— Вряд ли удастся узнать больше, чем я уже узнала, — вздохнула Алисон.

— Теперь возьмем нашего мистера Икс. Он не русский, пусть условно будет албанцем, симпатизирующим русским. Он приезжает в Англию, получает гражданство и начинает проворачивать аферы с недвижимостью, на чем якобы сколачивает миллионы. Однако никто точно не знает, как именно удалось ему разбогатеть за короткий срок. Предположим, что деньги он полу-

чил извне, к примеру, полмиллиона. Мистер Икс — ловкий парень, он умеет делать деньги, как все потенциальные миллионеры. И постепенно обретает репутацию добропорядочного бизнесмена, что дает ему возможность в 1964 году добиться успеха на политическом поприще. Сейчас ему 46 лет, и впереди у него еще двадцать лет для развития своей политической карьеры. А теперь представь себе, что он добивается высокого поста в правительстве, скажем, в 1984 году и становится министром финансов или министром обороны, а может быть, и премьер-министром. Ребята в Кремле просто умрут со смеху!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ту ночь я плохо спал. Моя версия казалась мне глупой и маловероятной. Миллионер и член парламента — русский агент? Это звучало нелепо. Естественно, Алисон не могла принять столь странную гипотезу. Но Уилер был-таки связан с «постановщиками», и этого нельзя было не учитывать.

Я беспокоился ворочался с боку на бок. Если Уилер все-таки контролировал «постановщиков», то с какой целью? Не ради же денег, их у него и без того достаточно. Значит, здесь замешана политика, а учитывая членство Уилера в английском парламенте, все это чревато непредсказуемыми последствиями.

Остаток ночи мне снились кошмары.

Наутро я чувствовал себя разбитым и пребывал не в самом лучшем расположении духа. Мое настроение окончательно упало, когда Алисон сообщила, что «Артина», как ей сказали в информационной службе порта, рано утром ушла на Гибралтар.

— Эта сволочь снова ускользнула от нас! — прошипел я.

— Но нам известно, где яхта будет через четыре дня, — возразила Алисон.

— Не вижу основания для оптимизма, — мрачно заметил я. — Какие гарантии, что яхта пойдет именно на Гибралтар? И что помещает Уилеру пересадить Слейда по пути на какой-нибудь русский траулер, направляющийся в Балтийское море? И вообще находится ли Слейд на борту этого судна или нет? Ведь все это только наши догадки!

После завтрака Алисон отправилась в редакцию за новыми материалами. Я остался в гостинице: мне не хотелось случайно попасться на глаза какому-нибудь дотошному газетчику, слишком много внимания в последнее время пресса уделяла Рирдену и Слейду, в каждой газете были их фотографии.

Алисон вернулась спустя полтора часа с большим пакетом.

— Здесь кое-какая информация и любопытные снимки, — сказала она, кладя пакет на стол.

Первым делом я взглянул на снимки. На трех из них был запечатлен Уилер. Это был массивный, высокий и плечистый блондин с чуть искривленным носом. На других снимках были запечатлены его яхта «Артина» и копии с чертежей аналогичного ей судна. Син О'Донован преувеличивал: ей было далеко до

королевской яхты, но все равно такое судно по карману только миллионеру.

Я постарался запомнить план судна до мельчайших деталей на случай, если мне придется забраться на его борт. Тем временем Алисон читала полученную ночью дополнительную информацию об Уилере.

— Особых новостей нет, — откладывая досье в сторону, сказала она. — В Югославии Уилер сражался на стороне коммунистов.

— Крайне важная деталь! — заметил я и сам стал читать документы. Алисон была права: ничего существенного в них не было. — Он не женат. Похоже, это самый желанный жених в Англии. Удачливый предприниматель, добившийся солидного положения в обществе и не жалеющий сил и средств для его процветания.

— Я слышала пару сплетен на этот счет, — усмехнулась Алисон. — Он содержит любовниц и не брезгает мальчиками. Так что же мы будем делать?

— Надо лететь в Гибралтар!

— Конечно!

— Тогда вперед, за диким гусем!

В аэропорт Корка я пробирался окольным путем. Прощаясь, Мэв О'Салливан не сдержала слез.

— Возвращайся поскорей, моя девочка, — сказала она Алисон. — Я уже не молода, и кто знает, что может случиться завтра! А вы, Оуэн Стэннард, берегите себя и дочь Алека Макинтоша.

— Пока она мой ангел-хранитель, — улыбнулся я.

— Значит, я ошиблась в вас, если вы ей это позволяете, — строго сказала старая леди. — Все равно будьте осторожны и берегитесь полиции!

Мы приняли все меры предосторожности и, благополучно взлетев над городом, взяли курс на юг.

— Полет продлится около шести часов, — предупредила меня Алисон, переводя управление в автоматический режим. — Погоду обещали хорошую. На высоте десять тысяч футов придется надеть кислородные маски: кабина не загерметизирована. Я запаслась дополнительной канистрой с топливом, — кивнула она на большую пластиковую цистерну, лежавшую сзади, там, где раньше были сиденья. — Она может нам пригодиться.

Я взглянул на Алисон: лицо ее оставалось спокойным, ничто не выдавало ее волнения или растерянности.

— В чем дело? — спросила она, заметив мой пристальный взгляд.

— Если кошке дозволено смотреть на короля, то собаке дозволено смотреть на королеву, — сказал я. — Просто люблюсь тобой, вот и все.

— Надень лучше кислородную маску. Она будет тебе к лицу. Через четыре часа полета Алисон толкнула меня в плечо:

— Побережье Испании!

Сквозь дымку горячего воздуха я увидел белые буруны прибой и извилистую кромку берега.

— Мы не полетим над Испанией, — сказала Алисон. — Мы

полетим над Португалией. Когда летишь на Гибралтар, нужно учитывать политическую обстановку.

Достав карту, она прочертила новый курс, выключила автопилот и плавно развернула самолет.

— Когда ты научилась управлять самолетом? — спросил я.

— В шестнадцать лет. А стрелять — в четырнадцать.

— Любопытно. — Я попытался представить себе четырнадцатилетнюю девочку, прицеливающуюся из винтовки. Она наверняка знала и азбуку Морзе, и морской телеграф, не говоря уже о составлении программ для компьютера или разведении костра без спичек. Я бы не удивился, если бы узнал, что она может управлять подводной лодкой.

Мы начали снижаться. Алисон стянула с лица кислородную маску, и я с радостью последовал ее примеру. Вскоре наш самолет уже катился по посадочной дорожке мимо огромных военных вертолетов и самолетов, глядя на которые, я мрачно пошутил:

— Вот наконец аэропорт, где наверняка надежная служба безопасности.

— Не волнуйся, у меня для тебя сюрприз. — Алисон помахала перед моим носом дипломатическим паспортом. Раскрыв его, я увидел на первой страничке свою фотографию.

Проверявший паспорта пограничник при виде этого документа расплылся в любезной улыбке, а его коллега в штатском, стоявший рядом, расслабился и перестал сверлить меня тяжелым взглядом.

Мы покончили с формальностями за три минуты, взяли такси и доехали до гостиницы «Рок Хотел», где расположились в соседних номерах и договорились встретиться попозже в баре. Я спустился туда раньше Алисон и успел выпить до ее прихода холодного пива. Для Алисон я заказал бокал сухого мартини.

— Придется на время стать пиратом, — сказал я, когда она появилась в баре. — Надо выяснить, на яхте ли Слейд, или его там нет. Обещаю не держать в зубах нож, когда буду перелезать через фальшборт.

— А если Слейд на яхте? Попытаешься доставить его на берег? А вдруг не удастся?

— У меня на этот случай исчерпывающие инструкции, — пожал я плечами.

— Не удивлюсь, если Уилер объявится в яхт-клубе, — заметила Алисон. — Ведь он часто заходит на Гибралтар. Хочешь взглянуть? Яхт-клуб всего в полумиле отсюда.

Мы допили напитки и вышли на улицу, залитую солнцем.

С террасы яхт-клуба, где подавали прохладительные напитки, открывался прекрасный вид на гавань. Я взглянул на яхты и попытался представить себе, как буду пробираться на борт «Артины». Однако, не зная, где судно бросит якорь, представить себе это было довольно трудно.

— Уилер прибывает завтра утром в одиннадцать часов, — сказала Алисон. — Может быть, поплаваем?

— Я не захватил с собой плавки. Не думал, что представится возможность поплавать и позагорать.

— Но ведь тут полно магазинов! — напомнила Алисон, беря меня под руку.

Я купил себе плавки, полотенце и немецкий бинокль. Искушавшись, мы отправились в клуб, где я обнаружил, что миссис Смит не чуждается земных удовольствий и сделана из того же теста, что и все люди.

В десять часов утра мы уже сидели на террасе яхт-клуба и потягивали через соломинки нечто холодное и безалкогольное. Мы были в темных очках, рядом лежал бинокль, и единственное, чего нам не хватало, так это «Артины» с Уилером и Слейдом на борту.

Я наслаждался ласковым солнцем, мне очень не хватало его в Англии, особенно в тюрьме, и теперь я с удовольствием прогревал косточки. Наконец Алисон взяла бинокль и навела его на судно, приближающееся со стороны мола.

— Кажется, это «Артина»! — воскликнула она.

Меня вдруг разобрал неудержимый смех, я чуть было не задохнулся и не упал на пол.

— В чем дело? — встревоженно взглянула на меня Алисон.

— Нет, какова наглость! — покатывался я со смеху. — Этот негодий смеется над всеми нами! Ведь «Артина» — это анаграмма Тираны, столицы Албании. И как я раньше не догадался!

Между тем яхта приближалась, ее уже можно было рассмотреть и без бинокля. Когда она подошла совсем близко, я увидел на корме крупного мужчину с пепельными волосами. Это был Уилер.

— Нужно пересчитать команду! — воскликнул я. — Слейда пока не видно: ему не за чем выставлять себя напоказ.

Двое матросов спустили с помощью лебедки катер на воду. Уилер и шкипер сели в него, и катер помчался к берегу. Тем временем к яхте приблизился заправщик. Похоже, Уилер не намерен терять время зря.

— Проклятие! — воскликнул я. — Я надеялся, что яхта простоит здесь до утра. Ведь в темноте легче пробраться на борт.

— Уилер явно торопится, — сказала Алисон. — Гостей на яхте не видно. Все указывает на то, что Слейд на борту. Заправка продлится не менее часа. Что будем делать?

— Нужно срочно раздобыть лодку. Пошли!

Мы быстро нашли общий язык с владельцем моторной лодки, заплатив вдвое против обычной платы, и вышли в бухту. С заправщика на «Артину» уже перебросили шланги, и один из членов экипажа, видимо, механик, наблюдал, как идет заправка судна.

Мы прошли в пятидесяти ярдах от заправщика, развернулись и прошли с другой стороны мимо яхты. На ее палубе я заметил китайца. Он скользнул по нашей лодке безучастным взглядом и устоял на берегу.

— Это, видимо, повар Чанг Пи-ву, — сказал я, вглядываясь в черты лица китайца. Многие европейцы считают, что все азиаты на одно лицо. Но я-то разбираюсь в их физиономиях,

я долго жил на Востоке и имею кое-какой опыт. Стоит лишь один раз увидеть китайца, и я непременно узнаю его в другой раз.

Иллюминаторы кабин были зашторены, за одним из них мог находиться Слейд, оставаясь, увы, недосягаемым.

Мы еще не достигли причала, а катер с Уилером и его шкипером уже отчалил от берега. Вскоре они поднялись на борт, и матросы подняли трап. «Артина» снялась с якоря и вышла из порта.

— Если они пойдут на Грецию, — сказала Алисон, перехватив мой встревоженный взгляд, — то по пути зайдут на Мальту.

— Еще четверо суток? — спросил я.

— Еще четверо суток, — кивнула она. — Может быть, в Валлетте нам улыбнется удача.

— У тебя случайно нет с собой магнитной мины?

— Увы! — рассмеялась Алисон.

— Меня беспокоит китаец. И Слейд, видимо, тоже. Как ты знаешь, Албания сейчас заигрывает с Китаем, а китайцы чрезвычайно заинтересованы заполучить такого человека, как Слейд. Они выжмут из него всю информацию о британской и русской разведке. А бедняга Слейд уверен, что возвращается в Москву.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В порту Валлетты мне наконец-то улыбнулась удача. Но до этого мы совершили перелет на Мальту, где мой дипломат тоже пригодился: никаких проблем в аэропорту «Лука» не возникло.

В запасе у нас было четыре дня безделья. Лазурное небо, жаркое солнце, манящее море и превосходные морские продукты в ресторане, где нас угощали прекрасным холодным вином, окончательно расслабили Алисон.

Мы купили все необходимое для подводного плавания и наслаждались чистыми водами Средиземного моря. Мы купались и танцевали три дня и три ночи, пока не наступило утро прибытия яхты Уилера. Но до этого в полночь у нас состоялся интересный разговор с Алисон: я затронул вопрос о мистере Смите.

— Что ты хочешь о нем узнать? — поднимая бокал, с улыбкой спросила она.

— Он все еще что-то значит для тебя?

Она поставила бокал на стол, и немного вина расплескалось на скатерть.

— Нет, — с грустью сказала она. — Его больше нет вообще.

— Вы развелись? — спросил я, закуривая сигарету.

Она встряхнула головой, разметав тяжелые волны волос по плечам, и тоже попросила сигарету.

— Ничего подобного. Я вышла замуж за обычного человека, которого звали Джон Смит. Он был не разведчиком, а просто милым и добрым бухгалтером. Узнав о том, что он даже не полицейский, отец пришел в ужас.

— И что случилось потом?

— Потом мы были счастливы.

— А до замужества ты все время жила с отцом?

— Разумеется, где же еще? — Она пожала плечами. — Мы с мужем поселились отдельно, и я радовалась тому, что замужем и делаю всю домашнюю работу, которую и должны выполнять нормальные жены, а не забиваю себе голову вещами, предназначенными совсем не для женского ума. Отец, конечно же, был очень огорчен, потеряв секретаршу-робота. Все шло прекрасно, пока не произошла дурацкая, нелепая автокатастрофа. Я думала, что не переживу этого. Я любила Джона, понимаешь? — Ее лицо на мгновение окаменело.

— Мне очень жаль.

— Какое-то время я помучилась одна, но в конце концов вернулась к отцу. Что мне еще оставалось делать, Оуэн?

— Видимо, ты правильно поступила.

— Пошли танцевать, Оуэн. — Алисон сжала мои пальцы. — Я хочу танцевать, — повторила она с отчаянием.

Мы вышли на полутемную веранду, она склонила голову мне на плечо и прошептала на ухо:

— Знаешь, кто я, Оуэн?

— Ты удивительная женщина, Алисон.

— Нет, я — венерина мухоловка. Растения, как и женщины, должны выглядеть безобидно. Ты когда-нибудь наблюдал, как муха попадает в венерину мухоловку? Это безобидное на вид растение на деле оказывается настоящим хищником.

— Не принимай это слишком близко к сердцу. — Я почувствовал, как по всему ее телу вдруг пробежала дрожь. Она припала ко мне и воскликнула:

— Давай поскорее вернемся в гостиницу!

Я заплатил по счету и догнал Алисон уже в дверях ресторана. Мы молча прошли двести шагов до гостиницы, ни слова не говоря, поднялись в лифте на наш этаж и прошли по коридору до ее номера...

Алисон предавалась любви, как дикарка, с неистовой страстью. Впервые за многие годы исковерканной жизни она позволила себе расслабиться. Мы любили друг друга, болтали о каких-то пустяках и снова бросались в пучину страсти. Наконец, она успокоилась и заснула. Я же посчитал благоразумным удалиться в свой номер: мне показалось, что, проснувшись, она может почувствовать угрызения совести.

Когда Алисон спустилась к завтраку, я уже пил первую чашку кофе.

— Что бы нам придумать вместо магнитной мины? — спросил я, откидываясь на спинку стула, но, пронзенный острой болью, тотчас же вновь распрямил спину и потянулся за гренком.

— Я узнаю в порту, когда приходит «Артина», — сказала она, всем своим видом давая понять, что сейчас не время выяснять отношения.

— Мы не можем повторить ошибку, допущенную в Гибралтаре. До Албании рукой подать, так что нужно все предусмотреть на случай, если яхта вновь прибудет и отбудет в течение одного

дня. Но я не могу ворваться на судно днем и захватить Слейда силой. Так что остается лишь одно: задержать яхту в порту на ночь.

— Но как? Мне ничего не приходит в голову.

— У меня есть идея,— сказал я.— После завтрака ходим в магазин.

Плотно поев, мы отправились бродить по душным улочкам Валлетты, где жара казалась еще сильнее из-за золотистого известняка старинных зданий. До прибытия «Артины» у нас было еще несколько часов.

В витрине одного из многочисленных магазинчиков я наконец увидел то, что искал: легкий и крепкий линь, способный выдержать значительную нагрузку. Я купил двести футов и попросил упаковать.

— Надеюсь, ты знаешь, зачем все это,— сказала Алисон.

— А как можно добраться до середины бухты, оставшись при этом незамеченным?

— Под водой,— понимающе кивнула она.— Но нужно еще попасть на палубу.

— Не забывай, что ты тоже участвуешь в этой операции,— заметил я.— Пошли за аквалангами.

Убедившись, что баллоны заправлены, мы немного потренировались в бассейне и направились в порт.

— Каков же твой план действий? — спросила Алисон, когда мы устроились в укромном местечке.

— В свое время, как тебе известно, я был в Индонезии. Однажды мне пришлось уходить на моторной лодке от патрульного катера, вооруженного 20-миллиметровой пушкой. Я попытался укрыться в мангровых зарослях, и это едва не стоило мне жизни: водоросли намотались на винт, и лодка встала.

— А что дальше? — заинтересовалась Алисон.

— Это уже не важно,— вздохнул я.— «Артина» несколько больше моей лодочки, как ты понимаешь, но и этот линь гораздо крепче морских водорослей. Как только яхта встанет на якорь, мы подплывем к ней и намотаем линь на оба винта. Уверен, что никому из экипажа и в голову не придет заподозрить чей-то злой умысел, когда выяснится причина задержки. Такое нередко случается в портах. Думаю, им придется хорошенько повозиться, чтобы освободить два гребных винта.

«Артина» появилась только в половине третьего и бросила якорь довольно далеко от берега. На катере к берегу на этот раз отправился один лишь шкипер, без Уилера.

— Началось,— сказал я, подтягивая лямки акваланга.— Ты сможешь проплыть под водой большое расстояние?

— Конечно! — смочив маску водой, ответила Алисон.

— Мы проплывем в двадцати ярдах от кормы и зайдем с другого борта. Будь внимательна, там может быть заправщик.

Мы опустились приблизительно на двадцать пять футов в глубину и поплыли к яхте. Время от времени я оборачивался назад, чтобы убедиться, что Алисон не отстает. Она плыла следом за мной, слегка левее. Определив, что мы достигли цели, я сделал Алисон знак прекратить движение и начал осматриваться. Над

нашими головами послышался звук мотора и зависла тень какого-то крупного судна. Затем винт замер, и раздался металлический ляг: видимо, к яхте подошел заправщик.

Я махнул Алисон рукой, и мы поплыли под днищем заправщика к винтам «Артины», тускло освечивающим бронзой в толще воды. Если бы в этот момент кому-то пришло в голову запустить двигателя яхты, лопасти винтов изрубили бы меня в кровавое месиво. Каждый винт был около четырех футов в диаметре, а гребной вал у основания поддерживали кронштейны. Это облегчило мне работу: просунув конец линя между кронштейнами и корпусом, я обмотал ими гребной вал, после чего пропустил лить между лопастями винта и закрепил узлом на кронштейне. Для начала вышло совсем нехорошо. Наконец мы справились с нашей задачей. Оба винта были опутаны линем таким образом, что при запуске двигателя гребные валы наверняка погнулись бы, а цилиндр пробило бы поршнем. Мы остались довольны своей работой, повернули обратно к берегу, выбрались на мол и удалились, бряцая баллонами.

Добравшись до исходного пункта нашего подводного путешествия, мы с облегчением сняли свое снаряжение и закурили. Мне было хорошо видно, что происходит на «Артине»: заправщик отваливал от ее левого борта, а шкипер возвращался на судно с берега. Яхта явно готовилась к отплытию: едва шкипер ступил на палубу, как тотчас же началась бегодня. Стали поднимать трап на катер, кто-то побежал на нос поднимать якорь.

— Любопытно, почему они так торопятся. Однако их ждет сильное разочарование, — усмехнулся я.

Якорь подняли, и «Артина» тронулась с места. Для меня это было ударом, поскольку я вообще не ожидал, что она сможет это сделать. Видимо, семь сотен лошадиных сил одолели сопротивление нескольких футов нейлоновой веревки.

— Все пропало! — с отчаянием прошептала Алисон.

— Мы сделали все что могли, — глухо произнес я, опуская бинокль. — Через два дня «Артина» будет в Албании.

— Взгляни-ка! — воскликнула Алисон, все еще наблюдавшая за судном.

«Артина» внезапно развернулась носом к берегу, словно кто-то резко крутанул штурвал. Вода за ее кормой вспенилась белыми бурунами, и яхта замерла, перекрыв путь итальянскому сухогрузу, выходящему в этот момент из порта.

Подав предупредительный сигнал, на который яхта не отреагировала, сухогруз лишь в последнее мгновение изменил курс, все же задев бортом потерявшее управление суденышко. С капитанского мостика человек в белоснежном кителе погрозил шкиперу яхты кулаком, сопроводив, как я мог предположить, этот жест отборнейшим итальянским ругательством.

Сухогруз пошел дальше своим курсом, а яхта беспомощно закачалась на поднятых им волнах. От причала отвалил буксир и поспешил ей на помощь. Вскоре он отбуксировал «Артину» на прежнее место ее стоянки, и с нее сбросили якорь.

— Ты уверен, что они не заподозрят неладное? — спросила Алисон.

— Думаю, что этого не случится. Так или иначе, но дело сделано: яхта остается здесь на ночь. Они долго будут проклинать идиота, уронившего в воду линь. Но легче отскрести от сковородки пригоревший омлет, чем освободить лопасти от линя, — рассмеялся я.

— И что же дальше? — поднимая акваланг, спросила Алисон.

— Будем ждать наступления темноты. Я попытаюсь проникнуть на борт судна.

Ночь выдалась безлунной, но небо было ясным, и наша маленькая пластиковая лодочка легко скользила по воде. Впереди мерцали огни острова Амносль, слева сверкала взметнувшаяся над морем Валлетта. «Артина» стояла с погашенными огнями, освещаемая лишь сигнальными фонарями, что, впрочем, было неудивительно в половине третьего ночи.

Алисон перестала грести, и мы подплыли к корме яхты совершенно бесшумно. Веревоочной лестницы, по которой спускался в воду ныряльщик, пытавшийся освободить винт, уже не было на прежнем месте, да я, собственно говоря, на нее и не рассчитывал, поскольку захватил с собой самодельную кошку, смастерив ее из крючка для ловли акул и обмотав изоляционной лентой.

Хорошенько примерившись, я перекинул кошку через поручни фальшборта. Кошка с глухим стуком упала на палубу, я потянул за линь, и крючки прочно зацепились за поручни. Можно было деть вверх.

— Будь готова выудить меня из воды, — прошептал я на ухо Алисон. — Я вернусь вместе со Слейдом или же один. Если вообще не вернусь, действуй по обстановке. Удачи!

С этими словами я начал карабкаться вверх по канату, пока наконец не ухватился рукой за флашток, и перелез через поручни. Встав обеими ногами на палубу, я посмотрел вниз: там, где только что была лодка с Алисон, по воде расходились подозрительные круги. Некоторое время я стоял не двигаясь и прислушивался к пугающей тишине. Потом включил карманный фонарик. Узкий луч света высветил прямо у меня под ногами оборудование для подводных работ. Прокравшись на цыпочках мимо этой ловушки, я толкнул дверь кают-компани. Она, к счастью, оказалась незапертой. Сквозь стеклянную дверь справа падал тусклый свет. Едва я подкрался к ней, как кто-то вышел из соседней каюты и пошел по коридору. Я выждал, пока шаги стихли, открыл дверь и прислушался: где-то звякнула посуда, видимо, вахтенный знакомился с содержимым холодильника.

Притворив за собой дверь, я неслышно прошел к лестнице, ведущей на нижнюю палубу, где находились каюты пассажиров.

Дверь каюты, иллюминаторы которой были зашторены, оказалась запертой, но после несложных манипуляций я открыл замок и проскользнул внутрь. В темноте кто-то мерно и тяжело сопел. Я направил на спящего луч фонарика, моля Бога, чтобы на койке оказался Слейд. Но волновался я напрасно: передо мной действительно лежал он. Его суровое лицо еще больше пожелтело.

Я извлек из-за пояса пистолет и послал патрон в патронник. Лязгнул затвор. Слейд застонал и зашевелился, но не проснулся. Не выключая фонарик, я подошел к нему и надавил пальцем чуть пониже уха: это лучший способ разбудить спящего.

Слейд снова застонал и открыл глаза, но тотчас же зажмурился от яркого света.

— Если закричишь, — я направил луч на пистолет, — это будет последний звук в твоей жизни.

— Кто вы, черт подери? — испуганно прошептал он.

— Твой старый приятель Рирден. Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда.

— Ты спятил, — пробормотал Слейд, тряся головой.

— Возможно. Любой, кто захотел бы спасти тебя, должен быть немного не в своем уме.

— Как ты здесь очутился?

— Я шел по твоим следам, — ухмыльнулся я. — И не советую шуметь, если тебе дорога жизнь.

— Кто ты такой? — спросил он, косясь на кнопку звонка.

— Контрразведчик.

— Значит, исполнитель. — Слейд тяжело вздохнул. — Но у тебя пистолет без глушителя. Убьешь меня — и тебе самому крышка.

— Пошевели мозгами, Слейд. Ведь я мог бы перерезать тебе горло, пока ты спал. Или проткнуть иглой основание шеи, чтобы было меньше крови. Пойми, если я разговариваю с тобой сейчас, значит, я намерен забрать тебя отсюда живым. Но предупреждаю: либо уходим вместе живыми, либо ты остаешься здесь мертвым. Выбериай.

— Ты здорово рискуешь, — натянуто ухмыльнулся Слейд. — У меня есть шанс переиграть тебя!

— Не думаю, что тебе этого захочется. Как ты думаешь, где находится эта посудина в настоящий момент?

— Температура в каюте не менялась, — наморщив лоб, пробормотал Слейд, — следовательно, судно не могло уйти далеко.

— Здесь отличные кондиционеры. Так что заметить разницу температур просто невозможно. Тебе нравится китайская кухня, Слейд?

— Я могу есть китайские блюда, а могу и не есть. — Он пожал плечами. — При чем здесь это?

— А давно тебя потчевали чем-либо китайским?

— Например, вчера.

— Следовательно, кок на судне — китаец. Ты знаешь, чья это яхта? Нет? Так вот, ее хозяйина зовут мистер Уилер. Он член британского парламента. Уверен, что ты его не видел.

— Мы встречались пару раз в былые времена, — неохотно произнес Слейд. — Но что же, хотел бы я знать, происходит?

— Уилер родом из Албании, — объяснил я. — А его повар-китаец занимается не только тем, что тушит свинину в кисло-сладком соусе. Сейчас ты на Мальте, следующая остановка — в Албании, откуда тебя грузовым самолетом переправят в Пекин. Так что я бы посоветовал начать привыкать к китайской кухне, если китайцы вообще будут тебя кормить.

— Ты точно спятил, — вытаращился на меня Слейд.

— Китайцы хотят заполучить тебя, чтобы выкачать всю информацию. Так что же в этом странного? И они своего добьются, ведь именно китайцы придумали термин «промывание мозгов».

— Но какова здесь роль Уилера? Ведь он сильно рискует!

— Тебе же удавалось выходить сухим из воды на протяжении почти четверти века! — возразил я. — Так почему же ты не допускаешь, что кто-то может оказаться умнее? Уилера, во всяком случае, не поймали. Мне кажется, тут не о чем долго разговаривать, выбирай одно из двух: либо добровольно уходишь со мной, либо я тебя прикончу. Последнее для тебя даже лучше, чем оказаться в лапах китайцев. Так что советуую спокойно перебраться в надежную камеру одной из специальных британских тюрем, где из тебя хотя бы не выпотрошат мозги через уши.

— Не уверен, что тебе можно доверять. — Слейд упрямо затряс головой, явно пытаясь выиграть время.

Я тяжело вздохнул и помахал у него перед носом пистолетом. Он начинал меня бесить.

— Впервые в жизни вижу человека, который смотрит в зубы дареному коню! Если бы я знал, что ты такой упрямый болван, ни за что бы не потащился за тобой из Ирландии...

— Из Ирландии?

— Именно там нас держали взаперти.

— Да, Линч — ирландец, — сказал он.

— Симанс Линч? — переспросил я. — Он работает на Уилера. Головорез из ИРА, ненавидящий англичан. Что ему здесь нужно?

— Он присматривает за мной, — пояснил Слейд. — Послушай, где мы точно сейчас находимся?

— Стоим на якоре в порту, который ты должен узнать, если раньше бывал на Мальте. Надеюсь, у тебя хорошая зрительная память. Когда ты был здесь в последний раз?

— Пять лет тому назад, — вздохнул Слейд, откидывая одеяло. В коридоре послышались чьи-то шаги, и он, вновь укрывшись одеялом, испуганно прошептал: «Сюда кто-то идет».

— Не забывай об этом! — Я ткнул ему пистолет под нос и метнулся в душевую. Едва я прикрыл за собой дверь, как щелкнул дверной замок и голос Линча, который я сразу узнал, произнес:

— С кем это ты разговаривал? Я отчетливо слышал голоса.

— Должно быть, разговаривал во сне. В последнее время меня мучат кошмары. Да и голова побаливает, — пожаловался Слейд.

— Ничего удивительного, — сказал Линч. — Ведь ты все время сидишь взаперти. Не унывай, скоро будешь дома.

— Почему мы стоим? — спросил Слейд.

— Что-то случилось с гребным винтом.

— А где мы находимся?

— Вам бы следовало знать, мистер Слейд, — язвительным тоном проговорил Линч, — что подобные сведения являются совершенно секретными. Не задавайте лишних вопросов.

— Хорошо. Но когда же мы продолжим путь? Когда я ступлю на твердую землю?

— Что касается первой части вопроса, это случится завтра. На вторую же часть я ответить не могу, не я здесь командую. Однако мне не нравится твой бледный вид, Слейд. Может, дать аспирину? Мы обязаны доставить тебя домой в хорошей форме.

Я зашел за клеенчатую занавеску и затаил дыхание. Линч открыл дверь, включил свет и достал из аптечки пачку аспирина. Наполнив стакан водой, он повернулся, едва не коснувшись плечом моей руки, погасил свет и вышел, прикрыв дверь.

— Вот выпей,— услышал я его голос.— Это снимет головную боль.

— Спасибо,— ответил Слейд, и тут раздался звон стакана.

— Боже мой! — воскликнул Линч.— Да ты весь мокрый от пота! Уж не подхватил ли малярию?

— Все будет нормально,— успокоил его Слейд.— Не гасите свет, я немного почитаю.

— Конечно,— сказал Линч.— Спокойной ночи.

Я услышал, как вновь открылась и закрылась дверь каюты и шелкнул замок. Выждав, пока стихнет дрожь в руках, я вышел из душевой. Слейд лежал на кровати с книгой в руках.

— Одевайся,— сказал я ему.— Только тихо! А потом ложись в постель, нужно выждать, пока Линч уснет.

Слейд оделся и лег, укрывшись до подбородка одеялом, я же вернулся в душевую, оставив дверь полуоткрытой. В течение получаса снаружи не доносились никаких подозрительных звуков. Наконец я покинул свое убежище и сделал Слейду рукой знак подниматься. Пока он высвобождал из-под одеяла ноги, я возился с замком, а когда обернулся, то увидел, что Слейд на цыпочках подкрадывается ко мне.

— Я хотел бы убедиться, что мы в Валлетте,— прошептал он.

Я выключил свет и открыл дверь. В коридоре было темно, но я знал, что лестница слева от двери. Пропустив Слейда вперед, я подтолкнул его пистолетом в спину. На верхней палубе он огляделся и прошептал:

— Ты прав, это и в самом деле Валлетта!

— Хватит болтать! — шикнул я на него.— Мы еще не на берегу.

Возле флагштока мы остановились. Кошки с канатом на прежнем месте не было. Внезапно темноту разорвал сноп яркого света: сверху нас ослепил прожектор.

— Не двигаться! — приказал чей-то голос из темноты.

— Прыгай! — крикнул я Слейду, но несколько человек навалились на нас со всех сторон и связали. Кто-то держал меня сзади, выламывая руки, а кто-то изо всех сил дупил меня по животу. Двое матросов отволокли Слейда к капитанскому мостику и затолкали в рубку. Туда же впахнули и меня. Здоровенный бородатый мужчина, в котором я узнал шкипера, отдавал на непонятном языке резкие команды. Меня бесцеремонно швырнули на пол, один из матросов передал мой пистолет шкиперу, тот осмотрел его и спросил по-английски:

— Ты кто такой?

— Это имеет какое-нибудь значение? — Я попытался встать на ноги.

Шкипер бросил яростный взгляд на Слейда, обмякшего в кресле, и пророкотал, словно вулкан перед извержением:

— Линч! Где ты был? Тебе же поручили сторожить его!

Я обернулся: Линч изумленно таращился на Слейда.

— Как он сюда попал? Я был у него всего полчаса назад! И точно помню, что запер за собой дверь!

— Запер за собой дверь! — передразнил его бородастый. — Вот кто его оттуда вывел! — кивнул он в мою сторону.

— Боже мой, ведь это Рирден! — удивленно воскликнул Линч. — Но его не было в каюте, я бы увидел!

— Я стоял в душевом отсеке, безмозглый ублюдок! — ухмыльнулся я и добавил, обернувшись к шкиперу: — Ну и охранников вы подобрали! Жаль, что не прикончил его.

Линч кинулся на меня с налитыми кровью глазами, но шкипер опередил его, схватив меня за волосы своей стальной ручищей.

— Так ты Рирден! — прорычал он, тыча мне пистолетом в лицо. — Ты нам очень нужен.

— Никакой он не Рирден, — раздался за моей спиной чей-то спокойный голос.

Шкипер отпустил мои волосы, и я увидел разглядывающего меня китайца Чанг Пи-ву. Рядом с ним стоял высокий мужчина с орлиным носом и пепельными волосами. Зажав зубами мундштук с сигаретой, он достал из кармана элегантного шелкового халата зажигалку, закурил и, выпустив струйку дыма мне в лицо, произнес:

— Если не ошибаюсь, его зовут Оуэн Стэннард. Весьма разумно с вашей стороны, мистер Стэннард, присоединиться к нам. Вы избавили меня от ненужных хлопот.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Как вы их поймали? — спросил Уилер шкипера.

— Мехмет обнаружил на поручне крюк с веревкой, доложил мне, и я устроил засаду. Мы схватили этих двоих, когда они ударили. А этот идиот, — шкипер ткнул пальцем в Линча, — позволил им уйти!

— Мы еще поговорим об этом, — обратился Уилер к Линчу. — А сейчас убирайся в свою каюту!

Заметив недобрый блеск в глазах Уилера, Линч тотчас же ретировался, испепелив на прощание меня яростным взглядом.

— Итак, мистер Стэннард, — промолвил Уилер, — поведайте нам, каким образом вы намеревались переправить Слейда на берег. Где лодка?

— Я добрался сюда вплавь, — ответил я.

— И таким же образом намеревались вернуться на берег? — недоверчиво усмехнулся Уилер. — Вместе со Слейдом? Я вам не верю! Шкипер, поищите лодку!

— Уже ищут, — сказал шкипер с невозмутимым видом.

Уилер удовлетворенно кивнул головой и подошел к Слейду, бессильно откинувшемуся на спинку кресла.

— Мой дорогой друг, что на вас нашло? Почему вы решили бежать с этим человеком? Да окажись вы на берегу, он тотчас же сдал бы вас полиции! А вам известно, что это значит: сорок лет в британской тюрьме.

— Я вас знаю. Мы встречались раньше.

— Да, на конференции европейской ассоциации свободной торговли и на одном банкете.— уточнил Уилер.

— Вас зовут Уилер, вы член британского парламента. Почему вы помогаете мне бежать от английского правосудия?

— Прекрасный вопрос.— Я встрял в их разговор.— Ответ же ему, Уилер! Скажи Слейду, почему ты хочешь совершить государственную измену. Насколько мне известно, за это преступление все еще предусмотрена смертная казнь.

— Я помогаю вам, Слейд.— улыбнулся Уилер,— потому что не признаю британских законов. Как и вы, я борюсь за лучший порядок в мире. Вы, возможно, были ценным агентом, но не таким ценным, как я.

— Все это в прошлом, Уилер,— сказал я.— С тобой покончено.

Не обращая на меня никакого внимания, Уилер продолжал:

— Не верьте этому человеку, мой друг! Он морочит вам голову.

— Почему мы на Мальте? — спросил Слейд.

— Так вот в чем дело! — расхохотался Уилер.— Я везу вас домой, можете не сомневаться. У меня каникулы, и я привык проводить отпуск в Средиземноморье, вот и все! Взяв курс на Балтику, я вызвал бы подозрение. Даже ради вас, мой друг, я не хочу рисковать.

— Спроси лучше, какие гениальные идеи он почерпнул из маленькой красной книжки,— обратился я к Слейду.

— Вы албанец,— произнес Слейд.— И я вам не верю. Зачем здесь этот китаец? — Слейд кивнул на повара.

— Уилер утверждает, что везет тебя домой,— я вновь вмешался в разговор.— Дом человека там, где его сердце. А сердце китайца в Китае.

— Мне кажется, тебе придется заткнуть пасть,— прорычал Уилер.— И навсегда.— Он взял себя в руки и улыбнулся Слейду.— Мой друг, вам это совсем не обязательно знать. Не волнуйтесь, все будет хорошо. А тебя, Стэннард, придется убрать. Но как бы это лучше сделать? А вот как: представим все так, будто на судно вторгся вооруженный незнакомец, оказал сопротивление охране и в перестрелке был застрелен из его же пистолета. Мы уведомим полицию, и она выяснит, что убитый — не кто иной, как беглый уголовник Рирден. Только представь, какие заголовки появятся в английских газетах!

— Но полиция наверняка заинтересуется, нет ли на этой яхте и второго, куда более опасного, преступника, и обыщет судно.— ухмыльнулся я.— Вряд ли это тебе понравится, Уилер.

— Верно,— согласился он.— Пожалуй, лучше отказаться от подобного театрального жеста. Кроме того, мне хотелось бы получить от тебя ответы на некоторые вопросы. Например, с кем ты работаешь. Кстати,— обернулся он к шкиперу,— лодку нашли?

— Пойду узнаю,— сказал тот и вышел из рубки.

Я окинул взглядом помещение. С уходом Линча и шкипера мои шансы увеличились, хотя и ненамного: за спиной стояли два матроса, один из которых держал меня под прицелом пистолета, а передо мной — Уилер и китаец, навверняка тоже с пистолетом в кармане. Интересно, на чьей стороне будет Слейд, если дело дойдет до потасовки, подумал я, а вслух спросил:

— Любопытно узнать, как тебе удалось докопаться до Макинтоша? Похоже, вам известны все подробности о моей жизни.

— Вы, англичане, нация любителей,— рассмеялся Уилер.— Даже разведка не составляет исключения. Как ты уже, наверное, догадался, мне о тебе рассказали.

— Но кто же? Обо мне знал только Макинтош.

— А кто же еще? Он был слегка пьян и все разболтал. Правда, потом спохватился и замолчал, но мне было вполне достаточно и того, что он успел сказать. Мы обсуждали с ним тюремную реформу, так что все вышло как бы само собой.

Я был потрясен. Неужели Макинтош мог напиться и совершить такую глупость? Но ведь я точно знал, что он не был ни пьяницей, ни болтуном. Значит, сделал это умышленно. Но зачем?

— Макинтош мертв,— продолжал Уилер,— я об этом позабылся. И ты тоже попался, так что нам больше не о чем беспокоиться.

254 Меня пробил озноб. Я чувствовал себя преданным и всеми забытым. Слова Уилера звучали вполне убедительно, однако предательство Макинтоша все равно не укладывалось в моей голове.

— Лодку не нашли,— вывел меня из размышлений грубый голос вернувшегося шкипера.

— Их нужно разместить по разным каютам. Что ты предлагаешь? — Уилер обернулся к шкиперу.

— Слейда можно оставить в его каюте,— ответил тот.

— Но приковать наручниками к койке,— добавил китаец,— и поставить у двери охрану.

— Хорошо,— согласился Уилер.— А как поступим со Стэннардом?

— Поместим его в кубрик на носу,— сказал китаец.— Там стальная переборка и водонепроницаемая дверь. Ему оттуда не выбраться.

— Придется отложить твой вопрос до отплытия,— злобно ухмыльнулся Уилер.— Твои вопли могут услышать на берегу. Кстати, не тебе ли мы обязаны проблемой с гребными винтами?

— А что, они отвалились?

— У тебя завидная выдержка! Шутить перед лицом смерти — очень по-британски. Уведите его!

Меня вытолкали на палубу. В глазах Слейда я успел заметить отчаяние. Его лицо посерело. На палубе зажгли огни, и я увидел в руке одного из охранников пистолет. Второй охранник мертвой хваткой вцепился в мой локоть. Внезапно раздался негромкий хлопок, и матрос справа от меня вскрикнул и выронил пистолет.

Раздался еще один хлопок, и мой второй конвоир споткнулся и ослабил хватку, как бы нехотя опускаясь на колени. Я обернулся и увидел у него посередине лба маленькую дырочку, из которой струилась кровь.

— Прыгай же, идиот! — крикнула Алисон, и я прыгнул через поручни, раскинув руки и ноги. Погрузившись со страшным всплеском в воду, я услышал, как легко и ловко нырнула следом за мной Алисон.

— Плыдем к причалу, — шепнул я ей. — Встретимся на прежнем месте.

Отплыв под водой на приличное расстояние, я вынырнул и взглянул на «Артину». По воде шарил луч прожектора, но не в нашем направлении. Я снова нырнул и, как оказалось, вовремя: над моей головой промчался катер. Я еще трижды выныривал, прежде чем достиг берега, или, точнее говоря, длинного ряда яхт, пришвартованных к причалу.

— Что за шум среди ночи? — услышал я над собой чей-то раздраженный голос. — Может быть, это фейерверк?

— Фейерверк будет завтра вечером, — проворчал мужчина. — А сейчас раннее утро! И какой идиот гоняет туда-сюда на катере? Завтра пожалуюсь управляющему, пусть прекратит это безобразие. Невозможно спать!

Когда стихли удаляющиеся шаги возмущенного туриста, я выбрался на причал, снедаемый подозрениями в отношении миссис Алисон Смит: хоть она и спасла мне жизнь, я уже не мог ей безоглядно доверять после всего случившегося.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем Алисон появилась. Выбравшись с моей помощью из воды, она с негодованием воскликнула:

— Проклятый катер! Едва не утопил меня! Хорошо, что меня не заметили.

— А что с нашей лодкой? — спросил я.

— Когда матрос обнаружил кошку, я забралась по якорной цепи на палубу и затаилась. Лодку унесло в море.

— Ты ловко управляешься со своим пугачом.

— С шести ярдов трудно промахнуться.

Мы побрели в гостиницу, думая каждый о своем.

— Я провалил все дело. — Я наконец нарушил молчание. — Мне не удалось ни вернуть Слейда в тюрьму, ни убить его.

— Не так-то просто убить человека, — поежилась Алисон.

— Ты многих убила? — спросил я.

— Одного. Сегодня, — глухо ответила она. Ее вдруг начала бить сильная дрожь.

— Успокойся. — Я прижал ее к себе. — Со временем все забудется, поверь мне. Теперь нам нужно исчезнуть из гостиницы.

— Это понятно, — вздохнула она. — А что дальше?

— Все будет зависеть от того, насколько серьезно повреждена «Артина». Если она ночью уйдет, все будет кончено. Если же нет, у нас есть еще один шанс.

— Но для этого надо придумать что-то новое, — сказала Алисон.

Мы оба замолчали: озноб и усталость не располагали к разговору. Хотелось поскорее добраться до гостиницы и переодеться в сухую одежду.

Однако пока мы добрались до «Флорианы», взошло солнце, и наша одежда просохла под его жаркими лучами. В этот ранний час на пустынных улочках мое внимание привлекли рабочие, развешивающие повсюду гирлянды разноцветных флажков и лампочек.

— Что за торжество намечается? — спросил я у Алисон.

— Сегодня устраивается фейерверк для туристов.

— Сколько у нас осталось денег?

— Около трех тысяч фунтов вместе с пятьюстами, которые я отдала тебе. А что? — заинтересовалась Алисон, но я не мог пока посвятить ее в свой замысел, потому что прежде мне нужно было еще кое-что уточнить.

Заспанный портье отдал нам ключи от комнат, и мы поднялись наверх, с трудом волоча ноги.

У себя в номере я залпом выпил глоток виски, ополоснулся под душем, переоделся и уселся изучать план яхты. Вскоре пришла Алисон, неся одну из трех огромных сумок, которые вмещают во много раз больше, чем это можно предположить с первого взгляда. Мы вышли из гостиницы черным ходом и сели на автобус, направляющийся в Сенгли.

Сенгли представляет собой полуостров, вступающий в бухту Гранд Харбор между двумя заливами, — там я надеялся отыскать нужную для осуществления моего плана лодку. Несмотря на ранний час, кафе уже работало, и мы позавтракали яичницей с ветчиной.

— Уилер не знает, есть ли у меня помощник, — сказал я Алисон. — Тебе лучше отправиться за покупками одной. Мне нужна лодка, а главное, уединенный ангар на двенадцать часов. Хозяину скажешь, что мы снимаем ангар на три месяца. Поняла?

— И что потом? — спросила Алисон.

— Потом нужно купить лодку или маленький катер с мощными моторами, взять напрокат сварочный аппарат и грузовик и купить столько пиротехнических ракет, сколько влезет в лодку. Ведь должны же здесь продавать ракеты для фейерверков! Справись?

— Справлюсь, — уверенно ответила Алисон. — Теперь объясни, зачем все это нужно.

— Смотри. — Я развернул на столе план «Артины». — Вот тут установлены баки с топливом. Если пробить борт и повредить бак, то в сочетании с ракетами можно устроить отличный фейерверк. Надо только приварить к носу нашей лодки таран и развить хорошую скорость. Но я постараюсь.

— Хочешь выкурить Уилера с яхты?

— Не будь наивной. — Я укоризненно взглянул на нее. — Я собираюсь сжечь этого мерзавца с потрохами.

Я был прав, предполагая, что в Сенгли найдется подходящий лодочный ангар. В половине одиннадцатого, уплатив хозяину сто фунтов новенькими банкнотами, я приступил к осуществлению своего плана.

Пока Алисон искала лодку, я порылся на свалке и нашел все, что нужно для сооружения тарана. Мне также удалось взять напрокат баллоны с кислородом и сварочный аппарат. Все это я отвез в ангар и стал дожидаться Алисон. Она вернулась спустя два часа. Я осмотрел моторную лодку, на которой Алисон примчалась. Лодка была итальянской конструкции, с двумя мощными подвесными моторами.

— Я выжала из нее почти тридцать узлов по пути сюда, — сказала Алисон. — Кстати, «Артина» стоит на том же месте. На корме кипит работа, я видела, как они поднимали на палубу винты.

— Им хватит дел на весь день. — Я рассмеялся. — Помоги поднять лодку в ангар.

Когда лодка была в ангаре, Алисон озабоченно взглянула на часы:

— В три часа нужно забрать ракеты. В лодке термос кофе, бутерброды и бутылка виски. Я постараюсь вернуться как можно быстрее. Один справишься?

— Не теряй время, я все сделаю сам. Кстати, купи большой топор.

— Не знаю, смогу ли его достать, — нахмурилась Алисон. — Ведь на Мальте не так уж много деревьев.

— Но ты все-таки постарайся! — сказал я и пошел к лодке. Алисон вернулась в семь часов.

— Достала топор? — спросил ее я, вытирая ладонью вспотевший лоб.

Она с гордостью предъявила мне огромный топор на длинном топорнице. Топорище мне было не нужно, и я отрезал его пламенем сварочного аппарата. Потом приварил топор к концу стальной полоски. Таран был готов.

Я отступил от творения своих рук и оглядел его. Таран выглядел весьма внушительно. Меня не беспокоило, насколько эта конструкция повлияет на маневренность лодки, однако тревожил вопрос со скоростью: она неминуемо должна была снизиться.

— Теперь можно выпить виски, — сказал я, решив подойти к проблеме философски: будь что будет.

Алисон налила мне в колпачок термоса виски и спросила:

— А не проще ли задействовать полицию?

— Гениальная мысль! — воскликнул я саркастически. — Ты думаешь, что местные полицейские нам поверят? Господь с тобой! Уилер — уважаемый человек, член британского парламента и крупный капиталист. Он бывает здесь каждый год и наверняка является спонсором здешнего яхт-клуба. Не удивлюсь, если он помогает сиротским приютам! Пока нам удастся убедить кого-нибудь из местных чинов, его уже и след простынет.

— Но на яхте труп, — возразила Алисон. — Это придется как-то объяснить.

— Уилер найдет объяснения. Оставь эту идею, лучше взглянем на ракеты.

Ракет было много. Больших и разных, и их вид успокоил меня. Оставалось лишь поставить лодку на салазки, установить моторы и проверить рулевые тросы.

— Сколько ты заплатила за лодку? — закончив работу, спросил я Алисон.

— Полторы тысячи фунтов.

— Управляемые ракеты всегда дорого стоят, — заметил я. — Давай грузить ракеты.

Мы перетащили ракеты в лодку.

— Когда ты намерен приступить к операции? — спросила Алисон.

— А когда начнется фейерверк?

— Спустя два часа после захода солнца.

— Я хочу протаранить «Артину» в самый разгар праздника, чтобы в суматохе никто ничего не понял. Главное, угодить тараном в нужное место.

— Если нам предстоит еще раз поплавать под водой, — усмехнулась Алисон, — это лучше сделать в гидрокостюмах и в масках. На всякий случай я взяла парочку напрокат.

— Ты останешься на берегу.

— Нет, я буду рядом с тобой.

— Это важная операция, и нет смысла рисковать обоим, — возразил я. — У меня для тебя есть другое задание; если и на этот раз ничего не выйдет, добывать Уилера придется тебе. Договорились? Можешь тогда обратиться в полицию. К тому времени там могут заинтересоваться информацией. И не будем тратить время на споры! Предлагаю следующее. Ты ждешь здесь до темноты и помогаешь мне спустить лодку на воду. Потом мчишься в порт и берешь напрокат еще одну лодку. Если не сможешь взять ее напрокат, то просто укради. Жди меня в лодке возле острова Манозль и на расстоянии следуй за мной. Когда яхта взлетит на воздух, проследи, чтобы ни Уилер, ни Слейд не добрались до берега. Думаю, они первыми попрыгают в воду.

— Я потеряла прошлой ночью пистолет.

— Стукни их по голове веслом. Только не тресни случайно по башке меня, если я буду барахтаться где-то рядом.

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

Я надел гидрокостюм, повесил на шею маску и запустил двигатель. Лодка задрожала. Я оттолкнулся рукой от мостков и осторожно тронулся с места. На малой скорости лодка довольно хорошо слушалась руля, хотя и с некоторой задержкой. Включив огни, я взял курс на Гранд Харбор, чувствуя себя отважным капитаном брандера, смело ведущим свой корабль на вражеское судно, чтобы уничтожить его огнем.

Валлетта утопала в праздничных гирляндах. Над заливом плыла веселая музыка. Торжество было в разгаре. В этот поздний час никого не тянуло совершить морскую прогулку, и я решил проверить, как поведет себя моя гидрорапира на большой скорости. Я открыл дроссели почти до упора, моторы взревели, и лодка прыгнула вперед, словно водяной жук-гребляк. Я направил ее к мысу Сент-Эльмо. Обогнув мыс, вошел в бухту. До начала фейерверка оставалось совсем мало времени.

Впереди мигнул огонек: это Алисон подавала мне сигнал.

Поравнявшись с ее лодкой, я выключил двигатели. Алисон негромко рассмеялась:

— Я последовала твоему совету: украла лодку.

— Экономить деньги британского казначейства — твой долг, — ухмыльнулся я. — У нас осталось всего десять минут. «Артина» на прежнем месте?

— Да.

— Тогда обойди яхту с другого борта и наблюдай за ней. Я же постараюсь разогнать эту посудину и не промахнуться с первого захода. На всякий случай постарайся не стоять на моем пути, лодка плохо слушается руля.

— Еще раз желаю удачи, — сказала Алисон.

— Если увидишь в воде Уилера, тресни его по башке сильнее, он хотел натравить на меня китайца. Если все получится удачно, встретимся на прежнем месте.

Я плавно взял с места и на малой скорости прошел мимо «Артины». На палубе стояли трое: Уилер, шкипер и китаец. Мысленно отметив место, которое намеревался протаранить, я спокойно пошел на остров Манозль. Там я развернулся, надел маску и, включив подачу воздуха, повесил баллоны за спину. Мое внимание было приковано к Валлетте: с минуты на минуту должен начаться фейерверк. Наконец раздался громкий хлопок, и над городом взвилась первая ракета, рассыпаясь в темном небе на яркие желтые звездочки. Пришло время и мне вложить свою лепту в общее веселье.

Под треск и грохот фейерверка, падающего красно-желто-зеленым дождем на Валлетту, я облил из канистры свой груз бензином, держа одной рукой штурвал и моля Бога, чтобы он уберег меня от несгоревшей ракеты, и дал полный газ. Моторы взревели, моя гидрорапира рванулась с места, но помчалась не по прямой, а зигзагами, едва не задевая стоящие вдоль причала яхты.

Мертвой хваткой вцепившись в штурвал и проклиная шипящие вокруг ракеты, я несся прямо на «Артину». Вдруг неизвестно откуда мне наперерез выскочил прогулочный катер. Резво взяв влево, я едва разминувшись с ним, а когда снова взял прежний курс, то понял, что с такой маневренностью в «Артину» мне не попасть.

Левый двигатель вдруг подозрительно затарахтел, лягнув полетевшим приводом и заглох. Лодка накренилась и развернулась носом точно на яхту. Я поддал газу, и моя гидрорапира со страшным треском вонзилась в середину борта. Кто-то перегнулся через поручни яхты, пытаясь рассмотреть, что случилось. По палубе «Артины» забегали люди.

В этот момент в воздух взмыли новые ракеты, и в их красном отблеске я увидел, что таран основательно завяз в чреве яхты. Сверху раздался выстрел, и пуля ударила в приборную панель рядом с моим плечом. Наклонившись, я поднес зажигалку к облитым бензином ракетам и чиркнул колесиком.

От искры бензин тотчас же вспыхнул слепящим пламенем. Меня спас гидрокостюм. Отброшенный мягкой взрывной волной, я упал за борт и в ту же секунду почувствовал удар в плечо.

Оправившись от потрясения, я резко ушел в глубину, работая ногами, и, проплыв некоторое время под водой, прекратил движение, поскольку потерял ориентировку. Плыть в открытое море мне почему-то не хотелось, и я всплыл на поверхность. Оказалось, что яхта всего в сотне ярдов от меня. Она вся была объята огнем. Ракеты на моей гидрорапире, вонзившейся в ее бок, взрывались, словно артиллерийские снаряды, разметывая во все стороны искры. Оранжевые языки пламени лизали борта яхты. Матросы прыгали с палубы в воду. Я бросил на тонущее судно прощальный взгляд, погрузился на достаточную глубину и поплыл к берегу. Но уже через минуту понял, что дела мои плохи. Голова кружилась, правая рука нестерпимо болела, а силы почти иссякли. Я всплыл на поверхность и стал потихоньку работать ногами и левой рукой, с каждой минутой все больше слабей. Вдруг в глаза мне ударил свет, и я услышал голос Алисон:

— Держись, Оуэн! — Что-то стегануло меня по голове, я протянул руку и ухватился за конец каната. Взревел мотор, канат натянулся, и меня потащило к берегу. К счастью, оказалось, что он совсем рядом, и едва днище лодки с разгона проскрежетало по слипу, Алисон прыгнула в воду и втащила меня на мелководье.

— Я ранен в правое плечо, — прошептал я, когда она нагнулась надо мной.

Алисон помогла мне выбраться на берег и оцупала правую руку. От резкой боли я едва не потерял сознание. Алисон разрешила ножом гидрокостюм и наложила на плечо повязку. Я бы не удивился, если бы она принялась извлекать с помощью ножа и шпильки пулю, поскольку уже привык к внезапным проявлениям ее многочисленных талантов.

С трудом приподняв голову, я увидел, что над охваченной пламенем яхтой клубятся облака черного дыма. Под рулевой рубкой блеснула яркая вспышка, и огромной силы взрыв потряс судно: это взорвались баки с горючим. Взрывная волна прокатилась по воде, всколыхнув тихую гладь залива, и многократным эхом рассыпалась по старинным фортам Валлетты.

— Вот и все! — вздохнул я.

— Можешь идти? — спросила Алисон.

— Не знаю, попробую.

Она обняла меня за плечи, помогая подняться.

— Ты потерял много крови. Срочно нужно в больницу.

— Хорошо. Мне уже все равно.

Я побрел вперед, опираясь на плечо Алисон. Но едва мы вскарабкались наверх, как навстречу нам шагнул человек. Он очень походил на сержанта Джервиса, невзлюбившего меня за то, что я не помог ему найти похищенные бриллианты. Я обернулся и увидел стоящего чуть поодаль Брунскилла. Из-за его плеча выглядывал Форбс.

— Это финал, — шепнул я Алисон и пошел навстречу Брунскиллу.

— Твоя работа? — спросил он, кивнув на пылающую «Артину».

— Скорее всего тут виновата несгоревшая ракета, — покачал я головой.

— Должен предупредить, что с этого момента все сказанное тобой будет использовано в суде в качестве доказательств. Это касается и вас, леди,— добавил Брунскилл, окинув холодным взглядом Алисон.

— Не думаю, что ваша юрисдикция распространяется на Мальту,— не менее холодно заметила она.

— Не беспокойтесь на этот счет. У меня постоянная связь с местной полицией. А тебя, Рирден, я на этот раз упрячу так, что тебе уже никогда не выбраться на свободу.

Я представил себе перечень обвинений: поджог, убийство, тяжкие телесные повреждения, ношение и использование оружия, не говоря уже об ограблении и побеге из тюрьмы.

— Но мне просто любопытно, какого черта ты все это натворил? — с искренним интересом в голосе спросил Брунскилл.

— Сперва мне хотелось бы показаться врачу.— С этими словами я рухнул ему на руки.

Очнулся я в тюремной больнице, в одиночной палате.

Вместо ожидаемого мной Брунскилла в палату вошел незнакомый высокий мужчина средних лет с невыразительными чертами лица и уверенными манерами.

— Армитаж,— представился он, присев возле моей постели на стул, и предъявил рекомендательное письмо от премьер-министра.— Как вы себя чувствуете, Стэннارد?

— Если вам известно мое имя, значит, вы в курсе и всего остального. Верно? Скажите, Макинтош жив?

— Мертв,— с сожалением сказал Армитаж.— Он так и не пришел в сознание.

— Миссис Смит уже знает? — спросил я.— Как она восприняла это известие?

— Спокойно,— ответил Армитаж.— Но перейдем к нашим делам. Должен отметить, что ваши действия, особенно в Ирландии, могут поставить британское правительство в неловкое положение. Так что лучше помалкивать о том, что вы там натворили.

— Могу узнать, кто раскрыл операцию? — спросил я.— Кто поставил ее на грань провала? Ведь она была надежно засекречена!

— Операция едва не провалилась именно потому, что была совершенно секретной.— Армитаж вперил в меня холодный взгляд своих бесцветных глаз.— Макинтош никому не доверял. Не доверял даже вам. Не доверял премьер-министру. Он хотел сыграть эту игру сам от начала и до конца.

— Я полагаю, что имею право знать всю правду,— тихо произнес я.— Слишком много поставлено на карту.

— Хорошо,— кивнул Армитаж,— слушайте. Макинтош давно подозревал Уилера, но ни с кем не хотел делиться своими соображениями. Возможно, он опасался, что ему просто не поверят: ведь Уилер быстро завоевывал популярность и влияние, премьер-министр намеревался сделать его министром без портфеля.

— Но как же Алеку удалось добраться до Уилера? — спросил я.

— Не знаю. Возможно, премьер-министр настолько доверял ему, что предоставил в его распоряжение все секретные досье и широчайшие полномочия. — Последние слова Армитаж произнес с явным неодобрением.

— Итак, у Макинтоша возникли определенные подозрения, но не было доказательств. И он решил схватить Уилера за руку.

— Видимо, дело обстояло именно так, — согласился Армитаж. — Он ввел вас в игру, организовав похищение бриллиантов, и свел вас со Слейдом. Но при этом ни слова не сказал об Уилере.

— Мне и не нужно было знать. — Я потер подбородок. — Но почему он не ввел в курс дела миссис Смит?

— К этому я вернусь несколько позже, — сказал Армитаж. — После вашего побега из тюрьмы Макинтош встретился в клубе с Уилером и во время беседы с глазу на глаз раскрыл ему, кем вы являетесь на самом деле. Вот так и был нарушен весь спектакль.

— Он сделал это случайно или умышленно? — тихо спросил я, откидываясь на подушку.

— Умышленно, — ответил Армитаж. — Он хотел спровоцировать Уилера на необдуманные шаги, подставляя вас, разумеется, под удар.

— Это для меня не ново. Издержки профессии. — Про себя я подумал, что Алек Макинтош был бессердечным сукиным сыном.

— Уилер, конечно же, всполошился, — продолжал Армитаж. — Но действовал вовсе не опрометчиво: в тот же день Макинтоша сбила машина. Я думаю, что за рулем сидел кто-то из его подручных. Так или иначе, Макинтош очутился на больничной койке, так и не успев переговорить с миссис Смит. В правительстве об Уилере тоже ничего не знали. Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря об излишней засекреченности операции?

— Однако вы прилетели на Мальту! Значит, у вас появились для этого какие-то основания. Что же произошло?

— А произошло вот что, — вздохнул Армитаж. — Макинтош принял меры предосторожности. Он написал подробный отчет о всей проделанной работе и послал его по почте своему адвокату как раз перед встречей с Уилером. Но на конверте написал: «Вскрыть только в случае моей смерти». Только представьте себе: Макинтош без сознания, врачи борются за его жизнь, используя последние достижения медицинской науки, проходят дни, недели, а он остается на грани между жизнью и смертью. Проклятый конверт между тем лежит у его адвоката. Лишь через две недели, когда Макинтош скончался, конверт наконец вскрыли, и мы смогли вмешаться. Еще немного, и было бы поздно что-либо предпринимать. Фактически, операцию спасли вы, Стэннард.

— Но как вы меня нашли?

— Мы шли по следу Уилера, — улыбнулся Армитаж. — Но вы отняли у нас этот лакомый кусок, решив все довольно просто, хотя и оригинально. Мы предполагали, что вы где-то рядом с Уилером, поэтому и взяли с собой людей, которые вас знают.

— Брунскилла и его команду, — усмехнулся я. — Значит, Уилер и Слейд у вас?

— Они оба погибли, — покачал головой Армитаж. — Сейчас особый отдел занимается сообщниками Уилера. Мне думается, им еще долго придется разматывать этот албанский клубок. Но вас это уже не должно беспокоить. — Армитаж откинулся на спинку стула. — В связи с вами у правительства возникли серьезные проблемы, поэтому-то я и здесь. Дело нешуточное, мистер Стэннард. Пресса уже вынюхивает, откуда дует ветер в этой загадочной истории. — Он встал и прошелся по палате. — К счастью, самые тяжкие из ваших, так сказать, преступлений совершены за пределами Объединенного Королевства. Но дело о похищении бриллиантов будет нелегко уладить.

— Страховая компания компенсировала торговцам пропавшие ценности? — поинтересовался я.

— Полагаю, что да. Но правительство Ее Величества не может потворствовать обману страховых компаний!

— Однако правительство Ее Величества готово, насколько я понимаю, посмотреть сквозь пальцы на странную гибель Уилера и Слейда. Зачем же поднимать шум из-за нескольких тысяч презренных монет?

— Что вы предлагаете? — насторожился Армитаж.

— Уилер и Слейд мертвы. Так почему бы не умереть и Рирдену? Ведь его мог застрелить тот же Брунскилл при попытке к бегству во время ареста. Нужно лишь напомнить детективу об ответственности за разглашение государственной тайны или припугнуть переводом в какую-нибудь провинциальную дыру.

— И тогда мистер Стэннард воскреснет, — прищурившись, сказал Армитаж. — Полагаю, нам удастся это устроить. Но как официально объяснить гибель Уилера?

— Проще пареной репы! — воскликнул я. — В ту ночь на палубу упала горящая ракета, вспыхнул пожар. Мне кажется, что администрации порта следует указать на недостаточный контроль за безопасностью на судах.

— Любопытная мысль, — заметил Армитаж, делая пометку в блокноте серебряной авторучкой. — Я предложу, чтобы наше военное судно помогло с поднятием обломков яхты со дна бухты. Должен сказать, мистер Стэннард, что ваша деятельность высоко оценена в организации, в которой вы работали до того, как Макинтош вытащил вас из Южной Африки, — сказал он, пряча блокнот и ручку в карман. — И меня просили передать вам, что в скором времени с вами встретится некая особа по имени Люси.

Я понимающе кивнул, живо представив себе, как потешался бы Макинтош, услышав эти слова.

Я сидел в холле гостиницы «Финикия» и ждал Алисон. Она летала в Англию на похороны Алека. Мне тоже хотелось проститься с ним, но моей фотографией пестрели все английские газеты, и было решено, что мне лучше отпустить бороду и до поры до времени не появляться на публике.

Чтение «Таймс» доставило мне немало удовольствия. В опубликованном некрологе Уилер представлял почти святым. Воздав хвалу его кипучей общественной деятельности, деловой хватке

и щедрости, один из видных политических деятелей заявил, что его кончина явилась ударом по науке о тюрьмах, в которую покойный внес ощутимый вклад, сравнимый разве что с докладом лорда Маунтбэттена. Я едва не умер со смеху, когда прочитал это. Премьер-министр сказал в своей речи в палате общин, что британская политика понесла с кончиной Уилера большую утрату. Вся палата встала и двухминутным молчанием почтила память усопшего. Мне подумалось, что после таких слов премьер-министру не мешало бы вымыть рот с мылом.

И только финансовый редактор «Таймс» учуял гнилой душок. Комментируя падение курса акций многочисленных компаний Уилера, он выразил недоумение по поводу странной активности правительства в связи со скорострительной смертью финансового магната.

Убитый при попытке к бегству опасный преступник Рирден изображался как жуткий злодей. Его смерть должна была послужить поучительным уроком для всех ему подобных. Детектива Брунскилла расхваливали за стойкость и мужество перед лицом смертельной опасности, которой он подвергался, преследуя Рирдена.

— Я только выполнял свой служебный долг, — скромно заявил репортерам Брунскилл.

Смерть Слейда держалась в строжайшем секрете, выражалась надежда, что и он вскоре будет пойман. У меня, правда, возникли сомнения на сей счет. Я представил себе, как спустя десять или двадцать лет писатели, тяготеющие к детективному жанру, состряпают захватывающее чтиво о таинственном русском шпионе и хорошо погребут на этом руки.

Из размышлений меня вывел голос Алисон:

— Вид у тебя просто ужасный! — заявила она, глядя на щетину на моих щеках и гипсовую повязку на правой руке.

— Не сказал бы, что чувствую себя слишком скверно. Моя левая рука отлично сгибается в локте. Что будешь пить?

— «Кампари». — Алисон опустила в кресло, и я поздравил из бара официанта. — Вижу, ты уже все знаешь из прессы. — Алисон кивнула на «Таймс».

— Нельзя слепо доверять прессе, — улыбнулся я.

— Итак, Оуэн, все кончено, — откидываясь на спинку кресла, с грустью произнесла Алисон. — Все кончено.

— Мне очень жаль, что так вышло с Алексом.

— В самом деле? А ведь он едва не загнал тебя в могилу.

— Просто он не рассчитал быстроту и направление ответных ударов противника. — Я пожал плечами. — В целом же его план был совсем неплох.

— Что ты теперь намерен делать? — спросила Алисон.

— Меня обещала навестить Люси. Но сперва нужно вылечить руку, а на это уйдет месяц-полтора.

— Вернешься в Южную Африку?

— Нет, меня, видимо, снова привлекут к оперативной работе. А какие у тебя планы?

— Пока еще не решила. Слишком много хлопот было в Лондоне.

— Алисон, — я наклонился к ней, — выйдешь за меня замуж? Ее рука дрогнула, и несколько капель вина упали на стол.

— Нет, Оуэн, нет! — воскликнула она, взглянув на меня так, словно видела в первый раз.

— Я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, — ответила она.

— Тогда в чем же дело? Ведь мы отлично ладили все это время!

— Я объясню тебе, в чем дело. Ты — еще один Алек Макинтош. Через двадцать лет, если, конечно, доживешь до этого времени, ты будешь сидеть в маленьком мрачном кабинете и дергать за ниточки судеб подчиненных тебе людей. И не потому, что тебе это нравится, а потому что это твой долг. Ты возненавидишь и самого себя, и свою работу. Но все равно будешь ее делать.

— Но ведь кто-то должен... — прервал я Алисон.

— Но не тот, за кого я выйду замуж. Я хочу быть домохозяйкой, а не «венериной мухоловкой», хочу вести спокойный, провинциальный образ жизни.

— Не вижу, что могло бы помешать этому.

— И страдать от одиночества, ожидая, когда ты вернешься из очередной командировки? Нет, Оуэн, я слишком устала.

— Тогда какого же черта ты вернулась на Мальту? — разозлился я. — Ведь, улетая в Лондон, ты даже не попрощалась со мной!

— Меня доставили в Лондон на военном самолете, — тихо сказала Алисон. — Я вернулась, чтобы забрать свой самолет и попрощаться с тобой.

— Просто попрощаться — и все?

— Нет, — вспыхнула она, и на глазах у нее выступили слезы. — Не просто... Оуэн, ну почему все так плохо?

— Ты когда-нибудь бывала в Марокко? — Я сжал ее ладони.

— Да, и хорошо знаю эту страну.

— На твоём самолете можно долететь до Танжера?

— В общем-то можно. Но...

— Мне нужно подлечиться и отдохнуть, — пояснил я. — И прокутить жалованье за полтора года. Уверен, что ты будешь прекрасным гидом. А мне не обойтись без гида, ведь я ни разу не был в Марокко.

— Ты снова льстишь мне, хитрец, — рассмеялась Алисон. — Тетушка Мэв не зря меня предупреждала!

Мэв и мне говорила, что я не подхожу Алисон Смит. Возможно, она была права, но ведь должен я попытаться!

— Только никаких обещаний и никаких обязательств! — озорно прищурилась Алисон.

Я улыбнулся. Никаких обещаний я от нее и не ждал.

За полтора месяца многое может случиться.

БОРИС КАМОВ

Пожизненно жизни

266

Сексуальная катастрофа

В фильме «Московская любовь» молодая женщина жалуется подруге:

— У меня замечательные поклонники, но у всех один и тот же недостаток. У них все происходит не просто быстро, а сразу...

Речь идет об интимных отношениях. И можно подумать, что нашей соотечественнице просто не повезло. Молодые мужчины, которых она встретила, страдают импотенцией. Но вспомним итальянский сериал «Сенсация». Сорокалетний журналист, ежедневно рискуя погибнуть, добывает сногшибательную информацию для своей газеты. Отчего только

у него совершенно безжизненные глаза? Почему лицо его никогда не улыбается, а на предложение любимой женщины остаться у нее ночевать он отвечает решительным отказом? Из короткого диалога зрители вскользь узнают: журналист страдает импотенцией. Врачи не обещают ему никаких улучшений.

Игровой кинематограф — не документ, не выписка из истории болезни. Но глаза, мозг, память сценаристов, режиссеров чутко фиксируют сложнейшие социальные, психологические и даже физиологические процессы, происходящие в обществе.

Откровения интимной жизни, которые ворвались три десятиле-

Борис Камов — научный руководитель Центра нетрадиционной педиатрии «Солнышко». С 1994 года — президент Фонда «Лечение без лекарств». Им разработаны методики безлекарственного лечения хронических заболеваний дыхательных путей, органов пищеварения, печени, мочевого пузыря, аллергических реакций. Лечит отставания в физическом, психическом и речевом развитии у детей. Пути сохранения сексуального здоровья — одна из тем, к исследованию которой Б. Н. Камов обращается в последние годы.

тия назад на экран, были отражением начавшейся тогда сексуальной революции. Теперь кинематограф и ТВ знакомят нас с отдаленными последствиями эротической вседозволенности, которая распространялась на всех — от взрослых до детей.

Но, помимо кино- и телеэкранов, существуют и другие источники информации. Скажем, статистика. Она также свидетельствует о резком падении сексуальных возможностей мужчин. В Австрии и Соединенных Штатах 30 процентов женщин жалуются на то, что близость с мужчиной не приносит им удовлетворения. В любвеобильной Франции таких обездоленных оказалось на 10 процентов больше. А у нас в России, по данным опроса, опубликованным в газете «Известия», — 94 процента! То есть довольно своими отношениями с мужьями и возлюбленными только шесть женщин из ста.

Специалисты многократно отмечали, что в последние десятилетия эротические потребности слабого пола заметно превысили возможности сильного, но 94 процента неудовлетворенных женщин — это, пожалуй, слишком много даже для загадочной России.

Что же означает понятие «женская неудовлетворенность»?

Супруги молоды. После работы они спешат поскорее закончить вечерние дела. Оба желают близости. Оба мечтают о том, чтобы ночь оказалась необыкновенной. Раза два или три такое случалось, но он, уверенно и стремительно войдя в лоно, через минуту срывается в беспорядочный, неуправляемый штопор. Она, только начав что-то испытывать, ощущает себя униженной и обманутой. Оба долго не могут после неудачной близости уснуть: молча переживают или вслух выясняют отноше-

ния, а утром отправляются на работу совершенно разбитые. Если после такой ночи возникает беременность, то чаще всего возникает и новая драма: жена не желает «рожать от мужика, который не в состоянии подарить ей в постели радость», и до смерти не хочет идти на прерывание. Но коль скоро все в конечном итоге завершается абортom, жена потом долго не подпускает к себе мужа. В-первых, «пусть помается». Во-вторых, «что толку». Все это не улучшает психологического климата в семье, не укрепляет в «мужике» уверенности и не повышает его сексуальных возможностей, которые в немалой степени зависят от самооценки.

Но если после той ночи родится ребенок, вряд ли он станет любимым. (Не отсюда ли огромное количество «постылых» детей?) А лет через двадцать обделенное теплом бывшее дитя понесет уже в свою семью сумрак родительского дома с агрессивностью навсегда обиженной матери, пьяной (запьюшь!) виноватостью отца и той же сексуальной безграмотностью. Ведь родители за свою долгую жизнь так и не удосужились выяснить, что же помешало им быть счастливыми в близости, ни о чем не предупредили и ничему не научили детей.

Эротическая дисгармония — причина едва ли не половины разводов, когда в душном зале суда, где полно любопытных, идет дележ квартиры, детей, машины, садового участка, подарков к свадьбе. Но, помимо бед в семье, половой разлад нес и несет беды обществу: снижаются интеллектуальные и физические возможности супругов, падает производительность их труда, подтачивается здоровье, наступает раннее увядание организма, сокращается продолжительность жизни.

Сексуальная катастрофа в бывшем Советском Союзе возникла, конечно, не вчера, а задолго до перестройки. Но для нашего разговора важно, что поразила она и вполне благополучные страны. Скажем, США. Напомню, очень многие из американцев занимаются спортом. Питаются они только по науке. Сейчас, например, отвергают сливочное масло, потребляют обезжиренные продукты, много овощей, фруктов, соков, непременно отдыхают в конце недели.

Так вот, известный американский психолог и гипнолог Л. Лекрон пишет: «В Америке, где каждый мнит себя суперменом, действительно опытного любовника не сыщешь даже с огнем». Лекрон дает сексологический портрет американского любовника.

Половой акт американец начинает внезапно. Подобно тому как человек с простуженным мочевым пузырем должен при первых же позывах бежать в туалет, так американец при первых же признаках возбуждения должен без промедления войти в женщину. Иначе у него пропадает желание. Дама, продолжает Лекрон, «едва успевает сообразить, чего же, собственно, от нее хотят», а супермен уже насытился. Самым важным для него было «добежать».

Явная ослабленность полового аппарата современного американца, неспособность к продолжительной близости породили одну хитрость. Критерием половой состоятельности, объясняет Лекрон, мужчины объявили не умение удовлетворить женщину, а способность к быстрому восстановлению после выброса семени. Американец за небольшой отрезок времени совершает еще один-два столь же коротких налета. Любому приятелю он может после них заявить о нескольких ночных победах.

Лукавство же этой победной реляции заключается в том, что две или даже три кратковременные близости не заменяют одной продолжительной, поскольку женщина, как правило, не успевает в подобной спешке достичь разрядки — оргазма.

«Любой такой «скорострельщик», — заключает Лекрон, — до смерти оскорбится, узнав, что страдает преждевременной эякуляцией — одной из самых распространенных форм мужской импотенции».

Но если сильный пол страдает одним и тем же недугом в России, Польше, Австрии, Франции, Соединенных Штатах и других странах, то, надо полагать, имеется и общая причина. В чем же она? Это тем более любопытно, что эпидемия половой несостоятельности поразила лишь «белолицых братьев». Африка, арабский мир, Индия, Китай импотенции практически не знают.

Причина известна: называется она — мастурбация, или онанизм. Означает же искусственное раздражение половых органов.

История вопроса

Онанизм известен с глубокой древности. Об отношении к нему наших предков поведала Библия. Когда у Онана умер брат, отец повелел сыну жениться на вдове и «восстановить род брата своего». Онан же, «когда входил к жене брата своего, изливал (семя. — Б.К.) на землю». За это выплескивание Бог наказал Онана. Как же? Бог его убил. Почему? Если бы люди по своей нерадивости остались без хлебных зерен, они как-нибудь выжили бы. Но, если бы на землю было выплеснуто все мужское семя, с лица Земли навсегда исчез бы людской род.

То была главная причина Божьей кары. Но существовала еще одна.

Врачи древности установили, что внеполовое излияние семени ослабляет мужской организм: теряют упругость мышцы; вянет дух, замедляется реакция в беседе, на охоте, в бою. Можно подумать: а какая организму разница, куда упадут несколько капель семени? Но выяснилось, что в природе все тонко сбалансировано, поэтому разница есть, причем огромная, и механизм объясним.

Смертный приговор, вынесенный Богом Онану, служил предостережением десяткам поколений.

Естественно, что в христианской России онанизм считался пороком, мальчиков от него оберегали. В состоятельных семьях, пока ребенок был мал, за ним наблюдала нянька, ее сменяли гувернер или «дядька» вроде Савельича из «Капитанской дочки». Они находились при мальчике неотступно, не позволяли утром валяться в постели, оберегая от дурного влияния.

Не каждая семья в России имела возможность проявлять такую заботу о сыновьях, поэтому половым воспитанием энергично занимались также церковь и школа. В специальных проповедях для молодежи во время служб, в мужских гимназиях, реальных училищах, военных заведениях подросткам объясняли: — воздержание не вредит здоровью, а только укрепляет его, если в организме возникает переизбыток семени, произойдет самопроизвольный выброс (поллюция);

— онанизм наносит организму урон: задерживает физическое развитие, снижает память, притупляет мысль, обедняет дух, но самая зримая опасность заключается в том, что происходит истощение половой сферы и сокращается «мужской век».

Половое воспитание не ограничивалось девизом: «Министерство просвещения предупреждает». Подросток получал конкретную программу, которая складывалась веками и сводилась к немногим практическим рекомендациям: носить одежду, которая не раздражает половые органы; спать на жесткой постели; обливаться или обтираться утром и вечером холодной водой; давать себе ежедневно серьезную мышечную нагрузку, не валяться, проснувшись, в постели, приучить себя отвлекаться от эротических мыслей.

Большинство подростков внимало предостережению. Ведь оно носило характер общественного мнения, влияние которого и в городе, и в деревне было достаточно велико. Но, если даже подросток поначалу этим мнением пренебрегал, он помнил о разрушительных последствиях своих занятий (последствиях ближних и дальних) и по возможности себя сдерживал. А если молодой человек решал активно сопротивляться, то он знал, что нужно делать.

Подросток, которому удавалось удержаться или самоизлечиться от мастурбации, не только сохранял себя физически, он вырабатывал в себе волю, вырастал в собственных глазах и получал навык управления собой в сложных обстоятельствах. То был один из путей воспитания мужского характера.

Давало ли это результаты? Конечно. Еще четверть века назад даже сексологи не заявляли, что сто процентов мужчин якобы занимаются мастурбацией. Не получил в ту пору широкого распространения и женский онанизм. Но самый главный результат состоял в том, что двадцати — тридцатилетние мужчины рождения начала века по внешнему облику, по физической силе, по веселому выраже-

нию лиц сильно отличались от своих нынешних сверстников. Войские команды не состояли на 85 процентов из полубольных. И первое объяснение этого демографического феномена состояло в том, что большинство мужчин успевало сформироваться и окрепнуть до начала активной половой жизни.

Хотя в Советском Союзе до самых последних лет сексуальная тематика в печати считалась практически закрытой, а половое просвещение не входило ни в какие учебные программы, обнаруживались смелые люди, которые рисковали продолжать отечественные традиции полового воспитания. Одним из них оказался эстонский педагог и гигиенист А. Кадастик. Он опубликовал в Таллине нашумевшую книгу «Тебе, юноша». В своей книге Кадастик утверждал: «Никакой пользы организму онанизм не приносит, пристрастие к нему порождает усталость, вялость, снижение трудоспособности... подавленное психологическое состояние... слабость эрекции и преждевременное завершение полового акта. Но самое опасное, — предупреждал Кадастик, — порок способен убить естественный интерес к девушкам».

Хотите себя покалечить?

И вдруг — прямо на наших глазах — все перевернулось. Онанизм повсеместно был объявлен полезным.

«Онанизма не нужно бояться», — заявляет чешский сексолог Я. Понделичкова-Машлова.

В книге английских врачей М. Яффе и Э. Фенвик «Секс в жизни мужчины» (она вышла у нас под редакцией профессора Г. С. Васильченко) сказано: «Ни

одно из старых понятий о вредных последствиях онанизма не подтвердилось. Сколько бы вы ни мастурбировали, это не причинит вам вреда».

«Доставьте себе удовольствие!» — призывают авторы книги, словно речь идет о катании на карусели.

Сексологи пошли против Бога, против опыта тысячелетий. Они пошли против природы, потому что ни одно самое дикое племя никогда не призывало своих членов предаваться без ограничений еде, питию или сексу, в особенности аномальному.

О сексуальных проблемах сейчас, как известно, пишут немало. Но я не встретил за последние годы ни одной статьи, в которой бы исследовались отдаленные последствия мастурбации. А последствия имеются. Приведу несколько историй.

История первая. *Ко мне на прием пришел молодой человек лет тридцати. Он был бледен, взволнован, в рассказе о себе сбивчив. «У кого я только не был!» — заявил он. История его тако-*

ва. Геннадий после армии женился. Жену он любил, интимная жизнь их сложилась удачно (Геннадий вспоминал об этом с гордостью). Но жена влюбилась в сослуживца и ушла. Геннадий сильно переживал, не хотел ни с кем встречаться, половое возбуждение гасил мастурбацией. В последнее время стала одолевать сильная слабость.

Обследование показало у него повышенный выброс семени. Геннадий подтвердил: «Больше одного раза я ночью к жене прийти не мог». При мастурбации потеря семени оказалась еще большей.

— Вам нельзя заниматься мастурбацией, — сказал я Геннадию. — Вы не только станете импотентом, вы рискуете умереть от истощения. Вам необходимо как можно скорее жениться. Жену вы должны найти в соответствии со своим знаком Зодиака. Воспользуйтесь для этого компьютерной сважой.

А когда женитесь, вам нужны будут частые сношения с редким выбросом семени. Сделайте все так, как я вам советую. Иначе вам не поможет никакая женьшень.

Геннадий появился у меня месяца через четыре с новой женой: полной, улыбочливой, домовитой. При знакомстве Геннадий рассказал ей о нашей с ним беседе. Валя поняла, что для семейного счастья ей поначалу нужно будет вылечить мужа. Валя проявила мудрость и терпение. Теперь они оба пришли меня благодарить.

— Вы оказались правы, — сказал Геннадий. — Когда мы теперь бываем с Валей вместе, я не устаю. Наоборот, у меня прибавляются силы. Раньше никогда такого не было.

История вторая. У меня в приемной сидела пара. Ему было лет двадцать восемь. Она выглядела моложе. Я огорчился, услышав, что беседовать со мной они желают порознь. Значит, разлад у них зашел далеко.

Нина сказала:

— Я просто извелась. Стараюсь быть с ним пореже. Но он просит. Я соглашаюсь. Начинаю что-то чувствовать. Мне бы еще немного. Прошу его: «Бога ради, не спеш!» А он собой не владеет — и уже все. Такое раздражение иногда против него, что хочется его ударить. Говорю: «Коли так, сделай что-нибудь со мной. Я ж вся дрожу». А он переживает, что ничего не получилось. Стыдится. И до утра мордой к стенке... Как вы думаете: его можно вылечить?

Гриша попросил:

— Помогите, если можете. Я уже все перепробовал. Проклятый онанизм. Приятели в армии говорили: «Да не мучайся, попробуй!» После армии женился. Невеста меня дождалась. А у нас ничего не получилось. И она через месяц ушла. Хлебнул я стыда. Но женился снова — на Нине. Купил на всякий случай эректор. С трудом достал. А Нина как увидела, так в слезы: «Это ж протез для стариков. Я так не хочу. Со стариком начинать не хочу!»

Я предложил свои рекомендации. В последний приход молодая пара уже улыбалась.

— Хотя бы через раз у меня уже все получается, — сказал Гриша. Нина кивнула. — Она у меня теперь бывает та-

кая счастливая. Думаем заводить ребенка.

Почитайте внимательно сексологическую литературу. Вам покажется, что многие страницы этих «трудов» писались в стенах психиатрической клиники, в отделениях для сексуальных маньяков — столько в этих книгах восторгов и «од» в честь онанизма. Кроме утверждения: «Сколько бы вы ни мастурбировали, это не причинит вам вреда!», вы заодно узнаете, что онанизмом полезно заниматься уже с... одиннадцатилетнего (!) возраста, что будущий мужчина, дергая в этом возрасте себя за письку, самоутверждает и познает окружающий мир.

Высокомудрые ученые кивают при этом на основоположника европейской сексологии Зигмунда Фрейда, который от подобных кивков скорей всего безостановочно возвращается в гробу. Он-то утверждал диаметрально противоположное. В одной из классических своих работ «Анализ фобии пятилетнего мальчика» Фрейд показал, что пятилетний Ганс хуже всего себя чувствовал и ему снились плохие сны после того, как он ночью играл своим пенисом. Усилия родителей мальчика и самого Фрейда как домашнего врача были направлены на то, чтобы отучить Ганса от этого опасного уже в столь малом возрасте занятия.

История третья. Месяц назад ко мне записался Андрей, 33 лет (возраст Христа!). Мастурбацией он занялся, когда еще не ходил в школу. Первая близость с женщиной произошла перед уходом в армию. Выброс семени случился так быстро, что женщина (она была старше) просто не захотела повторить ни в тот день, ни в какой-либо еще.

В армии Андрей продолжал заниматься онанизмом. После «дембеля» женился. Жена спокойная, выдержанная. Два раза после того, как началась семейная жизнь, она во время близо-

сти испытывала желание. Потом оно начисто пропало. Почему?

— Я быстро кончаю,— объяснил Андрей.— А ей надо и надо. Три-четыре раза двинешься и все. В лучшем случае 10—20 раз. Я уже заметил: если приходится к ней каждый вечер, то продолжительность возрастает. Но жена не проявляет встречного интереса. Я уже стараюсь лишний раз ее не беспокоить. Правда, она меня ни разу не упрекнула.

Казалось бы, люди живут в полном согласии. Жена ведет дом. Растут двое детей. Андрей имеет возможность делать свои двадцать движений.

— А дело в том,— продолжает он,— что нервы ни к черту. Как будто из меня что-то выпили. С людьми не могу работать. Из-за ерунды срываюсь. И вообще так жить больше не могу. 28 лет назад началась (не смейтесь!) моя половая жизнь. И ни одна женщина за эти годы не испытала от меня никакой радости. Я чувствую себя никчемностью...

Андрей обращался к сексопатологу. «Это нормальное явление.— успокоил врач Андрея.— Кто-то заканчивает раньше, кто-то позже».

Сейчас Андрей по пятницам приезжает из Брянска ко мне на прием в Москву.

Мастурбация. (Психоанализ)

Всегда ли онанизм оказывается вреден для организма? Нет, не всегда. Почему же для одних он проходит как бы бесследно, а у других вызывает серьезные осложнения?

Первый случай. Молодой мужчина испытывает осознанную потребность в близости, но вынужден довольствоваться онанизмом. В этих обстоятельствах он в любой момент готов к интимному общению с представительницей прекрасного пола. Если возникают нормальные половые отношения, вчерашний мастурбант порывает с детским грехом. Онанизм еще не

успекает стать разрушительным: не истощается гормональная система, не замедляется психофизическое развитие, сохраняются в целостности тонкие механизмы возбуждения полового аппарата и выброса семени.

Второй случай. Занятие онанизмом оказалось достаточно продолжительным, но еще сохранился интерес к женщине. Молодой человек вступает в брак. Интимная жизнь протекает удовлетворительно, однако счастливый супруг продолжает тайком мастурбировать. Половые отношения с женой ограничивают и частично нейтрализуют отрицательное воздействие онанизма, но как половой партнер мужчина мало интересен.

А что происходит с мальчиками, которые приобщаются к онанизму в школьные годы?..

Лет десять назад я попал в пионерский лагерь, где имелся «Зал космонавтики». Там были установлены пульт с большим количеством лампочек и кнопок, центрифуга, вращающееся кресло и другое оборудование. Во время занятий инструктор включал лампочки, которые испытуемый должен был моментально гасить нажатием кнопки. Подсчитывалось, сколько нажатий будущий космонавт успеет сделать за минуту. Затем мальчика сажали на центрифугу, она крутилась с немалой скоростью, после чего нужно было опять поработать на пульте.

Сопоставление показало: те мальчики, которые занимались мастурбацией, обнаружили запаздывающую реакцию, меньший объем оперативной памяти и хуже себя чувствовали после центрифуги: их шатало, некоторых даже подташнивало. На пульте эти мальчики делали больше неточных движений.

Поговорите со школьными учи-

телями или воспитателями интернатов. Они вам расскажут, что происходит с мальчиком, который ежедневно предаётся мастурбации. В первую очередь у него пропадает румянец, бледнеют щеки (иногда они приобретают серый цвет), под глазами — темные полукружья. Мальчик реже смеется, ему трудно сосредоточиться. Зато он мгновенно отвлекается. Если задать ему неожиданный вопрос, он чаще всего ответит невпопад. Сфера интересов подростка в это время сужается. Его становится трудно чем-либо всерьез увлечь. Учителя на педсоветах дружно отмечают, что Миша или Слава стали хуже учиться практически по всем предметам, и вызывают родителей.

Мастурбация обедняет, я бы добавил — обкрадывает человека, делает его ранимым, подозрительным, одиноким. Мужчина в компании, в кругу очаровательных собеседниц может иногда похвастать своими любовными победами, но он никогда не отважится сообщить, что занимался (или занимается) онанизмом.

Писатель Леонид Андреев в одном из своих рассказов попытался опозитизировать «акт онанизма». Попытка провалилась. Есть физиологические отправления, которые не поддаются романтизации. Скажем, хронический насморк. Даже в наши дни, когда произошла легализация секс-меньшинств, мастурбанты не рискуют вслух заявить о себе.

По какому же руслу (точнее — руслам) развивается сознание мастурбанта?

В одном необратимом случае мужчина уже никогда не прикаснется к женщине. Это известный вариант феминифобии, страха перед близостью с женщиной, важный для нашего разговора тем, что человек в такой ситуации не

завидует сексуальному благополучию других.

В другом же случае мужчина влюбляется, преодолевает феминифобию, женится. К удовольствию своему, обнаруживает, что еще пригоден для секса, но ему навсегда будет чужда любовная игра, поскольку у него нет потребности в «обратной связи».

Ведь при мастурбации ему не были нужны партнерша, ее взволнованный шепот, ответные движения и прикосновения. Во время близости он будет искать лишь те убогие ощущения, которые испытывал при онанизме. Естественно, что его никогда не будет заботить, испытала ли оргазм женщина. Китайские специалисты назвали такое сексуальное поведение мужчины «мастурбацией в лоно». Мужчина в этой ситуации может быть даже доволен своей судьбой. Обобранной окажется женщина.

Третий случай уже более драматичен. Молодой человек преодолел феминифобию, но в постели его преследуют неудачи: быстрый выброс семени, неспособность удовлетворить женщину. Какой выход он будет искать?

«Трусливый секс». Мужчина продолжает испытывать непреодолимое влечение к женщине, но стесняется своей немощи. «Выходом» становится групповой секс, когда 5—7 мужчин объединяются и приглашают 3—4 «ночных бабочек», которые не нуждаются в том, чтобы их партнеры доказали свое могущество.

«Агрессивный коллективный секс». Обаятельный джентльмен знакомится с молодой дамой, приглашает ее в гости. За столом он подает вино или кофе с сильным снотворным. После этого созывает целую банду, которая несколько часов терзает женщину, находящуюся под наркозом. «Выигрыш»

для джентльменов двойной: можно не стыдиться своей полунеомощи и не надо платить. Выигрыш для гостей может быть только в одном: чтобы проснуться где-нибудь на улице обобранной, даже раздетой, но живой.

От группового криминального секса начинается достаточно короткий путь к индивидуальному. Мастурбант ищет не стыдные для себя варианты: изнасилование старухи («ей все равно»), совращение ребенка. Выходом для некоторых становится даже некрофилия, когда в объект насилия превращается мертвая женщина.

«Любовник с удавкой и ножом».

Андрей Чикатило начал свою половую жизнь с мальчишеской мастурбации, которая перемелалась у него со скотоложеством.

Чикатило испытывал невыразимое унижение при мысли, что кто-нибудь узнает о его свиданиях с буренками. Тогда хоть вешайся. Помимо стыда, существовало опасение, что девушки не захотят иметь с ним дело из простой брезгливости.

Когда же сбылись его мечты и близость с женщиной стала реальностью, обнаружилась ненадежность полового аппарата; в редких случаях он функционировал относительно устойчиво, а чаще всего постыдно подводил. Но больше всего Чикатило удручало то, что близость оказалась для него невыразительной и безрадостной. Уже не возникало прежнего сильного возбуждения, а заканчивалось половое общение с женщиной полувялым выбросом.

Готовясь к свиданию, Чикатило был озабочен тем, станет ли возможной близость, не выплеснет ли он все, едва успев прикоснуться. Если же ему сопутствовала удача, то все внимание его уходило на то, чтобы подольше продержаться. Он почти никогда не ви-

дел лица женщины в эти мгновения. Его сковывал страх: если он сделает неосторожное или слишком смелое движение, то сорвется.

Но, в отличие от мастурбации, в половом акте участвуют двое. И если Чикатило удавалось продержаться дольше обычного, то в иных случаях оживала женщина, она начинала совершать произвольные движения. Однако «обратная связь» в расчеты Чикатило не входила. И его постигала ментальная неудача. Каждый срыв вызывал в нем ожесточение и злость. Однажды, еще не выйдя из женщины, он ударил ее по щеке. Увидев испуг на лице, он снова ударил и впервые ощутил власть над той, которую стеснялся и перед которой столько раз чувствовал непередаваемый стыд. От сознания своего внезапно обретенного превосходства Чикатило испытал небывалое возбуждение и вслед за тем — мощнейший оргазм.

Теперь свои половые акты Чикатило сопровождал укусами, щипками и ударами. Когда женщина от неожиданности и боли вскрикивала, он тоже вскрикивал, все отчетливее понимая: чем громче будут жалобы, просьбы о пощаде и стенания, тем сильнее будут его сексуальные ощущения. Однако, чтобы в этом совершенно убедиться, никто из прежних знакомых ему не годился...

Однажды Чикатило подкараулил, соблазнил и увел в лес молодую женщину. Нетерпение и сила желаний, которые от него исходили, ввели случайную знакомую в заблуждение. Она ждала долгой, мощной, необузданной близости, но то, что на нее обрушилось, не снилось ей в самом страшном сне. Чем громче она кричала, тем больше сладострастия видела в ликующих, почти безумных глазах своего

истязателя. Когда же Чикатило утомился и трезвым взором взглянул на ту, которая согласилась разделить с ним любовь, то ему стало очевидно, что отпускать ее нельзя...

В пятидесяти двух остальных случаях орудием насилия для Чикатило служили уже не столько фаллос, сколько удавка и нож. Ритуалом стало для него: прежде чем убить, непременно искалечить половой аппарат женщины или мальчика. Он мстил таким образом ни в чем перед ним не повинным людям за свое самоуродство.

Экспертиза признала Чикатило вменяемым. Он отдавал себе отчет в том, что творил. Боль других многократно усиливала его эротические ощущения в... мозгу. Главное сексуальное наслаждение он получил внеполовым путем.

...Чикатило, этот самый знаменитый онанист планеты, в феврале 1994 года был расстрелян. За два дня до казни он сделал запись, где выразил пожелание, чтобы на земле «больше не было таких, как я». В камере смертников он раскаялся. На беду нашу, пока что не раскаялись сексологи. А ведь корень несчастья — в их теории. С казнью Чикатило процесс воспроизводства секс-уродов, которые могут стать опасными для общества, не прекратился. Если кто-то сомневается в этом, пусть полистает подшивки газет с объявлением «Розыск!». Вот короткая заметка: «Досрочно освобожденный изнасиловал и убил 7-летнюю девочку».

Сексологи вторгаются в генетику

Жертвами сексуальных извращенцев ежегодно становятся десятки тысяч детей, молодых деву-

шек, женщин. Очередного Чикатило недавно отловили в Подмоскowie. На его совести более десяти жизней. Но даже это не самое страшное. Онанизм ведет к планомерному вырождению белой части населения планеты. Почему только белой? Да потому, что Индия, Китай, арабский мир, африканский континент живут по законам своей сексуальной культуры и в новейших «открытиях» европейских новаторов не нуждаются.

А признаки вырождения «белой расы» — на глазах у всех. Мужчины стали ниже ростом. Облик многих из них приобрел сглаженные, женообразные черты, так что в автобусе порой не понять: кто стоит перед тобой с округлым лицом без растительности, с проколотыми ушами, волосами до плеч — девушка или молодой человек?

Теперь все реже можно встретить мужчину с низким голосом. После смерти диктора Юрия Левитана Российское радио никак не найдет замену его баритону. На оперной сцене стало некому петь басовые партии (равно как и в церковных хорах).

В Европе в средние века мальчиков из церковных хоров в пору полового созревания кастрировали, чтобы сохранить «ангельский голос». Сейчас в этом нет нужды. Большинство эстрадных певцов и без деликатной операции поет высокими голосами.

Еще в начале XX века бритое мужское лицо называли актерским. Неактеры чаще всего носили усы или бороду. В России среди простонародья были приняты бороды длинные и широкие — «лопатой». Сейчас таких нет. Не потому, что не модно, а потому, что не растут.

Таким образом, идет стремительный процесс утраты мужчинами вторичных половых признаков.

«Лучшие мужчины — это женщины», — написал как-то Евтушенко. Он-то желал польстить прекрасно-му полу... А на самом деле обозначил катастрофу: в нынешних женщинах обозначилось немало тех самых черт характера, которые утрачены мужчинами.

Можно ли утверждать, что в процессе стремительной феминизации повинен онанизм? Можно.

Человеческий зародыш бесполой. По мере деления двух слившихся клеток и образования крошечного тела начинает складываться и система внутренней секреции. Мужские и женские гормоны функционируют в этом комочке поначалу с равной интенсивностью. К восьмой неделе, когда будущий человек весит всего 4 грамма, у него начинают формироваться внешние половые органы. Только по ним, когда рождается ребенок, врачи и мать узнают, какого он пола.

Многие мальчики долго потом остаются похожими на девочек. Многие девочки бывают сорванцами, как мальчики. Решительную черту между полами кладет период созревания. Американский психолог Джойс Бразерс в книге «Что каждая женщина должна знать о мужчинах» сообщает: «Ведущую роль в развитии мозга играют половые гормоны». Они определяют не только объем мозга и его возможную профессиональную ориентацию, но прежде всего его пол. Поначалу «биопотенциальный мозг» в зависимости от того, каких гормонов больше, может «развиться и в мужской, и в женский».

Вот мальчик. В его организме вырабатывается и накапливается все больше мужских гормонов. Мальчик вытягивается, крепнет, обрастает мышцами. Голос его делается ломким, а затем и басистым. Растет впечатлительность,

повышается самооценка. Рождаются мечты, планы создать, совершить невероятное. Основанием для них служит ощущение своих беспредельных телесных и умственных возможностей.

Когда же теперь подростку говорят: «Доставь себе удовольствие!» — и он с 13 лет (а то и раньше) начинает выплескивать семя на землю, это означает прежде всего, что полного развития он уже никогда не достигнет. Но и это не все. Из-за чрезмерного расхода половых гормонов в его организме повысится доля женских, что увеличит количество женских черт в его облике и в его характере.

Вот почему амнистию мастурбации следует признать рукотворным «экологическим бедствием». Занятия онанизмом так же губительны для молодых людей, как обрубание отростков корней дерева в пору весеннего цветения.

К сожалению, идет процесс стремительного ухудшения биологической породы людей.

Дошло до нелепейшего анекдота. В России, стране «чудо-богатырей», стало невозможно набрать рослых парней для... охраны Кремля. Понадобилось издать особый циркуляр. Он разрешает направлять в кремлевский полк солдат, которые на три сантиметра ниже своих недавних предшественников.

Военные врачи обнаружили еще одну нешуточную проблему: «дефицит массы тела» — иными словами, недоразвитость скелета и мускулатуры. Сегодня новобранцы с таким «дефицитом» получают улучшенное питание и особую систему физподготовки: иначе им просто не выдержать армейских нагрузок.

Виновато ли в «дефиците массы тела» наше обедненное питание? Безусловно, однако лишь частич-

но. Вспомним, чем питались русские крестьяне в прошлом: хлеб, хлебный квас, пустые щи, каши, картошка, репа, грибы. Изредка — кружка молока. Мясо — исключительно по праздникам. Что брал с собой крестьянин, отправляясь в поле или в дальнюю дорогу? Краюху или целую буханку хлеба, кусок сала, немного крупы или муки на кашу. Но «дефицита массы тела», скажем, у Герасима из «Муму» не было, потому что Герасим в детстве, надо думать, не занимался онанизмом.

Таким образом, амнистия мастурбации обернулась не больше, не меньше, как вмешательством в генетический код. Какие это может иметь последствия, каких «мутантов» получит планета через два-три поколения, пока не способен просчитать ни один компьютер.

Мужская потенция — мерило личностной ценности

В каких единицах, по какой шкале измерялись в прошлом сексуальные возможности мужчины? Отличалась ли их сила от возможностей нынешних мужчин?

В «Аргументах и фактах» промелькнула заметка. Наш современник, американец-мормон (а мормонам разрешено многоженство), завел себе тринадцать жен. Четыре от него ушли. Осталось девять. Они родили ему двадцать три ребенка.

Счастливым муж каждую ночь спит в одной из девяти спален. График посещения составляют сами жены. Бывает, что старшая, не отличаясь особой пылкостью, уступает свою очередь младшей, у которой большие эротические потребности.

Мои знакомые, которым я пере-

сказывал историю американца, будто сговорясь, спрашивали: «А как он с ними справляется?»

От вопросов, как американец справляется с девятью женами, обидно стало за некогда могущественных собратьев. Чтобы окончательно не потерять в них веру, я открыл Библию и прочитал: было у царя Соломона «семьсот жен и триста наложниц». И мне сразу сделалось спокойно на душе.

Конечно, царь Соломон дышал идеально чистым воздухом (сейчас такого нет даже в Антарктиде) и ел экологически чистую пищу. В остальном он был подобен всем нам. Однако из Библии со всей очевидностью следует: тысяча жен не утомляла царя и не истощала его. Наоборот, ежедневная любовь только прибавляла ему силы. «Царь Соломон превосходил всех царей Земли богатством и мудростью», — сообщает Библия. А ведь Соломон был еще и поэтом. Каждое поколение людей вчитывается в поэтические строки этого настоящего мужчины, включенные в Священное Писание наряду с заветами Бога.

Не следует думать, что настоящие мужчины водились только на Востоке. Наш соотечественник князь Владимир, бронзовый портрет которого можно видеть на Владимирской горке в Киеве, имел три гарема. Обитали в них в общей сложности восемьсот красавиц. Об этом поведал Николай Михайлович Карамзин.

А все рекорды Казановы многократно побил также наш россиянин граф Николай Иванович Панин. Это был постоянный любовник Екатерины Великой. При всех ее фаворитах он регулярно появлялся в спальне императрицы раз в неделю. А кроме того, у Панина был громадный гарем из крепостных девушек. Гарем этот был бы

еще больше, если бы Панин трудолюбиво его не обновлял. Тех обитательниц, к которым он охладевал, Панин дарил друзьям или продавал. Взамен поступали новые.

Послы иностранных государств, зная о невероятном сексуальном аппетите Панина и помня о влиянии, которое он имел на Екатерину, доставляли ему девушек из своих стран. Итальянский посол однажды привез ему в подарок сразу трех красавиц. А кроме того, Панин имел многочисленных возлюбленных среди светских дам и артисток.

(Попутно замечу: во времена той же Екатерины Второй некоторые светские дамы имели до трехсот (!) любовников. Привожу этот пример не в качестве призыва к подражанию, а просто для того, чтобы показать, насколько интенсивной и мощной была сексуальная жизнь той поры у нас в России. И словечко «фригидность» не вошло тогда еще в наш язык за отсутствием предмета, его обозначающего.)

Европейская сексология потерпела фиаско

Еще совсем недавно Европу и Америку заселяли «гиганты секса». Сами они в ту пору себя таковыми не считали. Сексуальное могущество мужчин было тогда явлением обыденным. Как и воспламеняемость их жен, которые не оставались безразличными к пылкости и неумоимости своих избранников.

Сегодня на смену вымирающей породе гигантов секса пришли «гиганты» сексологической мысли. Отчетливо видя по характеру жалоб своих пациентов разрушительные последствия амнистии

мастурбации, не имея возможности остановить разрушения, производимые массовым онанизмом, идеологи интиммедслужбы прилагают гигантские усилия к тому, чтобы оправдать сложившееся положение. Секс-наука, пользуясь миллионами людей в проблемах половых отношений, тщится уверить всех нас, что в нашей интимной жизни «все спокойненько». Но факты, которые приводят те же спецы, способны только взбудоражить.

Скажем, на протяжении тысячелетий на всех континентах единичей сексуальных возможностей мужчины считалась ночь. Женщины против любви, измеряемой этой довольно растяжимой единичей, не возражали.

Но чем ближе к нашим дням, тем сильнее ужимается «шагреновая кожа», тем скупее показатели мужских возможностей. На сегодня, если верить сексологам, данные такие: французская любовь длится около получаса, американская — уже в три раза меньше, около десяти минут; в бывших соцстранах «половой акт в норме (?) длится 2—4 минуты». А у нас в России?.. От 3 минут 34 секунд до 1 минуты 14 секунд.

Получасовая французская любовь — тоже не Бог весть что, но все-таки парижанин способен сохранять эротическую активность в 7—15 раз дольше, нежели многие наши соотечественники.

Казалось бы, пытливая сексологическая мысль должна была бы выяснить, в чем истоки относительного гигантизма французских любовников, и разработать рекомендации, как поднять и возможности московских или варшавских мужчин до уровня парижских.

Но пытаться выяснить истоки любовных побед французов или поражений болгар — значит, так или иначе коснуться причин сего-

дняшной сексуальной катастрофы. О причинах же сексологи говорить не желают. На этой теме для них лежит табу.

Что же сексологи все же предпринимают?.. Пытаются оправдать дальнейшее падение мужской потенции. Оправдать любой ценой. Оправдать, несмотря на идиотизм оправданий. В одной работе я прочитал: если мужчина способен во время полового акта на «шесть фрикций» (движений-вхождений), то его потенцию следует считать нормальной.

Возможно, сексологи считают, что это их «открытие» достойно Нобелевской премии. А на деле это издевательство над всеми нами. Человеческую любовь спецы из интиммедслужбы пытаются довести до уровня воробьиной и даже мушиной. Это воробей, господа сексологи, делает свои шесть фрикций, спариваясь с самкой. Это муха-самец делает свои шесть фрикций, налетая на самку.

«А сколько времени должен длиться половой акт? — спросит читатель. — Сколько движений должен сделать мужчина до первого выброса семени, чтобы подарить полное удовлетворение женщине и не меньшее удовлетворение испытать самому?»

По мнению современного китайского сексолога Чжан Жоланя, «хотя бы (!) пять тысяч толчков». Хотя бы...

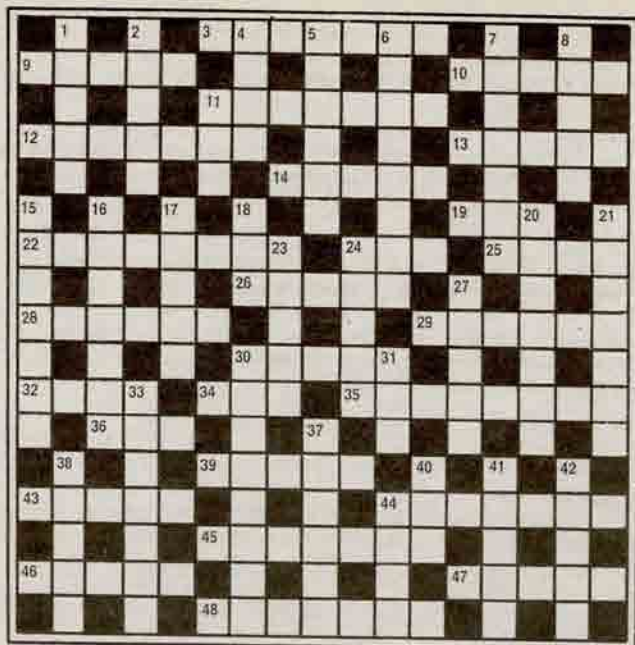
Если средний неторопливый «толчок» длится четыре-пять секунд, то китайская любовь потребует от 20 000 до 25 000 секунд. В одном часе таких секунд 3600. Чтобы произвести 5000 движений, требуется от 6 до 8 часов «чистого времени». Только арифметика позволяет понять смысл слов старинного романа «Ах, зачем эта ночь так была коротка!». На шести-, восьмичасовую близость короткой летней ночи хватить не

могло. Но ведь 6—8 часов — это лишь «чистое время». Значит, любовная ночь могла быть на деле еще длинней.

После этого секс-наука пытается уверить нас в том, что «шесть фрикций» — это норма, что о «шести фрикциях» должна мечтать молодежь, о «шести фрикциях» следует слагать сонеты и петь романсы.

Совершенно очевидно, что европейская сексологическая наука, зараженная вирусом мастурбационного психоза, находится сегодня в безвыходном тупике. Совершенно очевидно, что в ее многочисленных рядах нет ясных (или светлых!) голов, способных осмыслить трагическую ситуацию. Это могло бы стать личным делом сексуальной науки, если бы представители этой профессии, дружно ухватившись за руки, не спихивали бы поодиночке в пропасть всех нас — мужчин и женщин.

Фанатизм этого сталкивания сродни темному фанатизму «Белого братства», когда кучка загадочных личностей с далеко не безупречным прошлым зачем-то готовила нас всех к уходу в преисподнюю...

ЗРУДИТ**По горизонтали.**

3. Ничтожество, ради которого Мария в романе Г. Бёля «Глазами клоуна» бросила мужа. 9. Китайская живопись водяными красками. 10. Рыба из «Баллады о браконьерстве» Е. Евтушенко. 11. Знаменитый немецкий князь, бывший до тридцатидвухлетнего возраста самым заурядным человеком. 12. Страна, где цыган вплоть до XVIII века жгли на кострах и вешали без суда. 13. Одна из специальностей В. Тropicина в его бытность крепостным. 14. Казак-разбойник, превращенный советской идеологией в революционера. 19. Ипостась Бегемота в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». 22. Первая книга Авесты. 24. Индийский царь, герой русского лубка. 25. «Господин Великий Новгород». 26. Художник, родившийся ночью, когда его отец оркестровал оперу «Рогнеда». 28. Воин, смеившийся рыцаря. 29. Огромная птица в буддийской мифологии, движениями крыльев порождающая бурю. 30. Итальянский поэт, официальный певец Наполеона. 32. Помещение в античном храме, где стояло божество. 34. Царь, государь в Древнем Китае. 35. Туркменский ковер, каким накрывают верблюдов. 36. Русское название растения, которым, по преданию, отравился Сократ. 39. Сибирский народ, считающий себя потомком орла. 43. Лекарственное растение, из которого делают мукалтин. 44. Птица, символ долголетия в Корее. 45. Девичья фамилия актрисы, до старости бывшей единственной, по сути, исполнительницей роли Раневской в пьесе А. Чехова «Вишневый сад». 46. Государь

ство-каратель на символическом языке У. Блейка.
47. Основатель профессионального театра в Испании.
48. Прямоугольная колонна, как бы вдавленная в стену.

По вертикали.

1. Родоначальница балалайки, по мнению В. Андреева. 2. Демон засухи в индийской мифологии, побежденный Индрой. 4. Героиня в романе Ж. Ж. Руссо, сказавшая: «Жена угольщика достойнее уважения, нежели любовница принца». 5. «Лунный луч, дробясь, мерцает меж дубами по кустам, и береза воссылает к небу сладкий...» (А. Фет, «Прекрасная ночь»). 6. Русский театральный деятель, считавший, что жизнь — непрерывный «театр для себя». 7. Автор знаменитой книги «Дуэль и смерть Пушкина». 8. Харита, чье имя значит «сияющая». 11. Дань Турции и сбор на подарки султану в Молдавии XVI—XVIII веков. 15. Водоросль, одна из причин «цветения» воды. 16. Русский дипломат, во многом благодаря которому Персия не участвовала в Крымской войне. 17. Самый активный по отношению к азоту химический элемент. 18. Настал... (срок). 20. Мгновение. 21. Серенькая птичка из «Веселого двора» Ивана Бунина. 23. Период геологической истории, длившийся шестьдесят миллионов лет. 24. Служба, отсчет которой начат с упоминания в русских летописях выражений: «послали сказать», «послали весть». 27. «Волнистая линия», мотив орнаментов на поливных гончарных изделиях Самарканда. 30. Композитор, вместе с Леонкавалло положивший начало оперному веризму. 31. Юридическое требование удовлетворения. 33. Металл, монеты из которого во многих странах бросали в новые колодцы. 37. Первое философское порождение буржуазии. 38. Источник деревянного масла. 40. Эпитет, отображающий храбрость Всеволода Святославича в «Слове о полку Игореве». 41. Алеша — сердце. Дмитрий — инстинкт, Иван —... (у Достоевского). 42. Владимирский шов в вышивке (суть). 44. Основа пасимологии.

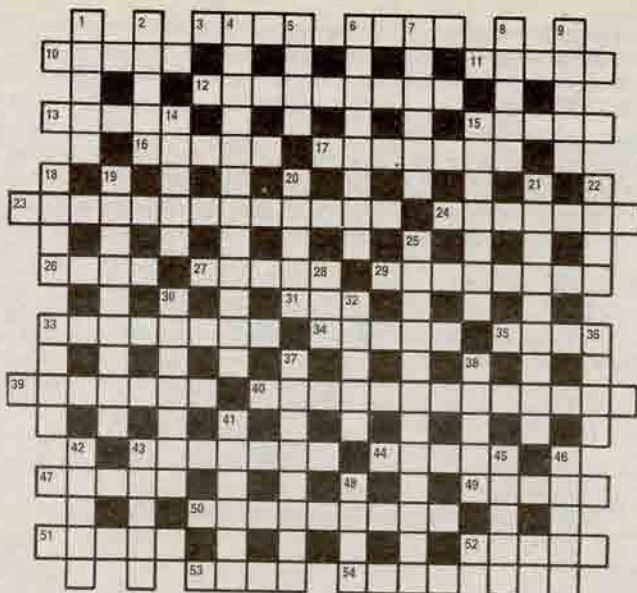
ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали.

5. Гиацинт. 9. Ламантин. 11. Евпраксия. 12. Петрушка. 13. Вол. 15. Росси. 16. Шарф. 19. Вой. 20. Дурис. 22. Лихва. 23. Падуя. 24. Йерех. 30. Вишня. 32. Зиндж. 33. Барон. 34. Аштон. 36. Щап. 38. Юбка. 39. Гюрза. 40. Фет. 44. Гварнери. 45. Экономика. 46. Футуризм. 47. Анданте.

По вертикали.

1. Хлопуша. 2. Амстердам. 3. Индус. 4. ...нитка. 6. Икра. 7. Цекропия. 8. Наибство. 10. Овсов. 14. Лорен. 17. Туя. 18. Чий. 20. Дум. 21. Серна. 25. Жираф. 26. Цин. 27. Удобрение. 28. Матюшкин. 29. Корзинка. 31. «Яшт». 32. Зоз. 35. Харизма. 37. Печка. 41. Авгур. 42. Браун. 43. Смит.

КРОССВОРД
Составил
М. АКУЛИЧ,
Омск

По горизонтали.

3. Среди леса лежит кусок железа (загадка), 6. Диего Марадона для футбольных фанатов, 10. Головной убор русского богатыря, 11. Животное на гербе города Каргополь, 12. Собрание бумажных денежных знаков, 13. Маршал, по совету которого Б. Штоколов оставил воинскую службу, 15. Китайский сельский дом, 16. Французский философ, секретарь П. Гольбаха, 17. Зимний дворец в Петербурге как музей, 23. Лесная бабочка, чьими личинками кормит своих личинок стенная оса, 24. Узкий, часто тайный проход, 26. Спортивное сооружение. В России первое построено в Москве в 1892 году, 27. Кавказец, 29. Полуобезьяна, способная вертеть шейю на сто восемьдесят градусов, 31. Название озер в Бурятии и Монголии, 33. Акцент, 34. Газета, где в двадцатых годах работал М. Булгаков, 35. Основной работник в страду на Руси, 39. Федор Балугев как торговец в рассказе М. Зощенко, 40. Главнaчпулс в драме В. Маяковского «Баня», 43. Советский механик, руководивший разработкой орбитальных станций типа «Салют», 44. Английский ученый, изобретатель термоса, 47. Музыкальный инструмент, без которого в Древней Греции не обходился ни один пир, 49. Материал, из которого сшили парус мифического корабля «Арго», 50. Острова в Океании, где жители считают созвездие Скорпиона рыболовным крючком, которым бог Мауи вытащил из глубин Тихого океана Новую Зеландию, 51. Белолобый в рассказе А. Чехова.

(суть). 52. Мнение, выраженное голосованием. 53. Мост. 54. Постройка для сушки снопов.

По вертикали.

1. Крупное домашнее растение. 2. Дуэт Ленского и Онегина в сцене дуэли как музыкальный эпизод (в опере П. Чайковского «Евгений Онегин»). 4. Противоположность монодии в музыке. 5. Советский артист, которого бразильские журналисты называли «черным пауком». 6. Нервный припадок. 7. Ответ, отзыв. 8. Скандальный кооператив, созданный Э. Рязановым на киностудии. 9. Игра на бильярде пятью шарами. 14. Единственная награда победителю на Олимпиадах в Древней Греции. 15. Боевое построение в античные времена. 18. Крепежная деталь. 19. Язык, созданный Л. Заменгофом. 20. Стрелок из лука Локсли по социальному положению (В. Скотт. «Айвенго»). 21. Препарат из смолы лиственницы, идущий на пластыри и мази от радикулита. 22. Уединенная иноческая келья. 25. Инструмент, введенный Н. Римским-Корсаковым в партитуру оперы «Золотой петушок». 28. Запряжка лошадей гуськом. 30. Порода собак, особь которой была продана за рекордную цену — тридцать две тысячи фунтов стерлингов. 32. Граница. 33. Морская рыба с ядовитой икрой. 36. Русский физиолог, открывший нервы, ускоряющие сердечные сокращения. 37. Жена, провозглашенная Наполеоном императрицей французов. 38. Общественное положение Д. Периньона, создателя шампанского. 41. Топь. 42. Представитель народа, говорящего на идише. 43. Создатель «дробовика российского». 45. Растение, пух которого применяют для изготовления спасательных жилетов. 46. Имя немецкого химика Либиха. 48. «Консервированный луг».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали.

5. Сивер. 7. Орлан. 10. Ионик. 11. Мираж. 13. Чумиза. 14. Оливин. 15. Дофин. 16. Лимит. 17. Централ. 19. Питание. 20. Тевтон. 23. Нерв. 24. Брут. 27. Фантом. 31. Архилох. 34. Раствор. 37. Манул. 38. Затор. 39. Пуленк. 40. Ухорон. 41. Такин. 42. Раков. 43. Тенес. 44. Экран.

По вертикали.

1. Финифть. 2. Деканат. 3. Ермолин. 4. Нариман (Нариманов). 5. Сомон. 6. Визир. 8. Дилит. 9. ...Навин. 10. Иудея. 12. Житие. 18. Ленбах. 19. Повтор. 21. Верн. 22. Трут. 25. Ярмут. 26. Гинекей. 27. Фолкнер. 28. Мазурка. 29. Оттокар. 30. Боров. 32. Халат. 33. Луини. 35. Сахар. 36. Ворон.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного
гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

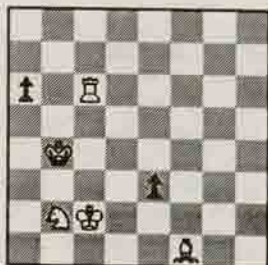
Завершаем публикацию итогов II международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1993 год. В конкурсе многоходовок участвовало 177 задач 64 авторов (опубликовано 26). Из конкурса исключены: № 11 — из-за предшественника, №№ 41, 43, 57, 75 — из-за побочных решений, № 87 — как опубликованная ранее.

Присуждение предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев после публикации итогов.

I приз

М. МАРАНДЮК

г. Новоселица, Украина

Мат в 4 хода

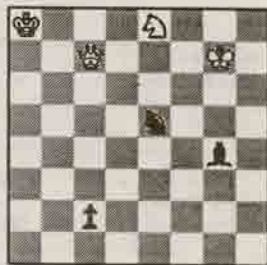
1. Сс4? (2.Кd3) а5!, 1. Лс4 Крb5!
(Кра5? 2. Ка4!). 1. Се2! — цугцванг!
1...Кра5 2. Сс4! Крb4 3. Кd3 Кра5
4. Ла6х, 1...а5 2. Лс4 Крb5 3. Ка4
Кра6 4. Лс7х.

Логическая задача с двумя вариантами, заканчивающимися правильными матами (красив редкий батарейный мат!). Приятны геометрические мотивы: защиты черных на поле а5 и вторые ходы белых на поле с4.

II приз

В. МЕЛЬНИЧЕНКО

г. Котовск, Украина

Мат в 4 хода

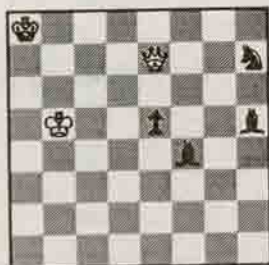
1. Фb6? с1Ф!
1. Кd6! Сf3 2. Кb5 Кс6 3. Фb6!
и 4. Кс7х.

Простая, но четкая логическая комбинация: маневром белого коня вынуждается перекрытие вертикали «с», после чего возможно осуществление главного плана.

III приз

В. ЩЕРБИНА

Донецк, Украина

Мат в 5 ходов

1. Krb6? Ce3 2. Krc7 Kf6!
1. Krc6 Cf3 2. Krc7 e4 3. Krb6 Ce3
4. Krc6! и 5. Фb7х.

Здесь игра острее и тоньше, чем в предыдущей задаче, но логическая канва не столь четкая, а механизм достаточно избит.

Интересно, что все три призовые задачи представляют логическое направление!

1-й почетный отзыв — задаче № 93 **М. Марандюка** (Украина). Пунктирное движение белой пешки в ферзи с помощью промежуточных шагов белой ладьи.

2-й почетный отзыв — задаче № 86 **В. Щербины** (Украина). Цель маневра белого коня — перекрытие 7-й горизонтали. Однако после немедленного 1. Kg7? Lh8! белые оказываются в цугцванге. Следует потерять темп и попасть на 7-ю горизонталь в два приема.

3-й почетный отзыв — задаче

№ 44 **М. Власова** (г. Кудымкар). В двух близнецах меняются функции слона и ладьи белых: в первом — образуется и «стреляет» ладейно-слоновая батарея, во втором — слонovo-ладейная.

4-й почетный отзыв — задаче № 45 **В. Гребешкова** (п. Середка Псковской обл.). Малютка с маршем белой пешки из начального положения до поля превращения (в слона!).

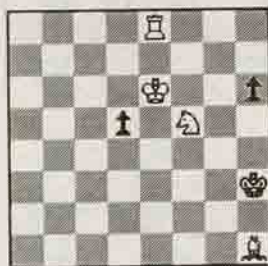
5-й почетный отзыв — задаче № 42 **В. Гаврилова** (Москва). Отличное вступление ведет к двум вариантам с правильными матами.

Похвальные отзывы (на равных) — задачам № 8 **В. Самило** (Харьков), № 30 **М. Власова** (г. Кудымкар), № 49 **В. Кожакина** (Магадан), № 78 **В. Шильникова** (г. Асбест Свердловской обл.), № 92 **В. Иванова** (п. Повенец, Карелия) и **Е. Маркова** (Саратов).

Специальный приз

Н. ЗИНОВЬЕВ

Усть-Каменогорск, Казахстан

Мат в 4 хода

1. Lg8? h5 2. Kd4 Kph2 3. Kf3 Kph3
4. Cg2x, 3...Kph1 4. Lg1x, 1...d4
2. Cf3 Kph2 3. Lg2 Kph1 4. Kg3x,
но 3...Kph3! 1. Krf6! h5 2. Cf3 (угроза)
Kph2 3. Le1 и 4. Lh1x, 1. Kpg4
2. Lh8! Kpf4 3. Lh6 Kpg4 4. Lh4x,
2...h5 3. Lh5! Kph5 4. Cf3x

В ложном следе и решении — 6 правильных матов.

«СМЕНА»-95

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: повесть Тритория Глазова «Запах лаванды», фантастический роман Гарри Таррисона «Мунит вторжения — Земля», роман Джорджа Эффинджера «Когда под ногами бездна», а также детективные повести и романы Николая Леонова, Мэри Кэй Симмонс, Жака Брюса, Шарля Эксбрюя. В каждом номере вас ждет интересный очерк о малоизвестных страницах русской истории.

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на журнал
«СМЕНА»

70820

(индекс издания)

Количество комплектов

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

70820

на журнал

(индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

«СМЕНА»

Стои-мость

подписки пере-адресовки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество комплек-тов

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-95

Это 3900 рублей за один номер, 11 700 — за три, полугодовая подписка — 23 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

Д. С. БАКСТ. Красная султанша. 1910 г.

А. Я. ГОЛОВИН. Испанка. 1908 г.

(Читайте стр. 14)

Ф. А. МАЛВИН. Баба. 1903 г.

2400

Музыкальная антенна представляет: